Федеральное государственое бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский государственый экономический университет»

На правах рукописи

Ковалев Виктор Евгеньевич

РАЗВИТИЕ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ФАКТОРОВ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ

Специальность 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством
(экономика, организация и управление предприятиями, отраслями,
комплексами – АПК и сельское хозяйство)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени доктора экономических наук

Научный консультант:
доктор экономических наук,
профессор, академик РАН
Сёмин Александр Николаевич

Екатеринбург – 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИНТЕГРАЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ФАКТОРОВ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ НА АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ 23
1.1 Сущность интеграционного воздействия факторов внешней среды и особенности его проявления в аграрной сфере экономики 23
1.2 Механизмы интеграционного воздействия внешней среды на агропродовольственный сектор экономики в условиях функционирования института Всемирной торговой организации 48
1.3 Эволюция процессов интеграционного воздействия внешней среды на постсоветском пространстве и дуальный характер его реализации в агропродовольственном секторе экономики 74
ГЛАВА 2. АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ РОССИИ КАК КЛЮЧЕВАЯ ДЕТЕРМИНАНТА ЭФФЕКТИВНОГО СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ 96
2.1 Развитие категориально-понятийного аппарата, используемого для оценки глубины интеграции национального агропродовольственного сектора 96
2.2 Экономические условия агропромышленной деятельности и динамика межгосударственной агропродовольственной интеграции 122
2.3 Агропродовольственный сектор экономики России как центральное звено в процессах формирования и развития ядра аграрной интеграции 141
ГЛАВА 3. ВОЗДЕЙСТВИЕ ТАМОЖЕННЫХ ЭФФЕКТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ РОССИИ 168
3.1 Сущность таможенных эффектов и особенности их воздействия на агропродовольственный сектор 168

3.2 Влияние разноскоростного вступления стран – членов евразийской агропродовольственной системы в ВТО на эффективность работы российского агропродовольственного сектора 187
3.3 Разработка алгоритма сокращения негативного воздействия таможенного эффекта реэкспорта санкционной агропродукции и продовольствия на эффективность политики опережающего импортозамещения в агропродовольственном секторе 205
3.4 Таможенный эффект от поставок на рынок России агропродовольственных товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, в условиях противоречий государственного регулирования 231
ГЛАВА 4. ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЕВРАЗИЙСКОЙ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ 248
4.1 Концепция формирования организационно-экономического механизма функционирования агропродовольственного сектора экономики России 248
4.2 Базовые элементы и компоненты организационно-экономического механизма функционирования агропродовольственного сектора экономики России 259
4.3 Принципы и особенности реализации организационно-экономического механизма функционирования агропродовольственного сектора экономики России 275
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 288
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 297
Приложение А – Ключевые форматы интеграционных инициатив, оказывающих воздействие на агропродовольственный сектор экономики России 342
Приложение Б – Краткая информация об исполнении федерального бюджета 344
Приложение В – Разработанные и принятые нормативные правовые документы по направлению «Прогнозирование в АПК» 345

Приложение Г – Разработанные и принятые нормативные правовые документы по направлению «Государственная поддержка сельского хозяйства» 347
Приложение Д – Разработанные и принятые нормативные правовые документы по направлению «Регулирование общего аграрного рынка» 348
Приложение Е – Разработанные и принятые нормативные правовые документы по направлению «Единые требования в сфере производства и обращения продукции» 349
Приложение Ж – Разработанные и принятые нормативные правовые документы по направлению «Развитие экспорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия» 350
Приложение И – Разработанные и принятые нормативные правовые документы по направлению «Научное и инновационное развитие АПК» 351
Приложение К – Разработанные и принятые нормативные правовые документы по направлению «Интегрированное информационное обеспечение АПК» 352
Приложение Л – География импорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья для их производства 353
Приложение М – Импорт сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия 354
Приложение Н – Производство основных видов импортозамещающих пищевых продуктов в Российской Федерации 357
Приложение П – Производство основных видов импортозамещающих пищевых продуктов в Российской Федерации 359

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Агропродовольственный сектор экономики России, оставаясь стратегически важной отраслью для нашей страны, в настоящее время характеризуется качественно новой парадигмой межгосударственного взаимодействия в условиях возникновения, становления и развития надгосударственных начал, вызванных интенсивными процессами интеграционного воздействия факторов внешней среды.

За очень короткий отрезок времени, по меркам мировой практики, отдельные государства постсоветского пространства совершили серьезный рывок в объединении своих усилий по формированию интеграционных структур и последующей их институционально-инфраструктурной, экономической, правовой и организационно-управленческой эволюции. Возникло понятие «евразийская экономическая интеграция», которое является комплексным, многоаспектным и междисциплинарным по своей сути, проявляет себя через большое количество сложных и противоречивых факторов интеграционного воздействия, затрагивающих агропродовольственный сектор экономики России. Дуальность характера интеграционного воздействия факторов внешней среды формирует целый спектр сложных методологических научных проблем, от решения которых, во многом зависит эффективность межгосударственного взаимодействия в сфере АПК и эффективность развития агропродовольственного сектора национальной экономики. С одной стороны, это более широкий по составу стран-участников формат зоны свободной торговли в рамках СНГ, предоставляющий полную самостоятельность в проведении агропромышленной политики государствам, участвующим в данном интеграционном объединении, а с другой стороны, это более узкий формат, реализуемый сначала на базе Евразийского экономического сообщества (таможенный союз с 2010 по 2011 г., единое экономическое пространство с 2012 по 2014 г.), а затем Евразийского экономического союза (с 2015 г. по настоящее время) и предусматривающий гораздо большее проникновение надгосударственных начал в систему межгосударственного

взаимодействия в различных секторах экономики, включая, безусловно, сельское хозяйство и аграрные рынки.

Происходит становление и развитие принципиально нового категориально-понятийного аппарата в аграрной экономике, который требует уточнения и развития для последующего обоснования глубины интеграции национальных АПК в евразийской агропродовольственной системе, выявления и обоснования ключевых детерминант возможных конфликтов национальных интересов в сфере АПК через реформирование системы государственного регулирования. В научный оборот постепенно начинают входить такие понятия, как «согласованная политика», «скоординированная политика», «единая политика», появляются новые сложные и комплексные экономические категории, связанные с развитием и функционированием агропродовольственного сектора экономики в условиях интенсификации и углубления интеграционного воздействия факторов внешней среды: «препятствия», «барьеры», «изъятия», «ограничения». Эти дефиниции требуют обратить на себя самое пристальное внимание ученых, занимающихся исследованием аграрной экономики, так как без них уже невозможно себе представить эффективное развитие отечественного АПК.

Процессы проникновения надгосударственных начал в агропродовольственный сектор экономики России в условиях агрессивной внешней среды и появления новых экстремальных факторов в последние годы, сегодня становятся гораздо более сложным явлением, чем это было еще несколько лет назад. Эффекты для АПК, возникающие в результате интеграционного воздействия факторов внешней среды, также значительно различаются. Это связано и со стадиями интеграции, на которой сегодня находится то или иное объединение на евразийском пространстве, его организационно-управленческой зрелостью, механизмами взаимодействия отдельных членов объединения с глобальными институтами, например, Всемирной торговой организацией (ВТО), развитием процессов конвергенции и дивергенции в результате создания регионального интеграционного объединения и другими вызовами. АПК, являясь стратегически важной

отраслью для безопасного развития любого государства, требует при этом особого отношения, с точки зрения обоснования, взвешенности управленческих решений.

Принципиальной новой, малоизученной научной проблемой в сфере аграрной экономики, сегодня является интеграционное воздействие факторов внешней среды, направленных на агропродовольственный сектор экономики России и национальный АПК под влиянием существенного изменения условий и механизмов таможенного регулирования аграрных рынков евразийской агропродовольственной системы, что приводит к возникновению новых рисков и вызовов эффективного использования инструментов таможенного контроля и государственного регулирования товарообмена продукции АПК.

Встраивание агропродовольственного сектора экономики России в формат общего аграрного рынка евразийской агропродовольственной системы может предоставлять отечественным предприятиям ряд значимых общеэкономических преимуществ, включая реализацию механизма равного доступа на общий аграрный рынок, возрождение кооперационных связей и активизацию создания совместных предприятий, обеспечивающих появление новых рабочих мест в различных отраслях АПК, повышение объема взаимных инвестиций и реализацию программ совместных НИОКР, направленных на повышение эффективности функционирования отрасли. Однако принципиально новые условия взаимодействия национальных и межгосударственных институтов евразийской агропродовольственной системы, хозяйствующих субъектов АПК и иных акторов глобальной агропродовольственной среды в условиях становления и развития рыночных отношений, методов их экономического регулирования в формате общего аграрного рынка, требует серьезных усилий по анализу, обобщению и систематизации разноаспектных теоретических и прикладных научных исследований в этой области, разработке теоретико-методологических положений, призванных усилить данную область знаний национальной аграрной экономики.

Степень научной разработанности исследуемой проблемы. Теоретическим аспектам интеграционного воздействия, вопросам влияния процессов экономической регионализации на отраслевое развитие посвящены фундаментальные научные труды таких зарубежных исследователей, как Арвинд Панагария (Arvind Panagarariya), Бела Баласса (Балашша) (Bela Balassa), Гуннар Мюрдаль (Gunnar Myrdal), Джейкоб Вайнер (Jacob Viner), Джеймс Мид (James Meade), Джагдиш Бхагвати (Jagdish Bhagwati), Джозеф Стиглиц (Joseph Stiglitz), Пол Кругман (Paul Robin Krugman), Ричард Болдуин (Richard Baldwin), Стаффан Линдер (Staffan Burenstam Linder), Фриц Махлуп (Fritz Machlup), Ян Тинберген (Jan Tinbergen) и др.

В отечественной экономической науке, вопросам интеграционного воздействия факторов внешней среды на постсоветском пространстве, включая исследование различных аспектов евразийской интеграции, посвящены научные труды таких специалистов, как Ю.А. Борко, О.В. Буторина, Л.Б. Вардомский, С.Ю. Глазьев, С.П. Глинкина, М.Ю. Головнин, Р.С. Гринберг, Л.З. Зевин, А.Ю. Кнобель, А.М. Либман, Т.А. Мансуров, В.С. Паньков, В.В. Перская, Б.М. Смитиенко, Д.И. Ушкалова, Б.А. Хейфец, Н.П. Шмелев, Ю.В. Шишков и др.

Исследованиям в области влияния ВТО на развитие национальной экономики посвящены научные труды таких авторов, как И.И. Дюмулен, А.В. Данильцев, Н.Н. Ливенцев, М.Ю. Медведков, Т.М. Исаченко, А.П. Портанский, С.Ф. Сутырин, З.Б. Хмельницкая и др.

Экономические основы системы сельского хозяйства, хозяйственный механизм в системе агропромышленного комплекса, особенности функционирования аграрных рынков были предметов исследований крупнейших отечественных ученых Н.Д. Кондратьева, А.А. Никонова, А.В. Чаянова и др.

Исследование научных проблем, затрагивающих совершенствование организации управления в АПК, государственную аграрную политику и развитие организационно-экономического механизма рыночных отношений в аграрной сфере, вопросы влияния на АПК экономической интеграции нашли отражение в научных работах таких ученых, как А.И. Алтухов, А.А. Анфиногентова,

Г.В. Беспахотный, И.Н. Буздалов, А.И. Костяев, Э.Н. Крылатых, А.В. Петриков, И.С. Санду, А.Ф. Серков, А.Н. Сёмин, И.Г. Ушачев, В.А. Кундиус, И.А. Минаков, Л.Б. Винничек, Е.И. Семенова, С.А. Шелковников, А.А. Шутьков и др.

Вопросам развития агропродовольственного сектора в условиях контрсанкционной политики в сфере АПК, импортозамещению и экспорторасширению в отечественном сельском хозяйстве уделяли значительное внимание такие исследователи, как И.Г. Ушачев, Н.Д. Аварский, У.Г. Гусманов, Р.У. Гусманов, В.А. Клюкач, В.В. Маслова, А.Н. Осипов, С.Н. Серегин, В.С. Чекалин и др.

АПК России в системе мирохозяйственных связей, аграрная интеграция, внешнеэкономическая деятельность предприятий АПК и аграрные аспекты вступления России в ВТО были предметом исследований в научных трудах таких ученых, как В.И. Назаренко, А.Г. Папцов, В.В. Милосердов, А.Я. Кибиров, С.В. Киселев, Н.А. Киреева, В.З. Мазлоев, И.В. Кобута, В.В. Перская, В.В. Рау, Е.В. Серова, Р.Г. Янбых, В.Я. Узун, Б.Е. Фрумкин, Г.И. Шмелев и др.

Уральская научная школа аграрной экономики представлена работами таких исследователей, как Т.И. Бухтиярова, Б.А. Воронин, Ю.В. Лысенко, А.Н. Митин, В.И. Набоков, В.П. Неганова, Н.А. Потехин, А.Л. Пустуев, О.Д. Рубаева, А.Г. Светлаков, И.П. Чупина, В.М. Шарапова и др.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что, несмотря на серьезный вклад перечисленных и многих других исследователей в решение важных теоретических и прикладных задач, предопределяемых областью проблематики диссертационного исследования, многие теоретико-методологические и практические проблемы развития агропродовольственного сектора в условиях интеграционного воздействия факторов внешней среды требуют дальнейшего исследования. Эти обстоятельства обосновывают актуальность диссертационной работы, предопределяют выбор темы исследования, его объект и предмет, формулировку цели и задач.

Объект исследования – агропродовольственный сектор экономики России.

Область исследования соответствует требованиям паспорта специальности ВАК РФ 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (АПК и сельское хозяйство):

1.2.31. Функционирование и развитие агропродовольственных и ресурсных рынков АПК, методы их защиты;

1.2.32. Государственное регулирование сельского хозяйства и других отраслей АПК;

1.2.43. Экономические проблемы формирования и функционирования интегрированных структур в АПК и сельском хозяйстве;

1.2.51. Продовольственная безопасность страны, последствия мирового продовольственного кризиса, аграрные аспекты присоединения России к Всемирной торговой организации.

Предмет исследования – совокупность экономических и организационно-управленческих отношений в агропродовольственном секторе экономики, развивающихся под интеграционным воздействием факторов внешней среды.

Целью диссертационного исследования является решение комплексной научной задачи, посвященной разработке теоретико-методологических положений и практических рекомендаций, направленных на выявление факторов интеграционного воздействия внешней среды, развитие агропродовольственного сектора экономики России и повышение эффективности его функционирования.

Для достижения поставленной цели, более полного и всестороннего изучения предмета и объекта исследования в диссертационной работе предлагается решение следующих **задач**:

- уточнить и развить категориально-понятийный аппарат, используемый для оценки глубины интеграции агропродовольственного сектора экономики России в евразийскую агропродовольственную систему в условиях трансформации факторов интеграционного воздействия внешней среды;

- обосновать роль агропродовольственного сектора экономики России как центрального звена в процессах формирования и развития ядра аграрной интеграции евразийской агропродовольственной системы, требующего серьезной

трансформации механизмов государственного регулирования отечественного АПК с учетом формирования модели «ядро – полупериферия – периферия»;

- разработать научно-практическую концепцию выявления и систематизации таможенных эффектов, направленных на АПК России, через процессы существенного изменения условий и механизмов функционирования системы таможенного регулирования аграрных рынков;

- разработать алгоритм, определяющий особенности формирования механизма государственного регулирования рыночных отношений в агропродовольственном секторе экономики России, воздействие которого направлено на сокращение негативного таможенного эффекта от реэкспортных схем поставок санкционной агропродукции и продовольствия;

- обосновать роль экономико-правовых изъятий, воздействующих на агропродовольственный сектор экономики России и вызванных разноскоростным вступлением стран – участниц евразийского интеграционного проекта в ВТО, с учетом принятых странами тарифных обязательств в сфере АПК;

- раскрыть и систематизировать группу проблем, касающихся торговых ограничений перемещения отдельных товаров пищевой промышленности с высокой добавленной стоимостью на агропродовольственный рынок России;

- в условиях диалектического противоречия процессов интеграционного воздействия факторов внешней среды выявить и раскрыть стратегические детерминанты развития агропродовольственного сектора экономики России и предложить базовые элементы организационно-экономического механизма повышения эффективности его функционирования.

Научная новизна исследования заключается в разработке и обосновании теоретико-методологических положений формирования и функционирования агропродовольственного сектора экономики России под воздействием трансформации интеграционного воздействия факторов внешней среды, позволяющих усилить научную парадигму эффективного функционирования АПК России.

В диссертационном исследовании достигнуты следующие теоретико-методологические результаты, являющиеся предметом защиты и определяющие научную новизну:

1. Выделены и классифицированы этапы трансформации внешней среды, позволяющие уточнить и развить категориально-понятийный аппарат, используемый для оценки глубины интеграции агропродовольственного сектора России в евразийскую агропродовольственную систему через возможность реализации согласованной, скоординированной или единой агропромышленной политики и обосновать детерминанты возможных конфликтов национальных интересов в сфере АПК через реформирование системы государственного регулирования. Выявлены и систематизированы факторы, препятствующие более глубокой интеграции рынков евразийской агропродовольственной системы. Дана оценка уровню воздействия препятствий (барьеры, изъятия, ограничения) и экстремальных факторов, действующих на общем рынке евразийской агропродовольственной системы. Построена матрица глубины интеграции рынков евразийской агропродовольственной системы (соответствует п. 1.2.32 «Государственное регулирование сельского хозяйства и других отраслей АПК» Паспорта специальностей ВАК РФ 08.00.05).

2. На основании потенциала теории «центр – периферия» обоснована роль агропродовольственного сектора экономики России как центрального звена в процессах формирования и развития ядра аграрной интеграции евразийской агропродовольственной системы, требующего серьезной трансформации механизмов государственного регулирования отечественного АПК с учетом формирования модели «ядро – полупериферия – периферия» и существенного повышения внимания к оценке влияния интеграционного воздействия факторов внешней среды по мере продвижения государств от периферии к ядру модели. Разработан интегральный показатель, определяющий эффективность политики, проводимой в евразийской агропродовольственной системе (соответствует п. 1.2.43 «Экономические проблемы формирования и функционирования

интегрированных структур в АПК и сельском хозяйстве» Паспорта специальностей ВАК РФ 08.00.05).

3. Разработана научно-практическая концепция выявления и систематизации таможенных эффектов, направленных на агропродовольственный сектор экономики России и национальный АПК под влиянием существенного изменения условий и механизмов таможенного регулирования аграрных рынков евразийской агропродовольственной системы, что приводит к возникновению новых рисков и вызовов для государственного регулирования товарообмена продукции АПК на российском рынке. Установлено, что наиболее значимым таможенным эффектом, возникающим для агропродовольственного сектора экономики России на протяжении с 2014 г. по настоящее время, является результат трансформации таможенного регулирования аграрных рынков евразийской агропродовольственной системы под действием национальной политики продовольственных санкций, проводимой Россией в интересах ускоренного импортозамещения. Доказано, что данный эффект является следствием серьезного экономико-правового изъятия в принципах функционирования единой таможенной территории евразийской агропродовольственной системы и служит катализатором, препятствующим обеспечению справедливой конкуренции между субъектами стран Евразийского экономического союза, в том числе равных условий доступа на общий аграрный рынок, предопределяет необходимость создания эффективного национального механизма мониторинга и сокращения негативного влияния данного таможенного эффекта в интересах ускоренного импортозамещения в АПК России, повышения эффективности развития агропродовольственного сектора национальной экономики (соответствует п. 1.2.31 «Функционирование и развитие агропродовольственных и ресурсных рынков АПК, методы их защиты» Паспорта специальностей ВАК РФ 08.00.05).

4. Разработан алгоритм, определяющий особенности формирования механизма государственного регулирования рыночных отношений в АПК России с учетом реализуемых принципов ускоренного импортозамещения и экспорторасширения, воздействие которого направлено на сокращение

негативного таможенного эффекта от реэкспортных схем поставок санкционной агропродукции и продовольствия. Представленный алгоритм включает в себя пять взаимосвязанных этапов: 1) закупка санкционной в России продовольственной продукции контрагентами, расположенными на территории государств – участников Евразийского экономического союза; 2) нелегальная отправка образцов продукции в Россию для сертификации и получение деклараций о соответствии товаров; 3) закупка продуктов с сомнительной сертификацией российскими компаниями – участницами ВЭД; 4) поступление выручки с продаж на расчетные счета российских компаний; 5) перевод денежных средств контрагентам в страны Евразийского экономического союза. Применение данного алгоритма позволяет усилить меры воздействия контрольно-надзорных органов Российской Федерации в системе государственного регулирования аграрных рынков и интеграционного взаимодействия субъектов хозяйствования АПК (соответствует п. 1.2.32 «Государственное регулирование сельского хозяйства и других отраслей АПК» Паспорта специальностей ВАК РФ 08.00.05).

5. Обоснована роль экономико-правовых изъятий, воздействующих на агропродовольственный сектор экономики России и вызванных вступлением России в ВТО, с учетом принятых нашей страной тарифных обязательств в сфере АПК, а также последующим вступлением Казахстана в ВТО и расхождением его тарифных обязательств на продукцию АПК с тарифными обязательствами России в условиях функционирования единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза. Выделены основные последствия данных экономико-правовых изъятий для агропродовольственного сектора экономики России, с учетом присоединения к Евразийскому экономическому союзу в качестве членов ВТО Республики Армения и Киргизской Республики, рисков от присоединения к ВТО Республики Беларусь в качестве полноформатного участника Евразийского экономического союза (соответствует п. 1.2.51 «Продовольственная безопасность страны, последствия мирового

продовольственного кризиса, аграрные аспекты присоединения России к Всемирной торговой организации» Паспорта специальностей ВАК РФ 08.00.05).

6. Раскрыта и систематизирована группа проблем, способствующих возникновению конфликта национальных интересов в евразийской агропродовольственной системе в результате перемещения отдельных товаров пищевой промышленности с высокой добавленной стоимостью на рынок России и вызванная отсутствием полной гармонизации наднационального экономико-правового регулирования объектов интеллектуальной собственности, что серьезно ограничивает перемещение между странами евразийской агропродовольственной системы в рамках общего внутреннего рынка товаров пищевой промышленности, маркированных отдельными товарными знаками, наносит экономический ущерб российским предприятиям пищевой промышленности и затрудняет эффективную реализацию концепции «четырех свобод» (соответствует п. 1.2.31 «Функционирование и развитие агропродовольственных и ресурсных рынков АПК, методы их защиты» Паспорта специальностей ВАК РФ 08.00. 05).

7. В условиях диалектического противоречия процессов интеграционного воздействия факторов внешней среды, выявлены и раскрыты стратегические детерминанты развития агропродовольственного сектора экономики России, предложены базовые элементы организационно-экономического механизма повышения эффективности его функционирования как составной части механизма согласованной (скоординированной) агропромышленной политики Евразийского экономического союза (соответствует п. 1.2.32 «Государственное регулирование сельского хозяйства и других отраслей АПК» Паспорта специальностей ВАК РФ 08.00.05).

Теоретическая значимость результатов диссертационного исследования состоит в том, что сформулированные положения, полученные выводы и результаты развивают и дополняют ряд разделов аграрной экономики, в том числе при исследовании процессов экономической интеграции и оценке их влияния на развитие АПК и сельского хозяйства, позволяют уточнить, развить и дополнить категориально-понятийный аппарат, используемый для оценки

глубины интеграции агропродовольственного сектора России в евразийскую агропродовольственную систему, обосновать детерминанты возможных конфликтов национальных интересов в сфере АПК через реформирование системы государственного регулирования. Раздел аграрной экономики, посвященный вопросам взаимодействия АПК с системой многостороннего регулирования международной торговли, может быть серьезно дополнен разработанными в диссертационном исследовании методологическими основами анализа аграрных аспектов присоединения России к Всемирной торговой организациии в условиях разноскоростного принятия тарифных обязательств стран – членов Евразийского экономического союза перед ВТО на сельскохозяйственную продукцию и продовольствие.

Практическая значимость результатов исследования заключается в возможностях их использования федеральными и региональными органами власти и управления в качестве научно-методической основы при разработке стратегий, программ, законопроектов в рамках реализации отдельных этапов совершенствования государственного регулирования агропродовольственного сектора экономики России, использования наднациональными органами власти при совершенствовании механизмов реализации согласованной, скоординированной, единой политики в евразийской агропродовольственной системе, производителями сельскохозяйственной продукции и продовольствия для повышения обоснованности управленческих решений при выборе механизмов работы на аграрном рынке Евразийского экономического союза, государственными и коммерческими структурами, связанными с аграрным консалтингом и внешнеэкономическим комплексом, при развитии эффективных экономических, правовых и торгово-политических механизмов государственного регулирования АПК, стимулирующих развитие и повышение эффективности внешнеэкономических связей в сельском хозяйстве. Материалы диссертационного исследования могут применяться в образовательном процессе при чтении лекций и проведения семинарских занятий по спектру дисциплин, затрагивающих вопросы экономического развития АПК, государственного регулирования

агропродовольственного сектора экономики, вопросы интеграционного воздействия факторов внешней среды, становления и развития евразийской агропродовольственной системы, таможенные инструменты торговой политики и механизмы государственного регулирования работы предприятий АПК в условиях ВТО, для студентов бакалавриата и магистратуры, для курсов повышения квалификации должностных лиц таможенных органов РФ, при поведении семинаров и экспертных сессий для участников ВЭД, производителей сельскохозяйственной продукции и продовольствия, торгово-посреднических фирм, занимающихся реализацией продукции АПК на рынках стран – членов Евразийского экономического союза.

Обоснованность и достоверность научных результатов, положений и рекомендаций, содержащихся в исследовании, обеспечивается применением комплекса общенаучных и специальных методов познания, релевантных цели и задачам диссертационной работы, опорой на фундаментальные труды в сфере аграрной экономики и международных экономических отношений, формулировкой выводов и рекомендаций после поиска, обработки, анализа и интерпретации серьезного массива нормативно-правовой и статистической информации.

Теоретическую и методологическую основу диссертационного исследования составляет совокупность научных представлений, имеющих различные концептуальные основания. В их числе: фундаментальные положения теории экономической интеграции, аграрной экономики как составной части экономической теории, институциональной теории, центр-периферийной парадигмы в географии, позволяющие через междисциплинарный подход, что объясняется сложностью характеристик исследуемого объекта, разработать и обосновать ряд теоретико-методологических основ формирования и развития АПК России в евразийской агропродовольственной системе. Комплексный и системный подход, используемый в работе, учитывает совокупность организационно-экономических, правовых и институциональных факторов, оказывающих влияние на управление устойчивым развитием АПК России в интеграционном блоке

Евразийского экономического союза. В качестве теоретической и методической составляющей базы исследования рассматривались работы российских и иностранных ученых, посвященных анализу факторов интеграционного воздействия внешней среды, исследованию АПК и сельского хозяйства, включая труды, посвященные экономическому анализу аграрной сферы стран Евразийского экономического союза, труды в области экономической географии, исследования, посвященные особенностям таможенного регулирования в евразийской агропродовольственной системе и вопросам взаимодействия государств – членов Евразийского экономического союза с ВТО.

В процессе работы над диссертационным исследованием применялись **общенаучные и специальные методические подходы**, включая диалектический метод, методы дедукции и обобщения (индукции), анализа и синтеза, метод абстрагирования, сравнительных оценок, статистическо-экономический и табличный подход, графический способ. **Информационную базу** исследования составляют труды ученых РАН, официальные статистические данные Евразийской экономической комиссии, Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО), Федеральной таможенной службы (ФТС России); нормативные документы наднационального и федерального уровня; данные отраслевых министерств стран – членов ЕАЭС; справочники международных организаций и специализированные издания по тематике проводимого исследования; материалы участников внешнеэкономической деятельности, присутствующих на аграрных рынках евразийской агропродовольственной системы; данные глобальной сети Интернет (порталы, посвященные функционированию АПК в странах – членах Евразийского экономического союза, производству и сбыту сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, статьи и обзоры).

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные теоретико-методологические результаты диссертационного исследования использованы в рамках реализации:

- проекта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) (2018-2019 гг., рег. № 18-010-01209А, руководитель В.Е. Ковалев);

- госзадания Минобрнауки России по программе «Иммануил Кант» (2019 г., рег. № 26.13519.2019/13.2, руководитель В.Е. Ковалев);

- проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) (2013 г., рег. № 13-32-14121Г, руководитель В.Е. Ковалев);

- проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) (2011 г., рег. № 11-32-00224а1, ответственный исполнитель В.Е. Ковалев).

Методологические рекомендации и научно-практические выводы, содержащиеся в диссертационном исследовании, были использованы: Советом Федерации Федерального собрания Российской Федерации, Государственной Думой Федерального собрания Российской Федерации, Министерством агропромышленного комплекса и продовольствия Свердловской области, Уральской торгово-промышленной палатой, Уральским НИИСХ – филиалом ФГБНУ УрФАНИЦ УрО РАН, Башкирским государственным аграрным университетом, Государственным аграрным университетом Северного Зауралья, Уральским государственным экономическим университетом.

Сформулированные в диссертационной работе ключевые теоретико-методологические положения, выводы и рекомендации докладывались и обсуждались автором более чем на 30 международных, всероссийских, региональных научно-практических симпозиумах, форумах, конференциях и семинарах в таких городах, как Бонн (2019), Галле (2019), Гранада (2019), Минск (2016, 2019), Милан (2018), Алма-Ата (2018), Прага (2017), Рим (2017), Ташкент (2017), Москва (2016), Омск (2016), Ереван (2015), Санкт-Петербург (2014), Астана (2013, 2014), Екатеринбург (2011-2019) и др., где получили положительную оценку.

Публикации. Основные выводы и результаты исследования нашли отражение в 51 опубликованной работе (в том числе 8 статьях, индексированных в международных базах данных Scopus и Web of Science; 25 статьях в изданиях из

Перечня ведущих рецензируемых научных журналов ВАК РФ; 5 монографиях) общим объемом 253,45 печ. л., в том числе авторских 33,45 печ. л.

Объем и логическая структура работы обосновываются поставленной целью, соответствуют логике решаемых автором исследовательских задач, определяют последовательность изложения материала. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы из 391 источника, 13 приложений. Работа изложена на 360 страницах, включает 41 рисунок и 32 таблицы.

Во ***введении*** аргументируется актуальность темы диссертационного исследования, раскрывается степень проработанности избранной проблематики в научной литературе, определены предмет и объект исследования, сформулированы цель и задачи, представлены теоретические и методологические основы, информационно-эмпирическая база, приведены основные результаты, обладающие признаками научной новизны и определяющие теоретическую и практическую значимость работы.

В ***первой главе*** «Теоретико-методологические основы интеграционного воздействия факторов внешней среды на агропродовольственный сектор экономики» исследована сущность интеграционных процессов, механизмы интеграционного воздействия факторов внешней среды на аграрную сферу экономики; проведен анализ влияния института Всемирной торговой организации на данные механизмы и систематизированы процессы эволюции интеграционного воздействия факторов внешней среды на постсоветском пространстве, раскрыт и обоснован дуальный характер реализации интеграционного воздействия факторов внешней среды в АПК.

Во ***второй главе*** «Агропродовольственный сектор экономики России как ключевая детерминанта эффективного становления и развития евразийской агропродовольственной системы» выделены и классифицированы этапы интеграционного воздействия факторов внешней среды в рамках евразийского экономического пространства, позволяющие уточнить и развить категориально-понятийный аппарат, используемый для оценки глубины интеграции

агропродовольственного сектора России в евразийскую агропродовольственную систему; проведен анализ экономических условий производственной и торговой деятельности, динамики процессов аграрной интеграции государств – участников евразийской агропродовольственной системы; обоснована роль агропродовольственного сектора экономики России как центрального звена в процессах формирования и развития ядра аграрной интеграции евразийской агропродовольственной системы.

В ***третьей главе*** «Воздействие таможенных эффектов экономической интеграции на эффективность функционирования агропродовольственного сектора экономики России» разработана научно-практическая концепция выявления и систематизации таможенных эффектов, направленных на агропродовольственный сектор экономики России и национальный АПК под влиянием существенного изменения условий и механизмов таможенного регулирования аграрных рынков евразийской агропродовольственной системы; обосновано влияние таможенного эффекта разноскоростного вступления стран – членов Евразийского экономического союза в ВТО на АПК России; разработан алгоритм, определяющий особенности становления механизма государственного регулирования рыночных отношений в АПК России с учетом реализуемых принципов ускоренного импортозамещения, воздействие которого направлено на сокращение негативного таможенного эффекта от реэкспортных схем поставок санкционной агропродукции и продовольствия; раскрыты и систематизированы противоречия наднационального регулирования объектов интеллектуальной собственности в евразийской агропродовольственной системе, генерирующие негативные таможенные эффекты от экспорта отдельных товаров АПК с высокой добавленной стоимостью с территории стран – членов Евразийского экономического союза на территорию России.

В ***четвертой главе*** «Организационно-экономический механизм функционирования агропродовольственного сектора экономики России в условиях евразийской агропродовольственной системы» выявлены и раскрыты стратегические детерминанты развития агропродовольственного сектора

экономики России, предложены базовые элементы организационно-экономического механизма повышения эффективности его функционирования как составной части механизма согласованной (скоординированной) агропромышленной политики Евразийского экономического союза.

В ***заключении*** приведены ключевые выводы, полученные по результатам проведенного исследования, сформулированы предложения и рекомендации в соответствии с поставленной целью и задачами диссертационной работы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИНТЕГРАЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ФАКТОРОВ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ НА АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ

1.1 Сущность интеграционного воздействия факторов внешней среды и особенности его проявления в аграрной сфере экономики

Интеграция, интеграционное воздействие, внешняя среда и ее факторы являются одним из самых сложных для исследования специфических явлений и процессов в современной экономике в силу своей многоаспектности, противоречивости и комплексного характера, затрагивающего различные сферы хозяйственной жизни и отраслевого развития. Несмотря на серьезное количество фундаментальных трудов зарубежных ученых-экономистов, трудов отечественных исследователей, эволюция интеграционных процессов, их трансформация, постоянное видоизменение и усложнение в силу появления и переплетения большого количества новых экономических, правовых, организационно-управленческих факторов внешней среды, требует постоянного внимания и глубокого анализа с учетом значительного усиления влияния интеграционного воздействия данных факторов на эффективность развития отраслей экономки, включая, безусловно, агропродовольственный сектор и АПК в целом.

Интеграция, как явление в рамках межгосударственного взаимодействия, существует уже достаточно продолжительное время. Термин «интеграция» происходит из латинского языка от слова «integration», что дословно означает «объединение разрозненных частей в единое целое». Известный австро-американский экономист Фриц Махлуп в своей работе «История мысли об экономической интеграции» 1977 г., пытается разобраться, когда термин «интеграция», который использовался прежде всего в точных науках, таких, как математика, был внедрен в профессиональный язык экономической науки [350]. Фриц Махлуп приходит к выводу, что это произошло в 1940-е гг. и данный

термин первоначально воспринимался как нечто среднее между понятиями «сотрудничество», «кооперация» и «объединение».

Следует отметить, что понятие «интеграция» устойчиво вошло в оборот в экономико-правовой сфере с середины XX века для обозначения процессов объединения западноевропейских стран. Среди фундаментальных научных трудов исследователей европейской экономической интеграции, рассматривающих данный процесс через определенные последовательные стадии или этапы реализации, начиная с зоны свободной торговли и заканчивая полноформатным экономическим союзом, выделяются работы Яна Тинбергена [382], Белы Балассы [318], Макса Кордена [330; 331], Виктории Керзон-Прайс [332], Фрица Махлупа [350] и многих других.

Особого внимания заслуживает исследование американского экономиста венгерского происхождения Белы Балассы, который в своей работе 1961 г. использовал и ввел в научный оборот термин «экономическая интеграция», определив данное понятие, как «процесс и состояние дел»: «процесс применения мер государственного регулирования во избежание дискриминации на рынках, и состояние дел, когда дискриминация между национальными экономиками полностью отсутствует» [318, с. 174].

Существуют различные трактовки термина «международная экономическая интеграция» (таблица 1). В целом в научной литературе данное понятие можно рассматривать с различных позиций: как процесс, как сочетание состояния и процесса, как средство для достижения цели [390]. Если даже просто взглянуть на представленные в таблице 1 мнения зарубежных и отечественных специалистов относительно дефиниции «международная экономическая интеграция», не проводя очень глубокого анализа их определений, становится ясным, что это «сложный многоаспектный саморазвивающийся исторический феномен, который поначалу зарождается в наиболее развитых с технико-экономической и социально-политической точки зрения регионах мира и шаг за шагом втягивает в этот процесс все новые страны» [307, с. 56].

Таблица 1 – Генезис понятия и классификация подходов к дефиниции «экономическая интеграция» в научной литературе

Автор, год	Подходы к дефиниции
Интеграция как процесс	
Б. Баласса (1961)	Экономическая интеграция – «ликвидация дискриминации в пределах определенной территории» [318]. Интеграция рассматривается как процесс постепенного устранения дискриминации, существующей вдоль национальных границ
Ф. Канерт и др. (1969)	Экономическая интеграция – процесс постепенного устранения тех различий, которые происходят в рамках национальных границ [343]
Ф. Махлуп (1977)	Экономическая интеграция – процесс объединения отдельных экономик в более крупный экономический регион. Интеграция связана с использованием всех возможностей эффективного разделения труда [350]
Б Меннис., К. Севант (1976)	Экономическая интеграция – «процесс, при котором границы между национальными государствами становятся менее прерывистыми, что приводит к формированию более всеобъемлющих систем. Экономическая интеграция заключается в объединении и слиянии промышленного аппарата, административной и экономической политики участвующих стран» [353]
В. Молли (1991)	Экономическая интеграция – процесс постепенной ликвидации экономических границ между странами [355]
И.Г. Владимирова (2001)	«Международная экономическая интеграция – сближение и взаимоприспособление национальных экономик, включение их в единый воспроизводственный процесс в интернациональных масштабах» [90]
Интеграция как процесс	
Ю.В. Шишков (2001)	«Экономическая интеграция — это закономерный процесс, который является следствием постепенного «раскрытия» стран друг другу, в ходе которого несколько моногосударственных макроэкономических организмов шаг за шагом сращиваются в целое полигосударственное хозяйственное пространство, которое со временем структурируется в новый, укрупненный, более эффективный экономический организм» [301]
О.Ю. Мичурина (2010)	«Международная экономическая интеграция – процесс экономического взаимодействия стран, приводящий к сближению хозяйственных механизмов, принимающий форму межгосударственных соглашений и согласованно регулируемый межгосударственными органами. Экономическая интеграция имеет место как на уровне национальных хозяйств целых стран (макроуровень), так и между предприятиями, фирмами, компаниями, корпорациями (микроуровень)» [190]
С.Ю. Глазьев, В.И. Чушкин, С.П. Ткачук (2013)	«Региональная экономическая интеграция – это процесс взаимопроникновения национальных экономик разных стран, ведущий к их постепенному экономическому слиянию. В ее основе лежат естественные процессы усиления взаимозависимости национальных хозяйственных систем с целью устранения национальных барьеров на пути взаимного торгового и инвестиционного взаимодействия. На межгосударственном уровне интеграция происходит путем формирования региональных экономических объединений государств и согласования их внутренней и внешней экономической политики. Она проявляется в расширении и углублении производственно-технологических связей, совместном использовании ресурсов, объединении капиталов, создании друг другу благоприятных условий для экономической деятельности, снятии взаимных административных, торговых и иных барьеров» [103]

Продолжение таблицы 1

Автор, год	Подходы к дефиниции
Интеграция как сочетание процесса и состояния	
Я. Тинберген (1954)	Экономическая интеграция проявляет себя через два состояния: «позитивная интеграция – создание и использование новых наднациональных институтов и механизмов не только для устранения барьеров в торгово-экономической сфере межгосударственного сотрудничества («негативная» интеграция), но и для постепенного согласования общей экономической политики, формирования единого хозяйственного механизма, усиления взаимосвязи между экономиками интеграционного объединения. Негативная интеграция – состояние отмены дискриминационных барьеров и действий национальных ограничительных институтов в целях введения максимальной свободы для экономических операций между государствами интеграционного объединения» [382]
Б. Баласса (1961)	«Экономическая интеграция – отсутствие различных форм дискриминации. Недискриминация и выравнивание цен являются сущностью данного явления» [318]
Д. Пиндер (1969)	«Экономическая интеграция – объединение частей в единое целое. Союз является результатом объединения этих частей или членов и приводит к устранению дискриминации между экономическими агентами стран-членов» [359]
Ж. Пелкманс (1984)	«Интеграция – это состояние, когда устранены экономические границы между двумя или более экономиками» [358]
Д. Суонн (1996)	«Экономическая интеграция – процесс или состояние дел, которое включает в себя объединение ранее отдельных экономик в более крупные механизмы» [379]
Ф. де Ломберде, Л.В. Лангенхове (2005)	«Понятие интеграции относится к процессу, в котором элементы (государства) переходят от состояния полной или частичной изоляции к полному или частичному объединению» [333]
Интеграция как средство для достижения цели	
П. Робсон (1987)	«Экономическая интеграция – средство повышения эффективности использования ресурсов. Поэтому понятие «полная интеграция» должно включать свободное перемещение факторов производства, а также свободное перемещение товаров и отсутствие дискриминации» [367]
М. Йованович (1998)	«Экономическая интеграция – один из способов увеличения благосостояния» [342]
К. Барретт (2001); А.М. Либман, Б.А. Хейфец (2011)	«Экономическая интеграция – интеграция рынков, которая представляет собой формирование устойчивых взаимосвязей между (ранее) территориально обособленными рынками в виде потоков благ и факторов производства и (или) взаимосвязи цен на них, нарастающее взаимопереплетение национальных экономик» [324]. Возможна и «дезинтеграция – рост транзакционных издержек, ведущий к обособлению в пространстве отдельных рынков, выражающемуся как в разрыве динамики цен (за счет отсутствия арбитража), так и в снижении потоков благ и факторов производства» [173]
Э. Панюшефф (2003)	«Экономическая интеграция – объединение национальных экономик в общие механизмы взаимодействия, в которых их самостоятельное функционирование становится элементом восходящего развития и источника динамизма» [357]
В.Н. Зуев (2011)	«Экономическая интеграция – формирование единого экономического комплекса посредством запуска наднационального механизма. Наднациональный механизм – фундамент интеграционного единства» [123]
Примечание – Составлено автором по: [90; 103; 123; 142; 173; 190; 294; 301; 318; 324; 333; 342; 343; 350; 353; 355; 357; 358; 359; 379; 382].	

Анализируя представленные в диссертационном исследовании генезис понятия и классификацию подходов к дефиниции «экономическая интеграция» в научной литературе, следует представить и попытаться дать обоснование такому термину, как «интеграционное воздействие». Под «интеграционным воздействием» следует понимать следующее: это влияние, вызванное процессами экономической интеграции и направленное на систему (или иной объект), определяющее ее переход от одного состояния к другому, изменяющее ее качество в том или ином направлении. При этом влияние, вызванное соответствующими интеграционными процессами, может быть как целенаправленное, так и опосредованное, как регулярное (систематическое), так и случайное (вероятностное). Интеграционное воздействие может усиливаться или ослабевать, быть в большей степени позитивным или негативным для системы в целом, или определенной ее части в зависимости от комбинации факторов внешней среды (экономических, политических, технологических, социальных и других) в конкретный момент времени, возможности управления этими комбинациями факторов, усиления действия отдельных факторов или их комбинаций в интересах синергии системы, степени адаптивности системы, как объекта воздействия факторов внешней среды. Очевидно, страны, участвующие в экономической интеграции, должны быть готовы к этому процессу с точки зрения необходимых экономических, политических, правовых и организационно-управленческих реалий.

Особенного внимания, в связи с этим, заслуживает тот факт, что «в существующем многообразии определений феномена «интеграция» четко видны разногласия по поводу того, что является движущей силой интеграции – экономическая выгода или политическая идея. Эти разногласия легли в основу теоретической дискуссии во второй половине XX в. И привели к формированию нескольких теоретических направлений в исследованиях феномена международной интеграции» [42]. В таблице 2 сделана попытка систематизации научных школ и теорий экономической интеграции.

Таблица 2 – Систематизация научных школ и теорий экономической интеграции

Теория	Ключевые представители	Основные идеи теории
Классическая школа		
Свободной торговли	А. Смит, Д. Риккардо, Дж. Милль и др.	Представители придерживались идеи свободной торговли и полагали, что основную выгоду страны получают, благодаря развитию специализации производства и роста товарообмена на базе международного разделения труда. Этот принцип стал основным в теории международной экономической интеграции
Неоклассическая школа		
Рыночная (либеральная)	В. Репке, М. Аллэ, Ж. Рюэфф, Ж. Вилей, Г. Кассель, А. Предоль и др.	Фундамент интеграции – сфера обмена, рыночные связи, торговля, а сама интеграция представляет собой обеспечение свободы торговой деятельности между странами – участницами объединения с помощью устранения препятствий и ограничений в данной области, в первую очередь – таможенных пошлин. Вмешательство государства в регулирование интеграции не должно иметь места, признаются только рыночные инструменты
Рыночно-институциональная (неолиберальная)	Дж. Вайнер, Б. Баласса, М. Бийе, Г. Кремер и др.	Признается государственное и рыночное регулирование. Фундаментом интеграции является торговля, а сама интеграция рассматривается как, с одной стороны, исключение протекционизма во взаимной торговле стран-участниц, так и с другой стороны, как коллективный протекционизм в адрес третьих стран
Корпорационалистская школа		
Корпорационализм	С. Рольф, У. Ростоу, С. Хаймер, Р. Барнет и др.	Интеграция напрямую связана с развитием «межгосударственного внутрифирменного пространства», в рамках которого свободно перемещаются товары, рабочая сила, капитал, технологии. Представители теории считают внутрифирменную интеграцию более значимой, чем государственную
Структурализм	Г. Мюрдаль, А. Маршалл, Ч. Киндлбергер, Ф. Перу и др.	Интеграция, основанная на процессах транснационализации, обеспечивает структурные преобразования в экономике. Интеграция имеет социальную направленность, то есть интеграция повышает всеобщее благосостояние
Неокейнсианская школа		
Неокейнсианство	Р. Купер, Б.Ф. Массел	Успешная интеграция требует обязательного согласования внутренней и внешней политики

Продолжение таблицы 2

Теория	Ключевые представители	Основные идеи теории
Дирижизм	Я. Тинберген, Р. Санвальд, И. Штолер и др.	Главная роль в процессах интеграции отводится не рыночному механизму, а государственному регулированию. Задача государства – создание и поддержание «полюсов роста», необходимых для формирования оптимальной структуры региональной экономики, посредством жесткой координации экономической и социальной политики, ее наднациональной централизации. Процесс интеграции является поэтапным (от простых форм к более сложным), ведет к созданию наднационального политико-правового института или их системы
Школы функционализма и регионализма		
Функционализм (1960-1970-е гг.)	Д. Митрани, П. Райнш, Я. Тинберген, А. Клоуда и др.	Интеграция предполагает последовательное развитие от традиционной системы межгосударственного сотрудничества в регионе к созданию наднациональных структур и передаче полномочий правления суверенных стран-членов данным структурам. При этом региональная интеграция не ограничивается географическими принципами, а регионы позиционируются в качестве своеобразных функциональных зон, наделенных рядом функций
Неофункционализм	Э. Хаас, Ф. Шмиттер, Л. Линдберг, Л. Шейнеман и др.	Движущей силой интеграции являются общественные потребности и перемены в технологической сфере. Признается важность политического фактора в интеграционных процессах, позволяющего переориентировать доверие с национального уровня на наднациональный и применить концепцию «spill-over», или эффекта перетекания («интеграция в одной сфере приводит к взаимодействию и в других сферах, так как достижение поставленной цели невозможно без комплексного процесса интеграции во всех областях»)
Федерализм, неофедерализм, регионализм	А.Спинелли, А. Гамильтон, А. Этциони, К. Уэйр, Р. Уотс, М. Шульц, Ф. Седербаум, И. Ожендаль и др.	Интеграция рассматривается как процесс формирования межгосударственного объединения для решения конкретных задач, стоящих между странами и для реализации общих интересов. Конечная цель – это «формирование союза граждан в противоположность союзу государств». Главная проблема федерализма – неспособность объяснить медленную, постепенную интеграцию (интеграцию «снизу»). Регионализм в широком понимании – это «стратегия реорганизации регионального пространства для повышения безопасности и стабильности в регионе»
Примечание – Составлено автором по [42; 68; 99; 111; 187; 271; 294; 318; 338; 339; 344; 354; 367; 370; 378; 386].		

Рассматривая в диссертационном исследовании весомый пласт научных работ зарубежных и отечественных исследователей, представляющих различные точки зрения на такую сложную, многогранную дефиницию, как «интеграция», учитывая эволюцию научных школ, занимающихся данной проблематикой, принимая во внимание авторскую точку зрения относительно термина «интеграционное воздействие», уместно перейти к теоретико-методологическому обоснованию концептуальных моделей интеграции агропродовольственных секторов национальных экономик в условиях соответствующего межгосударственного взаимодействия.

Анализ значительного количества научных трудов отечественных ученых в сфере аграрной экономики, среди которых можно особенно отметить исследования А.И. Алтухова [49; 55; 58; 59; 287], А.А. Анфиногентовой [63; 64], И.Н. Буздалова [76; 77; 78; 79], Г.В. Беспахотного [69; 70; 223], А.И. Костяева [155; 156; 157], Э.Н. Крылатых [162; 163; 164], А.Я. Кибирова [133], В.А. Кундиус [58; 167; 169], Н.А. Потехина [124; 238; 239; 388], Б.А. Воронина [92; 97], В.М. Шараповой [174; 375; 376], В.В. Милосердова [46; 182; 184], В.И. Назаренко [193; 195; 196; 199; 200; 309], А.Г. Папцова [73; 193; 225; 229], А.В. Петрикова [233; 234], И.С. Санду [249; 250; 251; 252], А.Н. Сёмина [46; 49; 156; 254; 257], В.И. Набокова [124; 191], Ю.В. Лысенко [175; 174; 388], О.Д. Рубаевой [388], Т.И. Бухтияровой [388], И.Г. Ушачева [223; 274; 275; 279; 283; 287; 288], Б.Е. Фрумкина [79; 76; 296; 297], И.П. Чупиной [303; 388], Г.И. Шмелева [195; 309], А.А. Шутькова [311; 312; 313], затрагивающих в своих работах такие понятия и категории, как «сельское хозяйство», «агропродовольственный комплекс», «агропродовольственная сфера», «аграрный рынок», «аграрный сектор», «агропродовольственный рынок», «аграрная политика», «агропродовольственная политика», «агропродовольственный сектор», показывает серьезную диффузию этих дефиниций, их значительное взаимопроникновение и переплетение друг с другом, комплексный и многоаспектный характер.

Данная ситуация способствует разнообразию точек зрения в научной литературе, затрагивающих особенности трактовок перечисленных выше

терминов, образующих фундамент или теоретико-методологический каркас для многих более широких агроэкономических понятий и категорий, что, безусловно, требует от исследователей, определенной предварительной и кропотливой работы, направленной на понимание и уточнение той или иной дефиниции. В нашем случае такой дефиницией выступает объект диссертационного исследования – агропродовольственный сектор, определение которого можно уточнить и конкретизировать, опираясь на ряд научных работ, включая исследования академика РАН Э.Н. Крылатых. Разделяя точку зрения этого известного специалиста в области аграрной экономики, возьмем за теоретико-методологическую основу следующее определение агропродовольственного сектора: «Агропродовольственный сектор (АПС) – подсистема национальной экономики, которая призвана: обеспечивать удовлетворение потребностей населения в продуктах питания, сохраняя и поддерживая его жизнедеятельность и воспроизводство; содействовать занятости и социокультурному развитию сельского населения; использовать и восстанавливать почвенное плодородие и экологическое равновесие в сельской местности, обеспечивать разработку и применение инноваций и информационных технологий» [162, с. 10]. Развивая свою мысль, Э.Н. Крылатых конкретизирует, что «АПС объединяет следующие виды деятельности: сельское хозяйство, производство конечной продовольственной продукции, ее хранение, транспортировку и реализацию, социо-культурное обслуживание сельского населения, информационное и научное обеспечение данной системы» [164, с. 22]. При этом необходимо согласиться с точкой зрения ученых-аграрников В.А. Кундиус и М.А. Киселевой, затрагивающих уже сущность АПК, как экономической системы, которая «включает последовательно связанные элементы и в которой каждая отрасль и сфера выполняют функции определенной фазы в процессе агропромышленного воспроизводства, в связи с чем каждое звено АПК выступает потребителем предыдущего звена, объемы и структуры которых должны соответствовать друг другу. При этом высокий уровень развития сельскохозяйственного производства, его платежеспособность, возможность и необходимость приобретать и поглощать

материально-технические ресурсы (технику, запчасти, средства химизации, энергоресурсы и т.д.), являющиеся продукцией других отраслей, определяет устойчивое развитие всего народнохозяйственного комплекса страны» [167, с. 40].

Определяя агропродовольственный сектор как одну из важнейших подсистем национальной экономики Э.Н. Крылатых акцентирует свое внимание на многофункциональности агропродовольственного сектора, трактуя ее как «совокупность общественно значимых целей и предназначений, системная реализация которых обеспечивает продовольственную безопасность страны, повышение эффективности производства, гармоничное развитие сельских территорий, их экологическое благополучие, инновационный и информационный прогресс» [162, с. 10]. Еще один ученый в области аграрной экономики академик РАН А.В. Петриков подчеркивает важность новаций в аграрной теории, вызванных представлениями о многофункциональности сельского хозяйства: «Если традиционно сельское хозяйство сводили к производству продовольствия и сырья для пищевой и перерабатывающей промышленности, то ныне, во-первых, выяснилось, что сельхозпродукция может быть использована для производства заменителей нефтепродуктов (этанола и биодизеля), а во-вторых, в результате сельскохозяйственной деятельности появляются дополнительные общественные блага – обеспечивается социальный контроль над обширными территориями, воспроизводится традиционная культура общества и сохраняется исторически сложившийся ландшафт, поддерживается биоразнообразие в агроценозах. Как следствие, укрепляется геополитическое положение страны, создаются условия для удовлетворения социально-духовных и рекреационных потребностей населения» [233, с. 8].

Для развития теоретико-методологических положений, касающихся функционирования агропродовольственного сектора экономики в условиях интеграционного воздействия факторов внешней среды, предложенная Э.Н. Крылатых концепция многофункциональности крайне важна и позволяет сконцентрироваться на экономическом аспекте интегральной многофункциональности АПС в национальной социально-экономической системе

(рисунок 1). Как можно увидеть, структура многофункциональности АПС включает несколько функций, в том числе экономическую, социально-культурную, экологическую, инновационную и информационную. В последующей научной работе академик РАН Э.Н. Крылатых дополняет выделенные функции еще двумя – институциональной и интеграционной [163].

Рисунок 1 – Структура многофункциональности АПС [164]

Необходимо подчеркнуть, что исследователь в своей концепции многофункциональности АПС, отдельное и абсолютно оправданное, с нашей точки зрения, внимание уделяет интеграционной составляющей взаимодействия АПС. В одной работе выделяется «интеграция рынков» как составляющая экономической функции [164], в другой работе интеграционная функция уже по праву занимает свое место в качестве отдельной важнейшей составляющей многофункциональности АПС [163]. Особое внимание при этом в исследованиях Э.Н. Крылатых обращает на себя интерпретация интеграционной функции, ее понимание автором через концепцию «региональной и межстрановой интеграции производства и аграрных рынков», суть которой «состоит в выявлении объективных закономерностей интеграции производственных и рыночных систем различных стран, занятых производством продовольственной продукции, ее

реализацией, и особенностей интеграции технологических возможностей в АПС. Интеграция происходит в разнообразных формах, начиная с договорных отношений для проведения совместных работ в сельском хозяйстве, создания совместных предприятий и заканчивая крупными проектами мелиорации земель, строительства крупных животноводческих комплексов и промышленных предприятий, перерабатывающих сельскохозяйственное сырье. В последнее время интеграционными становятся объекты инфраструктуры АПС. Интеграция всегда имеет свои плюсы и минусы. Получая инвестиции, новые технологии и пр., более слабые страны приобретают новые возможности развития, однако рискуют утратить часть своей самобытности и независимости. Страна-инвестор имеет преимущества в конечном интеграционном результате, но может столкнуться с неприятностями при осложнении политической ситуации. Вот почему теория интеграции предлагает обязательно рассчитывать возможные риски для обеих сторон, находить способы управления этими рисками» [163, с. 28].

Таким образом, говоря об интеграционной функции АПС, академик РАН Э.Н. Крылатых рассуждает об интеграции рыночных систем. Это выглядит совершенно оправданным, в полной мере разделяется другими известными учеными в области исследования интеграционных процессов, например, А.М. Либманом и Б.А. Хейфецом, которые, рассуждая о моделях экономической интеграции и дезинтеграции в одной из своих глубоких научных работ, подчеркивают следующее: «Прежде всего, необходимо договориться о терминах. Региональная экономическая интеграция представляет собой сложное и многогранное явление. Мы сосредоточим внимание лишь на одном аспекте – так называемой интеграции рынков, которая представляет собой формирование устойчивых взаимосвязей между (ранее) территориально обособленными рынками в виде потоков благ и факторов производства и (или) взаимосвязи цен на них [173, с. 4-5].

Данные точки зрения очень близки автору диссертационного исследования, но необходимо дополнительно подчеркнуть, что рыночные системы, как составляющие интеграционного взаимодействия АПС, являются элементами еще

более широких по своему охвату и более сложных национальных социально-экономических систем. Рыночные системы выступают не только сложными и многокритериальными структурами, но включают в себя свои собственные, обладающие специфическими национальными особенностями, системы взаимоотношений между триадой экономических агентов, к которым, в самом общем случае, можно отнести государство и органы государственного управления, предприятия или фирмы и домашние хозяйства.

Таким образом, интеграционное воздействие на агропродовольственный сектор экономики заключается во влиянии, вызванном процессами интеграции агропродовольственных рынков с учетом возможности для усиления этих процессов или их ослабевания, в большей степени позитивного или негативного влияния для триады экономических агентов агропродовольственного сектора в целом, или определенной его части в зависимости от комбинации факторов внешней среды (экономических, политических, технологических, социальных и других) в конкретный момент времени, возможности управления этими комбинациями факторов, усиления действия отдельных факторов или их комбинаций в интересах синергии интеграции агропродовольственных рынков, степени адаптивности агропродовольственного сектора, как объекта воздействия факторов внешней среды.

Важность исследования рыночных систем и эволюции механизмов товарного обращения в своих научных трудах подчеркивал величайший отечественный ученый в области аграрной экономики – А.В. Чаянов, о котором президент ВАСХНИЛ, академик А.А. Никонов сказал следующие слова: «Александр Васильевич Чаянов – глава организационно-производственной школы, выдающийся экономист России… Он был необыкновенно одаренной, яркой личностью. Исследователь-ученый, создатель теории крестьянского хозяйства, автор многочисленных трудов по различным аспектам аграрной экономики, теоретик и практик кооперативного движения, блестящий педагог и воспитатель научной молодежи, писатель-фантаст, археолог, искусствовед. И ко всему этому – удивительно доброжелательный и коммуникабельный человек. В качестве

научного наследия он оставил труды на русском, немецком, английском, французском, испанском, итальянском и японском языках» [206, с. 172].

Академик А.А. Никонов, уже в достаточно далеком 1988 г., рассуждая о вкладе А.В. Чаянова в отечественную аграрную науку, подчеркивал, что «научное наследие А.В. Чаянова чрезвычайно ценно сейчас, когда мы переходим к экономическим методам хозяйствования и с невероятными трудностями преодолеваем последствия периода застоя и жесткого администрирования, продолжавшегося не одно десятилетие. Разумеется, не все в этом наследии равноценно и современно, ведь каждый ученый имеет дело с фактурой своего времени. Кроме того, нужно видеть эволюцию ученого, брать его концепции в динамике и в целостности, а не выдергивать лишь отдельные положения» [204, с. 9].

Действительно, академик А.А. Никонов был поразительно прав, ведь даже если в трудах А.В. Чаянова не получится встретиться с термином «экономическая интеграция», очень много из тех понятий, которые с ней сегодня неразрывно связаны, в первую очередь, с интеграцией рынков, вы сможете найти в работах этого великого отечественного ученого. Ведь сегодня трудно представить себе серьезный положительный эффект от глубокой интеграции агропродовольственных рынков без формирования единой или согласованно работающей агропродовольственной товаропроводящей системы, мощной региональной или межгосударственной агроэкономической кооперации, за которой стоит торговый капитал и торговый аппарат, о которых А.В. Чаянов рассуждал еще в 1920-е гг.: «Мы знаем, что многовековой опыт работы торгового капитала позволил ему для каждого рынка, для каждой экономической обстановки разработать именно тот торговый аппарат, который с наибольшей экономией в средствах и успехом разрешал поставленные перед ним торговые задачи. Не случайность, конечно, что для одного рынка товар в своем пути проходил через двое рук, а в другом через десять; не случайность, что в одном рынке мы встречаем большое количество мелких торговцев с малыми капиталами, а в другом – ограниченное их количество, но обладающих каждый

значительными суммами; не случайность также, что в одном случае капитал находился в быстром обращении, а в другом – товары вылеживались в одних руках более года» [301, с. 142]. А.В. Чаянов особенно подчеркивал, что «каждая из этих особенностей вызывалась природой товара и рынка, и торговый аппарат приспособлялся в своем строении к мельчайшим из этих особенностей» [301, с. 142]. Еще один важнейший вывод, который А.В. Чаянов делает в своих исследованиях и который подчеркивает всю сложность и многообразие процессов интеграции агропродовольственных рынков с учетом трансформации торгово-экономических связей между ними, эволюции механизмов государственного регулирования этих связей: «Торговый аппарат сам по себе не представляет чего-либо застывшего и неподвижного, но эволюционирует вместе с изменением хозяйственной обстановки» [301, с. 144].

Еще одним знаковым ученым, исследователем с мировым именем и современником А.В. Чаянова, посвятившим много своих работ изучению механизмов работы рынков был Н.Д. Кондратьев. Действительно, сегодня очень трудно представить себе интеграционное взаимодействие агропродовольственных рынков без серьезного учета влияния, которое оказывает на них конъюнктура. Эта очень многоаспектная категория находит весьма изящное, короткое, но точное определение в исследованиях ученого: «Под экономической конъюнктурой каждого данного момента мы понимаем направление и степень изменения совокупности элементов народнохозяйственной жизни по сравнению с предшествующим моментом» [153, с. 33]. Развивая и наполняя это определение теоретико-методологической детализацией, Н.Д. Кондратьев рассуждает следующим образом: «Совершенно ясно, что для каждого момента будет более или менее своя конъюнктура. Если мы возьмем последовательный ряд таких моментов, сравнивая каждый последующий с предыдущим или каждый последующий с одним исходным предыдущим, то получим ряд отношений для каждого элемента, или, иначе получим систему кривых. Совокупность этих кривых в их взаимной связи и будет характеризовать собою кривую хода конъюнктуры. Таким образом, понятие конъюнктуры построено нами в связи

к колебательным изменениям элементов хозяйства и их совокупности. Ясно поэтому, что кривая конъюнктуры будет кривой обратимых процессов и совпадает с ней. Поэтому исследование кривой конъюнктуры есть исследование процессов в их взаимной связи. Итак, мы получаем для понятия конъюнктуры и процесса ее изменения, или для ее кривой, определенное содержание и объективно точное выражение. Нам могут лишь поставить вопрос: какие же и сколько элементов мы имеем в виду учитывать, когда говорим о конъюнктуре? Строго говоря, речь должна идти обо всех элементах экономической действительности, которые являются объектом экономической науки и которые так или иначе подвержены обратимым процессам. Но фактически некоторые элементы в их изменении настолько близки, что нет никакой необходимости брать их все, – достаточно взять лишь наиболее репрезентативные или конструктивные элементы. Какие именно, – это вопрос не существа понятия конъюнктуры, а вопрос метода и практики ее исследования» [153, с. 33-34]. Безусловно, все факторы внешней среды (экономические, политические, технологические, социальные и многие другие), формирующие сегодня интеграционное воздействие на агропродовольственный сектор экономики – это и есть конъюнктура, о которой говорил Н.Д. Кондратьев, это тот самый элемент, без надлежащего учета которого в управленческих решениях, в том числе, способных скорректировать влияние (ослабить или усилить) определенной части этих факторов или их комбинаций на агропродовольственный сектор, нет возможности предвидения последствий интеграции и нет перспектив планирования устойчивых взаимосвязей между (ранее) территориально обособленными агропродовольственными рынками в виде потоков благ и факторов производства.

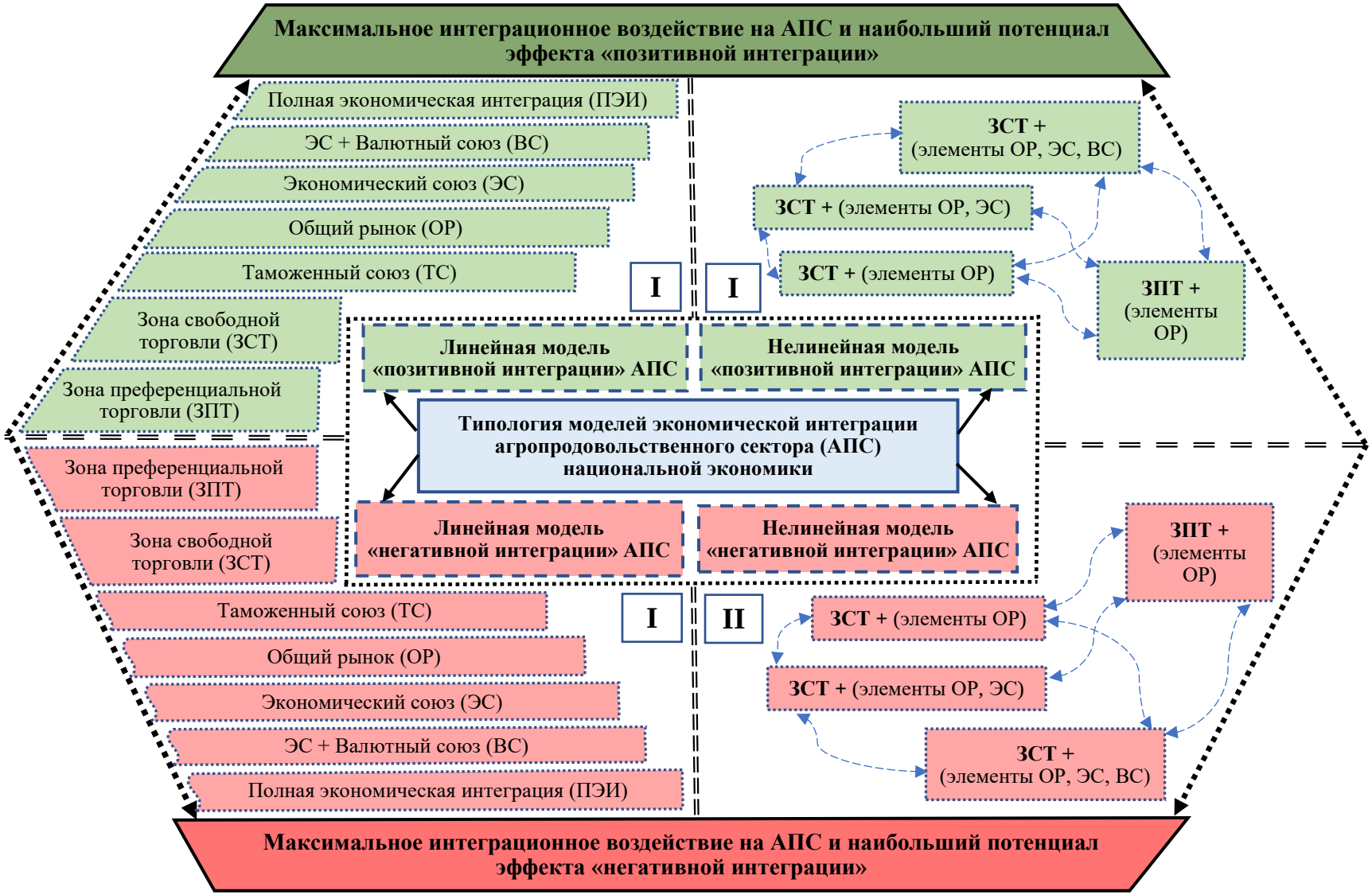
Возвращаясь к концепции многофункциональности АПС, предложенной академиком РАН Э.Н. Крылатых [162; 163; 164], принимая во внимание интеграционную функцию этой концепции, учитывая основные положения и выводы целого ряда научных работ таких известных зарубежных и отечественных ученых в области исследований интеграционных процессов и мирохозяйственных

связей, как Ян Тинберген [382], Бела Баласса [316; 317; 318], Джон Пиндер [359; 360], Андреас Предоль [361], Вильгельм Репке [368], О.Т. Богомолов [72], О.В. Буторина [80; 81; 82], Л.Б. Вардомский [83; 86; 117], С.П. Глинкина [117; 120], М.Ю. Головнин [107; 120; 292], Л.З. Зевин [120; 121; 122; 171], А.М. Либман [170; 171; 172; 173], Д.И. Ушкалова [117; 120; 290; 291; 292; 293], Б.А. Хейфец [117; 172; 173], автором в диссертационном исследовании предлагается следующая типология моделей интеграции («интеграционный секторальный ромб») агропродовольственных секторов (АПС) национальных экономик (рисунок 2).

В интеграционном секторальном ромбе АПС национальных экономик, территориально обособленные агропродовольственные рынки которых интенсифицируют формирование устойчивых взаимосвязей между собой, можно выделить четыре базовых сценария развития ситуации, связанных друг с другом, способных эволюционировать, видоизменяться и трансформироваться друг в друга на определенных этапах их реализации, при этом образующих общую матрицу интеграционного ромба.

Соответственно, два сценария затрагивают категории «линейности» и «нелинейности» интеграционных процессов, два связаны с категориями так называемой позитивной и негативной интеграции.

Конкретизируем предложенную в диссертации теоретико-методологическую основу для типологии моделей интеграции АПС. Два сектора (I и IV) связаны с процессами, так называемой линейной интеграции и два сектора (сектор II и III), связаны с процессами нелинейной интеграции. Эти сектора в ромбе разделяет вертикальная граница. «Линейность» и «нелинейность» интеграционных процессов напрямую коррелирует с последовательностью этапов или стадий, через которые эти процессы реализуются. Линейная модель основана на последовательном прохождении рынками АПС стадий интеграции от зоны преференциальной (свободной торговли) через формирование таможенного союза и общего рынка до интеграционной вершины в виде созданного и реально работающего экономического, валютного союза и полной экономической интеграции.



Примечание – Составлено автором.

Рисунок 2 – Типология моделей интеграции («интеграционный секторальный ромб») агропродовольственных секторов (АПС) национальных экономик

Линейную модель еще можно отнести к так называемому традиционному (закрытому) регионализму, предусматривающему четкую последовательность устранения барьеров для формирования устойчивых взаимосвязей между ранее обособленными рынками АПС национальных экономик для постепенного формирования единого рынка АПС интеграционного объединения.

Нелинейная модель или модель нового (открытого) регионализма дает гораздо большую свободу действий интегрирующимся агропродовольственным рынкам и может иметь изменяемую геометрию, заключающуюся в возможности использования разных последовательностей этапов при реализации интеграционных механизмов, с вариантами комбинаций разных стадий «линейной» модели (чаще всего сочетая зону свободной торговли и общий рынок, но не затрагивая или исключая этап таможенного союза), своеобразную дискретность интеграционных процессов. Данная ситуация стала во многом возможна по причине ослабления роли института Всемирной торговой организации (ВТО) в процессах таможенно-тарифной либерализации через механизмы многосторонних торговых переговоров и появления, при отсутствии прогресса в этих переговорах между членами ВТО, серьезного количества двусторонних, и многосторонних соглашений (обычно до 10-15 участников), получивших название «ЗСТ+» и «ВТО+». О влиянии ВТО на механизмы интеграции агропродовольственных рынков подробнее будет рассмотрено во втором параграфе настоящей главы.

Если рассуждать о горизонтальной границе ромба, разделяющей сектора I и II, а также III и IV на сценарии позитивной и негативной интеграции, то, вероятно, лучше всего будет привести цитату крупного отечественного специалиста в сфере исследования европейских интеграционных процессов О.В. Буториной, которая, например, так комментирует сочетание этих двух концепций: «Напомним, что еще с 50-60-х годов прошлого века в европейском строительстве различаются два процесса. Негативной интеграцией называют все мероприятия, цель которых – дать бизнесу свободно работать невзирая на государственные границы. Идеологи такого подхода (например, Вильгельм Репке, Андреас Предоль, Жак Денио, Морис

Алле) полагали, что достаточно снять торговые и валютные ограничения – и здоровые рыночные силы сами создадут единое экономическое пространство, подобное национальному. Им противостояли защитники позитивной интеграции (Бела Балаша, Джон Пиндер, Ян Тинберген и др.), считавшие, что устранение барьеров – это лишь полумера. Смысл настоящей интеграции они видели в создании нового качества экономической среды, которая позволила бы тесно переплетенным национальным хозяйствам функционировать в оптимальном режиме» [80, с. 189].

Данную мысль О.В. Буториной можно дополнить размышлениями еще одного известного российского ученого Д.И. Ушкаловой, которая рассуждает о двух типах интеграционного процесса: «позитивном, предполагающим использование различных наднациональных, межгосударственных и негосударственных механизмов интеграции не только для устранения барьеров на пути создания единого рынка («негативная» интеграция), но и для конструктивного согласования экономической политики, целенаправленных усилий по повышению степени взаимосвязанности экономик и формированию единого хозяйственного организма («позитивная» интеграция); «негативном», предполагающим использование межгосударственных и негосударственных механизмов преимущественно для обеспечения «негативной» интеграции (снятия барьеров на пути создания единого рынка)» [291, с. 165].

Таким образом, нельзя сказать, что «негативная» интеграция – это однозначно плохо, а «позитивная» интеграция – это всегда хорошо. Все гораздо более сложнее и целиком зависит от целей и задач интеграции АПС, поставленных на национальном и межгосударственном уровне, допустимой степени ее глубины, определяющейся часто не только просто экономическими соображениями, но политической волей, вопросами национальной продовольственной безопасности и стратегическим значением АПС для функционирования общественных институтов.

Таким образом, четыре возможных базовых сценария интеграции АПС связаны с линейной позитивной, линейной негативной, нелинейной позитивной и

нелинейной негативной концепциями реализации интеграционных процессов на агропродовольственном рынке.

Россия сегодня участвует в очень большом количестве разноформатных интеграционных соглашений, которые можно систематизировать следующим образом (приложение А). Все эти соглашения так или иначе через вопросы внешнеторгового сотрудничества затрагивают агропродовольственные рынки. Подавляющее большинство интеграционных инициатив реализованы через форматы преференциальной и (или) свободной торговли, что предопределяет «линейность» и самый начальный этап интеграции агропродовольственных рынков, позволяя перемещать товары (сельскохозяйственное сырье, продовольствие) в рамках этих форматов с уплатой льготных (сниженных) ставок таможенных пошлин или беспошлинно. Таким образом, обеспечивается реализация одной или двух из четырех, так называемых интеграционных свобод, позволяющих свободное перемещение товаров (и (или) услуг) между членами соглашения. Остальные две интеграционные свободы (свободное перемещение трудовых ресурсов и свобода движения капитала), которые могут влиять на агропродовольственные рынки даже сильнее двух, упомянутых раньше, уже не регулируются соглашениями о преференциальной и (или) свободной торговли, а требуют либо нелинейного формата «ЗСТ+», либо линейной модели, но более продвинутых этапов (общий рынок, экономический союз).

«Нелинейных» интеграционных инициатив в формате «ЗСТ+» (которые сегодня очень распространены в мире) с участием России крайне мало. В качестве одного из примеров нелинейного формата, связанного в большей степени с негативной интеграцией можно привести Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), влияние которого на АПС России весьма незначительно. Если говорить о нелинейном формате позитивной интеграции, то необходимо упомянуть Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), где Россия хоть и участвует в формате стратегического партнерства, однако влияние такой интеграции на АПС России и агропродовольственный рынок также остается крайне ограниченным.

Тем не менее можно однозначно утверждать, что самую сильную трансформацию агропродовольственные рынки переживают именно при позитивной интеграции, но, это следует особенно подчеркнуть, на очень глубоких этапах ее реализации (общем рынке, экономическом, валютном союзе), когда только негативной интеграцией (простым снятием барьеров) едва ли можно добиться серьезного положительного синергетического эффекта от их сосуществования как согласованного (скоординированного) или даже единого организма. Именно на данных этапах уже не просто желательна, а уже по-настоящему требуется согласованная (скоординированная) или единая агропродовольственная политика, включающая в себя элементы согласованных или единых других политик (торговой, таможенной, промышленной, инвестиционной). Без этого любой внешний вызов (фактор внешней среды) – экономический, политический, геополитический, технологический, социальный или любой другой, может за очень короткий срок дестабилизировать совместное сосуществование агропродовольственных рынков как единого хозяйственного организма, заставить их хаотично конкурировать друг с другом, грозя нанести серьезный урон развитию национального АПС.

Самым ярким примером линейной позитивной концепции интеграции, очень серьезно затрагивающей механизм сосуществования агропродовольственных рынков, по сути, превращая их в общий (единый) рынок, является Европейский союз. «В целом становление единого аграрного рынка ЕС прошло ряд этапов в ходе европейской интеграции: от апробации регулирования рынка зерна (в отношении производства и торговли) и создания общего бюджета ЕС до организации общих рынков по большей части сельхозпродукции и формирования полноценной общей аграрной политики. На первых этапах страны Евросоюза использовали промежуточные инструменты приспособления к общему рынку (ценовые, налоговые, квотирование), поскольку правила и экономические условия были весьма различны у каждого государства. Однако наднациональный приоритет развития аграрного рынка ЕС был превыше всего, что в итоге обернулось для сельхозпроизводителей и потребителей очевидным выигрышем.

ЕС оказался на верхних позициях продовольственной безопасности и сформировал успешную экспортную аграрную политику на фоне продуктивного развития сельских территорий и социального благополучия для европейцев» [308, с. 88]. При этом «первые три десятилетия европейская интеграция была в основном экономической. Сообщество развивалось, проходя известные стадии (схема Балаши): зону свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, экономический и валютный союзы. Такая последовательность обусловила два других важнейших качества интеграции. Первое: на всех, за исключением последнего, этапах она была в основном негативной и, только добравшись до вершины – Экономического и валютного союза (ЭВС), сделала крутой поворот в сторону позитивной. Второе: интеграция по большей части осуществлялась на централизованном, или коммунитарном уровне (решения принимались органами ЕС и были обязательны для всех стран-членов), а не в формате межгосударственного сотрудничества, при котором заглавная роль принадлежит национальным правительствам. Отмеченные качества были определяющими, но не абсолютными, поскольку они в разной степени сочетались со своими противоположностями» [80, с. 190-191].

Для нас опыт ЕС в построении единого агропродовольственного рынка имеет особое значение, так как российский агропродовольственный сектор сегодня по схожей линейной модели начинает активно встраиваться в систему евразийской экономической интеграции, которая на данном этапе (с 2015 г. по настоящее время) реализует этап экономического союза (Евразийский экономический союз, ЕАЭС). К основным этапам евразийской экономической интеграции, позволяющим уточнить и развить категориально-понятийный аппарат, используемый для оценки глубины интеграции АПК России в системе ЕАЭС, мы обратимся в третьем параграфе настоящей главы. Сейчас лишь отметим, что в отличие от ЕС, евразийская интеграция агропродовольственных рынков остается в основном негативной, т.е. сегодня она фокусируется, в большей степени, на выявлении и последующей отмене разного рода барьеров (торговых, экономических, финансовых) и в гораздо меньшей степени работает на

согласование определенных национальных политик, например, аграрных или агропродовольственных. Здесь стоит отметить следующую точку зрения: «Реализация линейной модели «негативной» интеграции обычно выступает результатом политической и экономической неготовности к сращиванию экономик в единый организм, наличия объективных и субъективных противоречий между членами объединения и значимых ограничений для использования ряда интеграционных механизмов, которые не позволяют в полной мере использовать концепцию «позитивной» интеграции. В то же время линейная модель «негативной» интеграции является практически идеальным вариантом «камуфляжа» для так называемой «бумажной» интеграции, поскольку позволяет получить политические дивиденды от создания интеграционного проекта без издержек, связанных с реализацией общих политик» [291, с. 167].

Не в полной мере соглашаясь с мнением выше, тем не менее следует прислушаться к ряду тревожных звонков, звучащих сегодня в АПС России и вызванных влиянием определенной разбалансировки государственного регулирования механизмов работы агропродовольственных рынков в формате евразийской интеграции. К большому сожалению, работа по реализации Раздела XXV «Агропромышленный комплекс» Договора о Евразийском экономическом союзе (Договора), подписанного в городе Астане 29 мая 2014 г. [1] и вступившего в силу с 1 января 2015 г. продвигается очень медленно. Проблемы и последствия данной ситуации подробно исследовались в нескольких научных работах автора диссертационного исследования [139; 140; 145; 148].

Объяснение большинства противоречий при реализации концепции линейной и позитивной интеграции АПС стран – участниц евразийского проекта кроется в целом ряде проблем теоретико-методологического характера, решение которых призвано учитывать экономические, политические, правовые и организационно-управленческие реалии современных аграрных отношений в России и на евразийском экономическом пространстве, их интеграционное воздействие на развитие агропродовольственного сектора.

Завершая данный параграф, уместно вспомнить какое значение придавал исследованию аграрных отношений академик РАН И.Н. Буздалов: «Аграрные отношения – важная сфера социально-экономических отношений в обществе, их фундаментальная основа. Этим определяется общая направленность и глубина теоретического осмысления сущности, движущих сил, исторических периодов развития отношений между людьми в процессе воспроизводства самого первого условия их жизнеобеспечения, то есть продуктов питания. Теория аграрных отношений, или аграрная теория, как одно из важнейших направлений науки об обществе может рассматриваться лишь с позиций системного подхода и единого мирохозяйственного процесса – какой бы ни была специфика отдельных стран. Она представляет собой тесно взаимосвязанную совокупность основополагающих идей и опирающихся на практику абстрактно-логических представлений о закономерностях развития и принципах жизнедеятельности, об экономических и социальных отношениях в сельском хозяйстве и в общих рамках социально-экономической системы государства» [77, с. 4]. Очень правильные и мудрые слова, без правильной интерпретации которых, очень сложно добиться того, чтобы аграрные отношения стали надежным фундаментом для проектирования и дальнейшего строительства эффективной национальной экономики, в которой «агропродовольственный сектор России должен стать одним из ключевых и приоритетных составляющих в системе народнохозяйственного комплекса, так как он обеспечивает продовольственную и национальную безопасность страны» [255, с. 234]. Полностью разделяя точку зрения И.Н. Буздалова, следует еще раз подчеркнуть какое серьезное значение для развития аграрных отношений сегодня представляют активные, зачастую сверхбыстрые интеграционные процессы на агропродовольственных рынках и в АПС национальных экономик. Без соответствующих глубоких исследований, без надлежащего анализа и оценки влияния разнообразных и новых факторов внешней среды на взаимодействие агропродовольственных рынков и АПС, без серьезного учета и прогнозирования возможных последствий от их воздействия – сегодня уже невозможно принимать грамотные управленческие решения (иными словами проводить эффективную

аграрную политику), позволяющие вывести систему аграрных отношений на качественно иной уровень, «следовательно, создать необходимый мультипликативный эффект прогресса в экономике страны» [75, с. 10].

1.2 Механизмы интеграционного воздействия внешней среды на агропродовольственный сектор экономики в условиях функционирования института Всемирной торговой организации

Предваряя рассуждения о диалектической взаимосвязи интеграционного воздействия на агропродовольственный сектор и механизмов работы агропродовольственных рынков в условиях Всемирной торговой организации, следует подчеркнуть, что в эту область исследований внесли значительный вклад многие российские ученые, научные интересы которых касаются проблем вступления России в ВТО, механизмов участия нашей страны в данной организации и адаптации отечественного АПК к работе в условиях ВТО. Здесь следует отметить труды таких исследователей, обращающих свое внимание на эволюцию многосторонней торговой системы, переговорный процесс, последствия присоединения России к ВТО и участия нашей страны в работе данного института, как И.И. Дюмулен [115; 116], А.В. Данильцев [112; 224], Т.М. Исаченко [126; 127], С.Ф. Сутырин [100; 302], З.Б. Хмельницкая [296; 300], работы известных экономистов-аграрников, чьи научные интересы сопряжены с исследованиями развития АПК в условиях ВТО, включая академиков РАН А.И. Алтухова [62], Э.Н. Крылатых [65; 160; 161; 166], В.В. Милосердова [183; 186], В.И. Назаренко [194; 201], А.Г. Папцова [201], И.Г. Ушачева [276; 280], отечественных ученых Е.А. Гатаулину [102; 304; 305], Н.А. Киреева [48; 135; 267], С.В. Киселева [136; 137; 224; 267], А.Я. Кибирова [65; 134; 246], В.З. Мазлоева [178; 179], В.В. Перскую [230; 231; 232], Н.И. Шагайду [304; 305], В.Я. Узуна [273; 304], Р.Г. Янбых [102; 304; 305] исследователей уральской научной школы аграрной экономики А.Н. Сёмина [65; 259; 260; 263], Б.А. Воронина [93; 94; 95; 98; 300; 389], А.Н. Митина [98; 188; 189; 389], О.Д. Рубаеву [247; 248] и др.

В подавляющем большинстве научных трудов внимание сфокусировано в большей степени на национальном АПК, последствиях от вступления России в ВТО для его дальнейшего развития, возможных вариантах адаптации работы АПК в новых экономико-правовых условиях. При этом только в сравнительно небольшом количестве научных работ, которые стали появляться в последние годы, сделаны первоначальные попытки обозначить очень серьезную проблему исследования и надлежащей оценки одновременного влияния ВТО и интеграционных процессов на агропродовольственных рынках (таможенного союза ЕврАзЭС, единого экономического пространства ЕврАзЭС, Евразийского экономического союза) для дальнейшего эффективного функционирования АПС России. Среди исследователей, обращающих свой научный интерес на данный серьезный аспект, можно отметить работы таких ученых, как А.И. Алтухов [50], Д. Седик, И. Кобута [253], Т.М. Исаченко [128], В.Е. Ковалев [141; 144; 146; 148; 346], А.П. Портанский [236; 237], О.Д. Фальченко [144; 346] и ряда других.

С какими сложностями могут столкнуться агропродовольственные рынки, когда на них одновременно оказывают свое влияние механизмы ВТО и интеграционное воздействие внешней среды, вызванное активизацией интеграционных процессов в АПС национальных экономик, попыткой их сближения или даже объединения через различные форматы, о которых много было сказано в первом параграфе первой главы диссертационной работы? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к понятийному аппарату, используемому ВТО для понимания сущности интеграционных процессов между национальными экономиками стран – членов организации, их экономико-правовому сопровождению административными структурами данного института.

ВТО формализует все интеграционные процессы через категорию «Региональное торговое соглашение». В связи с широким распространением региональных торговых соглашений (regional trade agreements, RTAs или РТС) в последние годы, вопрос о том, являются ли РТС и многосторонняя торговая система (МТС, включая институт Всемирной торговой организации) «чужими, друзьями или врагами», приобретает все большее значение [325]. С созданием

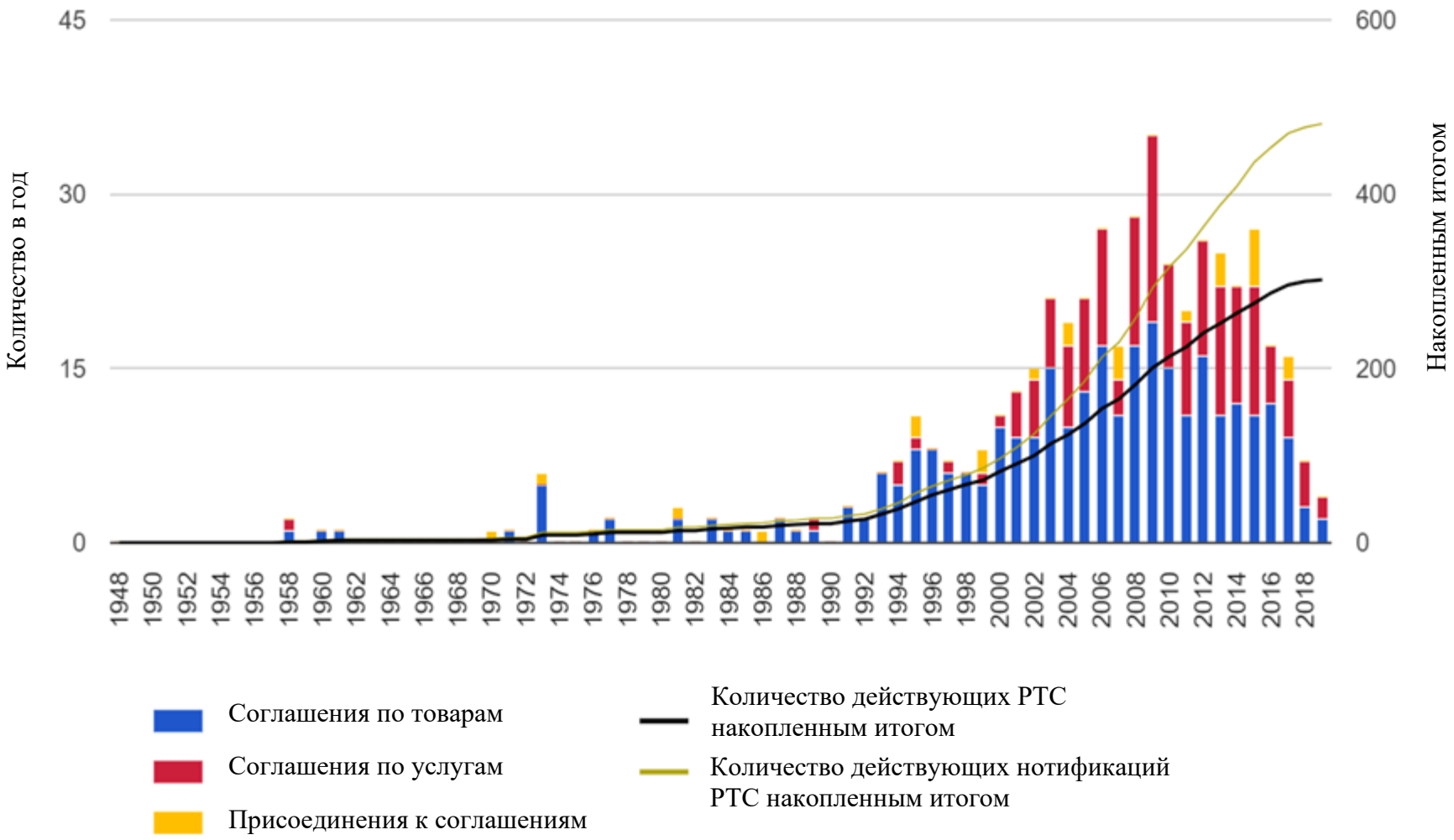
Всемирной торговой организации (ВТО) в 1995 г. «пирамидальная» структура международной торговой системы положила многосторонность на вершину этой пирамиды, регионализм и двусторонний формат внешнеторгового сотрудничества оказались в середине пирамиды, а национальная политика государств – членов ВТО в нижней части этой пирамидальной конструкции [348]. «Сейчас же вопрос сохранения этой вертикальной структуры, учитывая огромное распространение РТС в последние годы и тот факт, что ВТО постепенно утрачивает свою центральную роль в международной торговой системе, стоит очень остро. Безусловно, одностороннее обязательство многосторонней торговой системы уже невозможно, поэтому распространение РТС как инструмента дальнейшей либерализации торговли подразумевает дальнейшее размывание принципа недискриминации в рамках ВТО (отход от основополагающего принципа ВТО о предоставлении равных условий всем членам ВТО – РНБ, торгового режима наибольшего благоприятствования) и, вероятно, ставит под угрозу функционирование самой многосторонней торговой системы, т.е. обрушение верхней части пирамиды. Это ставит вопрос о том, являются ли РТС строительным блоком для дальнейшей многосторонней либерализации или камнем преткновения» [265, с. 4]. Такие известные иностранные ученые в области исследований интеграционных процессов и ВТО, как Джагдиш Бхагвати [325; 326; 327], Ричард Болдуин [320; 322], Пол Кругман [347] затрагивают этот очень важный аспект взаимосвязи РТС и ВТО в своих научных трудах.

Особого внимания в связи с отмеченными особенностями реализации РТС в системе ВТО заслуживают формулировки пункта 28 Декларации по итогам десятой юбилейной Министерской конференции ВТО в Найроби, завершившейся 19 декабря 2015 г.: «Мы вновь подтверждаем необходимость обеспечения того, чтобы региональные торговые соглашения (РТС) по-прежнему дополняли многостороннюю торговую систему, а не заменяли ее. В этой связи мы поручаем Комитету по региональным торговым соглашениям (CRTA) обсудить системные последствия РТС для многосторонней торговой системы и их связь с правилами ВТО. В целях повышения транспарентности и понимания РТС и их последствий

мы соглашаемся работать над преобразованием нынешнего временного механизма прозрачности в постоянный механизм в соответствии с Решением Генерального совета от 14 декабря 2006 г. без ущерба для вопросов, связанных с требованиями к уведомлению» [356]. Таким образом, члены ВТО еще раз официально заявляют, что РТС должны оставаться взаимодополняющими элементами, а не заменять многостороннюю торговую систему.

Еще раз подчеркнем: несмотря на то, что РТС формально противоречат фундаментальному принципу ВТО о торговом режиме наибольшего благоприятствования, нормативно-правовая база ВТО допускает их создание, как определенное исключение из общих правил функционирования многосторонней торговой системы, однако предусматривает при этом процедуру нотификации данных соглашений и их учет в соответствующем реестре организации. Это касается ситуации, когда хотя бы одна из стран, образующих РТС, одновременно является и членом ВТО. Настоящий бум РТС начинается в период 2000-х гг., когда положительный исход очередного раунда многосторонних торговых переговоров в системе ВТО (раунд в Дохе, Doha Development Agenda) серьезно ослабляется отсутствием консенсуса между членами организации по установленным повесткой переговоров торгово-экономическим вопросам. Серьезный восходящий тренд, начавшийся в эти годы и демонстрирующий неуклонный рост количества действующих РТС в современном мире можно увидеть на следующем графике (рисунок 3).

Стремительное «распространение РТС значительно усложняет торгово-политическую обстановку, что в последние годы вызывает весьма высокую обеспокоенность сторонников ВТО и участников международной торговли в целом. Образование и рост числа РТС создают среду неоднородности правил торговли, искажая тем самым конкуренцию на мировом рынке» [236, с. 13]. Сейчас активно используется термин «миска спагетти» («Spaghetti Bowl»), который ввел в экономическую литературу ученый Джагдиш Бхагвати [328].

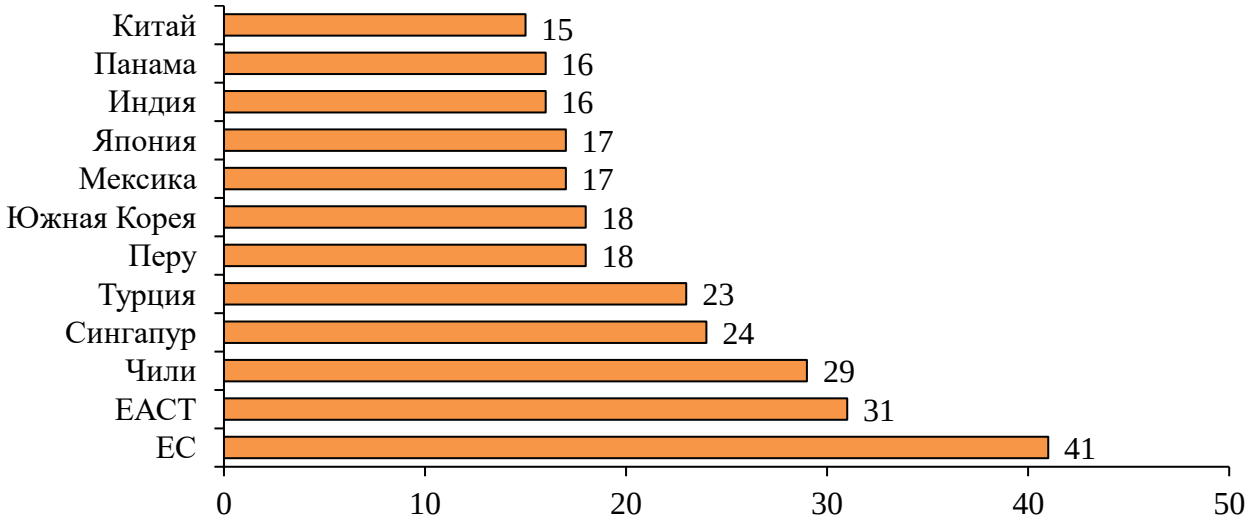


Примечание – Перевод автора.

Рисунок 3 – Количество действующих РТС (по годам вступления в силу) с 1948 по 2019 г. [363]

Этот термин был впервые использован в 1995 г. и означает всю сложность взаимопроникновения и переплетения правил и требований, в которых взаимодействуют страны – члены ВТО, одновременно являясь участниками других торговых соглашений, что отражает современный феномен «многостороннего регионализма», о котором, в том числе опираясь на работы Бхагвати, рассуждал известный ученый Ричард Болдуин [323; 322].

По сути, региональными соглашениями, затрагивающими вопросы торговых взаимоотношений отдельных стран и регионов, а значит и агропродовольственные рынки этих стран и регионов, связанные друг с другом цепями поставок товаров, оказанием сопутствующих услуг, перемещением факторов производства, включая капитал и рабочую силу, инвестиционным и кооперационным сотрудничеством, охвачен весь мир (рисунок 4).



Примечание – Составлено автором по: [362].

Рисунок 4 – География действующих РТС

Как можно видеть, РТС рассредоточены по всем регионам, при этом на пространстве СНГ насчитывается 46 подобных соглашений, что свидетельствует об очень активном включении стран постсоветского пространства в общемировые процессы регионализации. При этом механизмы работы всех РТС – это внутренний контур системы торгово-экономического взаимодействия стран

и регионов («регионализм»), а внешний контур этой системы – это институт ВТО («многосторонность»). Таким образом, взаимодействие стран с институтом ВТО, т.е. с внешним контуром системы их торгово-экономического сотрудничества, может оказывать очень серьезное деструктивное влияние на внутренний контур системы, где сфокусированы РТС, в которых эти страны – члены ВТО принимают участие и в рамках которых сосуществуют их агропродовольственные рынки. Иными словами, у отдельных РТС, а значит и агропродовольственных рынков участников этих РТС, может возникать больше сложностей с внешним контуром системы, у отдельных меньше. С чем это связано? Ответ и простой, и сложный одновременно, так как он зависит от определенных сценариев реализации РТС и будет для каждой ситуации иметь свою специфику, которая, в свою очередь, сформируется под влиянием выбранных форматов реализации РТС (линейная интеграция или нелинейная интеграция), а также степени глубины проникновения на рынки, включая агропродовольственный сектор, интеграционного воздействия (негативная интеграция или позитивная интеграция).

Проанализируем, какие в первую очередь форматы реализации РТС сейчас пользуются наибольшей популярностью (таблица 3).

Таблица 3 – Форматы реализации РТС по типам соглашений, ед.

Тип РТС	Разрешающая оговорка (enabling clause)	ГАТС (ст. V)	ГАТТ (ст. XXIV)	Итого
Таможенный союз	7	–	11	18
Таможенный союз (через присоединение к действующему РТС)	2	–	10	12
Соглашение об экономической интеграции	–	153	–	153
Соглашение об экономической интеграции (через присоединение к действующему РТС)	–	7	–	7
Зона свободной торговли	17	–	239	256
Зона свободной торговли (через присоединение к действующему РТС)	1	–	3	4
Соглашение с частичной сферой охвата	28	–	–	28
Соглашение с частичной сферой охвата (через присоединение к действующему РТС)	2	–	–	2
Итого	57	160	263	480
Примечание – Составлено по: [336]. Перевод автора.				

По состоянию на 2019 г. ВТО фиксирует, что среди 480 действующих и нотифицированных РТС больше половины приходится на соглашения о зонах свободной торговли (ЗСТ, Free Trade Agreement) – 260, или 54,1%; второе место по количеству занимают так называемые соглашения об экономической интеграции (СЭИ, Economic Integration Agreement) – 160, или 33,3%; замыкают список соглашения с частичной сферой охвата (СЧО, Partial Scope Agreement, предусматривающие обеспечение условий преференциальной торговли между участниками) – 30, или 6,3%, и соглашения, предусматривающие создание и функционирование таможенных союзов (ТС, Customs Union) – 30, или 6,3%.

Данные ВТО свидетельствуют, что в мире доминируют ЗСТ, т.е. линейные интеграционные проекты, со сравнительно небольшой глубиной интеграционного воздействия, затрагивающие исключительно возможности свободного (беспошлинного) перемещения всех или отдельной группы товаров, производимых предприятиями стран – участниц ЗСТ для обращения на рынках государств, заключивших подобное РТС. Еще меньше интеграционного проникновения обеспечивает СЧО, которое также предусматривает «линейность» и при желании может быть трансформировано в ЗСТ. Таким образом, около 60% всех РТС являются линейными по своему формату реализации и начальными по уровню глубины интеграционного воздействия, с точки зрения классической стадийности интеграционных процессов, предложенных Б. Балассой. Это означает, что ЗСТ и СЧО затрагивают только внутренний контур системы торгово-экономического сотрудничества, упомянутой выше (взаимно открывают товарные рынки, но не затрагивают торговую политику в отношении третьих стран) и не вступают в конфликт с внешним контуром – институтом ВТО, если только не считать нарушение принципа РНБ, который внешний контур хотя и не поддерживает, но напрямую не запрещает.

Еще один пласт РТС – это СЭИ, которые, благодаря очень гибкому («нелинейному») формату своей реализации при одновременных возможностях применения глубокого интеграционного воздействия, набирают в последние несколько лет всю большую популярность среди многих стран – членов ВТО.

Здесь можно согласиться с тем, что «смещение общемирового тренда в сфере интеграции в сторону подписания так называемых соглашений об экономической интеграции, предполагающих не тотальное формирование единой таможенной территории и (или) общего рынка без изъятий и ограничений, а либерализацию движения товаров и услуг в выбранных секторах с сохранением определенных ограничений в чувствительных областях, выступает абсолютно закономерной тенденцией, обусловленной современной спецификой регулирования трансграничного обмена продуктами и факторами производства. Наиболее ярким проявлением указанной тенденции выступает возникновение нового формата интеграционного взаимодействия – так называемых экономических партнерств, набирающих все большую популярность в современном мире» [290, с. 101].

Соглашения об экономической интеграции способствуют не только постоянному расширению географии современных РТС, которые, как было упомянуто, в большей или меньшей степени, затрагивает практически все регионы современного мира, но и значительно изменяют их повестку, которая становится все более обширной [322]. В течение многих лет большинство РТС были ориентированы на членов географически близких друг к другу (ЕС, НАФТА, ЭКОВАС, АСЕАН), однако страны или региональные блоки сегодня все чаще обсуждают РТС с различными географически удаленными партнерами (например, проекты Всеобъемлющего экономического и торгового соглашения – CETA или Транстихоокеанского партнерства – TPP) [377].

Необходимо особенно отметить, что «по существу партнерства отличаются от большинства современных интеграционных проектов лишь широтой охвата участников: большинство из них относится к соглашениям о расширенной и углубленной зоне торговли (т.е. подразумевают либерализацию как в сфере торговли товарами, так и в сфере услуг), которые по классификации ВТО называются «соглашениями об экономической интеграции», а в научном обиходе нередко обозначаются как «ЗСТ+» или «ВТО+». Подобные соглашения, сочетающие в себе характеристики зоны свободной торговли и общего рынка (то есть первой и третьей стадии интеграционного процесса по классификации

Б. Балашши) без образования таможенного союза, опровергают правомерность классической стадийности интеграционного процесса и базируются на концепции «нового» или «открытого» регионализма» [290, с. 101]. Это очень важный момент, так как «нелинейность» интеграционного формата СЭИ позволяет обойти стадию таможенного союза (на наш взгляд, самую конфликтную с точки зрения взаимодействия участников РТС и ВТО) и при этом обеспечивать более глубокое интеграционное воздействие на рынки, по сравнению с линейным форматом ЗСТ. Данный тип РТС также вполне укладывается в общую систему торгово-экономического сотрудничества и при этом не провоцирует конфликты между ее внутренним («регионализм») и внешним («многосторонность») контурами для стран-участниц. Товарные рынки при этом, включая, безусловно, и агропродовольственные, помимо свободного (беспошлинного) обращения на них сельскохозяйственного сырья и продовольствия, произведенного в странах, заключивших СЭИ, получают дополнительные возможности (которые, впрочем, могут превратиться и в угрозы, если рынки к этому не будут готовы) для повышения эффективности взаимодействия через свободное перемещение услуг, сопутствующих производству агропродовольственных товаров, а также факторов производства, включая капитал и (или) рабочую силу, что может значительно усиливать инвестиционное сотрудничество на этих товарных рынках, стать серьезным катализатором для развития кооперационных связей.

Однако при значительном росте СЭИ продолжает существовать ряд РТС в виде таможенных союзов, на которые приходится только около 6% от всех заключенных в мире региональных торговых соглашений. Почему можно утверждать, что таможенный союз – это самая непростая схема реализации интеграционных намерений стран, если они или уже являются членами ВТО, или собираются присоединиться к участию в работе данной организации?

Логичнее начать ответ на этот вопрос, принимая во внимание определенные дефиниции, используемые в ВТО. Действительно, пока речь идет о таких формах интеграционного сотрудничества, как зона преференциальной торговли или зона

свободной торговли, не затрагивающих национальную систему тарифных обязательств стран-участниц перед ВТО, влияние правил ВТО, формирующих правовой каркас глобальной торговой системы, является гораздо менее чувствительным для членов интеграционных соглашений, нежели когда речь идет о продвинутых формах интеграции, в первую очередь линейных моделях, включающих этап создания таможенных союзов. Для агропродовольственных рынков это может стать мощным дестабилизирующим фактором, так как при единстве таможенной территории могут наблюдаться серьезные изъятия из функционирования единого таможенного тарифа, который страны принимают на этапе реализации интеграционного формата таможенного союза.

Все страны, вступающие в ВТО, принимают на себя серьезные нормативно-правовые обязательства, которые можно включить в общую для всех участников категорию «многосторонние торговые соглашения» (МТС). Иными словами, с правовой точки зрения институт ВТО является своеобразным многосторонним контрактом, где стороны принимают определенный пакет соглашений, включая, например, Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ), Генеральное соглашение по торговле услугами (ГАТС), Соглашение по инвестиционным мерам, связанным с торговлей (ТРИМС), имеющее огромное значение для агропродовольственных рынков Соглашение по сельскому хозяйству и многие другие. На основе этих МТС строится система тарифных обязательств члена ВТО.

Одним из ключевых элементов этой системы для любой страны, завершающей переговоры по присоединению к ВТО, является так называемое связывание, или консолидация ставок таможенных пошлин (binding tariff rates). Это процесс выполнения юридических обязательств, принятых государством в ходе торговых переговоров, не повышать размер ставок таможенных пошлин на конкретные товары, обозначенные в перечне тарифных обязательств данной страны, выше уровня, установленного в ходе переговорного процесса по присоединению к ВТО.

Таким образом, связанные тарифы (bound tariffs) – это конкретные обязательства, принятые отдельными правительствами стран – членов ВТО.

Связанный тариф – это максимальный уровень тарифа РНБ для отдельно взятой товарной линии. Когда страны вступают в ВТО или когда члены ВТО обсуждают уровни тарифов друг с другом во время торговых раундов, они заключают соглашения о связанных тарифных ставках, а не о фактически применяемых тарифах [384]. Иначе говоря, в тарифных переговорах государство может принять обязательство связать (консолидировать) действующий уровень (applied rate) таможенных пошлин на конкретные товары или снизить его и связать пониженный уровень. Правила ВТО допускают установление так называемого предельного уровня (ceiling rate) ставок, который может оказаться выше, чем действующий уровень, установленный в ходе тарифных переговоров (например, в переговорах согласован сниженный уровень применяемых пошлин в 5% и предельный уровень в 10%). При этом разрыв (гэп) между связанными и применяемыми ставками таможенных пошлин называется «навес связывания» (binding overhang). Эксперты в области торговли утверждают, что большой навес связывания делает торговую политику страны менее предсказуемой. Этот разрыв в среднем обычно невелик в промышленно развитых странах и часто является довольно большим в развивающихся странах [384]. Таким образом, связанные тарифы не обязательно являются реальной ставкой, которую член ВТО применяет на практике к товарам других стран – участниц организации. Государства в системе ВТО имеют возможность гибко увеличивать или уменьшать свои тарифы (на недискриминационной основе) до тех пор, пока они не подняли их выше своих предельно установленных связанных уровней. Если один член ВТО поднимает применяемые тарифы выше связанного уровня, другие члены организации могут инициировать торговый спор и начать соответствующие разбирательства через структуры ВТО. Если страна отказывается снижать применяемые тарифы ниже связанных уровней, то другие государства – члены ВТО имеют право запросить компенсацию в виде установления собственных более высоких тарифных ставок. Другими словами, применяемый тариф (applied rate) должен быть меньше или равен связанному тарифу (bound tariff) на практике для любого конкретного товара, находящегося в обращении на рынках стран – членов ВТО.

Следует подчеркнуть, что информационные данные о тарифах членов ВТО бывают двух типов: 1) связанные ставки (максимальные ставки, указанные в графиках обязательств членов ВТО или так называемых перечнях обязательств); 2) применяемые тарифы (взимаемые участниками в настоящее время, которые могут быть ниже связанных тарифов). При этом базы данных ВТО о тарифах содержат информацию как о связанных, так и о применяемых тарифах [337].

Какое же отношение все сказанное относительно тарифных обязательств страны перед ВТО, имеет для агропродовольственного сектора? Посмотрим на статистику этой организации, фиксирующей долю связанных таможенных тарифов в разных странах (таблица 4).

Таблица 4 – Связывание таможенных тарифов стран – членов ВТО, %

Страна – член ВТО	Процент связывания таможенного тарифа	Страна – член ВТО	Процент связывания таможенного тарифа
Австралия	97,1	Китай	100,0
Бангладеш	16,8	Малайзия	84,3
Бразилия	100,0	Нигерия	20,1
Европейский союз	100,0	Россия	100,0
Израиль	75,6	США	100,0
Индия	74,3	Турция	50,5
Канада	99,6	Япония	99,7
Примечание – Составлено автором по: [380].			

В таблице представлена выборочная информация по отдельным странам мира. Как можно увидеть, у России в тарифном регулировании нет возможностей для маневров, мы имеем 100%-е покрытие обязательствами перед ВТО по «связыванию» нашего уровня таможенно-тарифной защиты. Это касается всех без исключения рынков, включая агропродовольственные. То есть Россия устанавливает свои ставки таможенных пошлин только в пределах связанного уровня, выше их поднять она имеет право только через повторные переговоры.

Еще раз подчеркнем, что абсолютно вся товарная номенклатура в России связана обязательствами перед ВТО (включая весь спектр агропродовольственных товаров групп 01-24 HS, а также отдельных групп и товарных позиций остальной

части HS)[1] и в этом мы «преуспели» даже лучше некоторых развитых стран, включая, например, Австралию или Израиль, не говоря уже о большинстве развивающихся государств. Это, безусловно, снижает наши возможности по использованию тарифных инструментов для аграрного протекционизма, а в условиях линейной интеграции агропродовольственных рынков на этапе формирования таможенного союза не оставляет шансов избежать проблем с ВТО.

Для демонстрации механизма связывания таможенного тарифа можно взять любой агропродовольственный товар (группы HS 01-24), например, картофель (свежий или охлажденный) (таблицы 5 и 6).

На основе ГС по картофелю (свежему или охлажденному, группа HS 07) Россия берет на себя обязательства перед ВТО по четырем возможным тарифным линиям: картофель семенной (0701 10 000 0), картофель, прочий, для производства крахмала (0701 90 100 0), картофель, прочий, молодой, с 1 января по 30 июня (0701 90 500 0) и картофель, прочий, прочий (0701 90 900 0).

Как видим, по картофелю семенному нашей страной приняты самые жесткие тарифные обязательства – 5% (минимальная ставка пошлины, а значит, наибольшая открытость рынка), при этом ставка сразу связана на данном уровне и нет никаких переходных (имплементационных) периодов (implementation) по ее плавному достижению в течение определенного времени.

По остальным трем товарным позициям, затрагивающим картофель (свежий или охлажденный), ставки таможенных пошлин на момент присоединения России к ВТО (2012 г.) были связаны на уровне 15%, но к 2015 г. (по графику, имеющему характер обязательств, представленному в таблице 6) Россия обязалась их сократить до итогового уровня связывания в 10%, что она благополучно сделала, и об этом свидетельствует действующий (на 2019 г.) уровень тарифной защиты, который можно увидеть в таблице 7.

---

[1] Harmonized Commodity Description and Coding Systems (HS) – Гармонизированная система (ГС) описания и кодирования товаров, которая позволяет участвующим в международной торговле странам классифицировать продаваемые товары на общей основе для таможенных целей.

Таблица 5 – Тарифные обязательства Российской Федерации перед ВТО по картофелю (свежему или охлажденному)

Код ГС	Описание	Уровень связывания таможенных пошлин на дату присоединения, %	Конечный уровень связывания, %	Переходный период	Страны, имеющие первоначальное переговорное право (код согласно Общероссийскому классификатору стран мира (ОКСМ))
07	Овощи и некоторые съедобные корнеплоды и клубнеплоды				
0701	Картофель свежий или охлажденный:				
0701 10 0000	- семенной	5			EG, EU27, US
0701 90	- прочий:				
0701 90 1000	- - для производства крахмала	15	10	2015	DO, EG, EU27, GE, HN, IL, JP, US
	- - прочий:				
0701 90 5000	- - - - молодой, с 1 января по 30 июня	15	10	2015	DO, EG, EU27, GE, HN, IL, JP, US
0701 90 900 0	- - - прочий	15	10	2015	DO, EG, EU27, GE, HN, IL, JP, US
Примечание – Составлено по: [315]. Перевод автора.					

Таблица 6 – График связывания ставок таможенных пошлин на картофель (свежий или охлажденный), согласованный Россией с ВТО*

Код ГС	Связанная ставка таможенной пошлины, %								
	До вступления	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
0701 90 100 0	15,0	13,3	11,7	10,0	10,0	10,0	10,0	10,0	10,0
0701 90 500 0	15,0	13,3	11,7	10,0	10,0	10,0	10,0	10,0	10,0
0701 90 900 0	15,0	13,3	11,7	10,0	10,0	10,0	10,0	10,0	10,0
Примечание – Составлено по: [315]. Перевод автора. * Имплементационный период завершился в 2015 г.									

Таблица 7 – Действующий уровень тарифной защиты в России на картофель (свежий или охлажденный)

Код ТН ВЭД	Наименование позиции	Ставка ввозной таможенной пошлины, %
0701	Картофель свежий или охлажденный:	
0701 10 000 0	- семенной	5
0701 90	- прочий:	
0701 90 100 0	- - для производства крахмала	10
	- - прочий:	
0701 90 500 0	- - - молодой, с 1 января по 30 июня	10
0701 90 900 0	- - - прочий	10
Примечание – Составлено автором по: [6].		

Таким образом, Россия сегодня не может в одностороннем порядке повышать ставки таможенных пошлин на картофель (свежий или охлажденный) сверх связанных в ВТО уровней без повторных переговоров с другими членами организации. Данные повторные переговоры страна обязана провести в первую очередь с указанными в графе INR[1] государствами (таблица 5), имеющими так называемое первоначальное торговое право. И если наличие таких стран, как Египет (EG) или Израиль (IL), объединение государств, представляющих Европейский союз (EU27), не вызывает большого удивления, поскольку эти внешнеторговые партнеры России практиковали поставки картофеля (свежего или охлажденного) в нашу страну, то присутствие в этом же перечне государств, имеющих – и здесь следует еще раз подчеркнуть – первоначальное торговое право, таких как, например, Доминиканская Республика (DO) или Гондурас (HN), вызывает искреннее изумление. Тем не менее у всех этих государств абсолютно равные права в торговых переговорах с Россией по картофелю в рамках ВТО. Если вдруг наша страна решит увеличить ставки таможенных пошлин выше «связанных» максимальных уровней, указанных в перечне тарифных обязательств, являющихся неотъемлемой частью Протокола

[1] Initial Negotiating Right (первоначальное переговорное право, INR) – приобретаемое государством в процессе торговых переговоров право в соответствии с которым предоставляется тарифная уступка. Действие тарифной уступки на основе РНБ далее распространяется на других стран – членов ВТО. Однако в случае изъятия или модификации в будущем этой тарифной уступки, повторные торговые переговоры об этом должны быть начаты со страной, первоначально получившей такую уступку.

о присоединении России к ВТО, она будет обязана достичь консенсуса со всеми без исключения заинтересованными сторонами, т.е. государствами из списка INR. При этом можно предполагать, что подобные повторные переговоры способны продолжаться очень долгий период времени и не привести к желаемому результату, по причине того, что большие экономики, такие как, например, США, которые также входят в INR по картофелю, могут вести диалог с Россией с позиции интересов маленьких экономик, таких как Грузия (GE) или Гондурас (HN), а последние, находясь в определенной зависимости от упомянутой большой экономики, будут разными способами затягивать переговорный процесс.

Если ситуация по картофелю выглядит не очень сложной с точки зрения тарифных обязательств перед ВТО и количества возможных тарифных линий, то по целому ряду агропродовольственных товаров механизм «связывания» является гораздо более сложным, предусматривающим, например, использование тарифных квот, применение плоских тарифов в случае ухода от работы по тарифной квоте, распределение данных квот между поставщиками различных стран и т.д.

Подобный механизм трансформации таможенной защиты в агропродовольственном секторе наблюдается на рынках, связанных с оборотом мяса крупного рогатого скота, свежего или охлажденного (HS 0201), мяса крупного рогатого скота, замороженного (HS 0202), свинины свежей, охлажденной или замороженной (HS 0203), мяса и пищевых субпродуктов домашней птицы, свежей, охлажденной или замороженной (HS 0207).

Давайте на примере отдельных товарных позиций мяса птицы подробнее посмотрим на этот механизм (таблица 8). Как можно видеть, в товарной субпозиции (HS 0207 14 – части тушек и субпродукты, замороженные), а именно к этой субпозиции, к слову, относится такой агропродовольственный товар, который успел стать притчей во языцех – куриные окорочка, Россия, присоединяясь к ВТО, взяла на себя следующие обязательства по трем тарифным линиям (HS 0207 14 100 0 ### – части тушек, мясо обваленное), (HS 0207 14 200 0 ### – необваленные, половины или четвертины), (HS 0207 14 600 0 ### – ножки и куски из них):

Таблица 8 – Тарифные обязательства Российской Федерации перед ВТО по отдельным товарным позициям мяса и пищевых субпродуктов домашней птицы, свежих, охлажденных или замороженных (кур домашних, *Gallus domesticus*)

Код ГС	Описание	Уровень связывания таможенных пошлин на дату присоединения, %	Конечный уровень связывания, %	Переходный период, лет	Страны, имеющие первоначальное переговорное право (код ОКСМ)
0207 14	- - части тушек и субпродукты, замороженные				
	- - - части тушек:				
0207 14 100 0 ###	- - - - бескостное мясо:	80	80 | 37,5 (прим. 3е)	0 (прим. 3е)	BR, CA, CO, EU27, JP, TH, US
	- - - - мясо с костями:				
0207 14 200 0 ###	- - - - - половины или четвертины	80	80 | 37,5 (прим 3е)	0 (прим. 3е)	BR, CA, CO, EU27, JP, TH, US
0207 14 600 0 ###	- - - - - ножки и куски из них	80	80 | 37,5 (прим. 3е)	0 (прим. 3е)	BR, CA, CO, EU27, TH, US

Описание	Код ГС	Начальная квота, тыс. т	Ставка таможенной пошлины внутри квоты, %	Конечная квота, тыс. т	Ставка таможенной пошлины внутри квоты, %	Страны, имеющие первоначальное переговорное право (код ОКСМ)	Другие условия
Мясо и пищевые субпродукты домашней птицы свежие, охлажденные или замороженные	0207 14 200 0	250	25	250	25	BR, CA, CO, EU27, JP, TH, US	В случае отмены тарифной квоты применяется фиксированная ставка в размере 37,5%
	0207 14 600 0	250	25	250	25	BR, CA, CO, EU27, TH, US	–
	0207 14 100 0	100	25	100	25	BR, CA, CO, EU27, JP, TH, US	Годовая квота в размере 100 тыс. т продукции распределяется между Европейским союзом – 80 тыс. т и остальными членами ВТО – 20 тыс. т. Ставка таможенной пошлины за пределами квоты составляет 80%
Примечание – Составлено по: [373; 374]. Перевод автора.							

- ставка таможенной пошлины внутри квоты составляет 25%, при этом на полный код товара (HS 0207 14 100 0 ### – части тушек, мясо обваленное) дается годовая квота в размере 100 тыс. т продукции, распределяемая между Европейским союзом – 80 тыс. т и остальными членами ВТО – 20 тыс. т. Ставка таможенной пошлины за пределами квоты составляет 80%;

- на два полных кода товаров (HS 0207 14 200 0 ### – необваленные, половины или четвертины), (HS 0207 14 600 0 ### – ножки и куски из них), установлена годовая квота в размере 250 тыс. т продукции без распределения между конкретными членами ВТО. Ставка таможенной пошлины за пределами квоты составляет 80%;

- в случае отмены тарифных квот на свежую, охлажденную или замороженную птицу для всех тарифных линий субпозиции (HS 0207 14 – части тушек и субпродукты, замороженные) применяется фиксированная ставка в размере 37,5%.

Таким образом, все связывания таможенного тарифа на агропродовольственные товары происходят на национальном уровне, и это, как можно отметить из двух конкретных примеров, приведенных выше, является непростой задачей. Когда же страна – член ВТО принимает решение об интеграции этого агропродовольственного рынка с подобным рынком другого государства, которое также состоит в ВТО, на повестку дня остро выходит вопрос согласованного выполнения тарифных обязательств данных стран перед этой организацией.

И здесь мы еще раз возвращаемся к классификации РТС, которая была подробно рассмотрена в начале данного параграфа работы. Дело в том, что проблемы гармонизации тарифных обязательств стран перед ВТО, агропродовольственные рынки которых находятся в активных процессах интеграции, не возникнет, если речь идет о СЧО, ЗСТ либо СЭИ. Перечисленные форматы не затрагивают самостоятельности в проведении таможенной политики объединяющихся государств, а значит, их торгово-таможенные отношения с третьими странами, которые не участвуют в РТС, будут продолжать

реализовываться на национальном уровне. Другими словами, система торгово-экономического сотрудничества данных стран при реализации интеграционных форматов СЧО, ЗСТ или СЭИ не провоцирует конфликты между ее внутренним («регионализм», РТС) и внешним («многосторонность», ВТО) контурами для стран-участниц.

Принципиально иная ситуация возникает с интеграционным форматом таможенного союза, требующего разработки единого таможенного законодательства и системы регулирования для участников РТС, включая формирование и реализацию единой товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности (ТН ВЭД), единого таможенного тарифа, единых подходов к нетарифному регулированию международной торговли, общих правил работы механизма тарифных преференций и многое другое.

Если тарифные обязательства стран – членов подобного РТС перед ВТО имеют значительные расхождения, а государства не могут провести их гармонизацию, привести эти обязательства к определенному единообразию и инкорпорировать в общий пакет требований, соблюдение которого удовлетворило бы как внутренний контур системы, т.е. самих членов РТС внутри таможенного союза, так и внешний контур системы, т.е. отношения членов РТС с ВТО, то в этом случае возникает ситуация, когда агропродовольственные рынки и АПС могут находиться в эпицентре негативного интеграционного воздействия внешней среды по причине ее кардинальной трансформации.

Если мы вернемся к таблицам 5, 6, 8 и представим себе, что подобные, но отличающиеся от российских тарифных обязательств, имеет перед ВТО наш партнер по таможенному союзу (а этот партнер не один, их несколько, и у всех свои собственные, отличные друг от друга обязательства, свои перечни INR, свои имплементационные периоды), то сразу же возникнет вопрос о том, как это все гармонизировать и можно ли в принципе это сделать.

С точки зрения ВТО проблема решается достаточно просто, если страны, партнеры по таможенному союзу, могут принять на себя самые жесткие из имеющихся у них в совокупности тарифных обязательств. В теории это означает

следующее: если у Российской Федерации на картофель для производства крахмала связанная ставка находится на уровне 10%, а у двух партнеров по потенциальному таможенному союзу – членов ВТО, к примеру, 6 и 3% соответственно, то общим обязательством для всех партнеров по таможенному союзу перед ВТО при переходе на единый таможенный тариф должна стать минимальная связанная ставка 3%. В этом случае общие тарифные обязательства являются недискриминационными по отношению к любому из остальных членов ВТО, не участвующих в данном таможенном союзе. Практика будет, безусловно, совсем другой. Это связано в том числе с тем, какую огромную роль (как фискальную, так и регулирующую) играют таможенные пошлины в макроэкономическом планировании для Российской Федерации.

Достаточно взглянуть на статистику ВТО, демонстрирующую нам динамику среднего уровня тарифной защиты на агропродовольственные товары в России с учетом адвалорного эквивалента[1] (таблица 9).

Таблица 9 – Средний уровень тарифной защиты на агропродовольственные товары в России с учетом адвалорного эквивалента

Товарная группа	2012	2013	2014	2015	2016
HS-01 – Живые животные	4,8	2,7	2,7	2,7	2,7
HS-02 – Мясо и пищевые мясные субпродукты	32,6	28,0	27,9	27,7	27,6
HS-03 – Рыба и ракообразные, моллюски и прочие водные беспозвоночные	10,5	10,5	8,6	7,4	6,5
HS-04 – Молочная продукция; яйца птиц; мед натуральный; пищевые продукты животного происхождения, в другом месте не поименованные или не включенные	15,6	14,9	15,5	14,7	13,8
HS-05 – Продукты животного происхождения, в другом месте не поименованные или не включенные	8,3	8,3	8,3	8,1	8,2
HS-06 – Живые деревья и другие растения; луковицы, корни и прочие аналогичные части растений; срезанные цветы и декоративная зелень	12,7	12,7	7,7	6,5	5,4
HS-07 – Овощи и некоторые съедобные корнеплоды и клубнеплоды	14,9	14,9	13,6	12,4	11,5

[1] Адвалорный эквивалент (ad valorem equivalent, AVE) – методика перевода тарифов, не являющихся адвалорными, т.е. состоящими из комбинированных и (или) специфических ставок, в определенный процент от цены – адвалорный эквивалент, позволяющий учесть специфическую составляющую ставок в оценке среднего уровня тарифной защиты, выраженного в процентах.

Продолжение таблицы 9

Товарная группа	2012	2013	2014	2015	2016
HS-08 – Съедобные фрукты и орехи; кожура цитрусовых плодов или корки дынь	6,8	6,5	5,9	5,5	5,3
HS-09 – Кофе, чай, мате, или парагвайский чай, и пряности	5,5	5,5	5,1	4,8	4,7
HS-10 – Злаки	9,3	7,0	6,2	5,9	5,7
HS-11 – Продукция мукомольно-крупяной промышленности; солод; крахмалы; инулин; пшеничная клейковина	15,1	13,3	11,2	10,6	10,0
HS-12 – Масличные семена и плоды; прочие семена, плоды и зерно; лекарственные растения и растения для технических целей; солома и фураж	4,3	4,3	3,9	3,8	3,9
HS-13 – Шеллак природный неочищенный; камеди, смолы и прочие растительные соки и экстракты	5,0	5,0	5,0	5,0	5,0
HS-14 – Растительные материалы для изготовления плетеных изделий; прочие продукты растительного происхождения, в другом месте не поименованные или не включенные	13,0	13,0	11,6	10,8	10,1
HS-15 – Жиры и масла животного или растительного происхождения и продукты их расщепления; готовые пищевые жиры; воски животного или растительного происхождения	11,5	10,5	10,0	9,6	9,2
HS-16 – Готовые продукты из мяса, рыбы или ракообразных, моллюсков или прочих водных беспозвоночных	18,4	17,9	15,8	14,7	13,5
HS-17 – Сахар и кондитерские изделия из сахара	24,7	24,1	24,3	22,9	23,4
HS-18 – Какао и продукты из него	9,9	7,6	6,6	6,1	5,5
HS-19 – Готовые продукты из зерна злаков, муки, крахмала или молока; мучные кондитерские изделия	14,5	14,5	13,4	12,6	12,3
HS-20 – Продукты переработки овощей, фруктов, орехов или прочих частей растений	13,8	13,4	11,7	10,5	9,5
HS-21 – Разные пищевые продукты	18,9	16,2	14,6	13,1	11,7
HS-22 – Алкогольные и безалкогольные напитки и уксус	37,3	36,4	49,8	41,4	35,3
HS-23 – Остатки и отходы пищевой промышленности; готовые корма для животных	5,4	5,3	4,6	4,4	4,3
HS-24 – Табак и промышленные заменители табака	17,2	17,2	15,6	15,0	14,2
Примечание – Составлено по: [340]. Перевод автора.					

В товарных группах гармонизированной системы с 01 по 24, включающих в себя почти весь перечень агропродовольственных товаров, можно увидеть следующее. Во-первых, практически все тарифные обязательства России перед ВТО связаны не через простые адвалорные ставки (выраженные в процентах от таможенной стоимости), а через сложную систему адвалорных, комбинированных и специфических ставок таможенных пошлин и тарифных квот (19 из 24 товарных групп в 2016 г., т.е. 79% от общего числа, выделенные в таблице 9 оранжевым цветом и по которым рассчитывается адвалорный эквивалент), что предусматривает достаточно сложный механизм согласования процесса тарифного связывания с ВТО на отдельные позиции и субпозиции сельскохозяйственного

сырья и продовольствия, последующую сложность пересмотра достигнутых условий с данной организацией. Во-вторых, в таблице 9 можно видеть достаточно много примеров двузначных ставок таможенных пошлин на важнейшие для жителей любого государства продукты питания, включая группу 02 «Мясо и пищевые мясные субпродукты», где средний уровень тарифной защиты, постепенно снижаясь с 2012 г. (момента присоединения России к ВТО) с 32,6% достигает в 2016 г. все еще очень внушительных 27,6%, группу 04 «Молочная продукция; яйца птиц; мед натуральный; пищевые продукты животного происхождения, в другом месте не поименованные или не включенные», группу 07 «Овощи и некоторые съедобные корнеплоды и клубнеплоды» и др.

Приведенные особенности механизма тарифного «связывания» на агропродовольственном рынке России и общий высокий уровень тарифной защиты на продовольственные товары еще больше подкрепляют разделяемое нами мнение академиков РАН В.И. Назаренко и А.Г. Папцова относительно того, что «сельское хозяйство в экономическом плане не является самодостаточной отраслью, а рынок продовольствия не является саморегулируемым» [202, с. 18]. Продолжая данную мысль, ученые абсолютно справедливо объясняют специфику современной аграрной политики, где «одним из основных направлений государственной поддержки сельского хозяйства, отечественного товаропроизводителя является аграрный протекционизм. Мировой рынок функционирует в условиях, когда мировые цены определяются лучшими условиями производства стран-экспортеров. При этом под лучшими условиями производства понимаются природные условия (почва и климат), экономический механизм и материально-техническая база, а также развитая инфраструктура. Все остальные страны не в состоянии напрямую конкурировать с этими государствами-экспортерами, прежде всего с США. Отсюда и проведение в большинстве стран протекционистской политики по защите отечественного производителя за счет системы пошлин, компенсационных платежей, субсидий и т.д. Типичным примером могут быть Европейский союз и Япония. Невозможно представить, чтобы Европейский союз и Япония решились бы на отмену

протекционизма. Речь может идти лишь о ее определенном смягчении и придании ей большой гибкости. Несомненно, протекционизм и далее будет существовать в качестве важнейшего элемента поддержки отечественного производителя» [202, с. 24].

Таким образом, регулирующая функция таможенных тарифов на агропродовольственные товары, «связанных» Россией перед ВТО, остается важным инструментом торговой политики, и это необходимо учитывать, когда РТС предусматривает создание таможенных союзов со странами уже участвующими в ВТО или собирающимися присоединиться к работе данного международного института.

Разделяя точку зрения экономиста-аграрника А.Я. Кибирова, уместно также привести его мнение о специфике агропродовольственных рынков: «В системе рыночного хозяйства особое место занимают агропродовольственные рынки, главная особенность которых заключается в специфике и особенностях на нем товаров (сельскохозяйственная продукция, сырье для промышленной переработки и продовольствие). Независимо от того, развивается сельскохозяйственное производство или нет, в любой стране так или иначе имеются агропродовольственные рынки, так как через них осуществляется продовольственное обеспечение населения и реализуется социально-экономическая политика. Агропродовольственные рынки представляют собой сложную организационно-производственную систему и самым тесным образом связаны с другими рынками, входящими в АПК. Прежде всего, это рынок инвестиций и инвестиционных ресурсов; рынок сельскохозяйственной техники как обслуживающей подсистемы в рамках агропродовольственных рынков. Кроме того, составной частью агропродовольственных рынков являются: рынок плодово-овощной продукции и картофеля; молока и многих продуктов; зерна и зернопродуктов; мяса и мясопродуктов и другие» [133, с. 14]. Для нас высказанное мнение очень важно, так как, рассуждая об АПС, о регулирующей функции таможенной защиты, которая связывается обязательствами перед ВТО, а затем может быть серьезно ослаблена через формирование РТС в виде таможенного

союза, нельзя делать это исключительно через призму товаров, входящих в группы HS 01-24. На развитие АПС, повышение эффективности его работы серьезное влияние оказывает и рынок сельскохозяйственной техники, и рынки перерабатывающего оборудования, и рынки удобрений и семян, где также есть свои особенности по связыванию тарифов, и эти обязательства при формировании РТС в виде таможенного союза должны быть адаптированы под требования ВТО.

Таким образом, регулирующая функция таможенных тарифов для АПК России очень важна, но фискальная составляющая (во многом за счет которой возможна дополнительная защита АПС, связанная с субсидированием, также регулируемым ВТО) если не превалирует, то точно по значимости регулирующей не уступает. В приложении Б приводятся справочные данные об исполнении федерального бюджета за 2006-2018 гг., где отчетливо видно, что доходы, связанные с импортом (ввозные пошлины, НДС, акцизы) на протяжении последних лет стабильно обеспечивают от 15 до 20% доходной части бюджета России. Это очень много и это является еще одним свидетельством о маловероятной возможности, в случае формирования РТС в виде таможенного союза и перехода на единый таможенный тариф, пересмотреть свой уровень тарифной защиты и взять на себя минимальные, а значит, наиболее жесткие связанные ставки партнеров по РТС перед ВТО, чтобы ВТО и таможенный союз не конфликтовали друг с другом.

Сейчас становится все более очевидной дальновидность, широта взгляда академика РАН В.И. Назаренко, который еще до активной фазы формирования на постсоветском пространстве прогрессивных интеграционных объединений (таможенного союза, единого экономического пространства, экономического союза) предупреждал о чрезвычайной важности будущих последствий от принимаемых сегодня решений: «Во внешнеэкономической сфере можно выделить несколько основных направлений, в частности в связи с присоединением к ВТО. Изучение взаимоотношений в торговле продовольствием внутри СНГ и группировок, созданных в этом пространстве. Требуется тщательная проверка на юридическую чистоту и совместимость их с правилами

ВТО. Задача актуальная, нерешенность проблем преференциальной торговли Франции и Великобритании со своими бывшими колониями показала уязвимость такой проблемы» [198, с. 93].

Как же этот ученый был прав. Это по настоящему многие начинают понимать только сейчас, когда на постсоветском пространстве с участием России развернулась масштабная реализация евразийского интеграционного проекта, предусматривающего, с одной стороны, «линейность» интеграционных процессов, а с другой стороны, их очень серьезную глубину, проявляющую себя через стадии реализации интеграционного воздействия – таможенный союз, общий рынок (единое экономическое пространство), экономический союз.

Формирование и функционирование Евразийского экономического союза, который включает в себя единство таможенной территории и полноформатные механизмы таможенного союза, сегодня порождает серьезнейшие риски для агропродовольственного сектора экономики России, связанные с разным позиционированием стран – членов данного РТС в ВТО, их разными тарифными обязательствами перед этим институтом. Данный тип РТС провоцирует конфликты между ее внутренним («регионализм») и внешним («многосторонность») контурами для стран-участниц, что для агропродовольственных рынков может стать мощным дестабилизирующим фактором, так как при единстве таможенной территории наблюдаются серьезные изъятия из функционирования единого таможенного тарифа, приводящие к искажению условий торговли на общем рынке сельскохозяйственного сырья и продовольствия Евразийского экономического союза, позволяющие получить дополнительные конкурентные преимущества предприятиям АПК одних стран РТС в ущерб другим. Интеграционное воздействие внешней среды на агропродовольственный сектор России в условиях одновременного влияния факторов, связанных с Евразийским экономическим союзом и ВТО, значительно видоизменяет ландшафт возникающих проблем, затрагивающих эффективность работы АПС России и требует дополнительных серьезных исследований в этой области аграрной экономики.

1.3 Эволюция процессов интеграционного воздействия внешней среды на постсоветском пространстве и дуальный характер его реализации в агропродовольственном секторе экономики

Агропродовольственный сектор экономики России в настоящее время характеризует качественно новая форма межгосударственного взаимодействия в условиях возникновения, становления и развития межгосударственных и надгосударственных начал под воздействием процессов евразийской экономической интеграции. Эти процессы в условиях агрессивной внешней среды в последние годы сегодня становятся гораздо более сложным явлением, чем это было еще несколько лет назад. Эффекты для АПК, возникающие в результате процессов интеграции на постсоветском пространстве, также значительно различаются. Это связано и со стадиями интеграции, на которой сегодня находится то или иное объединение на евразийском пространстве, его организационно-управленческой зрелостью, механизмами взаимодействия отдельных членов объединения с глобальными институтами (например, ВТО), развитием процессов конвергенции и дивергенции в результате создания регионального интеграционного объединения и другими вызовами.

Попытаемся выделить и объяснить ряд экономических, правовых и организационно-управленческих особенностей данных процессов, обосновать их возможные последствия для российского АПС.

К концу 1990-х гг. АПК СССР (производящий, перерабатывающий и реализующий сельскохозяйственную продукцию), несмотря на серьезное количество проявляющих себя кризисных явлений, продолжал оставаться одним из самых значимых для экономики народнохозяйственным комплексом как по размеру используемых ресурсов, так и по величине создаваемого продукта. Например, по состоянию на 1988 г., «в АПК было произведено продукции на сумму 466,6 млрд р., или около 30% всей продукции по народному хозяйству, сосредоточено производственных основных фондов – 491,2 млрд р. (27%), занято

– 41,9 млн чел. (32%). В общем объеме розничного товарооборота продукция АПК занимает более 70%» [43, с. 3].

Одной из серьезных проблем того времени оставалось снижение на протяжении целого ряда лет показателя фондоотдачи во многих ключевых отраслях АПК, свидетельствующего о нарастании неэффективности их работы, при этом динамика производительности труда значительно отставала от роста его фондовооруженности (таблица 10).

Прошло всего десять лет и «в 1997-1998 гг. инвестиции в аграрный сектор составили лишь 5-7% дореформенного уровня, поставки сельскому хозяйству техники и минеральных удобрений сократились в 8-10 раз, износ техники достиг 70%, а уровень машинной готовности имеющихся средств механизации не превышает 50%. В этих условиях засуха, поразившая половину российских регионов, смогла произвести столь разрушительное воздействие на ход аграрного производства, что валовый сбор зерна опустился на уровень 50-60-х гг. XX в. И составил менее 50 млн т. В 1999 г. ситуация в целом не изменилась.

Основной причиной столь плачевного положения стало катастрофическое вынужденное сокращение платежеспособного спроса сельскохозяйственных предприятий. Это, в свою очередь, было связано с 4-6-кратным диспаритетом цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию в первые годы реформ, стремительно возросшим продовольственным импортом, отрезавшим отечественные предприятия от значительной части внутреннего рынка, беспрецедентно резким снижением государственной поддержки АПК. Сложилась парадоксальная ситуация, когда промышленные предприятия не могут продать, а сельскохозяйственные производители купить жизненно необходимые им средства производства. О драматизме ситуации свидетельствует, в частности, тот факт, что более 90% сельскохозяйственных предприятий оказались нерентабельными, у многих из них заблокированы расчетные счета и единственным методом товарообмена остается бартер. Их ресурсный и кадровый потенциал разрушается. Практически прекратилось развитие фермерского сектора села» [242, с. 40].

Таблица 10 – Индексы фондоотдачи, фондовооруженности и производительности труда в АПК СССР (1980 = 100)

АПК и отдельные отрасли	Фондоотдача				Фондовооруженность				Производительность труда			
	1985	1986	1987	1988	1985	1986	1987	1988	1985	1986	1987	1988
Агропромышленный комплекс:	82	81	79	78	135	142	152	163	111	117	121	128
Сельское хозяйство (общественный сектор)	82	83	79	77	139	149	160	174	115	125	129	137
Лесное хозяйство	74	69	65	62	149	162	179	203	110	112	117	126
Заготовки	91	89	91	89	122	129	137	146	111	117	126	131
Пищевая промышленность	91	92	91	90	129	135	141	149	113	116	120	125
Мукомольно-крупяная и комбикормовая промышленность	81	77	76	75	137	145	153	163	110	110	114	120
Легкая промышленность (в части первичной переработки сельскохозяйственного сырья)	77	76	74	72	139	148	154	159	100	103	103	105
Торговля и общественное питание	74	72	70	67	149	153	158	166	109	110	110	110
Ремонт тракторов и сельскохозяйственных машин	89	87	83	81	133	136	139	146	117	115	111	116
Строительство	89	90	90	95	131	137	143	150	112	118	123	132
Отрасли, обеспечивающие АПК средствами производства:												
Тракторное и сельскохозяйственное машиностроение, производство оборудования, тары и инвентаря	84	82	79	75	141	151	163	175	119	125	130	148
Продовольственное машиностроение	82	81	79	79	140	150	160	169	116	122	127	135
Производство минеральных удобрений и химических средств защиты растений, известняковой и доломитовой муки, добыча торфа для сельского хозяйства	97	99	101	100	133	138	142	162	130	139	149	170
Микробиологическая промышленность и производство лекарственных препаратов для ветеринарии	104	111	115	118	134	142	149	161	138	153	166	185

Примечание – Составлено автором по: [43].

Чем можно объяснить такие катастрофические последствия для агропродовольственного сектора России в 1990-е гг. На наш взгляд, разрушением системы – системы союзного АПК, безусловно имевшей свои плюсы и минусы, но являющейся системой в том ее понимании, которое вкладывал в это понятие академик АН СССР и РАН А.А. Никонов. Великий советский и российский ученый подчеркивал, что «всякая система состоит из отдельных частей, элементов, компонентов. Однако это вовсе не значит, что она представляет из себя простую сумму этих частей. Вся суть состоит в том, что, будучи многочленной, она приобретает новые качества, новые черты, присущие системе в целом, причем этими качествами может не обладать ни один из ее компонентов. Вместе с тем каждая часть подчиняется целому» [207, с. 17]. Таким образом, «системой называется совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих частей, характеризующаяся определенными качественными признаками, составом, структурой, функциями и связями с другими системами. Каждая система имеет свое прошлое, настоящее и будущее, она является категорией исторической, так как состав, функции и связи постоянно меняются» [207, с. 18].

Рассуждая о различных критериях систем (простая, сложная, очень сложная система; детерминированная система – с точно предвиденным взаимодействием и вероятностная система) А.А. Никонов приходит к выводу, что «примером очень сложных вероятностных систем может служить экономика, народное хозяйство. Здесь нельзя заранее предвидеть и учесть всей массы динамичных процессов. Очевидно, к этой же группе следует отнести и систему сельского хозяйства как составную часть экономики. При этом оно представляет из себя наиболее сложный компонент экономики, так как строится на деятельности живых организмов и подвержено прямому воздействию космических и других неконтролируемых человеком факторов (тепло, свет, движение воздушных масс, обеспеченность водой и т.п.). Сельское хозяйство имеет дело с очень сложной цепью «человек – природа – техника» [207, с. 18].

Полностью разделяя точку зрения академика А.А. Никонова, необходимо подчеркнуть, что агропродовольственный сектор стран СССР был не просто

суммой отдельных агропродовольственных секторов национальных экономик союзных республик, это была агропродовольственная система, система очень сложная, динамичная, со своими достоинствами и недостатками, но это была система, разрушение которой за короткий промежуток времени политическими решениями имело самые серьезные негативные последствия для национальных АПК, различные элементы которых, переплетенные, взаимосвязанные, взаимозависимые одновременно оказались в дезинтеграционном хаосе. Академик А.А. Никонов особенно подчеркивал значимость сельского хозяйства как производственной системы, целью которой «является выпуск продовольственных продуктов и различного растительного и животного сырья для перерабатывающей промышленности. Это очень сложная вероятностная динамическая система. Она, как и всякая другая система, состоит из большого количества компонентов, несущих различные функции, находящихся в различных взаимоотношениях, часто противоречивых и антагонистических. Каждая отрасль (система) и отдельное предприятие (система) находятся в горизонтальных и вертикальных связях с другими отраслями и предприятиями.

Если сельское хозяйство в целом принимать как систему, то народное хозяйство можно назвать суперсистемой, или надсистемой, отдельные отрасли сельского хозяйства (растениеводство, животноводство) по отношению ко всему сельскому хозяйству – подсистемами, имеющими, в свою очередь, собственные подсистемы, которые можно в иерархическом порядке продолжать по вертикали вниз, а также и вверх.

В сельском хозяйстве постоянно происходят процессы дифференциации и интеграции. Оно находится в состоянии последовательного динамического развития» [207, с. 19]. Разрушение единой агропродовольственной системы очень сильно подорвало развитие всех национальных АПК на постсоветском пространстве. Восстановление началось только в 2000-е гг., и темп этого восстановления в ряде стран оставляет желать лучшего (рисунки 5 и 6).

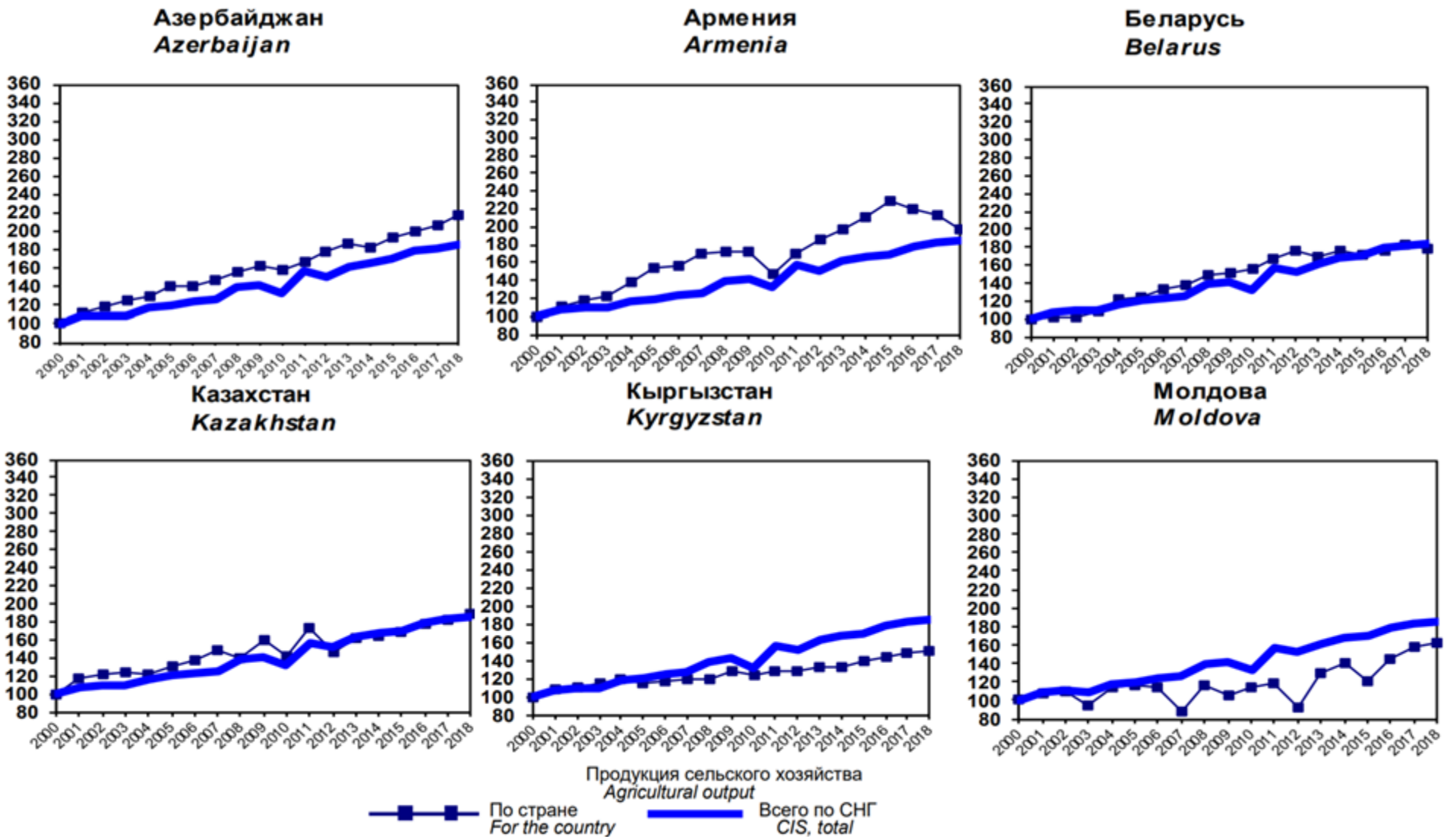


Рисунок 5 – Динамика объема продукции сельского хозяйства в странах СНГ (Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова) (в постоянных ценах, 2000 = 100) [268]

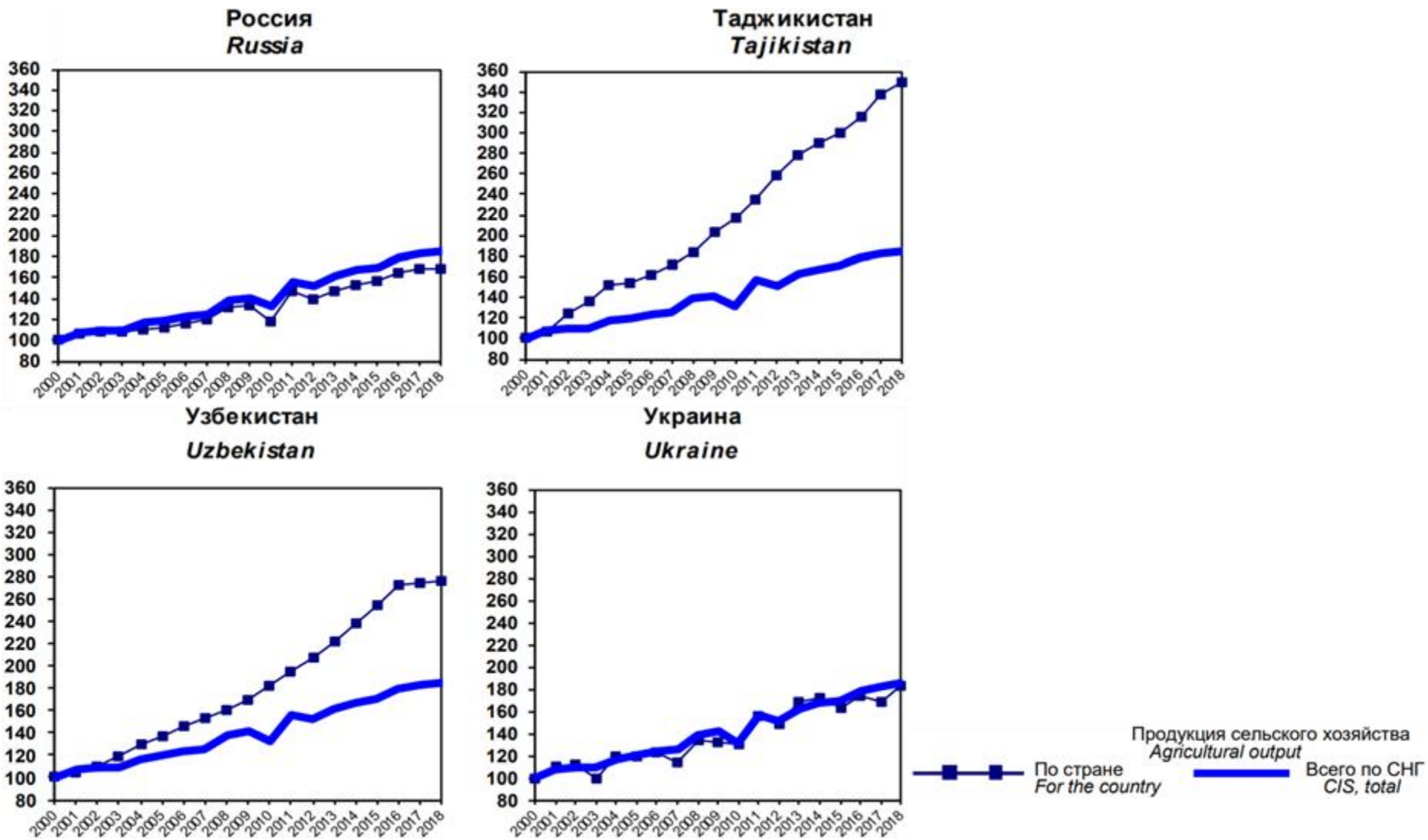


Рисунок 6 – Динамика объема продукции сельского хозяйства в странах СНГ (Россия, Таджикистан, Узбекистан, Украина) (в постоянных ценах, 2000 = 100) [268]

Статистика представлена по 10 странам из 15 постсоветских республик, входящих в Содружество Независимых Государств, кроме Латвии, Литвы, Эстонии (входят в Европейский союз), Грузии (вышла из СНГ в 2009 г.) и Туркмении (является ассоциированным членом СНГ).

По своей сути, создание Содружества Независимых Государств было экстренным вариантом возобновления интеграционного сотрудничества и смягчения активных процессов суверенизации стран, вылившихся в единовременную утрату свободного перемещения товаров, капитала, рабочей силы на постсоветском пространстве, отмену единой валюты, разрушение сложившихся за десятилетия в СССР механизмов промышленной, аграрной, денежно-кредитной политики, кооперационных связей и совместных НИОКР.

В достаточно далеком 1993 г., известный советский и российский экономист Ю.А. Борко так охарактеризовал сложившуюся на тот период времени ситуацию: «Там, в Западной Европе, давно сформировавшиеся национальные государства, пережив горькие последствия мировых войн, встали на путь преодоления националистической идеологии и силовой политики, доминировавших в их отношениях веками, на путь создания нового типа межгосударственного сотрудничества – европейской интеграции. Здесь, на территории бывшего СССР, народы, жившие в условиях централизованных империй (царской и советской), наоборот, образовали независимые государства, идеологической основой которых является уже не космополитический коммунизм, а национализм, зачастую принимающий крайние, экстремистские формы. Становление новых государств займет не один год, предопределяя верховенство центробежных тенденций над центростремительными» [74, с. 871]. Ученый оказался прав. Менее чем через два года после образования СНГ («Беловежские соглашения» были оформлены 8 декабря 1991 г.), был подписан Договор стран СНГ от 24 сентября 1993 г. «О создании Экономического союза», предусматривающий восстановление очень многих элементов той самой системы, о которой рассуждает академик А.А. Никонов. Так, ст. 2 Договора предусматривала «поэтапное создание общего экономического пространства на базе рыночных отношений, создание равных

возможностей и гарантий для всех хозяйствующих субъектов, совместное осуществление экономических проектов, представляющих общий интерес» [2]. Статьи 3 и 4 Договора конкретизировали задачи, которые предполагали решить страны СНГ в самое ближайшее время и закрепляли организационно-правовые основы для их решения: «Экономический союз предполагает: свободное перемещение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы; согласованную денежно-кредитную, бюджетную, налоговую, ценовую, внешнеэкономическую, таможенную и валютную политику; гармонизированное хозяйственное законодательство Договаривающихся Сторон; наличие общей статистической базы. Договаривающиеся Стороны согласились, что Экономический союз создается путем поэтапного углубления интеграции, координации действий в осуществлении экономических реформ через: межгосударственную (многостороннюю) ассоциацию свободной торговли; таможенный союз; общий рынок товаров, услуг, капиталов и рабочей силы; валютный (денежный) союз. Для каждой формы интеграции предусматривается комплекс взаимосвязанных мероприятий, которые должны быть приняты и осуществлены в соответствии с отдельными соглашениями» [2].

Следует подчеркнуть, что данные формулировки Договора были очень сильными, несмотря на их определенный рамочный характер, и предполагали процессы той самой линейной интеграции с уклоном в позитивизм, о котором подробно говорилось в первом параграфе диссертационной работы. Пространство СНГ должно было развиваться по схожей с Европейским союзом модели, где агропродовольственные рынки стран-членов глубоко интегрированы друг с другом, где, по сути, сформирована и развивается единая агропродовольственная система.

Однако этого не случилось. То, что было закреплено Договором стран СНГ от 24 сентября 1993 г. «О создании Экономического союза», в целом отражало общемировые тенденции регионализации, получившие свое активное развитие в конце XX – начале XXI века, но при этом «развитие России и других стран СНГ, особенно на начальном этапе становления их независимости, существенно

диссонировало с этими общемировыми тенденциями. Объективное стремление новых государств к независимости проявилось, в частности, в их желании достичь максимальной самообеспеченности основными видами товаров, в том числе продовольствием, что в свою очередь повлекло за собой разрушение формировавшихся десятилетиями специализированных товарных зон промышленного и сельскохозяйственного производства. И хотя подобная автономизация в первые годы реформ повсеместно сопровождалась значительным падением уровня и эффективности производства, новые государства в условиях кризиса и разрыва хозяйственных связей во многих случаях сознательно шли на этот шаг в связи с крайне нестабильной в то время экономической и политической ситуацией в странах Содружества» [244, с. 58].

Более того, «отчетливое стремление к экономическому сепаратизму, порожденное, прежде всего, слабостью законодательства, непоследовательностью и неконструктивностью действий центральных властей, распространилось далее – на уровень крупных административных образований внутри многих государств СНГ. В России и на Украине оно, в частности, приобрело в аграрной сфере формы ограничений и запретов региональных органов на вывоз за пределы своих краев и областей многих видов сельскохозяйственной продукции, прежде всего, зерна, сахара, растительного масла. Такие ограничения обусловлены стремлением административными методами удержать контроль над товарными и финансовыми потоками на своей территории. Так, в конце 1990-х гг. в 36 субъектах РФ вводились те или иные запреты на вывоз зерна. Все это в итоге вело к падению производства, прогрессирующему сжатию и дроблению общего рыночного пространства СНГ. Очевидно, что для достижения конкурентоспособности на внешних рынках каждой из стран Содружества необходимо прежде создать цивилизованную конкурентную среду на собственном внутреннем рынке. В условиях же регионального сепаратизма это совершенно недостижимо» [244, с. 59].

Можно отметить, что реализация основных положений Договора стран СНГ от 24 сентября 1993 г. «О создании Экономического союза» остановилась уже на

первом этапе, который согласовали договаривающиеся стороны – формировании полноценной многосторонней зоны свободной торговли. Это начальная стадия линейной интеграции рынков, включая агропродовольственные, вступила в активную фазу 15 апреля 1994 г. с подписанием Соглашения стран СНГ «О создании зоны свободной торговли». «Государства – участники настоящего Соглашения, далее именуемые Договаривающиеся Стороны, подтверждая свою приверженность свободному развитию взаимного экономического сотрудничества, внедряя в практику принципы рыночной экономики, действуя в направлении последовательной реализации положений Договора о создании Экономического союза (24 сентября 1993 г., Москва), формируя условия для свободного движения товаров и услуг, обеспечивая сбалансированность взаимной торговли и стабилизацию внутреннего экономического положения участвующих государств, содействуя росту экономического потенциала государств-участников на основе развития взаимовыгодных кооперационных связей и сотрудничества, руководствуясь стремлением к постоянному повышению уровня жизни населения своих государств, исходя из поэтапности создания Экономического союза, вступая в Соглашение о создании зоны свободной торговли, далее именуемое Соглашение, договорились о нижеследующем: постепенной отмене таможенных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие, и количественных ограничений во взаимной торговле; устранении других препятствий для свободного движения товаров и услуг; создании и развитии эффективной системы взаимных расчетов и платежей по торговым и другим операциям; координации торговой политики в отношении стран, не являющихся участниками настоящего Соглашения; координации экономической политики в той мере, в какой это необходимо для достижения целей Соглашения (в области промышленности, сельского хозяйства, транспорта, финансов, инвестиций, социальной сферы, развития добросовестной конкуренции и т.д.); содействии межотраслевой и внутриотраслевой кооперации и научно-техническому сотрудничеству; гармонизации и (или) унификации законодательства Договаривающихся Сторон в той мере, в какой это необходимо для надлежащего и эффективного функционирования зоны свободной торговли» [27].

Данное Соглашение так и не было реализовано, не говоря уже об остальных положениях Договора. Россия продолжала работать на принципах свободной торговли с остальными партнерами по СНГ, но исключительно на базе двусторонних соглашений, заключенных в 1992-1993 гг. со всеми странами Содружества (подобные двусторонние соглашения о свободной торговле имели друг с другом и ряд других государств СНГ). «Возникающие сложности в многосторонних соглашениях между странами СНГ способствовали их переходу к договорам на двусторонней основе. В результате появились малочисленные по составу участников субрегиональные группировки» [270, с. 37]. Чтобы запустить формат полноценной многосторонней зоны свободной торговли на пространстве СНГ ушло 18(!) лет и понадобился новый «Договор о зоне свободной торговли», который был подписан в Санкт-Петербурге 18 октября 2011 г. [5]. Конечно, подобная ситуация говорит об очень многом в специфике отношений стран СНГ друг с другом. В первую очередь, она свидетельствует о том, что «в отличие от успешного процесса евроинтеграции, состоявшего в движении от национальных государственно-экономических образований к наднациональным общим пространствам и структурам, эволюция СНГ шла как раз от общих пространств и структур к национальным. Главная причина этой противоположности векторов движения связана с различиями в мотивации властвующих элит. Евроинтеграция направлялась деловыми кругами, заинтересованными в расширении рынков и кооперационных связей в целях повышения собственной конкурентоспособности в условиях глобализации. Они оказывали мощное давление на свои правительства, принуждая их к частичному отказу от национального суверенитета в пользу наднациональных структур общего рынка. Объективный процесс концентрации и специализации производства размывал национальные границы в Европе и заставлял национальные правительства создавать интеграционные институты для повышения конкурентоспособности своих экономик. В отличие от властвующих элит в Европе, выросших в условиях международной рыночной конкуренции, в СНГ, напротив, властвующие элиты возникли на основе форсированной приватизации национальных богатств, для распоряжения которыми критически

необходимыми являлись установление и удержание жесткого национального суверенитета» [105, с. 26].

Совершенно оправданной представляется точка зрения российских ученых, академика РАН С.Ю. Глазьева и известного экономиста-исследователя Ф.Н. Клоцвога: «То, что сохранение и укрепление СНГ отвечает коренным национальным интересам России, очевидно. В геополитическом плане об этом свидетельствует хотя бы экспансия стран Запада на постсоветском географическом пространстве, их борьба за усиление своих позиций в данном ареале. Экономический же интерес связан прежде всего с тем, что Содружество существенно расширяет рынок российской продукции обрабатывающей промышленности, неконкурентоспособной на мировых рынках, т.е. СНГ является важнейшим фактором диверсификации отечественной экономики, преодоления ее топливно-сырьевой ориентации» [105, с. 24]. Однако, что более ценно, эти же исследователи полностью развенчивают идеализированный образ СНГ, как потенциальной базы для формирования новой, если не единой, то глубоко интегрированной агропродовольственной системы, являющейся не просто суммой отдельных агропродовольственных рынков стран-участниц, а качественно новым организмом для упорядочивания, развития, повышения эффективности агропродовольственного сотрудничества, где каждая часть подчиняется целому. Это те принципиальные методологические положения, которым давали свою оценку академики РАН А.А. Никонов и Э.Н. Крылатых, на базе которых, во многом строится настоящее диссертационное исследование.

СНГ обладало хорошим шансом для построения новой агропродовольственной системы с участием всех стран – членов Содружества, где «важнейшей объективной предпосылкой взаимовыгодной интеграции в аграрной сфере является наличие существенных природно-климатических различий в странах СНГ: от тундры и тайги на севере России до влажных и сухих субтропиков в государствах Закавказья и Средней Азии. Это предполагает интенсивный товарообмен различными видами продовольственной продукции, рациональное размещение аграрного производства на территории дружественных

государств, формирование крупных специализированных зон по производству и переработке сельскохозяйственного сырья, объединение усилий для научно-технического, технологического, кадрового, финансового обеспечения АПК, создание на этой основе полноценного общего аграрного рынка стран Содружества» [241, с. 105]. Следует особенно подчеркнуть, что «наличие сходной многоукладной структуры аграрного производства позволяет последовательно и с меньшими затратами гармонизировать и унифицировать всю научно-техническую и технологическую политику, разрабатывать и осуществлять долгосрочные совместные программы и проекты по модернизации машинно-тракторного парка, повышению плодородия земель, мелиорации и ирригации, селекции и семеноводству, защите растений и животных, биотехнологии и т.д.» [241, с. 106]. К большому сожалению, данные возможности для агропродовольственных рынков в формате СНГ не были реализованы и главная причина здесь заключается в том, что «объективная целесообразность в сохранении общего экономического пространства оказалась проигнорированной выросшими на провозглашении суверенитетов национальными элитами, которые не захотели подвергнуть свою неожиданно обретенную монополию на власть контролю со стороны наднациональных органов. Отсюда и исключение из предмета интеграции сфер государственного регулирования, приносящих рентные доходы: естественных монополий, природных ресурсов, таможенного администрирования, денежно-кредитной и бюджетной политики... Открытыми для интеграции остались лишь те сферы, которые, с одной стороны, не затрагивали главные интересы властвующих элит, а с другой, — оставались критически необходимыми для выживания национальных социально-экономических организмов. В частности, были сохранены отношения свободной торговли (за исключением торговли наиболее рентоемкими товарами), безвизовый режим (не распространяющейся, разумеется, на границы конфликтовавших государств), взаимное признание квалификационных требований, стандартов и норм интеллектуальной собственности. Целенаправленно поддерживалась кооперация в военно-промышленном комплексе, для чего обеспечивались льготные условия

кооперационных поставок. Руководствуясь коммерческой конъюнктурой, государства СНГ диверсифицировали свои внешнеторговые связи с упором на «дальнее зарубежье», что на фоне разрушения кооперационных связей повлекло их специализацию на экспорте сырьевых товаров. Следствием этих процессов стала устойчивая тенденция дезинтеграции некогда единого экономического пространства» [105, с. 25].

Необходимо отметить, что в очень непростых условиях для работы агропродовольственных рынков СНГ, странами, по крайней мере на уровне концептуальных предложений, предпринимались попытки запустить проекты общего аграрного рынка и согласованной аграрной политики. Еще в 1998 г. было принято Соглашение об Общем агарном рынке государств – участников Содружества Независимых Государств, которое предусматривало «повышение эффективности использования ресурсов, рациональное размещение сельскохозяйственного производства, улучшение обеспечения населения продовольствием и промышленности сырьем, стабилизацию рынков сельскохозяйственной продукции и продовольствия, поддержку и защиту товаропроизводителей агропромышленного комплекса, стимулирование взаимного товарообмена, повышение жизненного уровня сельского населения» и стало, в свою очередь, организационно-экономической основой для принятой 30 мая 2002 г. Концепции согласованной аграрной политики государств – участников СНГ [8; 28]. Принятая тогда Концепция определяла согласованную аграрную политику СНГ как «совокупность принципов и методов государственного воздействия на экономическую интеграцию агропромышленных комплексов, внешнеэкономические отношения, развитие сельской местности в интересах населения каждой страны и Содружества в целом, обеспечения политической стабильности и продовольственной независимости» [8]. Следует подчеркнуть, что если подписание подобных системообразующих для агропродовольственных секторов стран СНГ документов стало возможным, то их практическая реализация была обречена на провал. В условиях, когда на пространстве СНГ к 2002 г. не работала даже полноценная многосторонняя зона

свободной торговли, не было создано никаких механизмов таможенного союза, не обеспечивалось свободное перемещение факторов производства (капитала и рабочей силы), реальная значимость принятых нормативно-правовых актов была иллюзорной. Эти документы по уровню своей практической реализации соответствовали очень глубокой стадии интеграции – экономическому союзу, однако, как уже упоминалось в диссертационной работе, реализация проекта экономического союза 1993 г. остановилась на этапе формирования многосторонней зоны свободной торговли, начатой в 1994 г. и реализованной в полноформатном варианте только к 2011 г.

Таким образом, с одной стороны, в проекте СНГ агропродовольственные рынки стран-участниц сохранили серьезный уровень своей автономии и независимости, так как непосредственная политика, затрагивающая их государственное регулирование, осталась исключительно в компетенции национальных органов. Рынки получили дополнительную возможность для более свободного перемещения агропродовольственных товаров, так как со временем двусторонние соглашения о свободной торговле между отдельными членами СНГ были заменены на полноценный многосторонний договор о зоне свободной торговле, который действует в СНГ с 2011 г. по настоящее время.

С другой стороны, среди отдельных стран – членов СНГ (Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация и Республика Таджикистан), образовавших в 2000 г. Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), постепенно активизируются идеи о значимости и необходимости проведения на основе ЕврАзЭС более глубокой интеграции, которые первоначально были сформулированы Договором стран СНГ от 24 сентября 1993 г. «О создании Экономического союза», но так и не были реализованы, ни в 1990-е, ни в 2000-е гг. И в этом проявляется начало мощнейшего интеграционного воздействия внешней среды на агропродовольственные рынки, включая всю триаду их экономических агентов (государство, предприятия, домашние хозяйства), последствия которого ощущают сегодня все без исключения элементы АПС экономики России.

Дело в том, что ЕврАзЭС, после подписания тремя странами сообщества (Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация) Договора о создании единой таможенной территории и формировании таможенного союза от 6 октября 2007 г., избрало сложный путь классического линейного РТС, предусматривающего стадийность интеграционных процессов, реализуемых последовательно через форматы таможенного союза, общего рынка или единого экономического пространства, экономического союза. В этом случае, чем более глубокий этап интеграции проходят агропродовольственные рынки стран-участниц, тем в большей степени национальный агропродовольственный сектор оказывается в зависимости от внешней среды, когда влияние на него, вызванное соответствующими интеграционными процессами, становится все более целенаправленным и регулярным (систематическим), а интеграционное воздействие может как значительно усиливаться, так и ослабевать, быть в большей степени позитивным («позитивная» интеграция) или негативным («негативная» интеграция) для национального АПС в целом, или определенной его части в зависимости от комбинации факторов внешней среды (экономических, политических, технологических, социальных и других) в конкретный момент времени, возможности управления этими комбинациями факторов, усиления действия отдельных факторов или их комбинаций в интересах синергии национальных АПС как качественно новой формируемой системы, степени адаптивности этой системы, как объекта воздействия факторов внешней среды.

Академик РАН С.Ю. Глазьев следующим образом подчеркивает значимость реальных, а не «бумажных» интеграционных процессов на постсоветском пространстве: «За двадцать лет после распада Советского Союза на месте единого народнохозяйственного комплекса СССР сформировались национальные экономики новых государств, связанные рыночными торгово-экономическими отношениями. Установленные между ними таможенные границы разорвали множество кооперационных связей, что в немалой степени способствовало чудовищному падению объемов и деградации структуры производства во всех бывших союзных республиках. Вплоть до недавнего времени под влиянием как

внутренних процессов деградации экономик, так и внешних сил экономического давления (со стороны расширяющегося Евросоюза, быстро растущего Китая, стремительно модернизирующейся Турции, а также сконцентрировавших глобальную финансовую мощь США) на постсоветском пространстве доминировали дезинтеграционные процессы. Стремительно сокращалась доля взаимной торговли новых государств в структуре их внешнеторгового оборота, рушилась десятилетиями складывавшаяся производственно-технологическая кооперация… Лишь с созданием в 2008 г. в рамках Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) Таможенного союза Белоруссии, Казахстана и России (ТС) дезинтеграционный вектор, пусть в части постсоветского ареала, сменился интеграционным. После ряда неудачных попыток создания в 1990-х – начале 2000-х годов многосторонних интеграционных объединений три названные государства образовали ядро интеграционного процесса, сформировав первый в постсоветской истории наднациональный орган – Комиссию Таможенного союза (КТС), которой были делегированы полномочия по принятию согласованных решений в области торговой политики и таможенного регулирования. При этом исполнение этих решений осуществлялось на всей единой таможенной территории автоматически, без обязательного принятия национальных законодательных актов. Сконцентрировав полномочия по регулированию внешней торговли в КТС и сняв таможенный контроль на своих межгосударственных границах, государства – члены ТС быстро двинулись по пути интеграции, унифицируя все виды пограничного контроля движения товаров. Вслед за таможенным контролем на межгосударственных границах оказался упраздненным санитарный, ветеринарный, фитосанитарный и транспортный контроль, были введены единые нормы технического регулирования. Сразу же после завершения формирования единой таможенной территории эти государства приступили к созданию единого экономического пространства (ЕЭП), введя с 1 января 2012 г. пакет соглашений, устанавливающий нормы регулирования общего рынка не только товаров, но и услуг, труда и капитала. Одновременно было объявлено о формировании Евразийского экономического союза» [106, с. 56-57].

Применяемый в диссертационном исследовании историко-генетический метод ретроспективного анализа процессов эволюции интеграционного воздействия факторов внешней среды на постсоветском пространстве, позволяет выявить дуальный характер данного явления, выделить и обосновать основные этапы евразийской экономической интеграции, сформулировать главные результаты реализации каждого из рассматриваемых этапов (рисунок 7).

Дуальность характера экономической интеграции агропродовольственных рынков проявляется в форматах ее реализации, создающих целый спектр сложных методологических проблем, от решения которых во многом зависит эффективность межгосударственного взаимодействия в сфере АПК. С одной стороны, это более широкий по составу стран-участниц формат зоны свободной торговли в рамках СНГ, предоставляющий полную самостоятельность в проведении агропромышленной политики государствам, участвующим в данном интеграционном объединении, а с другой стороны, это более узкий формат, реализуемый сначала на базе Евразийского экономического сообщества, а затем Евразийского экономического союза и предусматривающий гораздо большее проникновение надгосударственных начал в систему интеграционного воздействия факторов внешней среды в различных секторах экономики, включая, безусловно, сельское хозяйство и аграрные рынки.

По сути, мы говорим об «интеграции в интеграции» или, чтобы разъяснить этот термин, о «многоконтурной интеграции» на постсоветском пространстве, проявляющей себя, языком ВТО, к которому мы уже обращались в диссертационной работе, через многоконтурное РТС, одним из контуров которого является более широкое по составу и менее значимое с точки зрения своего влияния на АПС национальных экономик Содружество Независимых Государств (как зона свободной торговли), а другим, внутренним контуром выступает менее широкий по составу, но гораздо более значимый для интеграционного воздействия на агропродовольственные рынки – Евразийский экономический союз (ЕАЭС), который, как своеобразная матрешка, включает в себя таможенный союз и общий рынок.

Временной период, участники и основные результаты реализации этапа:

1992 – настоящее время (СНГ) - «***Формирование и развитие зоны свободной торговли на пространстве СНГ***»

1992-1998 гг. (СНГ) – **I Этап**

Участники этапа – все государства – члены СНГ: Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Кыргызстан, Республика Молдова, Российская Федерация, Республика Таджикистан, Туркменистан, Республика Узбекистан, Украина, Республика Грузия.

Договор не подписан Туркменистаном и Украиной

Договор стран СНГ от 24 сентября 1993 года «О создании Экономического союза», предусматривающий формирование многосторонней зоны свободной торговли в СНГ

Соглашение стран СНГ от 15.04.1994 "О создании зоны свободной торговли"

Результат реализации I этапа: сделаны первые важные шаги по формированию многосторонней договорно-правовой базы региональной торговли на преференциальных условиях, однако многосторонний режим свободной торговли в рамках СНГ оказался не реализован, и Россия продолжила применять режим свободной торговли с партнерами по Содружеству через двусторонние соглашения о свободной торговле, заключенные в 1992—1993 годы со всеми странами СНГ.

1999-2011 гг. (СНГ) – **II Этап**

Участники этапа – отдельные государства – члены СНГ

Протокол от 02.04.1999 "О внесении изменений и дополнений в Соглашение о создании зоны свободной торговли от 15 апреля 1994 года"

Решение Совета глав правительств СНГ от 20.06.2000 о "Программе действий по развитию СНГ на период до 2005 года"

Решение Совета глав государств СНГ от 19.09.2003 "О завершении формирования зоны свободной торговли и развитии взаимодействия государств-участников СНГ в экономической сфере"

Решение Совета глав государств СНГ от 05.10.2007 о "Концепции дальнейшего развития СНГ"

Решение Совета глав правительств СНГ от 14.11.2008 о "Стратегии экономического развития СНГ на период до 2020 года"

Результат реализации II этапа: отдельные государства –участники СНГ возобновили переговоры по формированию многосторонней договорно-правовой базы региональной торговли на преференциальных условиях, Совет глав государств СНГ и Совет глав правительств СНГ неоднократно принимали документы, направленные на развитие Зоны свободной торговли в рамках СНГ, однако полноценный многосторонний формат не реализован.

2011- настоящее время (СНГ) – **III Этап**

Участники этапа – отдельные государства – члены СНГ

"Договор о зоне свободной торговли" (Подписан в г. Санкт-Петербурге 18.10.2011):

Российская Федерация, Республика Беларусь, Украина (действует с 20.09.2012 года), при этом (со стороны России с 01.01.2016 года действие Договора приостановлено в отношении Украины, с 02.01.2016 года со стороны Украины действие Договора приостановлено в отношении России)

Республика Армения (действует с 17.10.2012), Республика Казахстан (действует с 08.12.2012), Республика Молдова (действует с 09.12.2012), Республика Кыргызстан (действует с 12.01.2014), Республика Таджикистан (действует с 19.03.2016)

Республика Узбекистан (Присоединение в особом порядке через отдельный Протокол к Договору – действует с 16.05.2014)

Азербайджанская Республика и Туркменистан (не подписали Договор)

Результат реализации III этапа: Сформирована многосторонняя договорно-правовая база региональной торговли на преференциальных условиях и реализован полноценный многосторонний формат Зоны свободной торговли в рамках СНГ.

1994 – настоящее время (ЕАЭС) - «***Формирование и развитие интеграционных объединений на базе ЕврАзЭС***»

1994 – 2009 (СНГ/ ЕврАзЭС) – **I Этап**

Участники этапа – отдельные государства – члены СНГ

Выступление Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева 29.03.1994 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова с идеями евразийской инициативы.

В 1995-2000-х гг. рассмотрение возможных оптимальных путей сотрудничества с учетом идей евразийской инициативы.

Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) от 10 октября 2000 года (Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация и Республика Таджикистан)

Договор о создании единой таможенной территории и формировании таможенного союза от 06.10.2007 года (Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация)

Результат реализации I этапа: Проведена огромная подготовительная работа для реализации идей евразийской инициативы через принципиально новый формат сотрудничества в СНГ – Таможенный союз ЕврАзЭС

2010 – 2011 (ЕврАзЭС) – **II Этап**

2012 – 2014 (ЕврАзЭС) – **III Этап**

Участники этапа – отдельные государства-члены ЕврАзЭС (Россия, Белоруссия, Казахстан)

Вступила в силу единая Товарная номенклатура ВЭД Таможенного союза (ТН ВЭД ТС) и Единый таможенный тариф Таможенного союза (ЕТТ ТС) (с 01.01.2010 г.)

Вступил в силу единый перечень развивающихся и наименее развитых стран - пользователей системы тарифных преференций ТС (с 01.01.2010 г.)

Вступил в силу Таможенный кодекс ТС (с 06.07.2010 г.)

Подписана Декларация "О евразийской экономической интеграции"(18.11.2011)

02.02.2012 Начала работу Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) – постоянно действующий наднациональный регулирующий орган

Сформирована и развивается нормативно-правовая система обеспечения «четырех свобод» в формате Единого экономического пространства (ЕЭП) ЕврАзЭС

Результат реализации II и III этапа: Реализован проект Таможенного союза трех государств ЕврАзЭС в полноформатном режиме и принято совместное решение о дальнейшем углублении интеграции через формирование и развитие Единого экономического пространства ЕврАзЭС

2015 – настоящее время (ЕАЭС) – **IV Этап**

Участники этапа – члены ЕАЭС (Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Армения)

Подписанный 29.05.2014 года тремя странами (Россия, Белоруссия, Казахстан) Договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) вступил в силу с 01.01.2015 г.

ЕврАзЭС ликвидировано в связи с Вступлением в силу Договора о ЕАЭС

10.10.2014 г. в Минске подписан Договор о присоединении Республики Армения к ЕАЭС (Армения – член ЕАЭС с 02.01.2015)

23.12.2014 в Москве подписан Договор о присоединении Республики Кыргызстан к ЕАЭС (Киргизия – член ЕАЭС с 12.08.2015)

Договор о ЕАЭС предусматривает не только обеспечение реализации принципа «четырех свобод», как это было в формате ЕЭП, но и впервые закрепляет понятия «единая», «скоординированная» и «согласованная» политика, которую государства ЕАЭС будут проводить в отдельных сферах экономики.

Результат реализации IV этапа: Впервые на постсоветском пространстве запущен механизм работы интеграционного объединения в формате экономического союза, интенсивно развиваются институциональные и правовые основы для повышения эффективности работы ЕАЭС в глобальной экономической архитектуре

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 7 – Основные этапы интеграционного воздействия факторов внешней среды на агропродовольственный сектор России

При этом можно еще говорить и о своеобразном третьем контуре, который представляет собой многостороннюю торговую систему, представленную институтом ВТО. Часть стран СНГ и ЕАЭС, являясь одновременно членами ВТО, по контуру СНГ – ВТО не испытывает сложностей взаимодействия, зато контур ЕАЭС – ВТО является в настоящий момент очень сложным, конфликтным и генерирует серьезные таможенные эффекты на агропродовольственных рынках, затрагивающих интересы агропродовольственного сектора экономики России. Причины этих эффектов, связанные с различием тарифных обязательств стран ЕАЭС перед ВТО в условиях применения единого таможенного тарифа, были рассмотрены во втором параграфе первой главы диссертационной работы.

Таким образом, «одним из главных негативных последствий распада СССР стало разрушение множества экономических связей, что явилось катализатором кризисных явлений во многих странах постсоветского пространства. Однако сохраняющийся в этих государствах промышленный и научный потенциал выступил в качестве движущей силы усиления интеграционных процессов» [147, с. 10]. При этом в условиях ЕАЭС постепенно может стать реальностью то, что никогда не удалось бы сделать в СНГ – «проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики» [1].

Для диссертационной работы особенно важно исследовать методологические основы, обеспечивающие «эффективность реализации раздела XXV «Агропромышленный комплекс» Договора о Евразийском экономическом союзе (Договора), подписанного в городе Астане 29 мая 2014 г. и вступившего в силу с 1 января 2015 г. Статья 94 Договора предусматривает в качестве основной цели согласованной (скоординированной) агропромышленной политики эффективную реализацию ресурсного потенциала государств-членов для оптимизации объемов производства конкурентоспособной сельскохозяйственной продукции и продовольствия, удовлетворения потребностей общего аграрного рынка, а также наращивания экспорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия» [148, с. 13]. Если сделать проекцию отдельных положений данного раздела на схожие нормативно-правовые акты, имеющие место в

современном мире, то, безусловно, самым точным совпадением здесь будет Европейский союз и Единая сельскохозяйственная политика, о которой академик РАН А.Г. Папцов высказывался следующим образом: «Создание Единой сельскохозяйственной политики было весьма сложным и противоречивым делом, явившимся в значительной мере плодом политических и экономических компромиссов. Однако если бы такая политика базировалась только на такой компромиссной и неизбежно временной основе, то она не просуществовала бы столь долгое время и, несмотря на ряд реформ, не сохранила бы свои основные базовые принципы. Поэтому успешность и целостность Единой сельскохозяйственной политики, прежде всего, определялись общим пониманием основных базовых принципов, единой теоретической модели и способности на этой основе достигать постоянных компромиссов. В целом можно сказать, что Единая сельскохозяйственная политика явилась одной из наиболее удачных, выполняла и продолжает выполнять поставленные задачи, несмотря на огромные издержки и периодическую необходимость ее реформировать как в связи с меняющейся мировой конъюнктурой, так и в результате самого факта быстрого роста сельскохозяйственного производства в Западной Европе и одновременно стремлением если не снизить огромные затраты на нее, то хотя бы уменьшить темпы роста таких затрат» [228, с. 82]. Очевидно, что Евразийский экономический союз с закрепленными в юридических документах положениями о реализации согласованной (скоординированной) политики движется в схожем с Европейским союзом направлении. Однако мы уже можем видеть серьезное различие используемых концепций (единство, согласованность, скоординированность), интерпретация и наполняемость которых, очевидно различается. Сегодня рождается принципиально новый «категориально-понятийный аппарат, который требует уточнения и развития для последующего обоснования глубины интеграции агропродовольственного сектора экономики России в евразийскую агропродовольственную систему, выявления и обоснования ключевых детерминант возможных конфликтов национальных интересов в сфере АПК через реформирование системы государственного регулирования» [140, с. 82].

ГЛАВА 2. АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ РОССИИ КАК КЛЮЧЕВАЯ ДЕТЕРМИНАНТА ЭФФЕКТИВНОГО СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ

2.1 Развитие категориально-понятийного аппарата, используемого для оценки глубины интеграции национального агропродовольственного сектора

Агропродовольственный сектор экономики России в настоящее время является составной частью качественно новой агропродовольственной системы, формирующейся под влиянием институционально-организационной структуры Евразийского экономического союза.

Как уже отмечалось в исследовании, формат данного экономического союза был запущен на основе нормативно-правовой базы, сформированной еще в ЕврАзЭС, включая огромный пакет соглашений, затрагивающий механизмы реализации Таможенного союза ЕврАзЭС и Единого экономического пространства ЕврАзЭС. Именно в этот период был заложен институционально-организационный фундамент интеграционного объединения, сначала в виде Комиссии таможенного союза (КТС) – единого и постоянно действующего регулирующего органа, который осуществлял работу в 2007-2012 гг., а затем Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), начавшей свою деятельность 2 февраля 2012 г. как наднациональный постоянно действующий регулирующий орган Единого экономического пространства ЕврАзЭС и продолжающий работать по настоящий период времени в качестве главного наднационального постоянно действующего регулирующего органа Евразийского экономического союза. Ключевые институты евразийской экономической интеграции можно представить в виде следующей схемы (рисунок 8). Для АПС экономики России деятельность ЕЭК имеет огромное значение, так как в сферу ее компетенций входит огромный блок вопросов, включая аграрные (рисунок 9).

Примечание – Составлено автором по: [119].

Рисунок 8 – Ключевые институты евразийской экономической интеграции

Примечание – Составлено автором по: [118].

Рисунок 9 – Сфера компетенций Евразийской экономической комиссии и их значение для государственного регулирования агропродовольственных рынков

Можно видеть, что в отдельную сферу полномочий ЕЭК, как постоянно действующего наднационального регулирующего органа Евразийского экономического союза, вынесены промышленная и аграрная политики. Это связано с тем, что именно агропродовольственный сектор экономики выделен в качестве целевого для проведения «согласованной (скоординированной) агропромышленной политики, предполагающей в том числе применение механизмов регулирования, предусмотренных Договором о Евразийском экономическом союзе и другими международными договорами в рамках ЕАЭС в сфере агропромышленного комплекса» [1]. Данное положение сформулировано в ст. 94 «Цели и задачи согласованной (скоординированной) агропромышленной политики» Договора о ЕАЭС, которое входит в раздел XXV указанного документа – «Агропромышленный комплекс». Появление отдельного раздела, связанного с АПК, в основополагающем документе, закладывающим фундамент регулирования ключевых для стран-партнеров по ЕАЭС рынков, является логичным продолжением утвержденных в 2013 и 2014 гг. документов: Концепции согласованной (скоординированной) агропромышленной политики государств – членов Таможенного союза и Единого экономического пространства (Решение Высшего Евразийского экономического совета на уровне глав государств № 35 от 29 мая 2013 г.) [7] и Плана мероприятий по реализации Концепции согласованной (скоординированной) агропромышленной политики государств – членов Таможенного союза и Единого экономического пространства (Решение Высшего Евразийского экономического совета № 94 на уровне глав правительств от 21 ноября 2014 г.) [9]. Концепция и План мероприятий, в свою очередь, стали результатом принятого Высшим Евразийским экономическим советом (на уровне глав государств) Решения № 21 от 19 декабря 2012 г. «О реализации основных направлений интеграции», предусматривающего:

- «завершение формирования единого рынка товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, включая полную ликвидацию оставшихся барьеров на пути их свободного перемещения»;
- «обеспечение гармонизации законодательства в целях эффективного функционирования Евразийского экономического союза»;

- «проведение в ключевых областях экономики согласованной, а при необходимости единой политики»;

- «формирование интегрированной инфраструктуры во всех сферах экономики»;

- «учреждение Евразийского экономического союза как международной организации, наделенной необходимой правосубъектностью»;

- «реализацию других мер, необходимых для эффективного функционирования Евразийского экономического союза» [20].

Отмеченная выше Концепция предусматривает, что «согласованная (скоординированная) агропромышленная политика (далее – согласованная агропромышленная политика) должна охватывать все сферы агропромышленного комплекса, базироваться на гармонизированных механизмах регулирования, координации и мониторинга на межгосударственном уровне» [7]. При этом уже в формулировках данного документа присутствует определенная противоречивость, так как Концепция предусматривает, что «основной целью согласованной агропромышленной политики является эффективная реализация ресурсного потенциала государств-членов для оптимизации объемов производства конкурентоспособной сельскохозяйственной продукции и продовольствия, удовлетворения потребностей общего аграрного рынка, а также наращивания экспорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия» [7]. Если мы обратимся к действующему Постановлению Правительства РФ от 25 июля 2006 г. № 458 (ред. от 23 мая 2019 г.) «Об отнесении видов продукции к сельскохозяйственной продукции и к продукции первичной переработки, произведенной из сельскохозяйственного сырья собственного производства», то увидим, обширный перечень товаров, регулирование производства и обращения которых попадает в фокус интересов Концепции [10]. При этом как быть, например, с отраслями, обеспечивающими сельское хозяйство средствами производства и материальными ресурсами (тракторное и сельскохозяйственное машиностроение, машиностроение для пищевой промышленности, производство минеральных удобрений и химических средств защиты растений и животных),

которые, безусловно, входят в АПК [89, с. 17; 167, с. 42] и вроде бы, исходя из формулировок Концепции, «согласованная (скоординированная) агропромышленная политика (далее – согласованная агропромышленная политика) должна охватывать все сферы агропромышленного комплекса», однако, на деле, она ограничивается только «эффективной реализацией ресурсного потенциала государств-членов для оптимизации объемов производства конкурентоспособной сельскохозяйственной продукции и продовольствия, удовлетворением потребностей общего аграрного рынка, а также наращиванием экспорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия» [7]. Очевидно, что оптимизации объемов производства, увеличения экспорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия, едва ли можно достичь без согласования подходов в сфере обеспечения всех звеньев АПК средствами производства, минеральными удобрениями, без согласованных механизмов работы отраслей, обеспечивающих эффективность инфраструктуры АПК. К сожалению, этому моменту в Концепции не уделяется должного внимания.

Следует особенно подчеркнуть, что помимо напрямую регулируемой агропромышленной сферы, ЕЭК наделена очень серьезными полномочиями в областях, которые самым тесным образом переплетены с агропромышленной сферой через сложные цепочки влияющих друг на друга элементов: макроэкономическая политика, таможенное регулирование, антимонопольное регулирование, техническое регулирование, санитарные, ветеринарные и фитосанитарные меры, трудовая миграция, транспорт и перевозки, валютная политика и даже, казалось бы, не очень связанное с агропродовольственными рынками, регулирование интеллектуальной собственности.

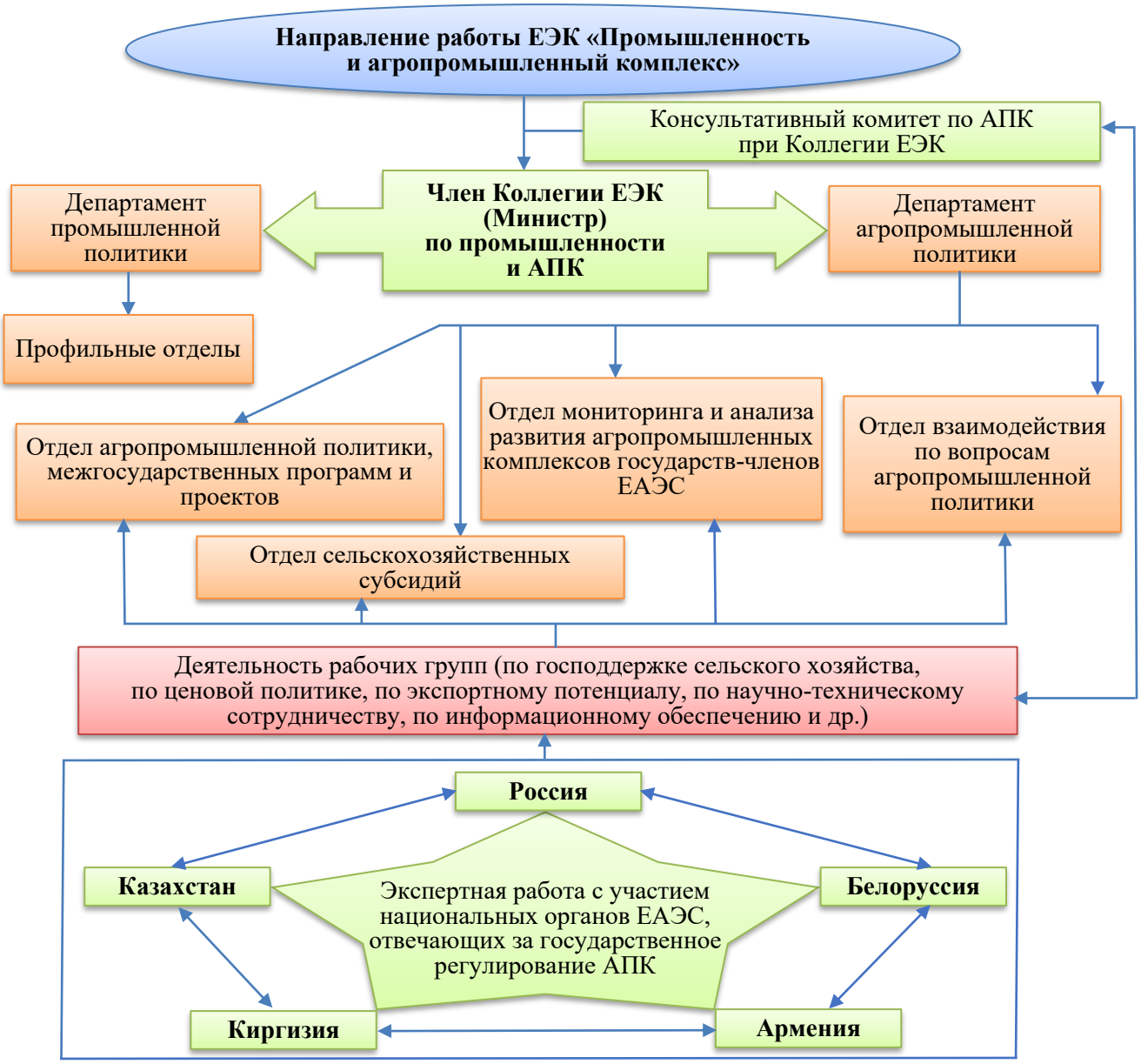
Этот огромный пласт вопросов с организационной точки зрения рассматривать крайне сложно, так как они носят комплексный и междисциплинарный характер, поэтому в структуре ЕЭК (Комиссии), как институте евразийской экономической интеграции, был создан Департамент агропромышленной политики, который, во-первых, «обеспечивает реализацию функций Комиссии в сфере агропромышленной политики, межгосударственных

программ и проектов», а также «государственной поддержки сельского хозяйства», а во-вторых, «осуществляет свою деятельность во взаимодействии с другими структурными подразделениями Комиссии, а также в пределах своей компетенции с органами государственной власти Сторон (членов ЕАЭС), международными организациями, совещательными и консультативными органами, созданными Комиссией, деловыми и научными кругами Сторон, общественными объединениями и иными организациями» [15].

Организационную структуру направления «Агропромышленный комплекс» в Евразийской экономической комиссии, можно схематично представить следующим образом (рисунок 10).

ЕЭК и профильный Департамент агропромышленной политики обеспечивают реализацию задач, поставленных в ст. 95 «Основные направления согласованной (скоординированной) агропромышленной политики и меры государственной поддержки сельского хозяйства» Договора о Евразийском экономическом союзе. Данная статья «предполагает использование механизмов межгосударственного взаимодействия по следующим основным направлениям: 1) прогнозирование в агропромышленном комплексе; 2) государственная поддержка сельского хозяйства; 3) регулирование общего аграрного рынка; 4) единые требования в сфере производства и обращения продукции; 5) развитие экспорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия; 6) научное и инновационное развитие агропромышленного комплекса; 7) интегрированное информационное обеспечение агропромышленного комплекса» [1]. По большинству из перечисленных направлений сегодня идут активные процессы становления новой системы наднационального нормативного правового регулирования в сфере АПК (приложения В, Г, Д, Е, Ж, И, К).

Анализ происходящих процессов дает достаточно оснований констатировать факт того, что в ЕАЭС происходит активное формирование качественно новой институционально-организационной структуры, призванной способствовать интеграции агропродовольственных секторов национальных экономик в общую евразийскую агропродовольственную систему.



Примечание – Составлено автором по: [15; 42].

Рисунок 10 – Организационная структура направления АПК в работе Евразийской экономической комиссии

Начало мощной трансформации в экономической, правовой и управленческой сферах АПК под влиянием рассматриваемых интеграционных процессов позволяет утверждать, что «формат Евразийского экономического союза является гораздо более трудным в методологическом плане, нежели многосторонний формат зоны свободной торговли СНГ, так как порождает принципиально новый категориально-понятийный аппарат, который требует уточнения и развития для последующего обоснования глубины интеграции

агропродовольственного сектора экономики России в евразийскую агропродовольственную систему, выявления и обоснования ключевых детерминант возможных конфликтов национальных интересов в сфере АПК через реформирование системы государственного регулирования. В научный оборот постепенно начинают входить такие понятия, как «согласованная политика», «скоординированная политика», «единая политика», появляются новые сложные и комплексные экономические категории, связанные с развитием и функционированием рынков в условиях интенсификации и углубления интеграционных процессов: «препятствия», «барьеры», «изъятия», «ограничения» [140, с. 82]. «При этом многие ученые-исследователи смешивают данные понятия, некоторые используют их как синонимы, что затрудняет общую методологию исследований, связанных с анализом формирования и развития АПК под влиянием процессов евразийской экономической интеграции» [265, с. 5; 139, с. 75].

На наш взгляд, закрепленные в нормативно-правовых актах Евразийского экономического союза термины «согласованная», «скоординированная», «единая» политика следует рассматривать как более комплексные и емкие понятия, раскрывающие принципиально новые особенности государственного регулирования АПК в условиях интеграционного воздействия факторов внешней среды. При этом «методологический аппарат требует более тесной корреляции данных понятий с экономической категорией «препятствия» для формирования общего аграрного рынка евразийской агропродовольственной системы» [140, с. 82] (рисунок 11).

Необходимо еще раз подчеркнуть, что «барьеры», «изъятия» и «ограничения» – это триада, наполняющая категорию «препятствия». Поэтому любой «барьер» – это «препятствие» на общем аграрном рынке ЕАЭС, которое может затрагивать интересы АПК конкретной страны, например России.

Однако не каждое «препятствие» можно автоматически назвать «барьером», здесь уже все намного сложнее и необходимо детально исследовать природу этого «препятствия», так как оно вполне может оказаться «ограничением» или «изъятием».

Примечание – Разработано автором [140, с. 83].

Рисунок 11 – Категориально-понятийный аппарат препятствий для формирования общего аграрного рынка евразийской агропродовольственной системы

При этом интересы российского АПК могут быть также серьезным образом затронуты, но механизм решения возникшей проблемы с точки зрения правового поля ЕАЭС будет совсем иным.

Все «препятствия» возникают на основе конфликтного потенциала национального и наднационального уровней государственного регулирования аграрных рынков и АПК. Определенное решение национального органа, например, Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь или Президента Республики Беларусь может в полной мере отвечать интересам белорусских предприятий АПК или интересам белорусского агропродовольственного рынка, однако противоречить праву ЕАЭС и создавать объективные трудности для российских предприятий АПК, реализующих свои внешнеторговые интересы в Республике Беларусь. Это «препятствие», и это «барьер», т.е. дискриминационная по характеру мера национального государственного регулирования, затрагивающая интересы других стран общего аграрного рынка ЕАЭС. Если такая мера выявлена и идентифицирована как

«барьер», она должна быть незамедлительно убрана национальными органами регулирования той страны, которая ее установила.

На практике обсуждение выявленных «барьеров» и их устранение может занимать очень продолжительное время, что, безусловно, свидетельствует об определенной незрелости механизмов принятия решений в системе государственного регулирования АПК в условиях становления и развития общего аграрного рынка. «Наиболее ярким примером подобного неустраненного «барьера», оказывающего дестабилизирующее влияние на общий аграрный рынок евразийской агропродовольственной системы, включая, в первую очередь, аграрный рынок России, является позиция Республики Беларусь по применению пониженной ставки НДС в размере 10% на ряд продукции АПК» [139, с. 76] (таблица 11). Российские предприятия, поставляющие в Белоруссию широкий спектр товаров АПК, особенно пищевую продукцию, испытывают серьезную дискриминацию и не имеют равного с белорусскими производителями доступа на рынок.

Таблица 11 – «Барьер» в развитии общего рынка евразийской агропродовольственной системы, вызванный неравными условиями взимания косвенных налогов Республикой Беларусь в отношении продукции АПК

Показатель	Характеристика
Краткое содержание выявленного барьера на общем аграрном рынке ЕАЭС	Особенности взимания НДС по льготной ставке 10% с производимой на территории Республики Беларусь товаров АПК: растениеводства (за исключением цветоводства, выращивания декоративных растений), дикорастущих ягод, орехов и иных плодов, грибов, другой дикорастущей продукции, пчеловодства, животноводства (за исключением производства пушнины) и рыбоводства
Затрагиваемые барьером товары АПК, производимые на территории остальных стран ЕАЭС	Товары (группы кодов ТН ВЭД ЕАЭС 01-05, 07, 08, 10, 12-24)
Нормы национального законодательства Республики Беларусь, противоречащие праву ЕАЭС	Подпункты 1.2.1 и 1.2.2. п. 1 ст. 102 Налогового кодекса Республики Беларусь от 29 декабря 2009 г. № 71-З, Перечень продовольственных товаров и товаров для детей, по которым применяется ставка налога на добавленную стоимость в размере 10% при их ввозе на территорию Республики Беларусь и (или) при реализации на территории Республики Беларусь, утвержденный Указом Президента Республики Беларусь от 21 июня 2007 г. № 287

Продолжение таблицы 11

Показатель	Характеристика
Норма права ЕАЭС	Пункт 5 ст. 72 (Принципы взимания косвенных налогов в государствах-членах) Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.
Последствия выявленного барьера	Ущемление экономических интересов АПК России (российских производителей сельскохозяйственной продукции) на белорусском рынке и снижение эффективности ВЭД белорусских импортеров продукции российского сельского хозяйства за счет создания дополнительных и противоречащих праву ЕАЭС конкурентных преимуществ АПК Республики Беларусь на территории своей страны
Принятые решения по линии ЕЭК	Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22 мая 2018 г. № 84 «О выполнении Республикой Беларусь обязательств в рамках функционирования внутреннего рынка Евразийского экономического союза»
Текущий статус барьера	Проводится мониторинг исполнения Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии 22 мая 2018 г. № 84
Примечание – Составлено автором по: [41; 235; 298].	

«В рассматриваемом примере Республика Беларусь создает неравные условия взимания косвенных налогов на продукцию АПК для национальных предприятий и хозяйствующих субъектов государств – членов ЕАЭС, что в условиях работы общего аграрного рынка Союза является «барьером». В соответствии с Налоговым кодексом Республки Беларусь в отношении производимой на ее территории продукции растениеводства, пчеловодства, животноводства и рыбоводства установлена ставка НДС в размере 10%. В то же время при ввозе отдельных видов продовольственных товаров из государств ЕАЭС, включая зерно, многие виды овощей, фруктов, отдельные виды продукции рыбоводства, применяется повышенная ставка НДС в размере 20%. Такая ситуация приводит к нарушению принципа предоставления ввозимым на территорию Республики Беларусь товарам из государств – членов ЕАЭС национального режима и к применению различных ставок НДС в отношении товаров, произведенных в Республике Беларусь и в других государствах – членах Союза. Это противоречит положениям п. 5 ст. 72 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. и ущемляет интересы как российских производителей аграрной продукции, так и белорусских импортеров продукции российского сельского хозяйства. При этом данный вариант

налогообложения выгоден белорусским производителям и является дополнительной защитой аграрного рынка Республики Беларусь от российских продовольственных товаров и сельскохозяйственной продукции» [139, с. 76-77].

«Особенно показательной данная ситуация выглядит с учетом того, что данный «барьер» обсуждался 21 октября 2016 г., когда в Департаменте функционирования внутренних рынков ЕЭК состоялись консультации государств – членов Союза по вопросам, связанным со взиманием налога на добавленную стоимость при ввозе товаров из стран Евразийского экономического союза в Республику Беларусь. По итогам консультаций было принято решение о том, что в Республике Беларусь будет ускорено проведение процедур, необходимых для изменения данной ситуации. 14 ноября 2017 г. вопрос о выполнении Республикой Беларусь обязательств в рамках функционирования внутреннего рынка Евразийского экономического союза обсуждался на 32-м заседании Коллегии Евразийской экономической комиссии и был перенесен на 2018 г. Последнее решение Коллегии Евразийской экономической комиссии (после почти двух лет разбирательств по данному вопросу) от 22 мая 2018 г. № 84 «О выполнении Республикой Беларусь обязательств в рамках функционирования внутреннего рынка Евразийского экономического союза» содержит максимально мягкие формулировки: «Уведомить Республику Беларусь о необходимости исполнения п. 5 ст. 72 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. при применении ставок налога на добавленную стоимость в отношении товаров, импортируемых с территории государств – членов Евразийского экономического союза на территорию Республики Беларусь, и аналогичных им товаров, указанных в подп. 1.2.1. п. 1 ст. 102 Налогового кодекса Республики Беларусь, при их реализации на территории Республики Беларусь» [24]. До настоящего времени данное решение ЕЭК Республикой Беларусь не исполнено» [139, с. 77].

«Рассматривая обозначенную выше проблему, уместно процитировать академика РАН А.И. Алтухова, очень точно сформулировавшего следующее положение [139, с. 77]: «Однако в процессе расширения и углубления интеграционных связей между государствами – членами ЕАЭС в аграрной сфере

экономики предстоит преодолеть следующие трудности, которые в противном случае будут тормозить ее развитие: сохраняющиеся противоречия национальных интересов государств – членов ЕАЭС на союзном аграрном рынке. Они во многом обусловлены национальными особенностями развития аграрной сферы экономики и в первую очередь сельского хозяйства, а также наличием недостатков в наднациональном законодательстве, усиливаемых тем обстоятельством, что ЕАЭС является Союзом неравновеликих стран с существенными различиями в масштабах аграрного потенциала и производства сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. Это создает определенный потребительский характер экономических отношений государств-членов с системным интегратором Союза – Россией, которые рассматривают ее в первую очередь в качестве емкого рынка сбыта своей продукции. Следствием несовпадения национальных интересов являются сохраняющиеся ограничения в торговле, которые используются не в качестве защитной меры, а как административный фактор в конкурентной борьбе» [54, с. 7].

Принимая во внимание особое значение категории «препятствия» для реформирования системы государственного регулирования АПК в условиях евразийской экономической интеграции, можно представить следующие теоретические и методологические положения», определяющие аппарат исследований в еще достаточно новой для отечественной аграрной науки сфере [265, с. 4] (таблица 12).

Уточнение и развитие категориально-понятийного аппарата, используемого для оценки глубины интеграции национальных АПК в систему евразийской агропродовольственной системы, позволяет предложить следующую авторскую матрицу (рисунок 12).

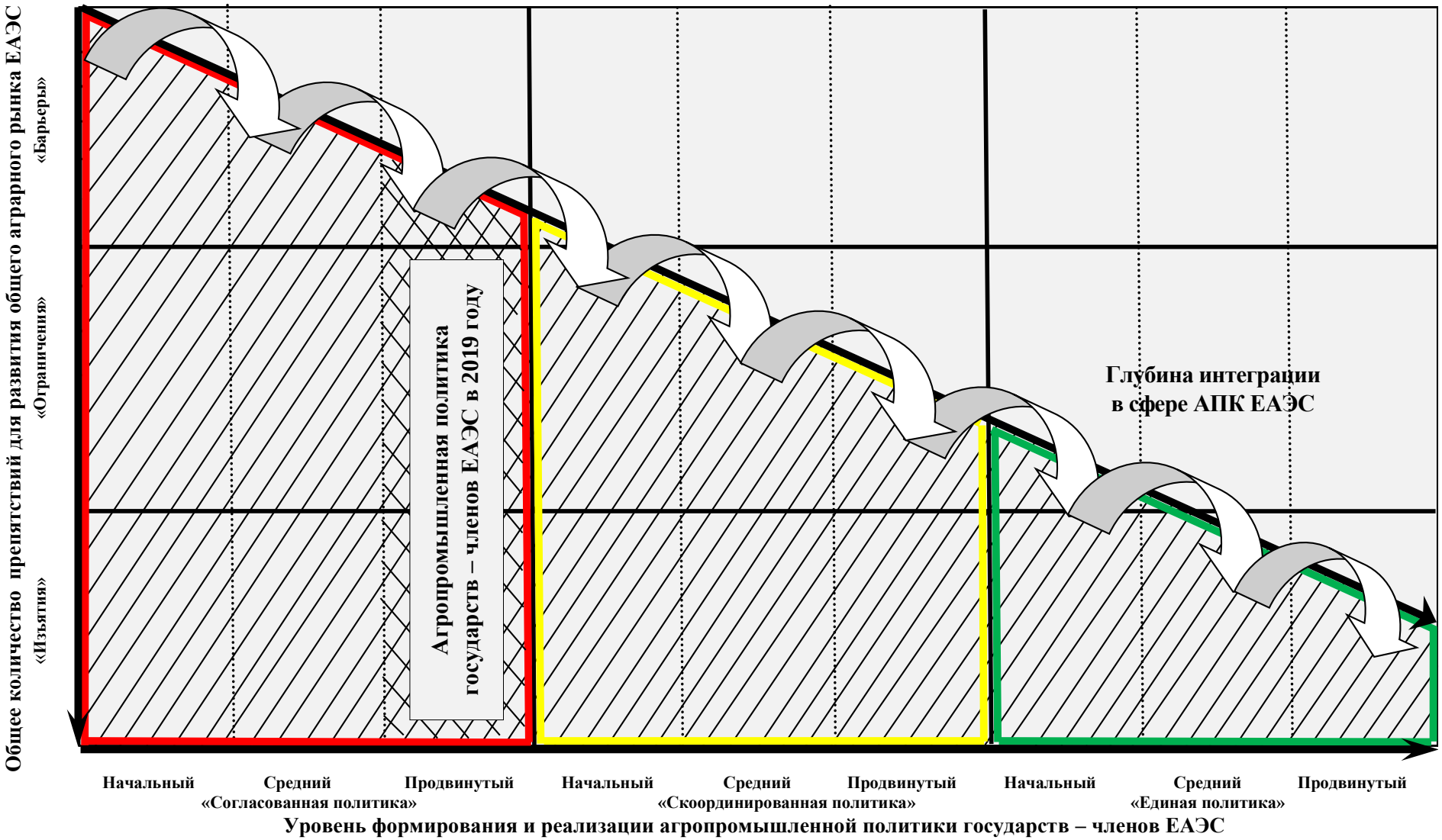
Предложенная в диссертационном исследовании методология оценки глубины интеграции национальных АПК при формировании евразийской агропродовольственной системы допускает применение большого количества возможных методов с учетом достаточно широкого перечня аналитических инструментов количественного и качественного анализа.

Таблица 12 – Теоретические и методологические положения реформирования системы государственного регулирования АПК России в условиях интеграционного воздействия внешней среды при формировании ЕАЭС

Теоретические положения	Методологические положения
Согласованная политика – политика, осуществляемая государствами-членами в различных сферах, предполагающая гармонизацию правового регулирования, в том числе на основе решений органов Евразийского экономического союза, в такой степени, которая необходима для достижения целей Союза, предусмотренных Договором о Евразийском экономическом союзе	Формирование и развитие общего аграрного рынка ЕАЭС требует от членов интеграционного объединения реформирования системы государственного регулирования национальных АПК с учетом проведения согласованной (скоординированной) агропромышленной политики. Все виды политики в различных отраслях экономики ЕАЭС (единая, скоординированная или согласованная) должны принимать во внимание и самым серьезным образом учитывать наличие возможных «препятствий» для формирования общих рынков. Данные «препятствия» складываются из дискриминационных по своему характеру (нарушающих нормы ЕАЭС и требующих первоочередного решения) «барьеров» и недискриминационных, но препятствующих более глубокой экономической интеграции «ограничений» (препятствия, существующие из-за отсутствия общей нормативно-правовой базы) и «изъятий» (самые сложные, комплексные препятствия, устранение которых ведет к наиболее глубокой экономической интеграции)
Скоординированная политика – политика, предполагающая осуществление сотрудничества государств-членов на основе общих подходов, одобренных в рамках органов Союза, необходимых для достижения целей Союза, предусмотренных настоящим Договором	
Единая политика – политика, осуществляемая государствами-членами в определенных ими сферах, предусмотренных настоящим Договором, предполагающая применение государствами – членами унифицированного правового регулирования, в том числе на основе решений органов Евразийского экономического союза в рамках их полномочий	Проведение согласованной агропромышленной политики в ЕАЭС должно предусматривать своевременное выявление и полное устранение «барьеров» (создание «безбарьерной» среды на общем аграрном рынке), последующее недопущение их появления со стороны стран-членов в результате реформирования системы государственного регулирования национальных АПК (первый – начальный – уровень интеграции национальных АПК в системе ЕАЭС). Проведение скоординированной агропромышленной политики в ЕАЭС должно быть сконцентрировано на выявлении и постепенном устранении «ограничений» со своевременным внесением корректировок в национальные системы государственного регулирования АПК (второй – средний – уровень интеграции национальных АПК в системе ЕАЭС)
В целях обеспечения развития АПК и сельской местности в интересах населения каждого государства-члена и Союза в целом, а также экономической интеграции в рамках Союза проводится согласованная (скоординированная) агропромышленная политика, предполагающая в том числе применение механизмов регулирования, предусмотренных Договором о Евразийском экономическом союзе и другими международными договорами в рамках Союза в сфере агропромышленного комплекса (разд. XXV, ст. 94)	

Продолжение таблицы 12

Теоретические положения	Методологические положения
	Проведение единой агропромышленной политики в ЕАЭС потребует от стран-членов в максимальной степени выявления и устранения действующих «изъятий», самому ответственному отношению к принятию управленческих решений, связанных с государственным регулированием национальных АПК, чтобы препятствовать образованию новых «изъятий» (третий – продвинутый – наиболее сложный и ответственный уровень интеграции национальных АПК в системе ЕАЭС)
Эффективное реформирование системы государственного регулирования национальных АПК в условиях евразийской экономической интеграции требует уточнения категориально-понятийного аппарата, используемого для оценки глубины интеграции АПК России и других стран – членов ЕАЭС через механизм реализации согласованной, скоординированной или единой агропромышленной политики	
Примечание – Составлено автором [265, с. 4].	



Примечание – Составлено автором.

Рисунок 12 – Матрица глубины интеграции национальных АПК в евразийской агропродовольственной системе

Условно в предложенной матрице предлагается выделить три зоны (красная, желтая и зеленая), которые соответствуют количеству выявленных на общем аграрном рынке и неустраненных «препятствий». Еще раз акцентируем внимание на том, что «в настоящее время все «препятствия» на национальных рынках ЕАЭС складываются из дискриминационных по своему характеру (нарушающих нормы ЕАЭС и требующих первоочередного решения) «барьеров» и недискриминационных, но препятствующих более глубокой экономической интеграции «ограничений» (препятствия, существующих из-за отсутствия общей нормативно-правовой базы) и «изъятий» (самые сложные, комплексные препятствия, устранение которых ведет к наиболее глубокой экономической интеграции)» [151, с. 23].

При этом матрица предполагает, что в красной зоне, среди «препятствий» доминируют «барьеры» и постепенное, но только практически полное их устранение, может позволить достичь продвинутого уровня согласованной агропродовольственной политики. При этом уровни (начальный, средний, продвинутый) могут определяться комплексом методов количественного и качественного анализа. Это объясняется тем, что для успешной интеграции агропродовольственных рынков серьезное значение имеет не только общее количество выявленных и неустраненных «барьеров», положительная или негативная динамика их возникновения и оперативного устранения, но и, что может быть даже важнее, их масштаб, мультипликативный негативный эффект на отдельные отрасли национальной экономики, т.е. природа конкретного «барьера», качество данного объекта. Таким образом, красная зона матрицы – это начальный уровень интеграции агропродовольственных рынков, где проверяется степень «согласованности» интересов АПК и смежных отраслей национальных экономик. Максимально полное устранение барьеров на общем агропродовольственном рынке, стабильность ситуации, связанной с появлением новых барьеров, в случае выявления барьера – его оперативная ликвидация – все это критерии для признания положительных изменений качественного уровня согласованной агропродовольственной политики от начального к продвинутому уровню.

Одновременно с выявлением и устранением «барьеров», обеспечением надежной защиты от их нового появления, может идти схожая работа по совершенствованию государственного регулирования АПК в желтой и зеленой зонах предложенной матрицы. Однако желтая зона сопряжена уже больше с «координацией» агропродовольственной политики. На этой стадии происходит максимальная ликвидация «ограничений», как одной из разновидностей «препятствий» для общего аграрного рынка. «Ограничения», проявляющие себя через отсутствие правового регулирования экономических отношений в сфере АПК, развитие которых предусмотрено правом ЕАЭС, сохраняют серьезное негативное интеграционное воздействие на общий агропродовольственный рынок и АПК России. Среди подобных «ограничений» можно выделить, например, «отсутствие единой методологии расчета разрешенного уровня мер поддержки сельского хозяйства, оказывающих искажающее воздействие на торговлю; отсутствие унифицированных требований в отношении условий ввоза, вывоза и перемещения по единой территории ЕАЭС племенной продукции, методик определения племенной ценности племенных животных, а также форм племенных свидетельств (сертификатов, паспортов); ограничение, связанное с отсутствием единых требований в отношении перемещения в рамках ЕАЭС семян сельскохозяйственных растений, а также взаимного признания государствами-членами документов, удостоверяющих сортовые и посевные качества семян сельскохозяйственных растений» [41, с. 21]. Соответственно, продвинутый уровень не просто согласованной, но скоординированной политики, по нашему мнению, может быть достигнут после максимального устранения всех «барьеров» и «ограничений» на общем агропродовольственном рынке.

Прохождение желтой зоны матрицы при дальнейшем повышении глубины интеграции позволяет нам уже рассуждать о работе отдельных национальных рынков в качестве полноценной агропродовольственной системы. Здесь уровень интеграции достигает самых серьезных глубин, а агропродовольственная политика, по сути, перестает быть скоординированной, и ее можно назвать единой. Полностью добиться устранения всех «изъятий» в условиях ЕАЭС,

вероятно, невозможно. Да и принятые сейчас документы в сфере наднационального государственного регулирования АПК не предусматривают единство политики. Однако, на наш взгляд, данная ситуация может стать серьезной стратегической ошибкой. «Изъятия» как разновидность «препятствий» на общем аграрном рынке очень опасны. Это связано с определенными его специфическими характеристиками, о которых академик РАН А.Г. Папцов, приводя пример аграрного рынка ЕС, рассуждает следующим образом: «Сельскохозяйственный рынок, в значительной мере в отличие от многих других рынков, является саморегулируемым лишь в узких пределах, при низкой эластичности и спроса, и предложения, и высокой эластичности цен. Все это потребовало создания механизма по поддержанию стабильности рынка, установления коридора цен, стабилизационных запасов и государственной (в данном случае – надгосударственной) товарной интервенции. Это также связано с внешнеторговой политикой и системой, как одного из важных элементов поддержания стабильности рынка. Все это также требовало и требует весьма значительных государственных затрат и довольно жесткого государственного регулирования. При создании ЕС западноевропейские страны по своему экономическому потенциалу, научно-техническому уровню и природным ресурсам, в том числе по естественной продуктивности пашни, существенно отставали от США, аграрная продукция которых и формирует мировые цены. Это определяло необходимость проведения протекционистской политики, создания условий для развития ряда отраслей, отгороженных от мирового рынка, поскольку в противном случае они не выдержали бы иностранной конкуренции. Традиционная система тарифной защиты была неадекватной, нужен был иной механизм, который бы позволял в определенной мере вести на равных внешнюю торговлю со странами, имеющими более благоприятные условия, и в то же время создавал бы своеобразную систему шлюзов, обеспечивающую весьма существенный перепад цен между Западной Европой и мировым рынком. Такой системой стала структура компенсационных сборов и платежей, автоматически выравнивающих уровень цен в Западной Европе и на мировом рынке, причем эта

система в отличие от тарифов не требовала политических решений при своем пересмотре, а работая в автоматическом режиме, проблема переводилась из политической в техническую плоскость и не давала базы для ответных репрессалий. Важен был и автономный характер этой системы, когда все средства, полученные от ее функционирования, не шли в общий бюджет, а лишь на само сельское хозяйство, в том числе и для стимулирования сельскохозяйственного экспорта» [228, с. 83-84]. В нашем случае зарождающуюся евразийскую агропродовольственную систему можно представить в виде дома, где стенами являются агропродовольственные рынки, состоящие из кирпичей, связанных друг с другом нормативно-правовыми основами государственного регулирования. Если на одном из рынков формируется «изъятие», это равносильно выпадающему из стены кирпичу. Чем больше становится таких «изъятий», чем более масштабно по своему дестабилизирующему влиянию каждое из них, тем сложнее стене сохранить свою устойчивость. Если стена упадет, то вместе с ней рухнет и крыша строящегося дома (агропродовольственная политика), которая без крепких стен существовать не может. Мнение академика РАН А.Г. Папцова о специфике государственного регулирования аграрных рынков, особенностях создания агропродовольственной системы в Европейском союзе эту авторскую точку зрения в диссертационном исследовании укрепляют.

Необходимо подчеркнуть, что «модель интеграции, по которой стал двигаться евразийский проект до настоящего времени реализована только Европейским союзом. Данная модель предусматривает уже не просто интеграционное влияние таможенной и торговой политики на АПК и агропродовольственный сектор участвующих в РТС государств. Она предусматривает проведение единой, согласованной или скоординированной политики в выбранных странами отраслях экономики, включая такой непростую для государственного регулирования отрасль, как сельское хозяйство. Национальный агропродовольственный сектор при этом перестает быть полностью самостоятельным и управляемым исключительно на национальном

уровне, он становится элементом общей агропродовольственной системы РТС, требующим со стороны договаривающихся стран предельной внимательности в поиске баланса интересов национальных АПК при выстраивании единой (согласованной, скоординированной) сельскохозяйственной политики» [265, с. 3].

Возвращаясь к представленной в диссертационном исследовании матрице, необходимо отметить, что сейчас на практике в системе государственного наднационального и национального регулирования агропродовольственных рынков присутствует вся анализируемая триада «препятствий» («барьеров», «ограничений», «изъятий»). Таким образом, мы находимся в самом начале долгого и трудного пути по совершенствованию политики интеграционного воздействия на национальные АПК с точки зрения получения долгосрочных и взаимовыгодных экономических эффектов от их сосуществования не просто как суммы рынков, но как общего рынка, где своеобразным эталоном, несмотря на определенные минусы, остается агропродовольственный рынок ЕС. Следует еще раз акцентировать внимание на том, что в «основу общей аграрной политики ЕС изначально были заложены принципы, на которых и смогла успешно функционировать вся европейская аграрная система. Во-первых, это единство рынка для сельхозпродукции через установление универсальных правил: ценовых, санитарных, ветеринарных и прочих в целях беспрепятственного и замкнутого обращения продукции в ЕС. Для всех стран ЕС существует, по сути, единое финансово-правовое поле. Во-вторых, это обеспечение своей продукции преимуществ при обращении внутри и за пределами союза (высокая тарифно-таможенная защита, экспортные субсидии и др.). В-третьих, это финансирование из общего аграрного бюджета. В-четвертых, делегирование полномочий в наднациональный орган (разработка правил регулирования продуктовых рынков является компетенцией Совета министров и Комиссии ЕС)» [308, с. 80].

В ЕАЭС сегодня, на наш взгляд, присутствуют лишь отдельно взятые начальные элементы европейской агропродовольственной системы, при этом даже эти элементы испытывают достаточно серьезное давление со стороны противоречивых национальных интересов в сфере АПК. Это, в свою очередь,

несет существенные риски для только формирующейся евразийской агропродовольственной системы, когда механизм наднационального государственного регулирования общего агропродовольственного рынка оказывается серьезно разбалансирован вкраплением национальных приоритетов, что приводит к конфликтам на аграрных рынках ЕАЭС, не дает достаточных возможностей инкорпорировать национальные агропродовольственные интересы друг с другом общую систему коллективных интересов.

«Количественная и качественная оценка «препятствий», действующих на внутреннем аграрном рынке ЕАЭС, позволяет констатировать, что за последние несколько лет Евразийской экономической комиссией, национальными органами исполнительной власти государств – членов ЕАЭС была проделана огромная работа по сокращению выявленных «барьеров», «ограничений» и «изъятий». Однако полностью к настоящему времени в сфере, затрагивающей АПК, не устранены даже «барьеры», хотя их количество неуклонно снижается» [265, с. 4-5]. Такая ситуация во многом может быть объяснена очень высокой скоростью интеграционных процессов, принимая во внимание, что «евразийский интеграционный проект стремительно прошел с 2010 по 2015 г. сразу три стадии классической линейной модели региональной экономической интеграции (таможенный союз, единое экономическое пространство, экономический союз)» [265, с. 5]. Безусловно, скорость реализуемых процессов далеко не всегда способна обеспечить их надлежащее качество и как совершенно справедливо отмечает академик РАН И.Г. Ушачев, «исследования и опыт показали, насколько важно соблюдать последовательность прохождения форматов интеграции и добиваться полноты их функционального и институционального созревания. Сложившиеся высокие темпы перехода от одного формата к другому не позволяют своевременно завершить создание институциональных структур, подготовить кадры, адаптировать население и бизнес к быстро меняющимся экономическим условиям» [281, с. 4].

«Таким образом, АПК и агропродовольственный сектор экономики России сегодня становятся составным элементом Евразийского экономического союза

как РТС с очень глубоким интеграционным проникновением, составной частью сложной и постоянно изменяющейся системы, предусматривающей как минимум проведение согласованной (скоординированной) агропромышленной политики, а как максимум, учитывая опыт Европейского союза, единство данной политики» [265, с. 5].

Принимая во внимание сказанное, предлагается применить следующий «SWOT-анализ для выделения сильных и слабых сторон, возможностей и угроз, учитывающих интеграционное воздействие внешней среды на агропродовольственный сектор национальной экономики, в рамках реализации проектов глубокой интеграции аграрных рынков и национальных АПК в системе ЕАЭС» [265, с. 5] (рисунок 13).

Предложенный в диссертационной работе SWOT-анализ отражает ситуацию, связанную с процессами линейной интеграции, находящимися на очень продвинутом этапе ее реализации – экономическом союзе. Это в полной мере соответствует современному этапу развития евразийского интеграционного проекта, который предопределяет очень серьезное интеграционное воздействие на рынок и агропродовольственный сектор экономики России. Данное интеграционное воздействие может раскрыть себя как через сильные стороны, укрепляющие позиции национального АПК в новой агропродовольственной системе ЕАЭС, так и способствовать ослаблению его конкурентных позиций. «Следует особенно подчеркнуть, что нереализованные возможности при определенном интеграционном воздействии могут превращаться в угрозы для агропродовольственного сектора экономики, а последние могут стать слабыми сторонами. При этом сильные стороны должны генерировать дополнительные возможности для национальных аграрных рынков» [265, с. 5-6].

Анализируя представленные в исследовании сильные, слабые стороны, возможности и угрозы интеграционного воздействия внешней среды на агропродовольственный сектор национальной экономики, представляется крайне полезным вспомнить высказывания трех крупных исследователей в сфере аграрной экономики – академиков РАН В.И. Назаренко, А.И. Алтухова и И.Г. Ушачева.

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 13 – SWOT анализ интеграционного воздействия внешней среды на агропродовольственный сектор национальной экономики

В.И. Назаренко, многие труды которого были посвящены исследованию европейского опыта аграрной интеграции, приводит следующее краткое, но очень емкое заключение о европейской агропродовольственной системе: «В связи с последовательным объединением Европы создавалось всё более мощное экономическое образование с емким внутренним рынком, внутрирегиональным разделением труда и специализацией, но с единой системой защиты от мирового рынка» [192, с. 48]. Абсолютно все, что отмечено академиком В.И. Назаренко применительно к Европейскому союзу, сегодня актуально для ситуации в ЕАЭС. Для создания действительно эффективной евразийской агропродовольственной системы требуется решение целого ряда крупномасштабных задач, схожих с теми, которые приходилось решать в ЕС. Об одной из таких задач высказывался академик РАН А.И. Алтухов и эту точку зрения мы полностью разделяем в диссертационном исследовании. Для выбранной нашими странами «закрытой» и «линейной» интеграционной модели крайне важным становится «скоординировать совместные действия государств Евразийского экономического союза по рациональному размещению и углублению специализации агропромышленного производства, расширению взаимной торговли и наращиванию экспорта сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. Необходимо также разработать и реализовать общую схему территориально-отраслевого разделения труда в агропромышленном производстве стран ЕАЭС на основе углубления их специализации на производстве отдельных видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для развития межгосударственного обмена и экспорта» [60, с. 17-18].

Решение отмеченных выше масштабных задач невозможно без изменения внимания к тем важнейшим моментам в ЕАЭС, которые отмечает коллектив уважаемых российских ученых, возглавляемых академиком РАН И.Г. Ушачевым: «Важно сформировать такой механизм, который предусматривал бы не абстрактное партнерство, а реальное экономическое взаимодействие наших стран в целях обеспечения конкурентоспособности на мировом аграрном

рынке… Для достижения этой цели необходимы сбалансированное развитие производства и рынков сельхозпродукции и продовольствия в рамках Союза; обеспечение справедливой конкуренции внутри Союза и равного доступа на его аграрный рынок…» [282, с. 4].

Таким образом, в настоящее время требуется качественное переосмысление аграрных отношений России со странами ЕАЭС с учетом интеграционного влияния внешней среды. Только в этом случае данное интеграционное воздействие способно принести максимальный положительный синергетический эффект.

2.2 Экономические условия агропромышленной деятельности и динамика межгосударственной агропродовольственной интеграции

Начиная с 2010 г., когда начал свою работу таможенный союз трех стран (Россия, Белоруссия, Казахстан) и до настоящего времени, этапа активного становления и развития Евразийского экономического союза с полноформатным участием пяти государств (Россия, Белоруссия, Казахстан, Армения и Киргизия) наблюдается определенная стабилизация ситуации по большинству ключевых социально-экономических показателей сельского хозяйства.

Индексы объема сельскохозяйственного производства в государствах – членах ЕАЭС за 2010-2018 гг. и динамика производства продукции сельского хозяйства за аналогичный период времени отражены в таблицах 13 и 14.

Производство продукции сельского хозяйства в текущих ценах во всех странах ЕАЭС в период с 2010 по 2018 г. имеет положительную динамику.

Индекс объема сельскохозяйственного производства, рассчитанный в процентах к предыдущим периодам, в постоянных ценах, свидетельствует о том, что наиболее динамично аграрное производство развивается в Казахстане и Киргизии. Белоруссия и Россия занимают общее второе место по данному показателю. Наиболее слабые позиции демонстрирует Армения.

Таблица 13 – Индекс объема сельскохозяйственного производства (в постоянных ценах), % к предыдущему году

Страна	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
ЕАЭС	89,8	121,0	94,7	105,0	103,6	102,2	104,5	102,9	99,9
Армения	86,4	113,9	109,5	107,1	106,3	108,4	96,2	97,2	92,4
Беларусь	102,5	106,6	106,6	96,0	103,1	97,5	103,3	104,2	96,6
Казахстан	88,3	126,8	85,2[1]	109,7[1]	101,0[1]	103,4[1]	105,4[1]	103,0[1]	103,4[1]
Кыргызстан[2]	97,4	102,0	101,2	102,7	99,5	106,2	103,1	102,4	102,7
Россия	87,9	122,1	94,4	105,1	104,1	102,1	104,8	102,9	99,8

Примечание – Составлено автором по: [269].

[1] Для данных по Казахстану используется «Методика расчета валового выпуска продукции (услуг) сельского, лесного и рыбного хозяйства» от 9 ноября 2015 г. № 175.

[2] Сельское хозяйство, лесное хозяйство и рыболовство.

Таблица 14 – Производство продукции сельского хозяйства в государствах – членах ЕАЭС за 2010-2018 гг. (в текущих ценах)

Страна	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Армения									
млрд армянских драм	637,0	795,0	842,0	919,0	993,0	1 002,2	907,5	935,8	926,4
млрд долл. США	1,7	2,1	2,1	2,2	2,4	2,1	1,9	1,9	1,9
Беларусь									
млрд белорусских рублей	3,6	5,6	9,7	10,6	13,1	13,7	15,3	18,3	19,0
млрд долл. США	12,1	9,9	11,5	11,8	12,8	8,4	7,6	9,4	9,3
Республика Казахстан									
млрд тенге	1 443,0	2 286,0	1 999,0	2 386,0	2 510,0	2 749,0	3 616,0	4 115,0	4 410,0
млрд долл. США	9,8	15,6	13,4	15,7	14,0	12,4	10,6	12,6	12,8
Кыргызстан									
млрд сом	115,0	149,0	167,0	172,0	196,0	197,0	197,0	207,4	203,8
млрд долл. США	2,5	3,2	3,6	3,5	3,7	3,1	2,8	3,0	3,0
Российская Федерация									
млрд российских рублей	2 588,0	3 262,0	3 341,0	3 687,0	4 226,0	5 037,0	5 626,0	5 654,0	5 120,0
млрд долл. США	85,2	111,1	107,5	115,9	111,3	83,0	84,1	96,9	81,9
ЕАЭС, всего, млрд долл. США	*111,3*	*142,0*	*138,1*	*149,1*	*144,2*	*109,0*	*107,0*	*123,8*	*108,9*

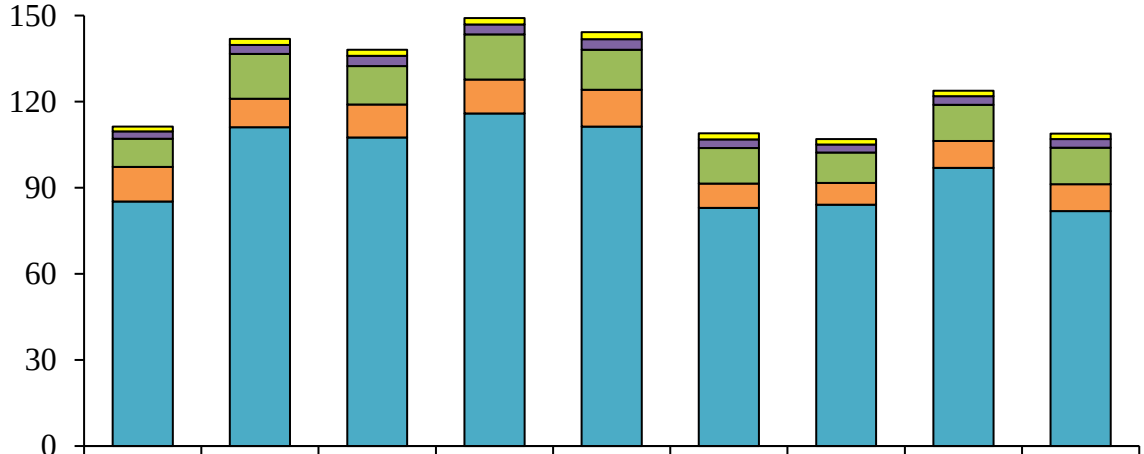
Примечание – Составлено автором по: [210; 211; 212; 213].

Данные по Кыргызстану приведены по сельскому хозяйству, лесному хозяйству и рыболовству.

Для данных по Казахстану используется «Методика расчета валового выпуска продукции (услуг) сельского, лесного и рыбного хозяйства» от 9 ноября 2015 г. № 175.

Отсутствие единой национальной валюты во всех странах – членах ЕАЭС усложняет методологию расчетов и последующей оценки развития национальных АПК. Стоимостные показатели оказываются в очень сильной зависимости от денежно-кредитной политики, проводимой странами – членами ЕАЭС и

валютных курсов их национальных валют по отношению друг к другу и доллару США – валюте, используемой ЕЭК в целях ведения внешнеэкономической статистики. Россия является крупнейшей экономикой ЕАЭС, поэтому поведение рубля относительно доллара США, сразу же отражается на общих цифрах статистики ЕАЭС в сфере АПК (рисунок 14).



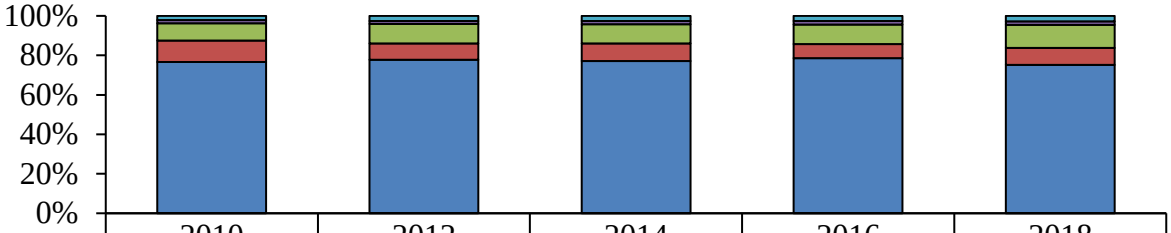
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Армения	1,7	2,1	2,1	2,2	2,4	2,1	1,9	1,9	1,9
Киргизия	2,5	3,2	3,6	3,5	3,7	3,1	2,8	3,0	3,0
Казахстан	9,8	15,6	13,4	15,7	14,0	12,4	10,6	12,6	12,8
Белоруссия	12,1	9,9	11,5	11,8	12,8	8,4	7,6	9,4	9,3
Россия	85,2	111,1	107,5	115,9	111,3	83,0	84,1	96,9	81,9

Примечание – Составлено автором по [210; 211; 212; 213].

Рисунок 14 – Динамика производства продукции сельского хозяйства в государствах – членах ЕАЭС, долл. США

Как можно видеть, несмотря на постоянное увеличение стоимостных показателей, отражающих динамику производства продукции сельского хозяйства в государствах – членах ЕАЭС за рассматриваемый период и выраженных в национальных валютах, в 2018 г. ЕАЭС так и не удалось превысить аналогичный показатель 2010 г., выраженный в долларах США. В 2010 г. общий показатель по ЕАЭС (участники таможенного союза ЕврАзЭС, Армения и Киргизия) составлял 111,3 млрд долл. США, тогда как в 2018 г. он смог достичь только уровня в 108,9 млрд долл. США. Данная ситуация

объясняется огромным вкладом России в производство продукции сельского хозяйства на пространстве ЕАЭС (рисунок 15).



	2010	2012	2014	2016	2018
Киргизия	2,2	2,6	2,6	2,6	2,8
Армения	1,5	1,5	1,7	1,8	1,7
Казахстан	8,8	9,8	9,7	9,9	11,8
Белоруссия	10,9	8,3	8,8	7,1	8,5
Россия	76,6	77,8	77,2	78,6	75,2

Примечание – Составлено автором по: [210; 211; 212; 213].

Рисунок 15 – Доля стран – членов ЕАЭС в совокупном производстве продукции сельского хозяйства за 2010-2018 гг., %

Доля нашей страны в период с 2010 по 2018 г. варьировалась в пределах от 76,6% в 2010 г. до 75,2 % в 2018 г. Пиковых значений объемы производства сельскохозяйственной продукции в денежном выражении в России достигали в 2013 и 2014 гг., когда национальная валюта была наиболее крепкой. Они составляли 115,9 и 111,3 млрд долл. США соответственно. В 2015 г. в результате масштабной девальвации российского рубля относительно доллара США, показатель объема производства сельскохозяйственной продукции в денежном выражении сократился сразу более чем на 25% и достиг уровня 84,1 млрд долл. США., что привело к обвалу общих цифр по ЕАЭС на 24% до 109,0 млрд долл. США. Укрепление рубля в 2017 г. позволило общему показателю объема производства сельскохозяйственной продукции в ЕАЭС увеличиться до 123,8 млрд долл. США, однако уже в 2018 г. он снова сократился весьма значительно (на 12%) и смог закрепиться на уровне 108,9 млрд долл. США. Причина этого снижения по ЕАЭС осталась прежней – макроэкономическая ситуация в России, где национальная валюта в 2018 г. относительно 2017 г.

имела тенденцию к значительному ослаблению относительно других ключевых мировых валют, включая доллар США.

Следует также отметить, что всем странам – членам ЕАЭС приходится очень внимательно следить за параметрами денежно-кредитной политики России и курсом нашей национальной валюты.

Именно это объясняет тот факт, что несмотря на сокращение в России объемов производства сельскохозяйственной продукции в денежном выражении (доллары США) в 2015 г. сразу на 25%, доля нашей страны в общем показателе по ЕАЭС сократилась незначительно и осталась в пределах 76,1%. Макроэкономическая ситуация в России, которая запустила процессы значительного ослабления российского рубля в конце 2014 г., заставила других двух крупных игроков на аграрном рынке ЕАЭС (Белоруссию и Казахстан) отреагировать и девальвировать свои национальные валюты в 2015 г. Это было связано в том числе с тем, что российские производители получали в случае девальвации рубля дополнительные и очень серьезные конкурентные преимущества на общем агропродовольственном рынке ЕАЭС, которые сразу могли бы быть реализованы в виде масштабного усиления экспортного потенциала российских предприятий на агропродовольственных рынках Белоруссии и Казахстана, что было абсолютно неприемлемо для данных государств. Например, до принятия решения о девальвации тенге, Казахстан в феврале 2015 г. всерьез настаивал «на введении запрета или ограничений на поставку ряда продукции из России в связи с угрозой внутреннему рынку Казахстана из-за девальвации рубля (по отношению к тенге – на 47%)» [314, с. 1]. Перечень российских товаров, предлагаемых к ограничению или даже полному запрету ввоза в Казахстан, был весьма обширен и затрагивал, в том числе, мясо и яйца курицы, макаронные и кондитерские изделия, муку, соки. «Национальная палата предпринимателей Республики Казахстан (НППРК) предлагала правительству страны установить полный запрет на импорт российского куриного мяса, так как средняя ввозная цена на эту продукцию снизилась с 760 тенге до 380 тенге за 1 кг. При этом только себестоимость казахской курятины составляла

400 тенге… Импорт яиц, цена которых только с начала года (2015 г. – *Примеч. авт.*) упала на 20%, Казахстан хотел ограничить квотой в 500 млн шт. Цена на муку первого сорта казахских производителей достигала 95 тенге за 1 кг, тогда как 1 кг российской стоил 65 тенге. В связи с этим НППРК считала необходимым установить квоту либо полностью закрыть российский импорт. Также ограничить квотой планировалось ввоз российской соковой продукции, цены на которую ниже казахской в среднем на 25-30%» [314, с. 1].

Отмеченные выше обстоятельства оказывают значительное влияние на представление статистической информации, касающейся развития аграрных рынков стран – членов ЕАЭС и требуют от исследователей принимать во внимание влияние курсовой разницы при формировании итоговых показателей развития национальных АПК в евразийском пространстве. Для корректной оценки текущей ситуации в агропродовольственном секторе национальных экономик ЕАЭС обязательно требуется проведение не только количественного, но и надлежащего качественного анализа, позволяющего в должной мере интерпретировать имеющуюся статистическую информацию.

Возвращаясь к представленным в таблице 14 данным, графической информации на рисунках 14 и 15, можно видеть, что Российская Федерация в ЕАЭС занимает доминирующее положение по объемам производства продукции сельского хозяйства с долей порядка 75-78%. Это самая крупная экономика и все остальные страны интеграционного объединения значительно ей уступают. Второе место в ЕАЭС занимают экономики Казахстана и Белоруссии, формируя общую долю порядка 20% в совокупном объеме производства продукции сельского хозяйства. Следует подчеркнуть, что Казахстан с 2010 по 2018 г. демонстрирует более быстрое и гораздо более устойчивое развитие АПК по сравнению с Белоруссией. Это связано в том числе с более прагматичной денежно-кредитной политикой в Казахстане, обеспечением намного меньшего уровня инфляции по сравнению с Белоруссией и стабильным положением тенге по сравнению с белорусским рублем на протяжении отмеченного периода времени. И здесь показатели, выраженные в долларах США, оказываются гораздо

более релевантными по сравнению с аналогичными, но выраженными в текущих ценах и национальных валютах. Малыми экономиками в ЕАЭС являются Армения и Киргизия, но они же при этом являются самыми зависимыми от развития сельского хозяйства, что наглядно демонстрирует таблица 15.

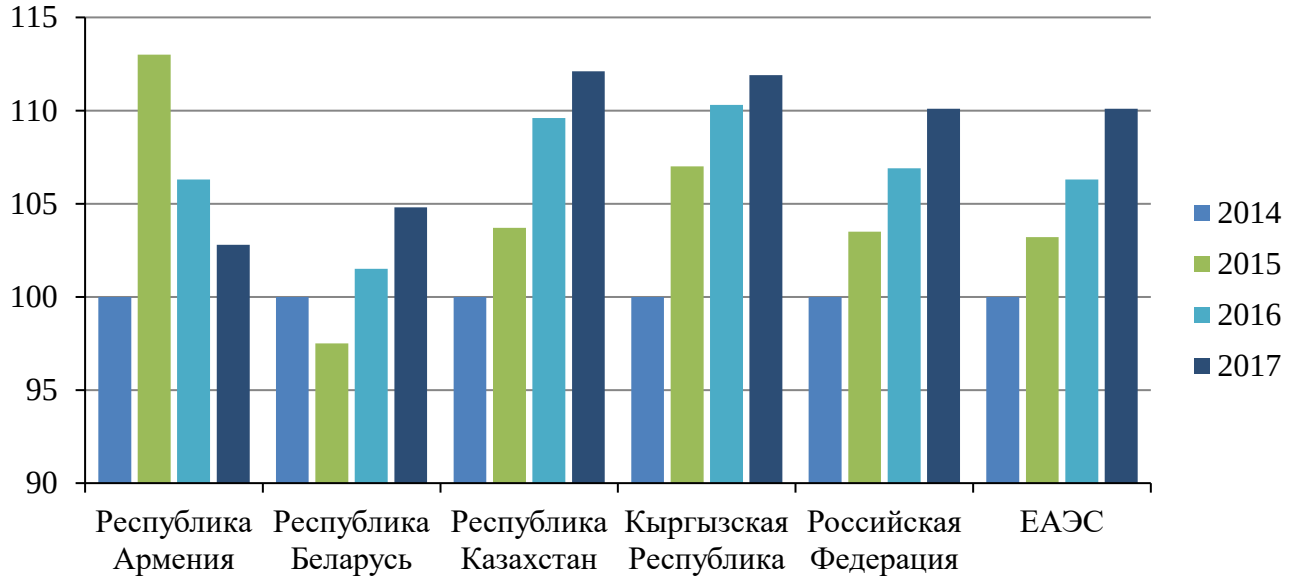
Таблица 15 – Социально-экономические показатели сельского хозяйства стран – членов ЕАЭС

Страна	2013	2014	2015	2016	2017
Численность постоянного населения (на конец года), тыс. чел.					
Армения	3 017,1	3 010,6	2 998,6	2 986,2	2 972,7
Беларусь	9 468,2	9 480,9	9 498,4	9 504,7	9 491,8
Казахстан	17 160,9	17 415,7	17 669,9	17 918,2	18 157,4
Кыргызстан	5 776,6	5 895,1	6 019,5	6 140,2	6 256,7
Россия	143 666,9	146 267,3	146 544,7	146 804,4	146 880,4
ЕАЭС	*179 089,7*	*182 069,6*	*182 731,1*	*183 353,7*	*183 759,0*
В том числе численность постоянного сельского населения					
Армения	1 103,0	1 097,7	1 091,6	1 084,7	1 076,9
Беларусь	2 193,4	2 155,9	2 128,3	2 103,9	2 079,7
Казахстан	7 727,3	7 578,7	7 634,3	7 668,1	7 733,8
Кыргызстан	3 833,0	3 908,3	3 989,9	4 066,3	4 135,7
Россия	37 118,2	37 985,1	37 887,3	37 772,0	37 553,5
ЕАЭС	*51 974,9*	*52 725,7*	*52 731,4*	*52 695,0*	*52 579,6*
Доля сельского населения в численности постоянного населения, %					
Армения	36,6	36,5	36,4	36,3	36,2
Беларусь	23,2	22,7	22,4	22,1	21,9
Казахстан	45,0	43,5	43,2	42,8	42,6
Кыргызстан	66,4	66,3	66,3	66,2	66,1
Россия	25,8	26,0	25,9	25,7	25,6
ЕАЭС	*29,0*	*29,0*	*28,9*	*28,7*	*28,6*
Доля занятых в сельском, лесном и рыбном хозяйстве в общей численности занятых, %					
Армения	36,3	34,8	35,3	33,6	…
Беларусь	9,4	9,4	9,6	9,6	9,6
Казахстан	24,2	18,9	16,2	16,2	15,4
Кыргызстан	31,7	31,6	29,3	26,8	…
Россия	7,0	6,7	6,7	6,7	5,9
ЕАЭС	*9,8*	*9,1*	*8,7*	*8,6*	...
Доля сельского, лесного и рыбного хозяйства в валовой добавленной стоимости по экономике в целом, %					
Армения	20,7	20,4	19,3	18,2	16,7
Беларусь	7,7	8,3	7,2	8,0	8,9
Казахстан	4,9	4,7	5,0	4,8	4,7
Кыргызстан	17,0	17,1	16,0	14,8	14,2
Россия	3,6	4,1	4,6	4,6	4,4
ЕАЭС	*4,1*	*4,4*	*4,9*	*4,9*	*4,7*
Примечание – Составлено автором по: [45].					

В Армении и Киргизии, чья общая доля в совокупном объеме производства продукции сельского хозяйства ЕАЭС не превышает 4%, доля сельского, лесного и рыбного хозяйства в валовой добавленной стоимости по экономике в целом в 2017 г. составила 16,7 и 14,2% соответственно. Это очень высокие значения, учитывая, что в России данный показатель в 2017 г. находился на уровне 4,4%, а в целом по ЕАЭС достигал 4,7%. Данные страны также лидируют по доле занятых в сельском, лесном и рыбном хозяйстве в общей численности занятых. По состоянию на 2016 г. этот показатель в Армении составлял рекордные для ЕАЭС 33,6%. В Киргизии 26,8% от всех занятых были задействованы в сфере сельского, лесного и рыбного хозяйства. Для сравнения: в России в 2017 г. данный показатель сократился до 5,9 с 6,7% в 2016 г., а в целом по ЕАЭС составлял 8,6%.

Евразийская экономическая комиссия также акцентирует внимание на том, что «в настоящее время более половины объема продукции сельского хозяйства производится крупнотоварными производителями в Республике Беларусь и Российской Федерации. Одновременно, в Республике Армения и Кыргызской Республике доля производства продукции крупными производителями составляет лишь 1-3%, а основной объем производства обеспечивают мелкие хозяйства» [209, с. 48]. Отмеченные особенности, безусловно, должны учитываться при формировании евразийской агропродовольственной системы. В противном случае, существует серьезный риск подавления транснациональным бизнесом, имеющим производственные активы, в первую очередь, в России в силу огромной емкости отечественного потребительского рынка, отдельных сегментов малого и среднего бизнеса Армении и Киргизии, участвующего в производстве, переработке и сбыте сельскохозяйственного сырья и продовольствия. За счет эффекта масштаба и серьезного наращивания экспорта в эти страны отдельных агропродовольственных товаров из России, малый и средний аграрный бизнес Армении и Киргизии может очень серьезно пострадать. Это, в свою очередь, способно привести к вспышке социальной напряженности в данных малых экономиках, в силу их наиболее ярко выраженных аграрных укладов среди всех стран – членов ЕАЭС.

С момента начала работы ЕАЭС в 2015 г. все страны – члены интеграционного объединения демонстрируют устойчивую положительную динамику по темпам роста производства продукции сельского хозяйства (рисунок 16).



Примечание – Составлено автором по: [272].

Рисунок 16 – Темп роста производства продукции сельского хозяйства в государствах – членах ЕАЭС в 2015-2017 гг., % к 2014 г.

Наилучшая динамика по этому показателю в 2015-2017 гг. наблюдалась в Казахстане и Киргизии (112,1 и 111,9% соответственно). Российская Федерация занимала третье место со значением 110,1%. Следует отметить, что это очень высокие темпы, учитывая отсутствие эффекта низкой базы, который присутствовал, например, в Киргизии. Белоруссия и Армения с показателями в 104,8 и 102,8% соответственно заняли четвертое и пятое место.

К серьезным достижениям развития национальных АПК в условиях интеграционного воздействия за период с 2012 по 2017 г. следует отнести значительное увеличение объемов производства сельскохозяйственной продукции в натуральном выражении (таблицы 16 и 17).

Таблица 16 – Объем производства продукции растениеводства в России и других странах – членах ЕАЭС в натуральном выражении

Страна	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2017 к 2012, %
Зерно, тыс. т							
Республика Армения	456	549	580	602	604	503	66,1
Республика Беларусь	9 226	7 600	9 564	8 657	7 461	7 993	86,6
Республика Казахстан	12 865	18 231	17 162	18 673	20 634	20 585	160,0
Кыргызская Республика	1 138	1 813	1 116	1 850	1 861	1 823	128,8
Российская Федерация	70 908	92 385	105 315	104 786	120 672	135 393	190,9
ЕАЭС, всего	*94 893*	*120 578*	*134 067*	*134 568*	*151 232*	*166 097*	*175,0*
Подсолнечник, тыс. т							
Республика Армения	3	1	3	3	3	2	66,7
Республика Беларусь	–	–	–	–	1	1	–
Республика Казахстан	400	573	513	534	755	905	225,8
Кыргызская Республика	46	43	34	36	29	24	52,2
Российская Федерация	7 495	9 842	8 475	9 280	11 010	10 481	139,8
ЕАЭС, всего	*7 944*	*10 462*	*9 025*	*9 853*	*11798*	*11 411*	*143,6*
Картофель, млн т							
Республика Армения	0,65	0,7	0,7	0,6	0,6	0,5	83,3
Республика Беларусь	6,9	5,9	6,3	6,0	6,0	6,1	92,8
Республика Казахстан	3,1	3,3	3,4	3,5	3,5	3,5	112,9
Кыргызская Республика	1,3	1,3	1,3	1,4	1,4	1,4	107,7
Российская Федерация	29,5	30,2	31,5	33,6	31,1	29,6	100,3
ЕАЭС, всего	*41,5*	*41,4*	*43,2*	*43,2*	*42,6*	*41,5*	*100,2*
Овощи, тыс. т							
Республика Армения	849	876	955	1 008	969	1 077	126,8
Республика Беларусь	1 581	1 628	1 734	1 686	1 891	1 958	123,8
Республика Казахстан	3 062	3 242	3 470	3 565	3 795	3 791	123,8
Кыргызская Республика	866	882	924	1 052	1 069	1 087	125,5
Российская Федерация	14 626	14 689	15 458	16 111	16 283	16 389	112,1
ЕАЭС, всего	*20 984*	*21 317*	*22 537*	*23 422*	*24 007*	*24 302*	*115,8*
Плоды и ягоды, тыс. т							
Республика Армения	332	438	291	377	243	362	109,0
Республика Беларусь	630	456	629	553	705	173	75,1
Республика Казахстан	207	215	231	216	260	253	122,2
Кыргызская Республика	223	234	237	209	239	241	108,1
Российская Федерация	2 664	2 942	2 996	2 903	3 311	2 943	110,5
ЕАЭС, всего	*4 056*	*4 185*	*4 384*	*4 258*	*4 758*	*4 272*	*105,3*
Примечание – Составлено автором по [44; 45; 209].							

Евразийская экономическая комиссия отмечает, что «в производстве продукции растениеводства валовый сбор зерна в целом по Союзу вырос на 75,0% до 166,1 млн т, подсолнечника – на 43,6%, (11,4 млн т), овощей – на 15,8% (24,3 млн т), плодов и ягод – на 5,3% (4,3 млн т)» [209, с. 48-49].

Таблица 17 – Объем производства продукции животноводства в России и других странах – членах ЕАЭС в натуральном выражении

Страна	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2017 к 2012, %
Молоко, тыс. т							
Республика Армения	618	657	700	729	754	758	122,7
Республика Беларусь	6 766	6 633	6 703	7 047	7 140	7 322	108,2
Республика Казахстан	4 852	4 930	5 068	5 182	5 342	5 503	113,4
Кыргызская Республика	1 382	1 108	1 446	1 4S1	1 525	1 556	112,6
Российская Федерация	31 756	30 529	30 791	30 797	30 758	31 120	98,0
ЕАЭС, всего	*45 374*	*44 157*	*44 708*	*45 236*	*45 519*	*46 259*	*102,0*
Яйца, млн шт.							
Республика Армения	658	615	642	660	695	683	103,8
Республика Беларусь	3 778	3 850	3 858	3 746	3 615	3 559	94,2
Республика Казахстан	3 673	3 896	4 201	4 737	4 757	5 103	138,9
Кыргызская Республика	418	422	446	433	470	511	122,2
Российская Федерация	42 033	41 286	41860	42 572	43 559	44 770	106,5
ЕАЭС, всего	*50 560*	*50 069*	*51 097*	*52 148*	*53 096*	*54 626*	*108,0*
Скот и птица на убой (в убойном весе), тыс. т							
Республика Армения	74	83	93	100	106	109	147,3
Республика Беларусь	1 092	1 172	1 073	1 149	1 172	1 208	110,6
Республика Казахстан	615	871	900	931	961	1 018	120,5
Кыргызская Республика	192	194	203	209	212	210	109,4
Российская Федерация	8 090	8 544	8 925	9 565	9 899	10 391	128,4
ЕАЭС, всего	*10 293*	*10 864*	*11 194*	*11 954*	*12 350*	*12 936*	*125,7*
Примечание – Составлено автором по: [44; 45; 209].							

ЕЭК обращает внимание, что «производство продукции животноводства также демонстрирует положительную тенденцию: производство скота и птицы на убой увеличилось на 25,7%, яиц – на 8%, молока – на 2%» [209, с. 50].

К серьезным достижениям работы национальных рынков в формате таможенного и экономического союза необходимо отнести увеличение объемов взаимной торговли товарами, произведенными в странах – членах интеграционного объединения (таблица 18). Конечно, стоит учитывать особенности формирования внешнеторговой статистики и делать поправку на влияние валютного курса, чтобы правильно оценить имеющуюся динамику.

Несмотря на видимость сильного сокращения данного показателя, которое во многом спровоцировала масштабная девальвация рубля в 2015-2016 гг., объемы взаимной торговли в ЕАЭС в натуральном выражении имели тенденцию к постоянному увеличению.

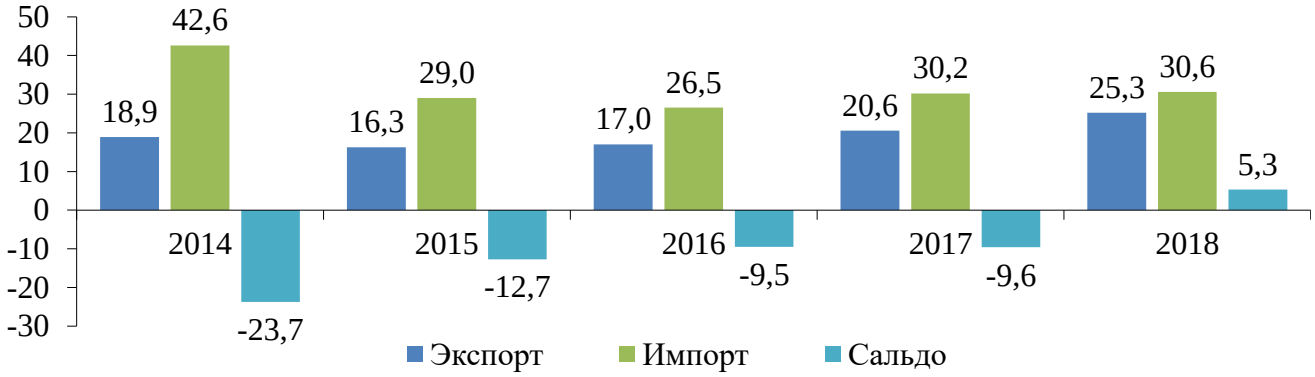
Таблица 18 – Объемы взаимной торговли товарами ЕАЭС за 2014-2018 гг.

Страна	2014	2015	2016	2017	2018
млн долл. США					
ЕАЭС	61 183,3	45 615,7	42 960,3	54 711,6	60 261,5
Армения	323,9	256,2	393,9	571,0	688,5
Беларусь	16 179,1	11 007,8	11 384,8	13 651,0	13 932,2
Казахстан	7 155,1	5 120,3	3 930,2	5 262,6	6 046,8
Кыргызстан	637,6	410,2	447,1	541,5	640,6
Россия	36 887,6	28 821,2	26 804,3	34 685,5	38 953,4
% к предыдущему году					
ЕАЭС	88,3	74,6	94,2	127,4	110,1
Армения	92,9	79,1	153,7	145,0	120,6
Беларусь	90,7	68,0	103,4	119,9	102,1
Казахстан	108,2	71,6	76,8	133,9	114,9
Кыргызстан	116,4	64,3	109,0	121,1	118,3
Россия	84,0	78,1	93,0	129,4	112,3
% к итогу по ЕАЭС					
Армения	0,5	0,6	0,9	1,0	1,1
Беларусь	26,4	24,1	26,6	25,0	23,1
Казахстан	11,7	11,2	9,1	9,6	10,0
Кыргызстан	1,0	0,9	1,0	1,0	1,1
Россия	60,4	63,2	62,4	63,4	64,7
Примечание – Составлено автором по: [87].					

Более того, стабилизация на валютном рынке России и остальных стран – членов ЕАЭС уже начиная с 2016 г. позволила продемонстрировать серьезный рост объемов взаимной торговли, выраженной даже в долларах США. Это наглядно демонстрирует таблица 18.

В этих цифрах существенную заслугу имеют показатели взаимной торговли ЕАЭС сельскохозяйственной продукцией и продовольствием. Дело в том, что девальвация национальных валют стран – членов ЕАЭС, как причина, и серьезное увеличение стоимости агропродовольственного импорта из стран дальнего зарубежья, как следствие, явились серьезным дополнительным катализатором для сокращения физических объемов ввоза продукции из этих стран и более уверенное замещение иностранных агропродовольственных товаров отечественными аналогами, а также сельскохозяйственной продукцией и продовольствием, произведенными на территории ЕАЭС и сразу попадающими в новые каналы взаимной торговли общего агропродовольственного рынка интеграционного объединения.

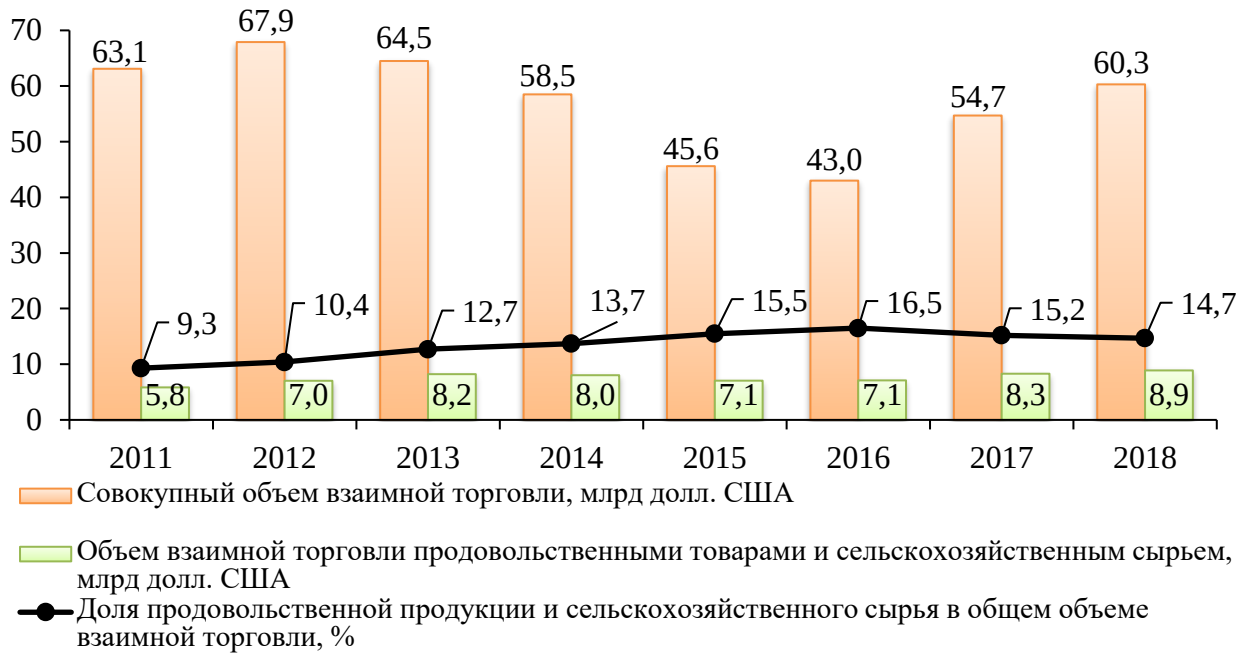
Следует подчеркнуть, что в 2018 г. импорт в ЕАЭС сельскохозяйственной продукции и продовольствия снизился по сравнению с показателем 2014 г. на 28,3% (12,04 млрд долл. США), тогда как экспорт за аналогичный период серьезно увеличился, достигнув в 2018 г. 25,25 млрд долл. США, что на 33,6% выше, чем в 2014 г. Сальдо внешней торговли сельхозпродукцией и продовольствием в ЕАЭС за 2014-2018 гг. улучшилось в 4 раза. Агропродовольственный импорт ЕАЭС в 2014 г. превышал аналогичные объемы экспорта в 2,3 раза, однако к 2018 г. это превышение значительно сократилось, достигая лишь 1,2. Если в ближайшие годы ЕАЭС сможет сократить очень большое отрицательное сальдо внешней торговли по разделу ТН ВЭД ЕАЭС «Готовые пищевые продукты; алкогольные и безалкогольные напитки и уксус; табак и его заменители» (группы 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24), то имеются все основания для превращения ЕАЭС в нетто-экспортера сельскохозяйственной продукции и продовольствия. По итогам 2018 г. в рамках разделов ТН ВЭД ЕАЭС «Живые животные; продукты животного происхождения», «Продукты растительного происхождения», «Жиры и масла животного или растительного происхождения и продукты их расщепления; готовые пищевые жиры; воски животного или растительного происхождения» достигнуто превышение стоимостных объемов экспорта над импортом (1,06; 1,04 и 1,86 соответственно), что является серьезным достижением на пути последовательного превращения ЕАЭС в крупного игрока, обладающего высокими экспортными возможностями, на очень сложном высококонкурентном мировом агропродовольственном рынке (рисунок 17).



Примечание – Составлено автором по: [91; 272].

Рисунок 17 – Динамика внешней торговли сельскохозяйственной продукцией и продовольствием государств – членов ЕАЭС в 2014-2018 гг., млрд долл.

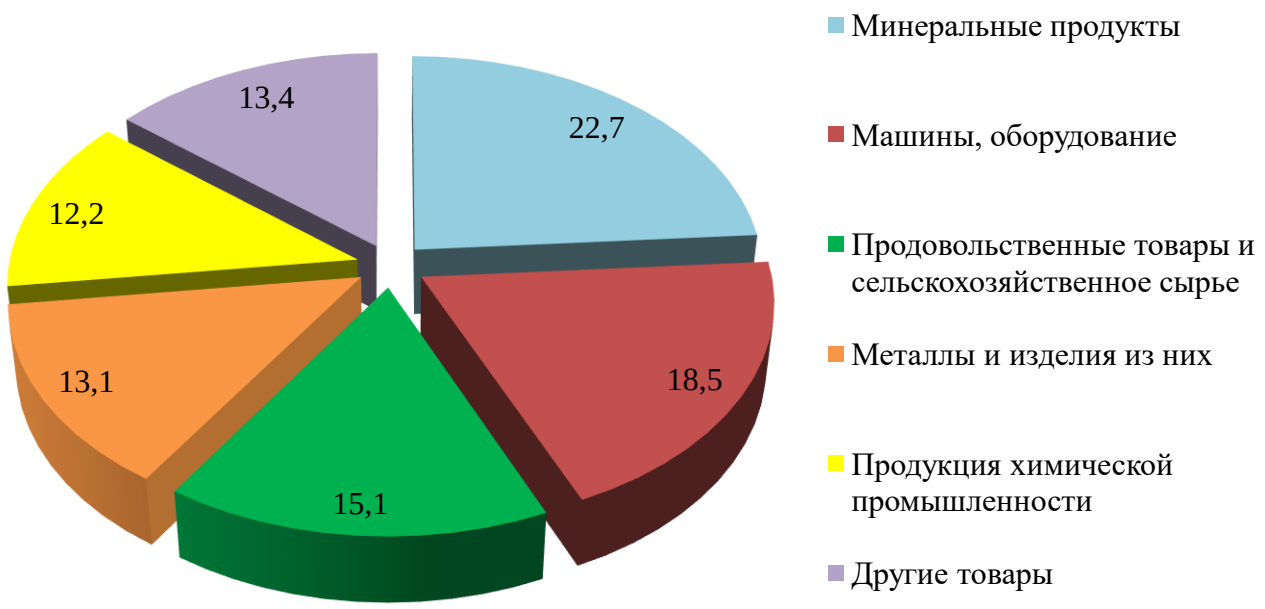
Работа национальных АПК в формате экономического союза предоставляет каждому государству – участнику евразийской агропродовольственной системы ряд значимых общеэкономических преимуществ, включая реализацию механизма равного доступа на общий аграрный рынок, возрождение кооперационных связей и активизацию создания совместных предприятий, обеспечивающих появление новых рабочих мест в различных отраслях АПК, повышение объема взаимных инвестиций и реализацию программ совместных НИОКР, направленных на повышение эффективности функционирования отрасли. Особым показателем, демонстрирующим серьезный положительный эффект аграрной интеграции в формате евразийской агропродовольственной системы, является совокупный объем взаимной торговли сельскохозяйственной продукцией и продовольствием, который в 2017 г. достиг 8,314 млрд долл. США (увеличение примерно на 18% относительно 2012 г.). Отмечается серьезная положительная динамика абсолютных и относительных показателей торговли агропродовольственной продукцией (рисунок 18).



Примечание – Составлено автором по: [215; 216; 217; 218; 219; 220; 221; 222].

Рисунок 18 – Динамика относительных и абсолютных показателей торговли агропродовольственной продукцией в евразийской агропродовольственной системе

Следует особенно подчеркнуть, что серьезным положительным эффектом аграрной интеграции в ЕАЭС выступает не только постепенное увеличение объемов взаимной торговли в общем объеме внешней торговли стран – членов ЕАЭС, но, что даже более важно, уверенное увеличение доли взаимной торговли сельскохозяйственной продукцией и продовольствием в общем объеме взаимной торговли ЕАЭС. В 2017 г. эта доля достигла 15,1% (рисунок 19).

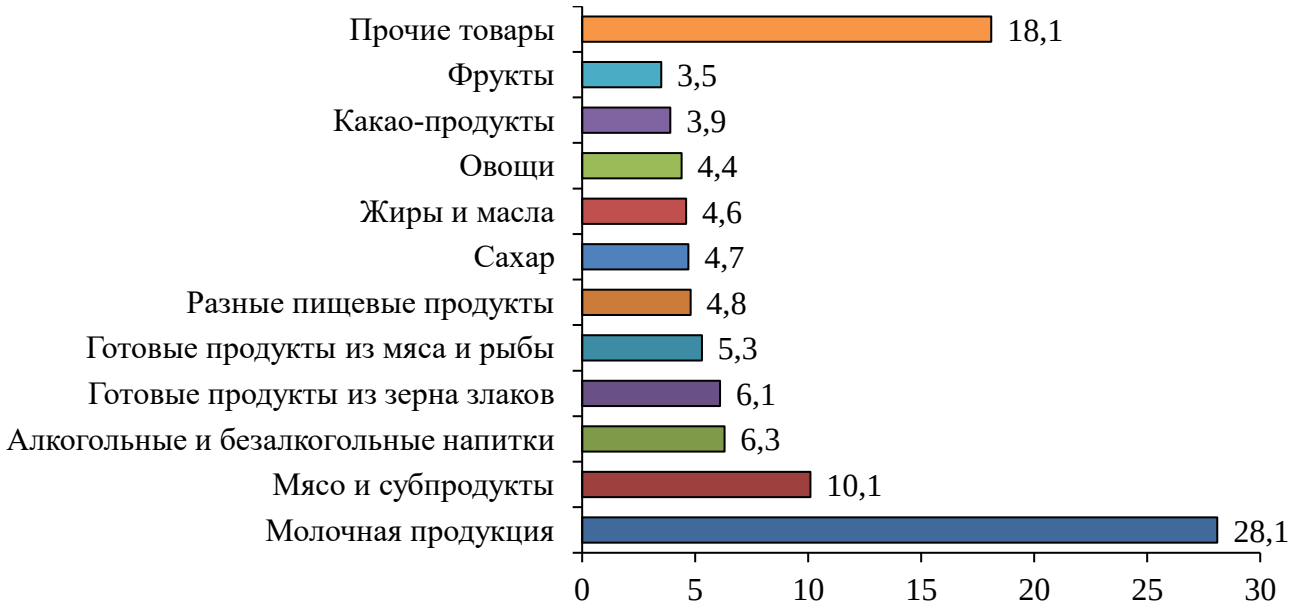


Примечание – Составлено автором по: [209].

Рисунок 19 – Товарная структура взаимной торговли государств – членов ЕАЭС в стоимостном выражении в 2017 г., %

С одной стороны, данное значение выглядит не очень существенным, принимая, во внимание, например, долю минеральных продуктов в общем объеме взаимной торговли. С другой стороны, именно взаимовыгодный обмен агропродовольственными товарами, имеющими более высокую добавленную стоимость по сравнению с минеральным сырьем и полуфабрикатами, вносит серьезный вклад в улучшение товарной структуры международной торговли всех партнеров по ЕАЭС, облагораживая ее за счет диверсификации экспортных возможностей и сокращения ярко выраженной сырьевой специализации.

Наибольший вклад во взаимную торговлю продовольственными товарами вносят молочная продукция, мясо и субпродукты, алкогольные и безалкогольные напитки, готовая продукция из зерна злаков. На долю этих четырех товарных групп приходится половина всех поставок (рисунок 20).



Примечание – Составлено автором по: [209].

Рисунок 20 – Товарная структура взаимной торговли государств – членов ЕАЭС сельскохозяйственной продукцией и продовольствием в стоимостном выражении в 2017 г., %

Можно констатировать, что сегодня складываются достаточно благоприятные условия для дальнейшей синхронизации национальных агропромышленных политик стран – участниц ЕАЭС. И здесь мы полностью разделяем мнение коллектива ученых Федерального научного центра аграрной экономики и социального развития сельских территорий – Всероссийского научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства: «На современном этапе в Евразийском экономическом союзе уровень интеграционных связей находится на промежуточной стадии их развития и далеко не исчерпал своих потенциальных возможностей.

Предпосылками для развития и углубления интеграционных процессов в агропромышленном комплексе государств – членов ЕАЭС являются:

- сформировавшаяся нормативная правовая база и проводимая работа по ее дальнейшему совершенствованию в целях создания условий для развития интеграционных процессов в рамках Союза;

- осуществление среднесрочных и долгосрочных программ социально-экономического развития агропромышленных комплексов государств-членов, направленных на обеспечение устойчивого роста и конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции и продовольствия;

- предпосылки социального характера в аграрной сфере определяются совпадающей в государствах – членах Союза направленностью на повышение уровня жизни сельского населения и развитие социальной сферы села, ориентацией на выравнивание доходов сельскохозяйственных товаропроизводителей по отношению к их среднему уровню по экономике каждого государства – члена Союза;

- положительная динамика развития сельского хозяйства в государствах-членах и в целом по Союзу, увеличение объемов взаимной торговли продовольственными товарами и сельскохозяйственным сырьем и наращивание экспорта продукции в третьи страны, снижение совокупного импорта, расширение кооперации при производстве материально-технических ресурсов для АПК» [284, с. 16-17].

Академик РАН И.Г. Ушачев в своем исследовании проблематики аграрной интеграции выделяет следующие ключевые направления, по которым участники ЕАЭС должны выйти на согласованные позиции:

«*В сфере общего аграрного рынка:*

- снижение неоправданной межстрановой конкуренции на рынках на основе разработки продовольственных балансов и принятия других организационно-экономических механизмов;

- формирование общей товаропроводящей системы для продвижения аграрной продукции на внутренние и внешние рынки, направленной на снижение совокупных издержек;

- координация экспортных операций, прежде всего для повышения экономической заинтересованности сельскохозяйственных производителей.

В сфере агропромышленного производства:

- разработка единой схемы размещения и специализации производства сельскохозяйственной продукции и пищевых продуктов;

- формирование межгосударственных экономических механизмов стимулирования развития агропромышленного производства в целях увеличения внутреннего потребления и формирования экспортного потенциала;

- формирование и использование совместного стабилизационного фонда по аналогии с фондами гарантирования и устойчивого развития ЕС.

В сфере нормативного правового регулирования – завершение оформление статуса Евразийского экономического союза и наделение его исполнительных органов, в частности в аграрной сфере, полномочиями и ресурсами по аналогии с Европейским союзом.

В сфере научно-исследовательской деятельности – координация и разработка планов совместных исследований в области технологии и экономики агропромышленного производства.

В сфере социальной политики на селе – синхронизация нормативного и правового обеспечения стандартизации жизнеобеспечения сельского населения» [286, с. 14-15].

Диссертант в полной мере разделяет отмеченные выше идеи и выводы, затрагивающие ряд направлений, без эффективного решения целого ряда экономических, правовых и организационно-управленческих задач по которым, невозможно представить себе дальнейшие процессы углубления аграрной интеграции в выбранном партнерами формате экономического союза. Эти задачи академиком РАН И.Г. Ушачевым сформулированы в виде тезисов в год начала работы ЕАЭС, но они очень точно и емко отражают реалии настоящего времени. Дело в том, что большинство направлений и отмеченных в них задач, являются комплексными и междисциплинарными. Требуется серьезный период времени для их осмысления и принятия всеми участниками, так как быстрота, однако отсутствие качества в попытках их решить может привести к разрушительным последствиям для качественно новой и только формирующейся евразийской

агропродовольственной системы. ЕАЭС при этом может остаться всего лишь суммой агропродовольственных рынков, но не агропродовольственной системой, в той глубокой интерпретации этого понятия, о котором рассуждал признанный ученый в области экономики агропромышленного комплекса и организатор науки, академик АН СССР и РАН А.А. Никонов. Мы уже обращались к его научно-исследовательскому потенциалу в диссертационной работе, однако сейчас это уместно сделать снова и еще раз процитировать великого экономиста-аграрника, особо подчеркивающего, что «всякая система состоит из отдельных частей, элементов, компонентов. Однако это вовсе не значит, что она представляет из себя простую сумму этих частей. Вся суть состоит в том, что, будучи многочленной, она приобретает новые качества, новые черты, присущие системе в целом, причем этими качествами может не обладать ни один из ее компонентов. Вместе с тем каждая часть подчиняется целому» [207, с. 17].

Евразийская агропродовольственная система должна стать именно такой как рассуждает А.А. Никонов. Это не просто сумма частей, национальных агропродовольственных рынков, объединенных форматом таможенного союза или единого экономического пространства. Это многочленная система, способная приобрести новые качества, укрепляющие экономические и социальные позиции каждой из национальных агропродовольственных систем за счет достигаемого баланса интересов евразийской агропродовольственной системы в целом. При этом, что особенно важно, по отдельности данными качествами может не обладать ни один из национальных компонентов, то есть свои самые сильные стороны национальные АПК смогут наилучшим образом применить, раскрыть и укрепить свой экономический и социальный потенциал только когда они будут работать как единый механизм в формате общей агропродовольственной системы. Задачи, которые в рамках выделенных направлений конкретизирует академик РАН И.Г. Ушачев, безусловно, также об этом. Без решения отмеченных задач евразийскую агропродовольственную систему не построить, но именно сейчас есть самая благоприятная возможность для реализации этого амбициозного и важнейшего проекта.

2.3 Агропродовольственный сектор экономики России как центральное звено в процессах формирования и развития ядра аграрной интеграции

Идеи о формировании общей агропродовольственной системы на постсоветском пространстве возникали и обсуждались неоднократно. Возможно, не очень часто использовался термин «система», однако отдельные масштабные проекты, предлагаемые рядом специалистов и экспертов по сути этой дефиниции в полной мере соответствовали. В понимании теорий интеграционных процессов, СНГ очень хорошо подходило на роль серьезного экономического «каркаса» для возможной общей агропродовольственной системы. Это было связано в первую очередь с тем, что подавляющая часть пространства СНГ ранее уже представляла собой подобную систему, имеющую серьезные торгово-экономические, научные и кооперационные связи между национальными АПК, работающими как единый механизм в условиях политического союза. Эффективность этой системы в СССР можно критиковать и обсуждать, но опыт от ее реальной работы лучше всего подходил для проекции на формат СНГ, особенно с учетом предложений на начальном этапе создания и функционирования Содружества о превращении его в полноценный, уже не политический, но экономический союз, с прохождением всех классических стадий линейной интеграции.

Аграрное производство на постсоветском пространстве сохраняло ряд принципиальных факторов и особенностей, которые известный ученый в области аграрной экономики В.В. Рау характеризует следующим образом:

«- менее благоприятные природно-климатические условия ведения сельского хозяйства по сравнению с важнейшими странами-экспортерами, включая США и большинство стран Европейского союза;

- непреодоленные пока еще последствия затяжного системного кризиса 1990-х гг., вызвавшего глубокую деформацию всей социально-экономической структуры народного хозяйства;

- традиционно слабое для России и других стран Содружества развитие производственной и рыночной инфраструктуры, что в условиях большой территории и сурового климата способно самым серьезным образом влиять на конечную эффективность сельскохозяйственного производства;

- низкая наукоемкость отечественного сельского хозяйства и все возрастающий разрыв в этом отношении с зарубежными странами, что актуализирует задачу выбора приоритетных направлений развития аграрного производства, обеспечивающих его устойчивый рост в долгосрочной перспективе;

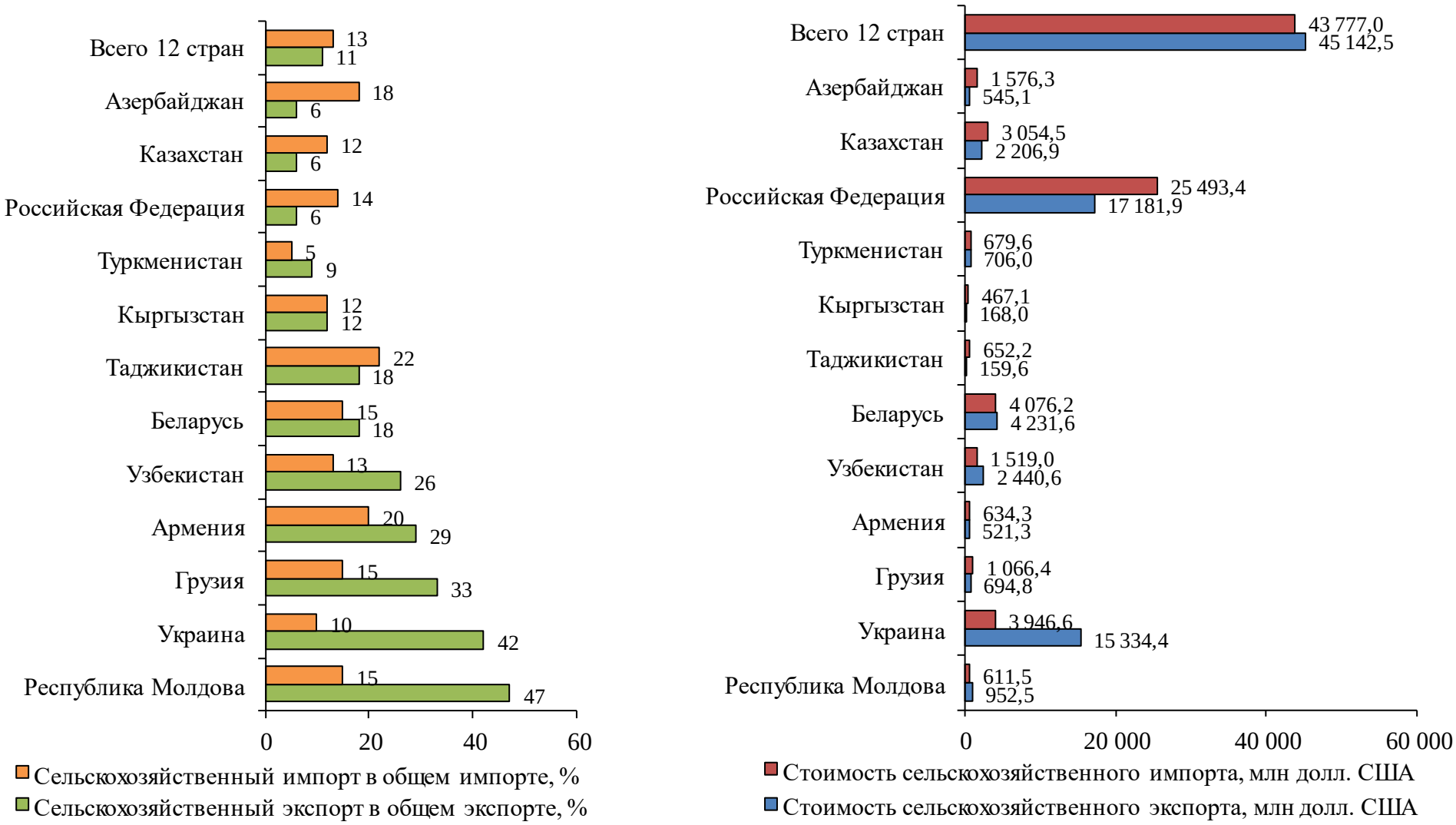
- первостепенное политическое значение аграрного сектора как гаранта национальной продовольственной безопасности и развития экспортного потенциала;

- важная социальная и территориально образующая функция сельскохозяйственного производства, позволяющая закреплять население и обеспечивать его занятость в труднодоступных районах, регионах со сложными климатическими условиями, создавая тем самым необходимые предпосылки большей равномерности расселения, обеспечения территориальной целостности государства, рационального использования и охраны уникальных природных и биологических ресурсов» [243, с. 440].

Безусловно, в том числе эти серьезные факторы, особенности, сложности и проблемы в сфере развития сельского хозяйства постсоветских стран явились одновременно и предпосылками для постепенного ухода от центробежных настроений на основе радикальных идей полной самостоятельности и независимости национальных агропродовольственных секторов к центростремительным настроениям, направленным, прежде всего, на реализацию значительного межгосударственного интеграционного потенциала, сохраняющегося в сфере АПК, который мог бы выступить серьезным катализатором для возрождения общей агропродовольственной системы, но уже не на принципах политического, а на принципах экономического единства.

СНГ могло бы стать надежным экономическим каркасом для восстановления общей агропродовольственной системы. Это объясняется тем, что Россия и остальные страны Содружества могли бы «использовать те объективные преимущества, которыми они обладают в силу своего географического положения, территориальных и климатических особенностей. В аграрной сфере к таким неоспоримым преимуществам наших стран можно отнести обширность территории, богатство и разнообразие природных и, в частности, земельных ресурсов. Хотя в целом агроклиматический потенциал России и ряда других государств СНГ существенно уступает западноевропейскому и североамериканскому, здесь имеются регионы, где эти условия соответствуют лучшим мировым аналогам – это южные черноземные области России и Украины, значительная часть территории Молдовы, Грузии, Азербайджана, Армении, ряда среднеазиатских республик» [243, с. 440].

В пользу мнения В.В. Рау о преимуществах стран СНГ в сфере агроклиматического потенциала говорит и официальная статистика Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО), публикуемая ежегодно в виде Обзоров агропродовольственной торговой политики в постсоветских странах. Сразу обращает на себя такой показатель, рассчитываемый и обобщаемый ФАО по 12 постсоветским государствам (большая часть из которых продолжают сегодня оставаться членами СНГ), как доля сельскохозяйственного экспорта и импорта в общей стоимости экспорта и импорта товаров (рисунок 21). Именно у Республики Молдова, Украины и Грузии, сохраняются самые высокие на всем постсоветском пространстве доли сельскохозяйственного экспорта в общем объеме экспортных поставок (47; 42 и 33% соответственно). Ярко выраженная агропродовольственная экспортная специализация этих стран очень хорошо сочетается с идеей общей агропродовольственной системы в формате СНГ. Однако эти же страны в силу известных сложившихся политических реалий сегодня оказываются главными инициаторами усиления дезинтеграции в СНГ.



Примечание – Составлено автором по: [208].

Рисунок 21 – Доля и стоимость сельскохозяйственного экспорта и импорта в общей стоимости экспорта и импорта товаров в странах постсоветского региона в 2016 г., %

Если Республика Молдова продолжает сохранять статус официального члена СНГ, испытывая постоянное давление по этому поводу внутри политических групп влияния внутри страны, то Грузия покинула Содружество 18 августа 2009 г., а статус Украины и вовсе остается спорным, ведь государство 28 августа 2018 г. закрыло представительство при уставных органах СНГ, однако заявление о выходе из Содружества Украина так и не подала.

К огромному сожалению, тезисы В.В. Рау, посвященные перспективам аграрной интеграции в СНГ и сделанные в начале 2000-х гг. сегодня кажутся уже совсем утопичными с точки зрения их практической реализации, но предельно точными по формулировкам и очень емкими по своей сути, если мы рассуждаем о том, что должна включать в себя глубокая аграрная интеграция и как она могла бы выглядеть при наличии комбинаций определенных факторов внешней среды в СНГ, а самое главное, соответствующей политической воли: «Основными принципами аграрной экономической политики России в СНГ, в том числе и в деле формирования Общего аграрного рынка, должны стать ясная долговременная стратегия развития, согласованная со всеми заинтересованными государствами, конструктивность и последовательность ее реализации, стабильность и предсказуемость принимаемых политических и экономических решений, уважение суверенных прав малых государств и соблюдение общепризнанных демократических норм в деятельности исполнительных органов СНГ, использование своего авторитета и влияния для отстаивания интересов Содружества на международной арене… Создание Общего аграрного рынка СНГ призвано способствовать формированию в каждой из этих стран эффективных национальных экономических политик в сельском хозяйстве на основе взаимовыгодных и лишенных дискриминации торговых отношений, открытости общего экономического пространства для вхождения в него новых государств по принципу поэтапной и разноскоростной интеграции. В этой связи наиболее актуальными представляются проблемы унификации систем налогообложения сельскохозяйственных товаров, главным образом НДС и акцизов, постепенное снятие таможенных барьеров, приведение во взаимное

соответствие таможенного законодательства, механизмов тарифного и нетарифного регулирования, торговых стандартов и правил в продовольственной сфере, восстановление единой информационной сети на территории СНГ. Именно здесь особое значение приобретают последовательность, терпеливый поиск взаимоприемлемых решений, способность к компромиссу, исключение диктата и навязывания волевых решений. Дополнительные затраты и усилия, которых, возможно, потребует от России ее роль в СНГ, сторицей воздадутся эффектом в политической, экономической и социальной областях и, в частности, в деле обеспечения продовольственной безопасности страны и роста эффективности сельскохозяйственного производства» [242, с. 48-49].

Следует еще раз подчеркнуть, что формат СНГ, как «экономический каркас» для восстанавливаемой на основе интеграционного потенциала постсоветских стран агропродовольственной системы, являлся очень хорошим вариантом. Однако «организационно-политический каркас» СНГ был настолько слабым, что великолепный «исторический шанс сформировать на основе обобщения отечественного и богатейшего мирового опыта эффективную собственную модель интеграции, в наибольшей степени адекватную реальному экономическому положению и потребностям этих государств» был упущен и, скорее всего, упущен навсегда [242, с. 48].

Мы разделяем мнение ряда известных российских ученых о том, что «многие годы в России и большинстве стран СНГ развитие взаимного интеграционного взаимодействия выступало важнейшим приоритетом внешней политики, по крайней мере, в официальных документах. На практике «вялость» политических интеграционных инициатив, отсутствие реального единства привели к тому, что ни один из проектов интеграции постсоветского пространства, относящийся к периоду 90-х – начала 2000-х гг. так и не был реализован. Мировой опыт и результаты его теоретического осмысления убедительно доказывают, что важнейшим фактором, определяющим успех интеграционного проекта, выступает осознание сторонами безальтернативности

избранной стратегии, консенсус партнеров по интеграции в отношении ее конечных целей, что и определяет их готовность к уступкам и кропотливому переговорному процессу» [85, с. 163].

В СНГ осознания этой безальтернативности, конечно, не было, поэтому Содружество было и остается в настоящий момент своеобразным вторым контуром аграрной интеграции на постсоветском пространстве. Данный контур представляется возможным выделить по причине завершения многолетних переговоров, позволивших, хотя и с огромной задержкой по времени, осуществить запуск полноформатной многосторонней зоны свободной торговли внутри СНГ. Поэтому агропродовольственные товары, страной происхождения которых выступает одно из государств – членов СНГ, имеют возможность свободно обращаться на всей таможенной территории Содружества без уплаты ввозных таможенных пошлин. Ранее это обращение было также возможно, но нормативно регулировалось двусторонними договорами о свободной торговле, заключаемыми отдельными членами СНГ друг с другом. Это как раз первый шаг на пути экономической интеграции и создания общей агропродовольственной товаропроводящей системы, однако шаг стал первым и пока последним. Так далее требуется уже использовать механизмы таможенного союза, общего рынка и экономического союза без которых говорить о возможности реализации единой или хотя бы согласованной (скоординированной) агропродовольственной политики не имеет смысла. СНГ к этому оказался не готов, поэтому на пространстве Содружества можно увидеть только первоначальные элементы общей агропродовольственной системы.

Первым же контуром, своеобразным ядром аграрной интеграции на постсоветском пространстве постепенно, но уверенно становится Евразийский экономический союз. И здесь большинство из тех положений, что в своих научных работах, посвященных аграрной интеграции в СНГ упоминал российский экономист-аграрник В.В. Рау, начинает свое воплощение, при этом не в виде «бумажных» решений, а в виде конкретных политических действий. В ЕАЭС сегодня делается попытка реализовать те идеи аграрной интеграции,

которые в СНГ так и не получилось вывести в практическую плоскость. Этим принципиальным моментом, вероятно, ЕАЭС отличается от СНГ. С точки зрения агроклиматического потенциала и возможностей для более широкой внешнеторговой агропродовольственной специализации, СНГ, на наш взгляд, представляет собой более интересный вариант для формирования полноценной и самодостаточной агропродовольственной системы, чем ЕАЭС, однако «организационно-политический каркас» не позволяет это сделать. ЕАЭС обладает меньшим агропродовольственным потенциалом по сравнению с СНГ в целом, то есть его «экономический каркас» менее удобен для создания подобной системы, однако «организационно-политический каркас» в полной мере позволяет начать реализацию идей глубокой аграрной интеграции. Естественно, возникает дилемма, стоять на месте и ждать, когда все партнеры по СНГ будут готовы к отмеченным выше процессам, или гораздо меньшей группой по составу участников, но готовой с точки зрения политической воли к принятию подобных решений, приступить к их реализации.

Времени на обсуждение всех возможных вариантов было потрачено уже недопустимо много. Здесь показательным моментом является цитата исследователя В.В. Рау относительно ЕврАзЭС, которое стало нормативно-правовой основой, т.е. пресловутым «организационно-политическим каркасом» для будущего ЕАЭС: «В настоящее время ЕврАзЭС можно рассматривать как интеграционное ядро СНГ. Существует ряд объективных предпосылок, способствующих этому. С одной стороны, это предпосылки геополитического характера. Между государствами ЕврАзЭС нет принципиальных политических разногласий. Более того, все они являются активными участниками Организации договора коллективной безопасности стран СНГ, в рамках которого ставятся, в частности, задачи совместного обустройства и охраны внешнего периметра государственных границ Содружества, противодействия нелегальной миграции, наркоторговле и незаконным поставкам оружия. Образуя в совокупности естественный географический транспортный коридор из Центральной Азии в Восточную и далее Западную Европу, страны ЕврАзЭС способны

консолидированно и эффективно противостоять распространению угрозы терроризма и преступности на обширном и стратегически важном пространстве, обеспечивая мир и стабильность в данном регионе» [245; 241, с. 103]. Характерно, что вышеприведенная цитата относится еще к далекому 2003 г., а ЕАЭС появился только в 2015 г., т.е. даже здесь ушло 12 лет, чтобы на основе ЕврАзЭС как организации, ориентированной в большей степени на гуманитарное сотрудничество и диалог по ключевым проблемам безопасности, создать полноценный экономический союз, в первую очередь фокусирующий свое внимание на торгово-экономических вопросах сотрудничества, включая вопросы реализации согласованной (скоординированной) агропромышленной политики.

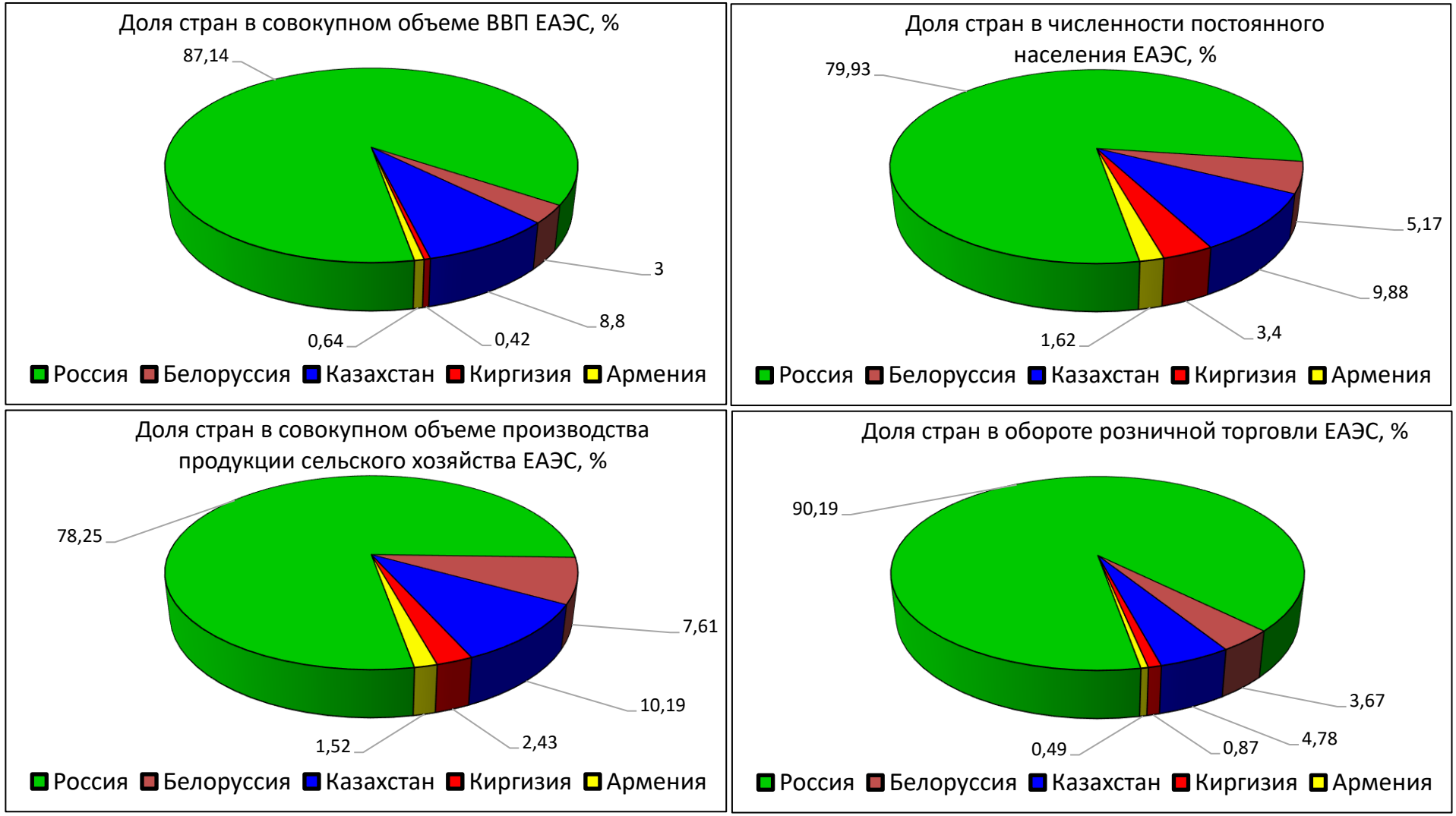
Подчеркнем, что агропродовольственный сектор экономики России сегодня является центральным звеном в процессах формирования и развития ядра аграрной интеграции на постсоветском пространстве. Это, безусловно, связано с важнейшей ролью нашей страны в регионе, не соотносимой исключительно с АПК и сельским хозяйством, а учитывающей широкий спектр геополитического влияния нашей страны и торгово-экономических преимуществ сотрудничества с Россией в качестве очень емкого, быстро растущего потребительского рынка. «Побывав в жестко управлявшемся Советском Союзе и обретя суверенную гордость, одни молодые государства безосновательно вчиняют иск бывшей советской метрополии за прошлое, в то время как другие проводят свою «великодержавную» политику в своем регионе, от которой им было бы трудно отказаться. Успех в приглушении межстрановых противоречий во многом зависит от того, каким авторитетом пользуется здесь Россия. Зависимость прямо пропорциональна – чем сильнее Россия, тем внимательнее ее слушают. В качестве примера можно привести ту же Германию. Будучи экономически мощным механизмом, она обладает большой притягательной силой для партнеров по всему пограничному периметру, происходит что-то вроде экономической диффузии во взаимных интересах» [310, с. 45]. Эта мысль, высказанная учеными Института Европы РАН, академиком

Н.П. Шмелевым и членом-корреспондентом В.П. Федоровым, исключительно важна для понимания тех противоречивых процессов международного сотрудничества, которые складывались на территории постсоветского региона в течение многих лет.

Действительно, Россия сейчас является гораздо более сильной, чем в первые десятилетия после распада СССР, а к сильному партнеру проявляют гораздо больший интерес и уважение. Если экономика является просто большой, но при этом слабой, такая экономика является малоинтересной для выстраивания потенциально взаимовыгодных и устойчивых международных торгово-экономических связей. При этом «внешние отношения – это не сведение давних счетов и не предпочтительный выбор партнеров в зависимости от политической конъюнктуры и тем более от личности руководителей, а терпеливое выстраивание рабочего сотрудничества» [310, с. 45].

Рассматривая общий аграрный рынок ЕАЭС в качестве одно из ключевых элементов вновь создаваемого единого народнохозяйственного комплекса Союза, необходимо особенно отметить, что наибольшими ресурсами для поддержания эффективной работы этого комплекса обладает Россия (рисунок 22). Представленная информация о вкладе нашей страны в ряд основных социально-экономических показателей ЕАЭС в 2017 г. наглядно это демонстрирует. Российская Федерация превосходит по своему вкладу в эти показатели всех партнеров по ЕАЭС, вместе взятых в несколько раз. Например, по такому ключевому показателю для оценки перспектив развития рынков, их потенциальной емкости, как оборот розничной торговли, на долю нашей страны в ЕАЭС в 2017 г. приходится свыше 90%.

Расчет ряда относительных показателей в сфере производства ключевых видов продукции растениеводства и животноводства также свидетельствует об огромной разнице в масштабах АПК России и остальных стран – членов ЕАЭС (таблица 19).



Примечание – Составлено автором по: [45].

Рисунок 22 – Вклад Российской Федерации в основные социально-экономические показатели ЕАЭС в 2017 г., %

Расчеты по доле России в общем объеме производства продукции по ЕАЭС, выполненные в таблице 19, достаточно показательны. Здесь можно видеть как те категории сельскохозяйственных товаров (например, производство подсолнечника на зерно), по которым Россия безоговорочно доминирует, так и те категории товаров, по которым Россия, занимая лидирующее положение в ЕАЭС по абсолютным показателям в силу своих масштабов, чувствует себя менее комфортно. Это, очевидно, связано с определенными факторами (природно-климатическими, технологическими, социальными), объективно не позволяющими, во всяком случае пока, достичь по данным товарам сопоставимого уровня вклада России в общие показатели сельскохозяйственного производства ЕАЭС. К таким менее конкурентоспособным товарным позициям для России являются плоды и ягоды, овощи, молоко и молочная продукция, производство мяса КРС.

Таблица 19 – Вклад Российской Федерации в 2017 г. в общий объем производства продукции растениеводства и животноводства по ЕАЭС (в натуральном выражении), %

Вид продукции	Объем производства продукции в России в натуральном выражении	Доля России в общем объеме производства продукции по ЕАЭС, %
Растениеводство		
Зерновые и зернобобовые культуры (в весе после доработки), тыс. т, в том числе:	135 393,0	81,52
Пшеница	85 863,0	82,36
Овес	5 451,0	87,80
Ячмень	20 599,0	79,39
Кукуруза на зерно	13 236,0	86,02
Рис	987,0	65,19
Зернобобовые культуры	4 265,0	80,56
Сахарная свекла (фабричная, в зачетном весе), тыс. т	42 275,0	87,39
Подсолнечник (на зерно), тыс. т	10 481,0	91,85
Картофель, тыс. т	29 590,0	71,27
Плоды и ягоды (без цитрусовых и винограда), тыс. т	2 943,0	68,89
Овощи, тыс. т	16 389,0	68,04

Продолжение таблицы 19

Вид продукции	Объем производства продукции в России в натуральном выражении	Доля России в общем объеме производства продукции по ЕАЭС, %
Животноводство		
Поголовье крупного рогатого скота, тыс. голов[1]	18 681,0	58,32
Поголовье свиней, тыс. голов[1]	23 185,2	84,63
Поголовье овец и коз, тыс. голов[1]	24 489,8	49,24
Поголовье лошадей, тыс. голов[1]	1 403,8	32,20
Поголовье птицы, млн голов[1]	567,2	84,90
Производство скота и птицы на убой[1] (в убойном весе), тыс. т	10 391,0	80,33
Производство молока, тыс. т	31 120,0	67,27
Производство яиц, млн шт.	44 770,0	82,00
Примечание – Составлено автором по: [45]. [1] На 1 января 2018 г.		

Если мы еще раз обратим свое внимание, например, на плоды и ягоды, подключим ряд дополнительных показателей для анализа, то можно будет более аргументировано обосновать свою авторскую позицию в настоящем диссертационном исследовании (таблицы 20 и 21). Статистика, формируемая ЕЭК, имеет определенную методологическую специфику, на которую, безусловно, следует обращать внимание, однако данная специфика не является критичной для интерпретации имеющихся данных.

Таблица 20 – Объем производства плодов и ягод (без цитрусовых и винограда) Россией и остальными партнерами по ЕАЭС в натуральном выражении

Страна	2013	2014	2015	2016	2017	2013	2014	2015	2016	2017
	тыс. т					на душу населения, кг				
Армения	338	291	377	243	362	112	97	126	81	121
Беларусь	456	629	553	705	473	48	66	58	74	50
Казахстан	215	231	216	260	253	13	13	12	15	14
Кыргызстан	234	237	209	239	241	43	41	35	39	39
Россия	2 942	2 996	2 903	3 311	2 943	21	21	20	23	20
ЕАЭС	*4 185*	*4 384*	*4 258*	*4 758*	*4 272*	*23*	*24*	*23*	*26*	*23*
Примечание – Составлено автором по: [45].										

Таблица 21 – Объем потребления плодов и ягод на душу населения в странах ЕАЭС, кг

Страна	2013	2014	2015	2016
Армения	111	102	119	102
Беларусь	69	76	79	90 (89 в 2017 г.)
Казахстан	60	60	64	65
Кыргызстан	29	29	31	43
Россия	64	64	61	62
Примечание – Составлено автором по: [45].				

Речь здесь идет о том, что при расчете статистических данных по объему производства плодов и ягод на душу населения в странах ЕАЭС, в эти показатели не включаются цитрусовые и виноград, тогда как при расчете статистических данных по объему потребления плодов и ягод в странах ЕАЭС на душу населения, цитрусовые и виноград учитываются статистикой Евразийской экономической комиссии.

Мы видим, что с точки зрения объемов производства на душу населения Республика Армения превосходит Российскую Федерацию более чем в шесть раз, при этом это единственная страна в ЕАЭС, которая плодов и ягод производит больше, чем сама потребляет. Положительное сальдо кажется не очень большим – 19 килограммов на человека в год. Учитывая численность постоянного населения в Армении на уровне 2 972,7 тыс. чел. по итогам 2017 г., это сальдо достигает примерно 56,5 тыс. т продукции плодов и ягод. По факту это сальдо будет еще больше, так как статистика ЕЭК не включает в показатели объемов производства виноград и цитрусовые, но отражает эти виды товарной продукции в объеме потребления. Что такое 56,5 тыс. т своеобразных излишков – это реальный и потенциальный армянский агропродовольственный экспорт. Для Армении это очень серьезно, так как излишки составляют примерно 16% от общего объема производства в республике. Очевидно, что в условиях экономического союза, самое очевидное направление для этого экспорта – российский агропродовольственный сектор, как самый емкий рынок в ЕАЭС, как ядро в евразийской агропродовольственной системе, способное воспринять эти объемы импорта без каких-либо угроз для своей национальной отрасли. Обращаясь

к статистическим показателям производства и потребления плодов и ягод по РФ, можно видеть, что наша страна производит только около 20 кг подобной продукции на каждого своего жителя, тогда как потребляет 62 кг. Наше отрицательное сальдо (дефицит собственного производства) достигает 42 кг плодов и ягод на человека в год. Учитывая численность постоянного населения в России на уровне 146 880,4 тыс. чел. по итогам 2017 г., это сальдо достигает примерно 6 169 тыс. т продукции в год. Это просто огромная цифра, которая сегодня полностью заполняется импортом. Излишки Армении по отмеченному виду продукции, способные уйти на экспорт в Россию, составляют только около 1% от имеющегося в России дефицита. На самом деле, этот дефицит еще больше, так как потребление плодов и ягод в России на душу населения достаточно скромное на фоне, например, Армении (102 кг на человека в год) или Белоруссии (90 кг на человека в год) и составляет всего лишь 62 кг. То есть потенциал роста этого потребления огромен, хотя, безусловно, необходимо учитывать ценовые факторы, действующие в национальных экономиках стран – членов ЕАЭС, сложившуюся культуру потребления плодов и ягод в разных странах, некоторые другие факторы.

Следует подчеркнуть, что, конечно, невозможно направить разом все объемы плодов и ягод, произведенных в Армении, на российский рынок. Здесь есть как объективные, так и субъективные ограничения, связанные с ценовыми параметрами внешнеторгового сотрудничества, отсутствием необходимой логистической инфраструктуры, определенными таможенными сложностями (Республика Армения не имеет общей границы с Россией и требуется быстрый транзит потребительских товаров, включая скоропорт через территорию Грузии). Однако данный анализ показывает только на одном виде товаров, зачем вообще ЕАЭС необходима агропродовольственная система. Подобную характерную ситуацию мы сможем увидеть, например, по мясу, молоку и молочной продукции для Республики Беларусь или сушеным фруктам, орехам для Киргизии.

Эффективно функционирующая евразийская агропродовольственная система возможна только тогда, когда все страны ее образующие окончательно

для самих себя решат, что им необходима рациональная система ведения хозяйства и начнут планомерно к ней двигаться.

Здесь уместно привести несколько ярких цитат из научных трудов академика АН СССР и РАН А.А. Никонова, к которому мы уже несколько раз обращались в диссертационном исследовании: «Сердцевину рациональной системы ведения хозяйства представляет специализация производства, или его отраслевая структура, и оптимальный уровень интенсивности. Существенное значение имеют также организационные и экономические факторы, как: рациональный размер предприятия и отдельных производственных звеньев, система управления производством, организация и оплата труда, хозяйственный расчет, прибыль и рентабельность. Последние два фактора можно отнести к результативным показателям, характеризующим рациональность всей системы ведения хозяйства. Вместе с тем это и рычаги ведения хозяйства. Упомянутые факторы, особенно специализация и интенсификация, характеризуют систему ведения хозяйства в целом, охватывают и объединяют все ее составные части, все ее элементы и «системы» второго порядка» [203, с. 8].

Очень большое значение в этой цитате имеет термин «специализация производства». Многие известные ученые, экономисты-аграрии в своих исследованиях, посвященных развитию АПК России в условиях евразийской экономической интеграции, обращали на это свое внимание. Одним из таких ученых является академик РАН А.И. Алтухов, который, как и академик А.А. Никонов, подчеркивал, что эффективная система невозможна без территориально-отраслевого разделения труда в агропромышленном производстве, т.е. без соответствующей «специализации производства»: «В России, как страны с исторически обширной и малозаселенной территорией, значительным разнообразием природных и социально-экономических условий территориально-отраслевое разделение труда в агропромышленном производстве активно влияет на его развитие, являясь или сильно действующим импульсом, или существенным тормозом. Развитая система территориально-отраслевого разделения труда в агропромышленном производстве обеспечивает функционирование экономики

аграрной сферы каждого региона и страны как единого целого, сокращает издержки и повышает качество производимого продовольствия, способствует совершенствованию межрегионального обмена, поскольку в современных условиях почти ни один российский регион не в состоянии обеспечить потребности своего населения полным ассортиментом продовольствия даже по нормам рационального питания… Многолетняя ориентация каждого региона на максимальное обеспечение продовольствием населения нарушила ранее сложившееся территориально-отраслевое разделение труда в агропромышленном производстве. Она во многом способствовала нерациональному использованию производственных ресурсов и биоклиматического потенциала территорий, что вызвало спад производства и удорожание сельскохозяйственной продукции, ухудшение ее качества, свертывание почти на одну треть объема межрегиональных поставок сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, углубление дифференциации регионов в уровне потребления населением пищевых продуктов, их физической и особенно экономической доступности» [61, с. 38, 40]. Подчеркивая наличие данной проблемы и сложность ее решения для российской агропродовольственной системы, академик А.И. Алтухов проводит параллель и с Евразийским экономическим союзом, где элементом подобной системы уже выступает не отдельный регион конкретной страны, а отдельная страна как регион и неотъемлемая часть межгосударственной агропродовольственной системы: «Чтобы полнее учесть место и роль каждого региона в территориально-отраслевом разделении труда в агропромышленном производстве, необходимо разработать общероссийскую схему развития и размещения агропромышленного производства. На ее базе целесообразно определить и сформировать крупномасштабные специализированные зоны производства отдельных видов сельскохозяйственной продукции, внедрить систему ведения хозяйства и осуществить рациональное внутрирегиональное размещение сельскохозяйственного производства с учетом возможного развития отраслей пищевой и перерабатывающей промышленности, создания региональных, межрегиональных и межгосударственных продуктовых кластеров в рамках Евразийского экономического союза. Это позволит улучшить

согласованность развития основных отраслей АПК страны с параметрами объектов социальной сферы, инфраструктуры, обеспеченностью важнейшими производственными ресурсами, скоординировать совместные действия государств Евразийского экономического союза по рациональному размещению и углублению специализации агропромышленного производства, расширению взаимной торговли и наращиванию экспорта сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. Необходимо также разработать и реализовать общую схему территориально-отраслевого разделения труда в агропромышленном производстве стран Евразийского экономического союза на основе углубления их специализации на производстве отдельных видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для развития межгосударственного обмена и экспорта» [60, с. 17-18].

Озвученная академиком РАН А.И. Алтуховым задача является очень сложной, многогранной, требующей значительного количества времени для своей реализации и масштабных капиталовложений из бюджетов всех стран – членов ЕАЭС, но самое главное, требующей понимания со стороны всех участников ее первостепенной значимости и необходимости решения. Без этого функционирование национальных продовольственных рынков как части полноценной евразийской агропродовольственной системы не получится. Следует подчеркнуть, что роль нашей страны в отмеченных процессах огромна. Агропродовольственный сектор экономики России является ядром этой будущей системы в силу масштабов национальной экономики в сравнении с другими партнерами по евразийскому интеграционному проекту, количества проживающего населения, емкости продовольственных рынков, способных стать надежным элементом постоянно развивающейся и имеющей тенденции для значительного расширения сбытовой системы входящих в ЕАЭС стран без сильного ущерба для российских производителей.

Очень многое на уровне межгосударственного взаимодействия в ЕАЭС придется менять, так как пока реального понимания значимости этой проблемы, ее комплексного решения, серьезной координации работ по ней просто нет.

И здесь есть необходимость снова вернуться к научным работам академика и президента ВАСХНИЛ А.А. Никонова, который еще в советские годы рассуждал фундаментально о том, что сохранило свою крайнюю актуальность до наших дней и имеет первостепенную значимость прямо сейчас. Высказанные этим ученым идеи в полной мере соответствуют тем ключевым теоретико-методологическим и прикладным задачам, которые сегодня стоят перед АПК России, как одним из ключевых элементов вновь создаваемой постсоветской межгосударственной агропродовольственной системы в формате евразийского интеграционного проекта: «…сельское хозяйство является сложной, вероятностной, динамической производственной системой. Как и всякая система, она представляет из себя совокупность отдельных взаимосвязанных частей, выполняющих специфические функции, обладает определенными свойствами и обеспечивает решение поставленных перед нею задач. Сущность системы сельского хозяйства сводится к научно обоснованным организационно-экономическим принципам рационального построения и управления сельскохозяйственным производством для тех или иных конкретных условий с целью удовлетворения потребностей общества в сельскохозяйственных продуктах при высокой экономичности производства» [207, с. 61-62].

Очень интересно и поучительно А.А. Никонов высказывался о территориально-отраслевом разделении труда в агропродовольственной системе советского времени, специализации и размещении сельскохозяйственного производства: «Особенно много недостатков в региональной структуре производства, которые ведут к неполному использованию природно-климатического потенциала. Наши регионы сформировались как регионы универсального земледелия, то есть при размещении продуктов земледелия и животноводства руководствовались принципом приближения этого производства к потребителям. Настала пора формирования специализированных зон производства основных товарных продуктов в сочетании с рациональным, межрегиональным обменом этими продуктами. От принципа приближения производства к местам потребления необходимо переходить к принципу

приближения производства каждого данного вида товарного продукта к районам, имеющим крайне благоприятные климатические условия» [205, с. 10].

Эти научные положения, отмеченные А.А. Никоновым, очень органично переплетены с выводами еще одного великого русского ученого-экономиста Н.Д. Кондратьева: «Связь потребительских рынков с производительскими ослабляется и вместе с тем выявляется вся жизненно-натуральная зависимость первых от вторых. Этой жизненно-натуральной зависимости вполне естественно соответствует обратная зависимость в отношении цен: гегемония цен потребительских рынков. И чем экономически ближе данный товар производительского рынка находится от рынка потребительского, тем выше его цена, тем более стремится она к цене потребительского рынка» [154, с. 67].

Поведение рынков, о которых говорит Н.Д. Кондратьев, безусловно, также требуется принимать во внимание, когда страны обсуждают свои роли в товаропроводящей системе, требующей точной настройки после решения общих задач специализации и размещения сельскохозяйственного производства в рамках территориально-отраслевого разделения труда. Очень точные и глубокие формулировки относительно содержания термина «специализация» дает академик А.А. Никонов: «Специализация сельскохозяйственного производства, по нашему мнению, является такой формой общественного разделения труда, которая выражается в сосредоточении предприятия (производственного участка, района и т.д.) на выпуске больших масс однородной продукции. Поскольку никакой целесообразный труд невозможен без предмета труда и средств труда, то специализация одновременно охватывает все эти три элемента производства. Это значит, что, специализируясь, например, на производстве цельного молока, необходимо завезти коров молочных пород (предмет труда), создать стабильную и экономичную кормовую базу, возвести помещения, приобрести технику и оборудование (средства труда), подготовить квалифицированные кадры соответствующих профессий, обосновать прогрессивную технологию, организовать труд и повседневно управлять производственным процессом (целесообразная деятельность). При этом животные должны быть молочных, а не

мясных или мясомолочных пород, если мы ставим задачу сделать это предприятие эффективным. Помещения, кормовые рационы и состав кормов, техника и оборудование должны быть специфичными, люди должны обладать знаниями и навыками в этой отрасли. Все это кажется элементарным, но в реальной жизни такая комплексность часто нарушается, в результате чего эффективность специализации снижается, и она не проявляет потенциальных возможностей» [207, с. 123-124].

Следует обратить особенное внимание на то, что А.А. Никонов, считая «специализацию сельскохозяйственного производства» и «размещение сельскохозяйственного производства» близкими понятиями, тем не менее, очень четко их разграничивал: «Экономически это разные категории. Размещение имеет дело с рациональным распределением производительных сил по территории. Специализация же связана как с производительными силами, так и с производственными отношениями. Территориальная форма разделения труда близка к размещению, но эти понятия не идентичны. Цель размещения — определить наиболее благоприятные ареалы тех или иных культур, тех или иных отраслей» [207, с. 124].

Еще раз подчеркнем, что научные выводы таких ученых, как Н.Д. Кондратьев, А.А. Никонов, А.И. Алтухов сегодня в полной мере применимы к нашему объекту диссертационного исследования – агропродовольственному сектору экономики России, с учетом его становления в качестве ядра зарождающейся евразийской агропродовольственной системы под влиянием интенсивных процессов интеграционного воздействия внешней среды, с учетом необходимости поиска путей решения одной из ключевых задач для эффективности работы данной системы – углубления территориально-отраслевого разделения труда в агропромышленном производстве ЕАЭС.

Отметим, что сегодня в рамках евразийской агропродовольственной системы, начинает постепенно складываться внешнеторговая специализация отдельных стран, которая, безусловно, подчиняется общей логике конкурентных преимуществ национальных АПК общего рынка данной системы (таблица 22).

Таблица 22 – Показатели взаимной торговли сельскохозяйственной продукцией и продовольствием в евразийской агропродовольственной системе в рамках формирования внешнеторговой специализации и выделения целевых рынков сбыта

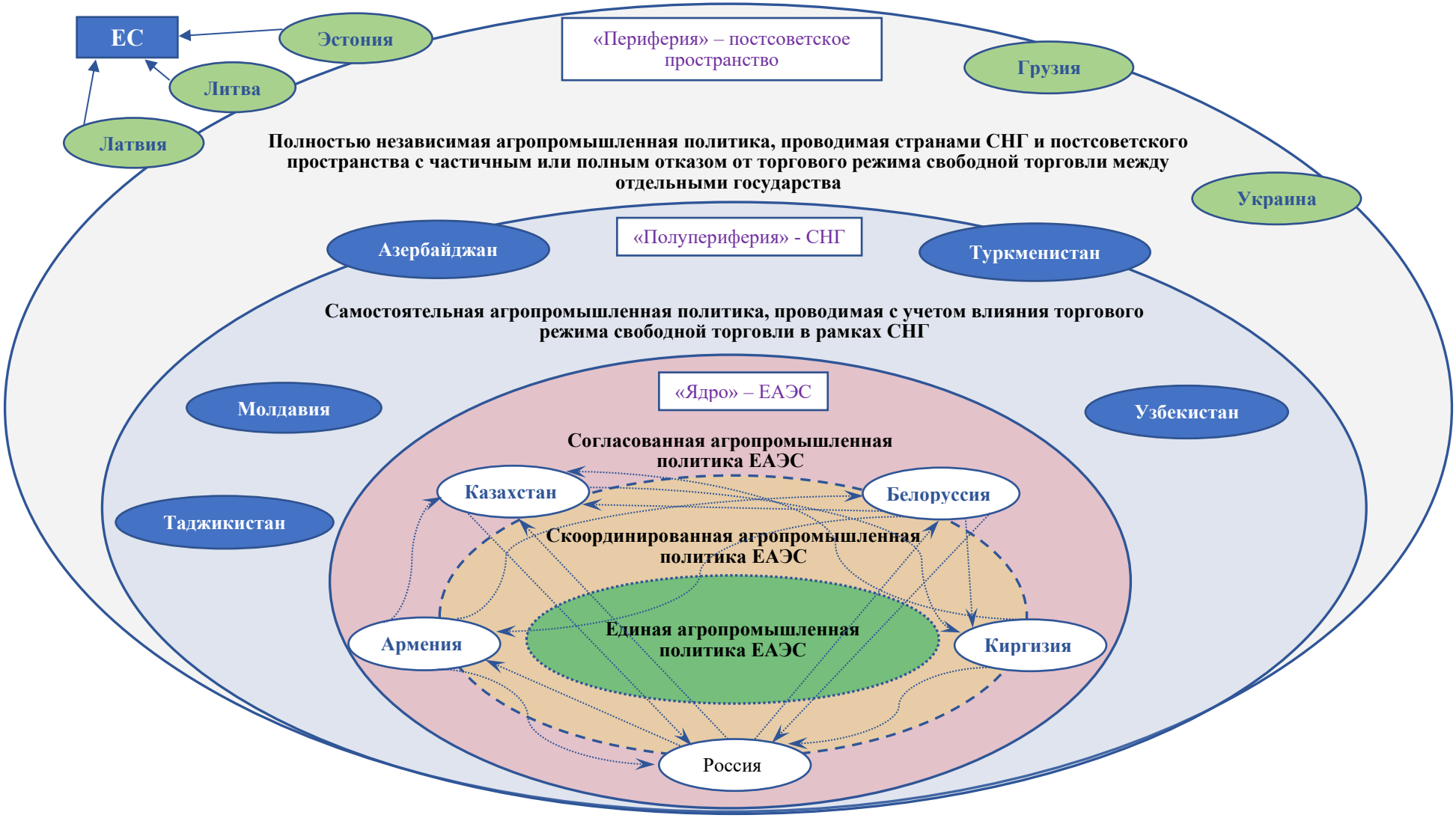
Участник ЕАЭС	Объем взаимной торговли, млн долл. США					Основные экспортные товары в рамках внешнеторговой специализации в евразийской агропродовольственной системе	Основные целевые рынки сбыта
	2015	2016	2017	2018	2018 к 2015, %		
Армения	187,3	258,5	333,5	364,4	194,6	Алкогольная продукция (вина виноградные натуральные, крепкие спиртные напитки), овощи и фрукты (томаты, огурцы, виноград, яблоки, абрикосы, слива), рыба свежая или охлажденная, сыры и творог, табачные изделия, минеральные воды	Россия, Казахстан, Беларусь
Беларусь	3 866,0	3 819,5	4 425,3	4 539,6	117,4	Мясная продукция (говядина свежая или охлажденная, говядина замороженная, свинина, мясо и пищевые субпродукты домашней птицы), молочная продукция (молоко и сливки несгущенные, сгущенные и сухие, масло сливочное, сыры и творог)	Россия, Казахстан, Армения, Кыргызстан
Казахстан	474,3	444,6	493,1	594,6	125,4	Пшеница, мука пшеничная или пшенично-ржаная, кондитерские изделия из сахара (включая белый шоколад), шоколад и прочие готовые пищевые продукты, содержащие какао, макаронные изделия, табачные изделия, минеральные и сладкие газированные воды, мясо и пищевые субпродукты домашней птицы	Россия, Беларусь, Кыргызстан
Кыргызстан	105,2	109,2	127,3	105,8	100,6	Масло сливочное, сыры и творог, овощи бобовые сушеные, лук репчатый, чеснок, картофель, фрукты (яблоки, груши, айва, абрикосы, сливы, персики), сахар, орехи	Казахстан, Россия
Россия	2 422,1	2 486,1	2 935,0	3 286,5	135,7	Подсолнечное масло, шоколад и прочие готовые пищевые продукты, содержащие какао, кондитерские изделия из сахара (включая белый шоколад), хлеб и мучные кондитерские изделия, маргарин, колбасы и аналогичные продукты из мяса, табачные изделия	Казахстан, Беларусь, Армения
Итого ЕАЭС	7 054,9	7 117.9	8 314,2	8 890,9	126,0		
Примечание – Составлено автором по: [209; 215; 216; 217; 218].							

По итогам 2018 г., взаимные поставки продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья в ЕАЭС на 51,1% сформированы торговыми

потоками с участием Республики Беларусь, России – на 37,0%, Казахстана – на 6,6%, Армении – на 4,1%, Киргизии – на 1,2%. При этом агропродовольственный сектор экономики России является своеобразным центром притяжения (ядром) для внешнеторговых потоков сельскохозяйственного сырья и продовольствия, производимого на территории всех остальных партнеров по ЕАЭС.

Это очень важный момент, так как, например, Белоруссия практически не имеет аналогичных поставок в Киргизию, а Казахстан не поставляет свою продукцию в Армению. В Россию осуществляют поставки все страны – члены ЕАЭС, при этом и Россия достаточно активно экспортирует отдельные агропродовольственные товары всем партнерам по евразийскому интеграционному проекту, может быть, за исключением Киргизии, которая более активна во взаимной торговле с Казахстаном и в которую наиболее активно поступает экспорт продовольствия из Казахстана. Здесь, безусловно, важную роль играет и ценовая конкурентоспособность, и логистические аспекты внешней торговли товарами АПК, и близость тех самых «производительских» и «потребительских» рынков, о поведении которых рассуждал в своих фундаментальных работах Н.Д. Кондратьев.

Следует подчеркнуть, что с 2012 по 2018 г. подавляющее большинство постсоветских государств, не входящих в евразийский интеграционный проект, не имели таких высоких положительных показателей в сфере АПК, как страны Евразийского экономического союза. Можно утверждать, что сегодня евразийская агропродовольственная система уверенно превращается в ядро аграрной интеграции на постсоветском пространстве, где формируется модель «ядро (Евразийский экономический союз) – полупериферия (СНГ) – периферия (постсоветское пространство)», когда отдельные национальные АПК начинают встраиваться в формат очень глубокой интеграции, требующей, с одной стороны, отказа от полной самостоятельности в угоду согласованных, скоординированных или даже единых подходов стран-членов к реализации агропромышленной политики, но, с другой стороны, призвано многократно усилить интересы национальных АПК на региональном рынке Евразийского экономического союза и в глобальной агропродовольственной системе (рисунок 23).



Примечание – Составлено автором.

Рисунок 23 – Развитие аграрной интеграции в модели «ядро – полупериферия – периферия» на постсоветском пространстве и формирование экспортных потоков агропродовольственной продукции в ядре – евразийской агропродовольственной системе

Предполагается, что ядро системы должно работать не просто на принципах безбарьерной среды, но с постепенным отказом от любых ограничений в механизмах его наднационального государственного регулирования, планомерным и полным сокращением изъятий, что призвано стать катализатором формирования единой агропромышленной политики в ЕАЭС, поддерживающей становление и развитие глубокого территориально-отраслевого разделения труда в национальных АПК интеграционного объединения на принципах рационализации сельскохозяйственной специализации и размещения сельскохозяйственного производства.

Концептуально эффективность работы ядра в предложенной модели аграрной интеграции, можно представить в виде следующего интегрального показателя:

$$Э_{ф.апк} = \sqrt[3]{\left(\frac{Э_1}{З_1}\right) \times \left(\frac{Э_2}{З_2}\right) \times \left(\frac{Э_3}{З_3}\right)} \rightarrow E_{\max}, \qquad (1)$$

где $Э_{ф.апк}$ – интегральный показатель, определяющий эффективность политики, проводимой в евразийской агропродовольственной системе;

$Э_1$, $Э_2$, $Э_3$ – эффекты, получаемые от реализации мер, соответственно (согласованной, скоординированной и единой) политики в различных сегментах государственного регулирования АПК;

$З_1$, $З_2$, $З_3$ – затраты на достижение эффектов от реализации согласованной, скоординированной, единой агропромышленной политики.

Можно предположить, что другие страны постсоветского пространства, не входящие в ядро евразийской аграрной интеграции, продолжат оставаться самостоятельными игроками на агропродовольственных рынках, постепенно смещаясь на орбиту полупериферии или периферии интеграционных процессов, что будет снижать их экономический потенциал на общих аграрных рынках евразийской и глобальной агропродовольственных систем.

Мы разделяем точку зрения российских ученых Л.Б. Вардомского и Л.З. Зевина, которые видят дальнейшее решение проблемы повышения эффективности евразийской интеграции в «поиске путей перехода на самоподдерживаемый интеграционный процесс с активным участием хозяйствующих субъектов. Предстоит действовать по двум направлениям: устранить институционально-административные препятствия для трансграничной деятельности крупного и среднего бизнеса, во-первых, и сосредоточиться на формировании региональной инфраструктуры – транспортной, промышленной, финансовой, информационно-коммуникационной, научно-технической, культурно-образовательной и т.п., во-вторых. В экономической литературе это называется «connectivity». Без усиления многофакторной связанности региона не удастся обеспечить прогресса интеграции. К сожалению, это направление не получило развития: поставленные цели ограничиваются внешней торговлей, инвестициями, институциональными задачами, развитием отдельных производств. К тому же существующая и формирующаяся экономическая инфраструктура на евразийском пространстве ориентирована преимущественно на развитие связей за пределами региона СНГ» [84, с. 49]. Отмеченные исследователями задачи в полной мере можно спроецировать на ядро аграрной интеграции ЕАЭС. По нашему мнению, без постепенного перехода на самоподдерживаемый интеграционный процесс в сфере АПК с активным участием хозяйствующих субъектов, сохранять стабильность состояния ядра, которое само по себе является «сложной, вероятностной, динамической производственной системой», не представляется возможным. Это очень важный момент, который требует отдельного внимания при исследовании агропродовольственного сектора национальной экономики под интеграционным воздействием факторов внешней среды.

Модель «ядро – полупериферия – периферия» предусматривает, что неравномерность эволюции региональной аграрной системы и процессы поляризации экономического пространства будут неизбежно генерировать диспропорции между ядром и полупериферией (периферией), которая не является полностью однородным полем и может быть разделена на имманентную, своего

рода ближнюю сферу, имеющую очень тесную связь с ядром и непосредственно получающую от него импульсы к развитию, и дальнюю, на которую ядро оказывает малое мобилизующее влияние.

Кроме того, само ядро также не является однородным и его элементы (национальные АПК) на любом уровне экономического пространства соединены друг с другом, информационными потоками, каналами обмена товарами и услугами, перемещениями факторов производства (капитала, рабочей силы), при этом, вектор данных потоков, их скорость и ширина формируемых каналов определяют характер взаимодействия между различными структурами ядра.

Принимая во внимание емкость национальных рынков евразийской агропродовольственной системы, текущие направления потоков агропродовольственных товаров во взаимной торговле и их дальнейший потенциал с учетом углубления сельскохозяйственной специализации и размещения, уровень технологического развития сферы АПК национальных рынков, объем финансовых ресурсов, находящихся в распоряжении государств и выделяемых на развитие сельского хозяйства, следует подчеркнуть, что агропродовольственный сектор экономики России сегодня становится главным центром притяжения, является центральным звеном в процессах формирования и развития ядра аграрной интеграции на постсоветском пространстве.

ГЛАВА 3. ВОЗДЕЙСТВИЕ ТАМОЖЕННЫХ ЭФФЕКТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ РОССИИ

3.1 Сущность таможенных эффектов и особенности их воздействия на агропродовольственный сектор

Исследованию экономической интеграции, в том числе, через форматы таможенных союзов, посвящено достаточно большое количество исследований, включая фундаментальные научные работы Д. Вайнера [385], Д. Мида [352], Б. Балассы [318], Д. Бхамбри [329], С. Линдера [349], Д. Сакамото [372], М. Кордена [330], Р. Ризмана [366], и многих других ученых, однако в настоящее время, «интеграционные процессы, развернувшиеся практически во всех регионах мира, представляют собой качественно новую форму межгосударственного взаимодействия, которая характеризуется общей направленностью к возникновению межгосударственных и надгосударственных начал» [180, с. 3].

«Качественно новая форма межгосударственного взаимодействия и возникновения межгосударственных и надгосударственных начал является следствием мотивов интеграции, которые в условиях агрессивной внешней среды сегодня становятся гораздо более сложным явлением, чем это было еще несколько лет назад. Эффекты, возникающие в результате процессов интеграции в разных объединениях, также значительно различаются. Это связано и со стадиями интеграции, на которой сегодня находится то или иное объединение, его организационно-управленческой зрелостью, механизмами взаимодействия отдельных членов объединения с глобальными институтами (например, Всемирной торговой организацией), развитием процессов конвергенции и дивергенции в результате создания регионального интеграционного объединения и другими вызовами» [149, с. 70].

«Все эти вызовы интеграции в полной мере затрагивают Евразийский экономический союз, который с 2010 г. по настоящее время прошел три стадии экономической интеграции: 1) таможенный союз (2010-2011 гг.), 2) единое экономическое пространство (2012-2014 гг.), 4) экономический союз (2015 г. – настоящее время). Это говорит о сверхвысоких темпах реализации интеграционных процессов, однако стоит отметить, что далеко не всегда в реализации подобных инициатив скорость обеспечивает надлежащее качество, так как каждая последующая стадия региональной экономической интеграции требует от государств все более ответственно подходить к согласованию и гармонизации своих индивидуальных интересов в рамках интеграционного объединения, постепенно трансформируя этот подход к отстаиванию коллективных интересов интеграционного объединения в системе международных экономических отношений» [149, с. 70; 145, с. 8].

«Данное обстоятельство стало особенно очевидным в условиях экономического союза, когда многократно возрастает ответственность за принятие управленческих решений в рамках задач по реализации согласованной политики на уровне различных отраслей, включая АПК» [149, с. 70].

Эффективное интеграционное взаимодействие стран Евразийского экономического союза в сфере АПК сегодня является одной из главных задач реализации Концепции согласованной агропромышленной политики, которая определена решением Высшего Евразийского экономического совета на уровне глав государств от 29 мая 2013 г. № 35 и Раздела XXV «Агропромышленный комплекс» Договора о Евразийском экономическом союзе (Договора), подписанного в городе Астане 29 мая 2014 г. и вступившего в силу с 1 января 2015 г. [7]. Статья 94 Договора предусматривает в качестве основной цели согласованной (скоординированной) агропромышленной политики «эффективную реализацию ресурсного потенциала государств-членов для оптимизации объемов производства конкурентоспособной сельскохозяйственной продукции и продовольствия, удовлетворения потребностей общего аграрного рынка, а также наращивания экспорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия» [1].

«При этом за период с 2014 г. по настоящее время появилось большое количество внешних факторов, проявляющих себя через новые таможенные эффекты, которые, серьезным образом могут повлиять на эффективность реализации данного решения: 1) вступление Казахстана в ВТО и расхождение его тарифных обязательств на продукцию АПК с тарифными обязательствами России в условиях функционирования единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза; 2) проявление санкционной политики на национальном уровне в условиях реализации принципов единства таможенной территории в рамках Евразийского экономического союза; 3) расширение ЕАЭС за счет новых стран, являющихся членами ВТО; 4) вхождение в ЕАЭС Республики Армения, имеющей серьезный экспортный потенциал в сфере АПК, но не имеющей общих таможенных границ с другими участниками ЕАЭС; 5) таможенные риски для России и других стран ЕАЭС от вступления Белоруссии в ВТО в условиях ее членства в Евразийском экономическом союзе и применения единого таможенного тарифа ЕАЭС на продукцию АПК; 6) конфликт национальных интересов при реализации политики нетарифного регулирования международной торговли в сфере АПК; 7) дисбалансы в механизмах таможенного администрирования на национальном уровне, затрагивающие интересы предприятий АПК из стран ЕАЭС и др.» [149, с. 71-72].

«Что же такое таможенный эффект, и какое определение ему можно дать? Можно предложить следующую дефиницию. «Таможенный эффект» – это результат трансформации таможенной политики государства через процессы существенного изменения условий и механизмов функционирования системы таможенного регулирования в целом или ее отдельных элементов под воздействием экзогенных и эндогенных факторов, приводящих к возникновению новых рисков и вызовов эффективного использования инструментов таможенного контроля и регулирования товарообмена на таможенной территории отдельного государства или интеграционного объединения» [149, с. 72].

В литературе можно обнаружить достаточно большое количество точек зрения, касающихся исследований проблематики «эффектов» экономической

интеграции. Большинство из них, затрагивающие влияние торговли на экономическую интеграцию и объясняющие теоретические последствия соглашений о преференциальной торговле, базируются на фундаментальных теоретико-методологических основах, заложенных Дж. Вайнером, который одним из первых ученых-экономистов обратил свое внимание на экономические последствия от интеграционных процессов и формирования таможенных союзов.

В научных трудах мы можем найти два типа эффектов экономической интеграции:

1) статические эффекты;

2) динамические эффекты.

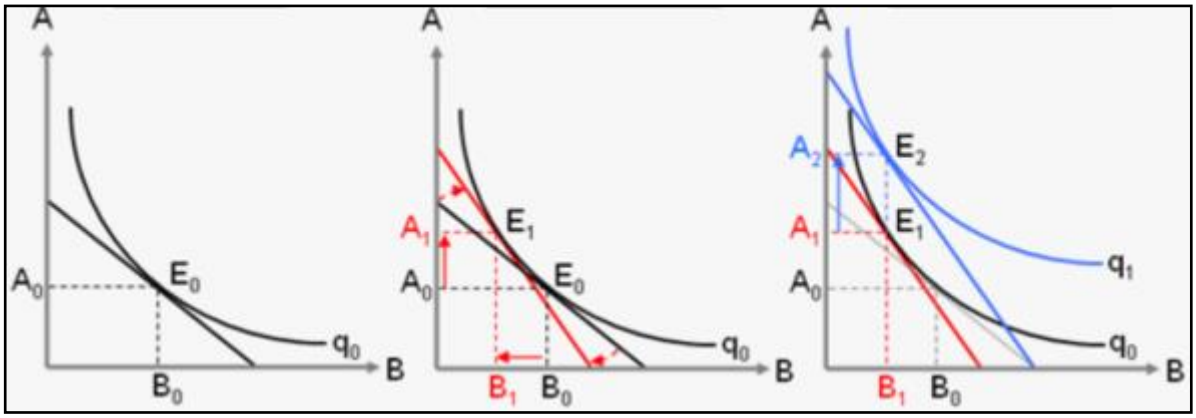
Статические эффекты, в свою очередь, можно разделить еще на два эффекта: эффект создания торговли и эффект отклонения торговли [387].

Эффект создания торговли (trade creation) проявляет себя, когда внутреннее производство товара в стране, входящей в таможенный союз, замещается импортом того же товара из другой страны – участницы таможенного союза по причине более низкой себестоимости производства.

В свою очередь, эффект отклонения торговли (trade diversion) может возникнуть, когда импорт из страны, не являющейся членом таможенного союза, заменяется импортом из страны, участвующей в работе таможенного союза, по причине отмены взаимных тарифов между участниками интеграционного объединения, но при использовании общих таможенных тарифов по отношению к странам, не входящим в этот таможенный союз [341].

Проявление эффектов создания торговли и эффектов отклонения торговли наглядно демонстрируют следующие графики (рисунок 24).

A и B – две страны-партнера, из которых рассматриваемый рынок импортирует товар g. Потребляемое общее количество данного товара q_0 экспортируется из обеих стран A и B. Количество, соответственно импортированное из A (A_0) и B (B_0), определяется как E_0, образуя точку пересечения между q_0 и линией, изображающей относительную цену между двумя переменными.



Примечание – Составлено автором по: [383].

Рисунок 24 – Проявление эффектов создания торговли и эффектов отклонения торговли при образовании преференциального торгового соглашения (таможенного союза)

Три графика, представленные на рисунке 24, показывают три сценария: левый график – первоначальная ситуация на рассматриваемом рынке, средний график демонстрирует нам последствия эффекта отклонения торговли, на правом графике можно увидеть проявление эффекта создания торговли.

Предоставление партнеру (стране А) льготных ставок импортного тарифа или полная их отмена на рассматриваемом рынке, снижает относительную цену товаров А по сравнению с товарами из страны В. Совокупное потребление данных товаров при этом остается неизменным, однако линия относительной цены становится круче. Это приводит к образованию новой точки равновесия (E_1), при котором импорт товаров из страны А увеличивается (с A_0 до A_1), а импорт из страны В симметрично уменьшается (с B_0 до B_1). Таким образом, проявляется эффект отклонения торговли. Это средний график рисунка 24.

Если мы обратим свое внимание на правый график рисунка 24, то увидим следующее. Снижение импортного тарифа для партнера А влечет за собой снижение внутренней цены на разновидность товара, поставляемого из страны А. Данная ситуация стимулирует формирование своеобразного эффекта дохода, который позволяет достичь более высокой кривой совокупного спроса q_1. То есть при сохранении того же уровня расходов потребители теперь могут

импортировать больше товаров, поставляемых из страны А (происходит смещение точки A_1 в A_2). С точки зрения рассматриваемого рынка, эффект создания торговли имеет нейтральный характер. Данная ситуация не оказывает серьезного влияния на общее количество импортируемых на рассматриваемый рынок товаров, но способствует перераспределению занимаемых долей этого рынка среди партнеров-экспортеров на основе новых относительных цен. Увеличение импорта из стран, выступающих в качестве бенефициаров от снижения для них импортных тарифов, уравновешивается уменьшением импорта со стороны всех остальных партнеров рассматриваемого рынка. Кроме того, внутреннее производство товара в стране рассматриваемого нами рынка может иметь тенденцию к замещению импортом того же товара из страны – партнера по преференциальному торговому соглашению (таможенный союз) по причине более низкой себестоимости производства. Для стран-экспортеров общий эффект торговли состоит одновременно из комбинаций двух эффектов: отклонения торговли и создания торговли. На представленных в диссертационной работе графиках можно видеть, что бенефициары от снижения тарифов пользуются как положительным эффектом отклонения торговли (от A_0 до A_1), так и положительным эффектом ее создания (от A_1 до A_2), в то время как все остальные партнеры рассматриваемого рынка будут страдать от отрицательного эффекта отклонения торговли (от B_0 до B_1) при отсутствии эффекта создания торговли (без B_2 на графике).

Можно согласиться с общей точкой зрения ряда авторов о том, что «эффекты создания и отклонения торговли являются ключевыми эффектами интеграции на стадии таможенного союза и обусловлены изменениями в структуре поставщиков, которые и выступают важнейшей целью создания таможенного союза. В соответствии с выводами Вайнера, возникновение эффекта создания торговли связано с ростом совокупного благосостояния страны, тогда как эффект отклонения торговли приводит к снижению уровня благосостояния. Соответственно, мотивация стран к участию в интеграционных процессах тем выше, чем в большей степени эффект создания торговли

преобладает над эффектом отклонения торговли. При этом эффект создания торговли отражает движение в сторону свободы торговли, в то время как эффект отклонения торговли – в сторону протекционизма» [293, с. 122].

В отличие от статических эффектов экономической интеграции, менее известными, но гораздо более важными являются динамические эффекты. Известный ученый-экономист Бела Баласса в 1961 г. выполнил первое комплексное исследование, заложившее теоретико-методологические основы для анализа подобных торговых эффектов [346, с. 795]:

- эффект масштаба – в 1972 г. австралийский экономист Макс Корден впервые ввел концепцию эффекта масштаба в теории таможенных союзов [330]. Проявление экономии от масштаба требует большего рыночного пространства, чем это возможно в конкретной стране. При экономической интеграции происходит рост уровня отдачи от капиталовложений под влиянием воздействия на себестоимость производства продукции масштабов расширяющегося рынка. Поскольку экономическим субъектам надлежит быть оптимально эффективными, эффект масштаба будет зависеть от роста их объемов производства. М. Корден, безусловно, опирался на теоретические основы Б. Балассы, который еще в 1961 г. утверждал, что небольшие рынки увеличивают затраты, ограничивают степень специализации продукции, снижают конкуренцию и уменьшают стимулы для технологических усовершенствований [318];

- эффект условий торговли – условия торговли для стран – участниц преференциального торгового соглашения (таможенного союза) могут существенно улучшаться благодаря получению большей власти над рынками. В настоящее время многие развивающиеся страны опираются на политику либерализации торговли, общее ослабление государственного контроля на рынках в рамках своих базовых программ стабилизации и настройки экономических процессов, согласованных с международными организациями. Сегодня многие из этих стран рассматривают экономическую интеграцию как инструмент для более эффективного вхождения в общую систему глобальных международных экономических отношений и международной торговли [371];

- эффект влияния на конкуренцию – доступ к таможенному союзу и другим высшим формам экономической интеграции расширяет рынок по сравнению с торговлей в условиях протекционизма и дает производителю доступ к новым формам конкуренции. Другими словами, усиление конкуренции среди предприятий заставляет хозяйствующие субъекты становиться более эффективными, чтобы завоевать новую долю рынка. Интеграционные партнерства и объединения могут увеличивать общее благосостояние, если страны-партнеры действительно конкурентоспособны, но потенциально дополняют друг друга [352];

- эффект инвестиций и накопления капитала – данный эффект проявляет себя с учетом того, что ряд достаточно продвинутых интеграционных форматов, включая таможенный союз, общий рынок, экономический союз, способны стимулировать приток инвестиций со стороны внешних акторов и стимулировать экономический рост. Инвестиции при этом привлекаются в наиболее продуктивные и эффективные отрасли, способные к серьезной конкурентной борьбе и выживаемости на рынке. В некоторых научных исследованиях известных экономистов [321; 334; 335] были представлены развернутые концепции эффектов создания и отклонения инвестиций. Когда барьеры для движения капитала в большей степени устранены, бизнес склонен иметь тенденцию к перемещению в такую страну-член интеграционного объединения, где себестоимость производства оказывается ниже, таким образом возникает эффект создания инвестиций [334]. Когда происходит перемещение бизнеса и производственных активов из страны с меньшей себестоимостью изготовления товаров, но не включенной в интеграционные процессы, в страну с большей себестоимостью производства, однако при этом входящую в состав интеграционного объединения (таможенный союз, общий рынок, экономический союз) возникает эффект отклонения инвестиций [334];

- эффект технологических достижений и инноваций – экономическая интеграция может стать катализатором для внедрения масштабных технологических инноваций в экономиках партнеров по интеграционному объединению и ускорения общего научного прогресса за счет запуска на основе

совместного финансирования более капиталоемких общих программ НИОКР, которые реализовать только за счет ресурсов одного из партнеров по интеграционному объединению не представляется возможным.

Как можно видеть, академическим сообществом накоплен достаточно серьезный опыт в области исследований проблематики «эффектов» экономической интеграции. И здесь сразу же может возникнуть ряд вопросов. Являются ли «таможенные эффекты», определение которым было дано в настоящем диссертационном исследовании разновидностью «торговых эффектов» или нет? Можно ли между этими понятиями поставить своеобразный знак равенства или они отличаются? Какое из этих понятий более широкое и почему?

На наш взгляд, «торговые эффекты» больше связаны с реакцией объекта (в нашем случае – экономика интеграционного объединения и национальные экономики стран, входящих в это объединение) на определенное воздействие. «Торговый эффект» в этом случае определяет последствия этого воздействия для товародвижения, перемещения капитала с учетом изменения торговых интересов, то есть создает или отклоняет торговлю, создает или отклоняет инвестиционные потоки и т.д. Что же является в таком случае воздействием? На наш взгляд, это в первую очередь трансформация государственного регулирования в различных областях хозяйственной жизни национальных экономик стран – партнеров интеграционного объединения. Таким образом, воздействие – это больше политика, инструмент влияния на объект, который реагирует соответствующим образом, формируя определенные последствия в виде «торговых эффектов», статических и динамических. При развитии интеграционных процессов трансформация государственного регулирования может затрагивать различные виды экономических политик, например, политику таможенного регулирования. В этом случае результаты ее трансформации и последствия изменений механизмов таможенного регулирования («таможенные эффекты» от появления новых «барьеров», затруднения в устранении имеющихся «барьеров», появление новых «ограничений», «изъятий», затрагивающих национальные уровни государственного регулирования в ущерб

наднациональному уровню) могут генерировать уже «эффекты торговые», которые мы рассмотрели выше. Таким образом, в нашем понимании «таможенные эффекты» – это больше государственная политика как экономический инструмент, а «торговые эффекты» – это больше экономика как объект воздействия данного инструмента, т.е. экономическое последствие от его влияния. Следует подчеркнуть, что «таможенные эффекты» не только могут генерировать «торговые», чисто экономические эффекты, но и иметь гораздо более серьезные последствия, затрагивающие, например, вопросы национальной безопасности государства – участника интеграционного объединения.

Необходимо отметить, что для евразийского интеграционного проекта выявленные «таможенные эффекты» будут иметь свою ярко выраженную специфику, которой, например, никогда не было в Европейском союзе. Эта связано, в первую очередь, с теми особенностями государственного регулирования, которые проявляют себя здесь и сейчас, т.е. имеют отношение к конкретному, специфичному объекту – ЕАЭС, с точки зрения складывающихся внутри него механизмов государственного регулирования и управления, особенностей взаимодействия национального и наднационального уровней государственного регулирования, способствующих появлению экономико-правовых «изъятий», оказывающих чрезвычайно сильное влияние на отдельные отрасли национальных экономик, включая АПК в целом и продовольственный сектор в частности. Таким образом, говорить об универсальности полученных выводов и возможности их подтверждения, исходя из исследования опыта уже существующих интеграционных блоков, а также полной экстраполяции полученных выводов на вновь создаваемые интеграционные объединения, не представляется возможным. Однако, в том числе в этом заключается и серьезная новизна проведенной научной работы.

Если вернуться к нашему объекту диссертационного исследования, то становится очевидным серьезная корреляция возникающих в настоящий момент времени «таможенных эффектов» с экономическими, юридическими, организационно-управленческими уровнями реализации согласованной

агропромышленной политики в евразийской агропродовольственной системе. Ясно также и то, что «таможенные эффекты» являются крайне сложной категорией, полноформатное исследование которой возможно только в результате использования междисциплинарного подхода. Учитывая предложенное в диссертации концептуальное определение, были выявлены и систематизированы следующие «таможенные эффекты», оказывающие серьезное влияние на эффективность развития АПК России (таблица 23) [140, с. 84-85].

Обозначенные в диссертационном исследовании «таможенные эффекты» могут проявлять себя далее уже в эффектах торговли, которые упоминались в настоящей работе. В двух следующих параграфах третьей главы нашего исследования мы более подробно остановимся на этих моментах.

На наш взгляд, «таможенные эффекты» имеют не только исключительно торговое проявление, они оказывают очень мощное влияние на национальную безопасность. Перенос таможенных границ на внешние контуры ЕАЭС и формально закрепленное отсутствие таможенного контроля на внутренних границах стран интеграционного объединения требуют от России как от самого большого, наиболее емкого евразийского рынка, очень внимательного отношения к вопросам своей национальной безопасности, серьезный ущерб которой может быть нанесен за счет поставок некачественной, контрафактной, опасной агропродовольственной продукции через внешние таможенные границы, контролируемые партнерами по ЕАЭС. Успешное прохождение таможенного контроля опасного для жизни и здоровья граждан сельскохозяйственного сырья и продовольствия на внешних таможенных границах ЕАЭС, не контролируемых Россией, открывает дальнейший путь для таких товаров на наш внутренний рынок как составную часть общего аграрного рынка интеграционного объединения. Причин для этого достаточно много: и наличие коррупционной составляющей у партнеров по ЕАЭС, и отсутствие у них необходимого оборудования и технологий для проведения полноценного таможенного контроля и таможенного оформления грузов, прибывающих на таможенную территорию ЕАЭС.

Таблица 23 – Таможенные эффекты, влияющие на АПК России в евразийской агропродовольственной системе, их проявление и последствия

Выявленный таможенный эффект	Период действия	Проявление таможенного эффекта	Последствия таможенного эффекта для АПК России
Реализация политики аграрных контрсанкций на национальном уровне (на территории РФ) в условиях работы механизма единства таможенной территории в системе ЕЭК	2014 г. – настоящее время	- Появление посреднических схем с участием контрагентов государств ЕАЭС, направленных на обеспечение реэкспорта санкционной агропродукции и продовольствия с территорий государств – членов ЕАЭС в РФ. - Экспорт в РФ товаров, произведенных на территории государств – членов ЕАЭС (товаров Союза) с помощью сырья, входящего в санкционный список на территории РФ	Негативное последствие, связанное с нарушением сбалансированного развития производства и рынков сельхозпродукции и продовольствия в РФ. Существенное снижение эффективности реализации национальной политики продовольственной безопасности и масштабного импортозамещения в сфере АПК России под защитой таможенных инструментов и торговых ограничений
Вступление Казахстана в ВТО и расхождение его тарифных обязательств на продукцию АПК с тарифными обязательствами России перед ВТО в условиях функционирования ЕТТ ЕЭК	2015 г. – настоящее время	- Появление возможных схем реэкспорта товаров, включая сельскохозяйственную продукцию и продовольствие, находящихся в перечне товаров, в отношении которых Республикой Казахстан в соответствии с обязательствами, принятыми в качестве условия присоединения к ВТО, применяются ставки ввозных таможенных пошлин, более низкие по сравнению со ставками пошлин Единого таможенного тарифа ЕАЭС. - Экспорт товаров АПК, произведенных на территории Республики Казахстан (товаров Союза), с использованием сырья, выпущенного в свободное обращение только на территории Казахстана под льготные ставки таможенных пошлин (более низкие по сравнению со ставками пошлин ЕТТ ЕАЭС)	Негативное последствие, связанное с нарушением механизма реализации справедливой конкуренции между субъектами стран ЕврАзЭС, в том числе равных условий доступа на общий аграрный рынок. Де-юре разрешенное свободное перемещение товаров Союза, в том числе изготовленных с помощью сырья (иностранных товаров), выпущенного в свободное обращение на территории Казахстана под льготные ставки таможенных пошлин (более низкие по сравнению со ставками пошлин ЕТТ ЕАЭС) приводит к снижению конкурентоспособности российских производителей сельскохозяйственной продукции и продовольствия за счет более низких цен товаров-аналогов, ввозимых на территорию России из Казахстана, сокращает возможности перерабатывающего сектора АПК России, лишенного возможности использовать иностранное сырье, выпущенное в свободное обращение на территории России на условиях, аналогичных Республике Казахстан

Продолжение таблицы 23

Выявленный таможенный эффект	Период действия	Проявление таможенного эффекта	Последствия таможенного эффекта для АПК России
Расширение ЕАЭС за счет новых стран, являющихся членами ВТО (Республика Армения, Республика Кыргызстан)	2015 г. – настоящее время	Обязанность пересмотра тарифных обязательств по агропродукции и продовольствию перед ВТО с учетом перехода на более высокие ставки пошлин в рамках ЕТТ ЕАЭС (нотификация о пересмотре тарифных обязательств по ст. XXIV:6 ГАТТ-94) привела к появлению у данных стран необходимости адаптации своих экономик к увеличению уровня тарифной защиты через согласование переходных периодов с Россией и другими членами ЕАЭС (до 2025 г. по некоторым товарам АПК) по использованию льготных ставок таможенных пошлин на агропродукцию и продовольствие (более низких по сравнению со ставками пошлин ЕТТ ЕАЭС). Этот таможенный эффект в сфере АПК может проявить себя аналогично таможенному эффекту, связанному со вступлением Республики Казахстан в ВТО	Негативное последствие, связанное с нарушением механизма реализации справедливой конкуренции между субъектами стран ЕврАзЭС, в т.ч. равных условий доступа на общий аграрный рынок. Де-юре разрешенное свободное перемещение товаров Союза, в т.ч. изготовленных с помощью сырья (иностранных товаров), выпущенного в свободное обращение на территории Армении и Киргизии под льготные ставки таможенных пошлин (более низкие по сравнению со ставками ЕТТ ЕАЭС) может снизить конкурентоспособность российских производителей сельхозпродукции и продоволь-ствия за счет более низких цен товаров-аналогов, ввозимых на территорию РФ из этих стран, сокращает возможности перерабатывающего сектора АПК России, лишенного возможности использовать иностранное сырье, выпущенное в свободное обращение на территории РФ на условиях, аналогичных Армении и Киргизии
Вхождение в ЕАЭС Республики Армения, имеющей существенный экспортный потенциал в сфере АПК и являющейся при этом одним из новых рынков сбыта продукции АПК для стран – членов ЕАЭС, но не имеющей общих таможенных границ с другими участниками ЕАЭС	2015 г. – настоящее время	Появление дополнительных логистических рисков, связанных с преодолением организационно-правовых и управленческих трудностей оформления таможенного транзита товаров АПК, перемещаемых с территории Республики Армения через Грузию на остальную территорию ЕАЭС и в обратном направлении	Для АПК России эффект может проявляться как положительно, так и отрицательно. С одной стороны, он тормозит развитие аграрного экспорта из Армении в РФ, что создает дополнительные конкурентные преимущества национальным предприятиям АПК, но снижает эффективность национального перерабатывающего сектора, ограниченного в возможностях использовать аграрное сырье, произведенное в Армении. С другой стороны, эффект серьезно подрывает эффективность ВЭД отдельных предприятий АПК России, ориентированных на рынок Армении, так как таможенная логистика сложна и может сорвать договоренности между контрагентами

Продолжение таблицы 23

Выявленный таможенный эффект	Период действия	Проявление таможенного эффекта	Последствия таможенного эффекта для АПК России
Конфликт национальных интересов при реализации политики нетарифного регулирования международной торговли в сфере АПК	2012-2016 гг.	Расхождение национальных позиций стран – членов евразийского интеграционного проекта относительно необходимости применения отдельных нетарифных инструментов (специальных защитных мер) в отношении коллективной защиты рынка сельскохозяйственного машиностроения после вступления России в ВТО. Единовременное резкое снижение импортной таможенной пошлины для кода ТН ВЭД ТС – 8433 51 0000 (комбайны зерноуборочные) с 15 до 5% в 2012 г. после вступления России в ВТО повлекло необходимость обсуждения возможностей применения нетарифной меры защиты производителей комбайнов зерноуборочных в России и Белоруссии. Казахстан выступил резко против использования такой меры на общем рынке	Этап 1. Первоначально Решением Коллегии ЕЭК № 289 от 25 декабря 2012 г. установлена предварительная специальная защитная пошлина на зерноуборочные комбайны и модули зерноуборочных комбайнов в размере 27,5% [22]. Этап 2. Коллегия ЕЭК решением от 25 июня 2013 г. № 143 приняла решение ввести окончательную специальную защитную пошлину на зерноуборочные комбайны и модули зерноуборочных комбайнов на три года. Данная пошлина вводилась на срок до 7 марта 2016 г. включительно в размерах (% от таможенной стоимости): в 2013 г. – 26,7%, в 2014 г. – 26,2%, в 2015 г. – 25,7%, в 2016 г. – 25,2% [23]. Этап 3. Казахстан добился изменения Решения Коллегии № 143 с заменой специальной защитной пошлины на квоту (Решение Коллегии ЕЭК от 15 октября 2013 г. № 223). Решение в пользу Казахстана значительно ослабило общие конкурентные позиции России и Белоруссии на общем рынке сельхозмашиностроения и перераспределило торговые потоки комбайнов

Продолжение таблицы 23

Выявленный таможенный эффект	Период действия	Проявление таможенного эффекта	Последствия таможенного эффекта для АПК России
Расхождение подходов на национальном уровне к таможенному администрированию импортных товаров (кодированию товаров в таможенных целях)	2010 г. – настоящее время	При наличие общей товарной номенклатуры ВЭД ЕАЭС и общего таможенного тарифа ЕАЭС, подача таможенной декларации на товары, прибывающие на таможенную территорию ЕАЭС осуществляется органу государства-члена, в соответствии с законодательством которого создано, зарегистрировано либо на территории которого постоянно проживает лицо, являющееся декларантом товаров (ст. 449 ТК ЕАЭС [29]). Таким образом, таможенное администрирование, включая проверку правильности подбора кода ТН ВЭД декларантом на ввозимый товар, возложено на национальные таможенные органы стран – членов ЕАЭС. Имеются случаи, когда позиции национальных таможенных органов в отношении классификации одинаковых товаров в таможенных целях расходятся	Такие расхождения при классификации товаров в таможенных целях могут приводить к: - искажению цен на одинаковые импортные продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье, поступающие на общий рынок ЕАЭС через несколько каналов импорта в различных странах интеграционного объединения; - недополучению таможенных доходов национальными бюджетами стран – членов ЕАЭС после перераспределения между ними уплаченных декларантами сумм ввозных таможенных пошлин; - расширению применения схем ввоза отдельных продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья через страны ЕАЭС с «удобным» таможенным администрированием, что затрудняет управление таможенными рисками на национальном уровне; - появлению дисбалансов во взаимной торговле продовольствием между странами – членами ЕАЭС за счет искусственно создаваемых конкурентных преимуществ импортным продовольственным товарам
Примечание – Составлено автором.			

Очень показательным в данном случае выглядит Итоговый доклад о результатах и основных направлениях деятельности ФТС России в 2018 г., в котором мы можем обнаружить следующую информацию: «В государственной программе Российской Федерации «Развитие внешнеэкономической деятельности», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 330 [12] (ответственный исполнитель – Минэкономразвития России), ФТС России принимает участие в подпрограмме 2 «Формирование Евразийского экономического союза» (далее – Подпрограмма 2) и является ответственным исполнителем подпрограммы 5 «Совершенствование таможенной деятельности» (далее – Подпрограмма 5)… Для реализации Подпрограммы 2 в рамках мероприятия по созданию, развитию и имплементации системы соглашений по формированию и обеспечению функционирования ЕАЭС ФТС России были выделены на 2018 г. бюджетные ассигнования в размере 1 625,4 млн р. (в 2017 г. – 2 813,1 млн р.). Общая сумма использованных по итогам 2018 г. бюджетных ассигнований составила 1 060,7 млн р. (в 2017 г. – 2 611,7 млн р.)» [130].

«В целях реализации мероприятия 2.1.4 «Оказание технического содействия Кыргызской Республике в рамках процесса присоединения к Евразийскому экономическому союзу» в 2018 г. предусмотрено исполнение двенадцати контрольных событий:

1) в соответствии с контрольным событием 2.1.4.1 Детального плана-графика заключен государственный контракт от 25 сентября 2017 г. № 154 на реконструкцию автомобильного пункта пропуска (далее – АПП) «Карамык», ведутся строительные работы (в том числе поставка и монтаж оборудования инспекционно-досмотрового комплекса, поставка оборудования (в том числе радиометр-спектрометр, измеритель-сигнализатор поисковый и др.);

2) в соответствии с контрольным событием 2.1.4.2 Детального плана-графика заключен государственный контракт от 17 июля 2017 г. № 92 на реконструкцию АПП «Иркештам», ведутся строительные работы (в том числе оснащение стационарным комплексом типа «Янтарь»);

3) в соответствии с контрольным событием 2.1.4.3 Детального плана-графика заключен государственный контракт от 24 июля 2017 г. № 98 на реконструкцию АПП «Кайрагач», ведутся строительные работы, реализовано оснащение переносными техническими средствами таможенного контроля (далее – ТСТК), ТСТК за делящимися и радиоактивными материалами (далее – ДРМ), иным портативным оборудованием (в том числе детекторами ионизированного излучения, взрывчатых и наркотических веществ и др.);

4) в соответствии с контрольным событием 2.1.4.4 Детального плана-графика заключен контракт от 21 февраля 2018 г. № 25 на реконструкцию железнодорожного пункта пропуска (далее – ЖПП) «Кара-Суу», ведутся строительные работы. В рамках государственного контракта от 30 ноября 2015 г. № 170 указанный пункт пропуска оснащен переносными ТСТК и ТСТК ДРМ;

5) в соответствии с контрольным событием 2.1.4.5 Детального плана-графика заключен государственный контракт от 25 сентября 2017 г. № 153 на реконструкцию АПП «Кызыл-Бель», ведутся строительные работы (в том числе указанный пункт пропуска оснащен переносными ТСТК и ТСТК ДРМ);

6) в соответствии с контрольным событием 2.1.4.6 Детального плана-графика заключен государственный контракт от 29 мая 2017 г. № 81 на реконструкцию АПП «Кызыл-Кия». Строительные работы завершены. Акт приема-передачи выполненных работ подписан киргизской стороной 30 августа 2018 г.;

7) в соответствии с контрольным событием 2.1.4.7 Детального плана-графика заключен контракт от 21 февраля 2018 г. № 26 на реконструкцию ЖПП «Кызыл-Кия», ведутся строительные работы. В рамках государственного контракта от 30 ноября 2015 г. № 171 указанный пункт пропуска оснащен переносным ТСТК и ТСТК ДРМ;

8) в соответствии с контрольным событием 2.1.4.8 Детального плана-графика реализовано оснащение воздушного пункта пропуска (далее – ВПП) «Манас» системой резервного электропитания, а также лабораторной и офисной мебелью;

9) в соответствии с контрольным событием 2.1.4.9 Детального плана-графика завершено строительство фитосанитарной лаборатории в г. Ош, ведется подготовка к передаче объекта киргизской стороне. В связи с продлением действия соглашения об оказании помощи киргизской стороне по оснащению пунктов пропуска ведутся мероприятия по подготовке государственных контрактов по оснащению оборудованием фитосанитарной лаборатории (г. Ош, ул. Исанова, д. 42), поставка планируется в начале второго полугодия 2019 г.;

10) в соответствии с контрольным событием 2.1.4.10 Детального плана-графика заключен государственный контракт от 24 июля 2017 г. № 97 на реконструкцию АПП «Торугарт», ведутся строительные работы (в том числе оснащение стационарным комплексом типа «Янтарь», переносным ТСТК и ТСТК ДРМ);

11) в соответствии с контрольным событием 2.1.4.11 Детального плана-графика заключен контракт от 21 февраля 2018 г. № 27 на реконструкцию ЖПП «Шамалды-Сай», ведутся строительные работы. Указанный пункт пропуска оснащен оборудованием в рамках государственного контракта от 30 ноября 2015 г. № 171 (в том числе дозиметрами рентгеновского и гамма-излучения, радиометр-спектрометрами и др.);

12) в соответствии с контрольным событием 2.1.4.12 Детального плана-графика заключен контракт от 21 февраля 2018 г. № 24 на реконструкцию ЖПП «Джалал-Абад», ведутся строительные работы. Указанный пункт пропуска оснащен оборудованием в рамках государственного контракта от 30 ноября 2015 г. № 171 (в том числе ТСТК ДРМ, дозиметрами рентгеновского и гамма-излучения).

Также ведется работа по организации проектирования автомобильных пунктов пропуска «Достук» и «Бор-Добо», последний из которых оснащен оборудованием (в том числе весовым и переносным ТСТК ДРМ)» [130].

Таким образом, официальная информация ФТС России свидетельствует о том, что наша страна сегодня вынуждена вкладывать огромные финансовые ресурсы в создание, реконструкцию и модернизацию таможенной инфраструктуры на территории другого государства. Реалии сегодня таковы, что Россия за свой

счет вынуждена проводить данные мероприятия, помогая наладить такой необходимый уровень качества таможенного контроля на таможенной границе Киргизии и Китая (автомобильные пункты пропуска «Иркештам», «Торугарт»), Киргизии и Таджикистана (автомобильные пункты пропуска «Кызыл-Бель», «Бор-Добо»), Киргизии и Узбекистана (автомобильный пункт пропуска «Кызыл-Кия», железнодорожные пункты пропуска «Кара-Суу», «Шамалды-Сай», «Джалал-Абад»), который существует на ее собственных внешних таможенных границах в зоне ответственности по ЕАЭС. Подобные «инвестиции» в интеграционные процессы заставляют экономистов, конечно, о многом задуматься, однако с точки зрения национальной безопасности, выглядят абсолютно разумными, учитывая таможенные риски на географических направлениях Китая, Таджикистана, Узбекистана, связанных с поставками сельскохозяйственного сырья и продовольствия в общие каналы товародвижения евразийской агропродовольственной системы. Большинство товаров АПК, импортируемых в Россию с территории отмеченных стран, попадают под действие жестких карантинных фитосанитарных мер, которые применяются в отношении продукции, включенной в перечень подкарантинной продукции (подкарантинных грузов, подкарантинных материалов, подкарантинных товаров), подлежащей карантинному фитосанитарному контролю (надзору) на таможенной границе ЕАЭС и на таможенной территории ЕАЭС [19; 25], в отношении карантинных объектов, включенных в единый перечень карантинных объектов ЕАЭС [26]. Каждая партия подкарантинной продукции с высоким фитосанитарным риском, ввозится на таможенную территорию ЕАЭС и (или) перемещается внутри ЕАЭС в сопровождении экспортного (реэкспортного) фитосанитарного сертификата. В случае выявления нарушений единых карантинных фитосанитарных требований при ввозе или перемещении партий (части партий) подкарантинной продукции они подлежат возврату, обеззараживанию или уничтожению. Это критично и показывает всю значимость своевременного выявления, учета и нивелирования таможенных рисков и таможенных эффектов для обеспечения безопасности АПК России и продовольственного сектора нашей экономики.

3.2 Влияние разноскоростного вступления стран – членов евразийской агропродовольственной системы в ВТО на эффективность работы российского агропродовольственного сектора

В первой главе диссертационного исследования мы обращали свое внимание на огромное значение, которое может оказывать ВТО на агропродовольственные рынки в условиях их глубокой экономической интеграции по линейному типу, начиная с этапа формирования таможенного союза. По нашему мнению, действующий сейчас, в условиях зарождения и становления общего агропродовольственного рынка ЕАЭС, таможенный эффект разноскоростного вступления стран – членов евразийской агропродовольственной системы в ВТО способен оказать серьезное дестабилизирующее влияние на АПК России и агропродовольственный сектор нашей национальной экономики. Рассмотрим подробнее механизм проявления данного таможенного эффекта и его последствия.

«Российская Федерация, с 22 августа 2012 г. являясь полноправным членом ВТО, одновременно выступает одним из главных звеньев экономической интеграции в рамках Евразийского пространства, которая особенно активизировалась с 2007 г. Именно в этот период начинает формироваться договорно-правовая база будущего интеграционного объединения – Таможенного союза Евразийского экономического сообщества (ТС ЕврАзЭС) и Единого экономического пространства (ЕЭП ЕврАзЭС).

Вступление в силу целого ряда документов ТС ЕврАзЭС в 2010 г. обозначило проблему соотношения тарифных обязательств России при присоединении к ВТО с механизмом таможенно-тарифного регулирования стран, участвующих вместе с Россией в построении единой таможенной территории в рамках евразийской экономической интеграции[1]. Дело в том, что Россия самостоятельно завершала переговоры по присоединению к ВТО, в то время как

[1] Единый таможенный тариф ТС; Единая ТН ВЭД ТС (утв. решениями Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества от 27 ноября 2009 г. № 18, Комиссии таможенного союза от 27 ноября 2009 г. № 130 и вступила в силу 1 января 2010 г. – утратили силу в соответствии с Решением Комиссии Таможенного союза от 18 ноября 2011 г. № 850).

Казахстан и Белоруссия (являясь членами Таможенного союза ЕврАзЭС) были далеки от конкретных результатов таких переговоров. Иными словами, исполнение будущих тарифных обязательств России перед ВТО необходимо было вынести на наднациональный уровень и закрепить ответственность Казахстана и Белоруссии по реализации обязательств, взятых Россией перед ВТО, на всей единой таможенной территории. В связи с принимаемыми Россией обязательствами по связыванию ставок таможенных пошлин возник вопрос о механизмах работы единого таможенного тарифа Таможенного союза ЕврАзЭС, так как страны ТС вступают в ВТО самостоятельно и обязательства, принимаемые этими странами перед ВТО, могут различаться» [146, с. 16-17].

«Президент РФ 19 октября 2011 г. подписал Федеральный закон № 282-ФЗ «О ратификации Договора о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы» [38]. Данный Договор провозглашает приоритет Положений ВТО в случае возникновения конфликтов с нормами правовой базы Таможенного союза и обязует Таможенный союз исполнять условия присоединения к ВТО входящих в него государств.

Пункт 2 Договора о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы предусматривал, что «с момента присоединения такой Стороны (Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация, далее именуемые Сторонами) к ВТО ставки Единого таможенного тарифа Таможенного союза не будут превышать ставки импортного тарифа, предусмотренные Перечнем уступок и обязательств по доступу на рынок товаров, являющимся приложением к Протоколу о присоединении этой Стороны к ВТО, за исключением случаев, предусмотренных Соглашением ВТО» [4].

Пункт 4 Договора о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы закрепил следующую оговорку: «В случае отличий между консолидированными результатами переговоров по ставкам импортных пошлин Сторон, достигнутыми в процессе присоединения к ВТО, такие Стороны незамедлительно проведут между собой консультации и в сжатые сроки вступят в переговоры с членами ВТО, чьи интересы затронуты такими

расхождениями, в целях гармонизации ставок импортных пошлин. При этом все Стороны координируют позиции и выражают намерение руководствоваться соответствующими положениями Соглашения ВТО, которые применяются в случае гармонизации тарифов таможенными союзами. Ставки Единого таможенного тарифа Таможенного союза не будут превышать ставки, согласованные в результате гармонизации, за исключением случаев, предусмотренных Соглашением ВТО» [4].

«Договор вступил в силу с момента присоединения России к ВТО в августе 2012 г. На август 2012 г. обязательства перед ВТО среди стран – членов Евразийского интеграционного проекта были только у России, в то время как Белоруссия и Казахстан членами данной организации не являлись. Однако за период времени с 2012 по 2015 г. в реализации проекта Евразийской экономической интеграции произошли значительные изменения, связанные с одной стороны, с появлением Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и его расширением за счет присоединения стран, уже имеющих обязательства перед ВТО, с другой стороны, изменением статуса некоторых стран ЕАЭС, связанных с присоединением их к ВТО и появлением обязательств перед этой организацией.

В 2013-2014 гг. Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) и уполномоченные органы стран ЕЭП ЕврАзЭС вели активную подготовку Договора о Евразийском экономическом союзе. С его принятием завершилась кодификация международных договоров, составляющих нормативно-правовую базу Таможенного союза и Единого экономического пространства. 29 мая 2014 г. в Астане (Казахстан) подписан договор о создании Евразийского экономического союза. А спустя некоторое время, в том же 2014 г., Армения (10 октября 2014 г. в Минске) и Киргизия (23 декабря 2014 г. в Москве) также присоединились к Договору» [146, с. 18].

«Необходимо отметить, что начало работы Евразийского экономического союза с 1 января 2015 г. и присоединение к нему Армении и Киргизии обнажила проблему соотношения тарифных обязательств Российской Федерации при присоединении к ВТО с механизмом таможенно-тарифного регулирования стран,

участвующих вместе с Россией в построении единой таможенной территории в рамках евразийской экономической интеграции. Следует подчеркнуть, что сегодня в рамках ЕАЭС к соответствующим межгосударственным отношениям продолжают применяться ключевые положения из Договора о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы от 19 мая 2011 г., однако этот документ трансформировался в составной элемент Договора о Евразийском экономическом союзе через инкорпорацию Протокола о функционировании Евразийского экономического союза в рамках многосторонней торговой системы в Приложение № 31 к Договору о ЕАЭС» [16].

«Главная проблема заключается в том, что Армения и Киргизия уже являются членами ВТО и присоединились к ЕАЭС как государства – члены данной организации. Киргизия стала первой из постсоветских стран, присоединившихся к ВТО 20 декабря 1998 г. (133-й член ВТО). Армения является 145-м членом ВТО с 5 февраля 2003 г. У этих двух государств, присоединяющихся к работе Евразийского экономического союза, а значит, участвующих в работе механизма единой таможенной территории, взяты перед ВТО свои тарифные обязательства, и эти обязательства серьезным образом расходятся с Единым таможенным тарифом ЕАЭС. Необходимо отметить, что Киргизия и Армения имеют гораздо более либеральные таможенные тарифы, нежели представляет из себя Единый таможенный тариф ЕАЭС, который реализуется по графику переходного периода тарифных обязательств России перед ВТО.

В 2015 г. полноправным членом ВТО стал Казахстан, когда 27 июля 2015 г. был подписан протокол о присоединении этой страны к ВТО. Это событие знаменует собой новый и достаточно сложный этап в развитии ЕАЭС. Дело в том, что возникает определенное противоречие между обязательствами Казахстана перед ВТО и согласованным таможенным тарифом ЕАЭС, реализуемым в рамках обязательств России перед ВТО, но касающимся всех членов ЕАЭС в рамках единства таможенной территории. Вышесказанное обозначает проблему гармонизации обязательств стран – членов ЕАЭС перед Всемирной торговой организацией, требует выработки сбалансированных межгосударственных

решений на современном этапе реализации Евразийского интеграционного проекта» [148, с. 20].

Рассмотрим, каким образом все сказанное выше соотносится с работой национальных агропродовольственных рынков. Здесь лучше начать с Армении и Киргизии, так как там в силу ряда причин, о которых мы скажем чуть позже, экономико-правовые особенности данной ситуации оказываются более простыми по сравнению с Казахстаном и Белоруссией.

«Республика Армения и Киргизская Республика, став членами Евразийского экономического союза в 2015 г., перешли на единый таможенный тариф, одновременно продолжая оставаться членами ВТО (Армения с 5 февраля 2003 г. и Киргизия с 20 декабря 1998 г.), что потребовало незамедлительных инициатив по изменению их индивидуальных тарифных обязательств перед всеми странами – участницами ВТО» [148, с. 20]. Вообще очень сложные с точки зрения регламентов и процедур правила данной международной организации «предусматривают возможность повышения пошлин страной, присоединяющейся к таможенному союзу. В подобных случаях иностранные партнеры вправе потребовать проведения переговоров о пересмотре ряда тарифных обязательств согласно правилам и процедурам, оговоренным в статье XXIV:6 ГАТТ 1994, статье XXVIII ГАТТ 1994 и Договоренности о толковании статьи XXVIII ГАТТ 1994. Страна, повышающая пошлины, должна провести переговоры с тремя категориями членов ВТО: 1) с государствами, имеющими первоочередное переговорное право (страны, с которыми изначальные обязательства были согласованы); 2) со странами – заинтересованными поставщиками; 3) с другими членами ВТО, чьи интересы затронуты пересмотром обязательств» [125].

Армения и Киргизия, уже как участники евразийской агропродовольственной системы, в соответствии с процедурами ВТО подали нотификацию о пересмотре тарифных обязательств по статье XXIV:6 ГАТТ-94, провели первичные консультации с членами ВТО в целях выхода на проведение компенсационных переговоров. В настоящее время сроки данных переговоров постоянно продлеваются, и переговоры рискуют затянуться на многие годы. При

этом необходимо обратить особое внимание на следующий момент: тарифные обязательства обеих стран перед ВТО были очень жесткие, то есть уровень тарифной защиты был минимальный, рынки этих государств были максимально открыты для импорта иностранных товаров, в том числе сельскохозяйственного сырья и продовольствия. Инициируя повторные переговоры с ВТО и переходя на работу по единому таможенному тарифу в рамках Евразийского экономического союза, где ставки ввозных таможенных пошлин на сельскохозяйственную продукцию ощутимо выше, что могло создать определенную угрозу социальной стабильности в силу возможного серьезного роста цен на внутренних аграрных рынках данных стран, Армения и Киргизия добились включения ряда товаров в перечни изъятий, то есть на эти товары в течение переходного периода действуют ввозные ставки таможенных пошлин более низкие, по сравнению со ставками единого таможенного тарифа ЕАЭС (таблица 24).

Таблица 24 – Изъятия Республики Армения и Киргизской Республики из ЕТТ ЕАЭС по ряду сельскохозяйственных и продовольственных товаров в связи с присоединением к Евразийскому экономическому союзу

Товар	Действующая ставка ввозной таможенной пошлины ЕТТ ЕАЭС	Ставка ввозной таможенной пошлины, установленная для страны – члена ЕАЭС в 2015 г., %	Период имплементации
Республика Армения			
Сахар-сырец тростниковый	От 140 до 250 долл. США за 1000 кг	0	2025
Картофель семенной	5%	0	2021
Мясо птицы (вне квоты)	80%, но не менее 0,7 евро за 1 кг	10	2021
Свинина (вне квоты)	65%	10	2021
Прочее мясо КРС (замороженное)	50%, но не менее 1 евро за 1 кг	10	2021
Молоко и сливки	16,7-20%	10	2019
Простые гибриды кукурузы, ячмень и пшеница семенная	5%	0	2019
Табачное сырье и табачные отходы	4-5%	0	2019

Продолжение таблицы 24

Товар	Действующая ставка ввозной таможенной пошлины ЕТТ ЕАЭС	Ставка ввозной таможенной пошлины, установленная для страны – члена ЕАЭС в 2015 г., %	Период имплементации
Продукты, используемые для кормления животных	5%	0	2019
Виноград, арбузы, дыни, абрикосы, вишня, слива	5%	10	2018
Киргизская Республика			
Сахар-сырец тростниковый (в объеме не более 100 тыс. т в год)	От 140 до 250 долл. США за 1000 кг	0	2020
Рыбные отходы	8,7% (до 30 апреля 2018 г. – временная ставка 0%)	0	2020
Картофель семенной	5%	0	2020
Фасоль обыкновенная (для посева)	11,7%	0	2020
Различные гибриды семенной кукурузы	5%	0	2020
Растворимые рыбные продукты и прочие продукты, используемые для кормления животных	5%	0	2020
Прочие продукты для приготовления соусов	10,5%	0	2020
Примечание – Составлено автором по: [6; 42; 44; 45; 209; 272].			

Возникающий при этом таможенный эффект имеет негативное последствие, связанное с нарушением механизма реализации справедливой конкуренции между субъектами стран Евразийского экономического союза, в том числе равных условий доступа на общий аграрный рынок. Де-юре сегодня оказывается разрешено свободное перемещение товаров ЕАЭС, в том числе изготовленных с помощью сырья (иностранных товаров), выпущенного в свободное обращение на территории Армении и Киргизии.

Использование льготных ставок таможенных пошлин (более низких по сравнению со ставками пошлин Единого таможенного тарифа ЕАЭС) может привести к снижению конкурентоспособности российских производителей сельскохозяйственной продукции и продовольствия за счет более низких цен товаров-аналогов, ввозимых на территорию России из Армении и Киргизии, сокращает возможности перерабатывающего сектора АПК России, лишенного

возможности использовать иностранное сырье, выпущенное в свободное обращение на территории России на условиях, аналогичных Армении и Киргизии.

Следует отметить, что ситуация по Армении и Киргизии имеет сложности, однако они не такие серьезные, как по Казахстану. Это связано с тем, что данные страны все-таки сначала перешли на единый таможенный тариф ЕАЭС (изначально созданный на основе тарифных обязательств России перед ВТО и полностью учитывающий интересы России на аграрном рынке), а потом уже начали повторные переговоры с ВТО по своим тарифным обязательствам на сельскохозяйственное сырье и продовольствие. Таким образом, подавляющая часть агропродовольственных товаров в Армении и Киргизии не попала под изъятия. Кроме того, Киргизия и Армения являются самыми маленькими экономиками в ЕАЭС, хотя и с выраженной аграрной специализацией производства и экспорта, особенно Армения, но у них нет такого мощного производственного и экспортного потенциала в сфере АПК на ближайшие годы, как у Казахстана.

С точки зрения масштабов влияния таможенного эффекта разноскоростного вступления стран – членов евразийской агропродовольственной системы в ВТО на АПК России, действительно, самая непростая ситуация, серьезно затрагивающая интересы национального агропродовольственного сектора нашей экономики, складывается сейчас с тарифными обязательствами Казахстана перед ВТО.

Казахстан в отношении сельскохозяйственных товаров взял на себя обязательство снизить средний уровень таможенного тарифа с действующих в рамках ЕТТ ЕАЭС 13,9 до 9,2%, в то время как конечная ставка РФ на сельскохозяйственные товары после вступления в ВТО и окончания переходных периодов – 12,9%.

На 1 декабря 2015 г. общее количество тарифных изъятий по Казахстану составляло 1 347 десятизначных тарифных линий, к 1 декабря 2016 г. это число выросло до 1 911, а с 1 декабря 2017 г. после введения в силу новой редакции ТН ВЭД ЕАЭС этот перечень изъятий достиг 2 450 позиций, при этом к сельскохозяйственной продукции и продовольствию относится 881 позиция.

После окончания всех переходных периодов, связанных с вступлением России и Казахстана в ВТО, общее количество тарифных изъятий для Казахстана из ЕТТ ЕАЭС достигнет примерно 3 500 позиций, и более трети из них будет касаться обращения сельскохозяйственных товаров и продовольствия. Иными словами, если по Армении и Киргизии мы наблюдаем постепенное сокращение количества действующих изъятий, там есть имплементационные периоды, ограниченные по времени, то с Казахстаном ситуация выглядит совершенно обратной. Вступив в ВТО уже в качестве члена ЕАЭС и работая до своего вступления в ВТО полностью на едином таможенном тарифе ЕАЭС[1], сейчас Казахстан этого делать не может. А серьезные последствия (в первую очередь для доходов федерального бюджета России) от инкорпорирования его тарифных обязательств перед ВТО в ЕТТ ЕАЭС делают невозможным распространение этих обязательств на все страны – члены ЕАЭС. Возникают мощнейшие изъятия из функционирования ЕТТ ЕАЭС, приводящие к появлению «квазитаможенной» территории в границах Казахстана внутри единой таможенной территории ЕАЭС, где действуют свои правила по взиманию ставок таможенных пошлин на сельскохозяйственное сырье и продовольствие. При этом по Казахстану действие отмеченных изъятий не имеет временных ограничений, оно носит постоянный характер и имеет тенденцию к расширению своих масштабов. Сложившуюся ситуацию могли бы изменить повторные переговоры в ВТО по сценарию Киргизии и Армении, но у Казахстана нет мотивации для этого, так как предыдущие переговоры с ВТО продолжались 19 лет, а кроме того, страна, благодаря изъятиям, получает дополнительные конкурентные преимущества на общем аграрном рынке.

---

[1] Следует еще раз акцентировать внимание на том, что единый таможенный тариф ЕАЭС (ЕТТ ЕАЭС) с момента начала своей работы в 2015 г. полностью учитывал интересы России в ВТО, так как был трансформирован из единого таможенного тарифа таможенного союза ЕврАзЭС (ЕТТ ТС), который, в свою очередь, вступил в силу с 1 января 2010 г. и в который после вступления России в ВТО в 2012 г. вносились масштабные изменения с учетом принятых Россией тарифных обязательств перед этой организацией. То есть Белоруссия, например, де-юре не являясь членом ВТО, де-факто несет на себе тарифные обязательства России перед ВТО через использование ЕТТ ЕАЭС. С Казахстаном была аналогичная ситуация с 2012 по 2015 г., но Казахстан, став членом ВТО де-юре, уже не может полностью свободно работать на ЕТТ ЕАЭС. Его тарифные обязательства перед ВТО должны быть инкорпорированы в ЕТТ ЕАЭС, а это сделать без серьезных последствий невозможно. Об этих последствиях для интеграционных объединений подробно сказано в параграфе 1.2 диссертационной работы.

Сравнительный анализ между действующими ставками ввозной таможенной пошлины (связанной) в Казахстане и в России (в рамках евразийской агропродовольственной системы) на ряд сельскохозяйственных и продовольственных товаров представлен в таблице 25.

Таблица 25 – Изъятия Республики Казахстан из ЕТТ ЕАЭС по ряду сельскохозяйственных и продовольственных товаров в соответствии с условиями вступления в ВТО (по состоянию на 1 января 2019 г.), %

Перечень сельскохозяйственных товаров и продовольствия, в отношении которых Республикой Казахстан в соответствии с обязательствами, принятыми в качестве условия присоединения к ВТО, применяются ставки ввозных таможенных пошлин, более низкие по сравнению со ставками пошлин Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза, код ТН ВЭД ЕАЭС	Размер ставки ввозной таможенной пошлины (связанной) в Казахстане	Размер ставки ввозной таможенной пошлины в России на основе ЕТТ ЕАЭС
0301 93 000 0 – карп, живая рыба (*Cyprinus spp., Carassius spp., Ctenopharyngodon idellus, Hypophthalmichthys spp., Cirrhinus spp.* и др.)	5	10%
0306 35 100 0 – креветки вида *Crangon crangon*	0	6
0306 35 900 0 – креветки видов *Pandalus spp.*	0	6
0306 39 100 0 – пресноводные раки	0	7
0306 93 910 0 - крабы вида *Cancer pagurus*	0	8
0703 20 000 0 – чеснок	8	10
0805 10 200 0 – апельсины сладкие, свежие	3	5, но не менее 0,017 евро за 1 кг
0805 40 000 0 – грейпфруты, включая помелло 0805 50 100 0 – лимоны (*Citrus limon, Citrus limonum*)	3	5, но не менее 0,015 евро за 1 кг
1108 11 000 0 – крахмал пшеничный 1108 12 000 0 – крахмал кукурузный 1108 13 000 0 – крахмал картофельный 1108 19 100 0 – крахмал рисовый	10	10, но не менее 0,03 евро за 1 кг
1511 – масло пальмовое и его фракции, нерафинированные или рафинированные, но без изменения химического состава		
1511 10 900 2 – в таре нетто-массой 20 000 кг или менее	0	3
1511 90 110 0 – (твердые фракции), в первичных упаковках нетто-массой не более 1 кг	0	3
1701 12 100 – свекловичный сахар для рафинирования	23	250 долл. США за 1000 кг
170113 – тростниковый сахар	5	От 140 до 250 долл. США за 1000 кг
Примечание – Составлено автором по: [6; 42; 44; 45; 209; 272].		

Появляется таможенный эффект, который проявляет себя двойственным образом: 1) через разнообразные схемы реэкспорта товаров, включая сельскохозяйственную продукцию и продовольствие, находящихся в перечне товаров, в отношении которых Республикой Казахстан в соответствии с обязательствами, принятыми в качестве условия присоединения к ВТО, применяются ставки ввозных таможенных пошлин, более низкие по сравнению со ставками пошлин Единого таможенного тарифа ЕАЭС; 2) через экспорт товаров АПК, произведенных на территории Республики Казахстан (товаров ЕАЭС), с использованием сырья, выпущенного в свободное обращение только на территории Казахстана под льготные ставки таможенных пошлин (более низкие по сравнению со ставками пошлин Единого таможенного тарифа ЕАЭС).

Здесь необходимо предельно четко различать ситуации реэкспорта и экспорта. Реэкспорт формально запрещен, однако достаточно тяжело администрируется и контролируется, так как полноценный таможенный контроль на внутренних границах стран – членов ЕАЭС отсутствует. Экспорт абсолютно законен. В этом случае сельскохозяйственное сырье, которое, например, не производится в Казахстане или ощутимо дешевле отечественных аналогов, ввозится и перерабатывается в готовый продукт, который имеет таможенный статус товара ЕАЭС, а значит, может обращаться на всей таможенной территории интеграционного объединения, включая последующую продажу (экспорт) в Россию. Таким образом, производители готового продукта в Казахстане при формально действующем едином таможенном тарифе ЕАЭС получат то, что не смогут получить аналогичные переработчики в России – экономию таможенных платежей, за счет более низких ставок таможенных пошлин на один и тот же товар (сельскохозяйственное сырье) что, безусловно, отразится на себестоимости производимого продовольствия, а значит его ценовой конкурентоспособности и потоках международной торговли. То есть таможенный эффект начнет генерировать торговые эффекты создания и отклонения торговли. Кроме того, под влиянием рассматриваемого таможенного эффекта обязательно проявит себя торговый эффект инвестиций и накопления капитала. Когда барьеры для движения

финансовых потоков в большей степени устранены, бизнес склонен иметь тенденцию к перемещению в такую страну – член интеграционного объединения, где себестоимость производства оказывается ниже, таким образом возникает эффект создания инвестиций. При этом бизнес сохраняет возможность для свободного перемещения производимых товаров внутри интеграционного объединения по причине единства таможенной территории. То есть выгодным становится производить в одной стране ЕАЭС (Казахстан), а продавать в другую, по причине емкости ее рынка (Россия). Безусловно, здесь возникает традиционная для экономики дилемма о выгодах от всех этих интеграционных процессов для производителей и потребителей, когда экономические проблемы, решаемые в теории, на практике всегда испытывают огромные трудности по причине своего комплексного характера и тесной взаимосвязи с социально-экономическими и социально-правовыми аспектами трудовой занятости, вопросами продовольственной независимости, безопасности и многими другими.

В Казахстане такой привлекательной отраслью для иностранного капитала постепенно становится пищевая промышленность, в частности, производство кондитерских изделий. Одной из причин (разумеется, не единственной, однако достаточно веской) является ситуация с пальмовым маслом, как наиболее распространенной разновидностью растительных масел, используемых в кондитерской промышленности членов ЕАЭС, включая Россию и Казахстан.

По данным Масложирового союза России, «в структуре потребления пальмового масла доминирующие позиции в России имеют кондитерское направление, на которое приходится около 30% переработанного продукта, производства хлебобулочных изделий (15%), продукции быстрого приготовления, чипсов, пищевых концентратов (25%), молокосодержащих товаров (13%), потребительских маргаринов и спредов (3%). Кроме того, около 13% составляют поставки переработанного пальмового масла, маргаринов, спредов и жиров специального назначения» [131]. По Казахстану ситуация весьма схожая, кондитерское направление является одним из главных потребителей данного сельскохозяйственного сырья.

Давайте подробнее рассмотрим ситуацию с пальмовым маслом в ЕАЭС. Дело в том, что «при старой ставке (до вступления России в ВТО в 2012 г.) на пальмовое масло (код ТН ВЭД ЕАЭС 1511109002) импортная пошлина была фиксированной, то есть не была зависимой от его стоимости и составляла 0,4 евро за 1 кг. Введенная при вступлении России в ВТО пошлина стала адвалорной вместо специфической и составила 5%» [148, с. 15]. Значительная либерализация условий доступа пальмового масла на российский рынок после принятия Россией тарифных обязательств уже сама по себе имела серьезное влияние на российский АПК. Так, академик РАН А.Н. Сёмин совершенно справедливо полагает, что «вытесняемый увеличивающимся импортом пальмового масла объем молока уже сейчас может составить свыше 10% от производимого в России молока. В такой же пропорции следует ожидать и сокращения числа работающих в аграрном секторе страны. Переходный период по этому тарифному обязательству перед ВТО для России составлял два года и уже в 2014 г. адвалорная ставка, взимаемая с пальмового масла ввозимого в Россию, сократилась до 3% и сейчас она является действующей в едином таможенном тарифе ЕАЭС» [148, с. 15; 65]. Казахстан, вступив в ВТО, в 2015 г. взял на себя обязательство беспошлинного доступа на свой рынок пальмового масла. Учитывая разницу в ставках НДС в России (20%) и Казахстане (12%) на пальмовое масло, а ставка НДС при ввозе продукции на таможенную территорию подлежит уплате в том числе со ставки таможенной пошлины, мы будем иметь следующую ситуацию[1].

В Казахстане размер таможенных платежей на данный товар составит 12% (пошлина 0%, платится только НДС), в России – 23,6% (3% пошлина + 0,6% НДС с таможенной пошлины + 20% НДС). Как видим, разница в платежах достигает практически двукратного размера. Таким образом, де-юре единая таможенная территория в ЕАЭС есть, а де-факто она отсутствует. Как уже отмечалось, прямой реэкспорт агропродовольственного сырья, агропродовольственных товаров,

[1] С 1 октября 2019 г. вступил в силу Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 268-ФЗ «О внесении изменений в ст. 164 части второй Налогового кодекса Российской Федерации», который предусматривает отмену льготной ставки НДС (10%) на пальмовое масло и установление льготной ставки НДС (10%) для отечественной плодово-ягодной продукции.

выпущенных в Казахстане под более низкие ставки таможенных пошлин (в связи с тарифными обязательствами перед ВТО) в Россию запрещен. Перемещение подобных товаров контролировать сложно (количество товарных позиций с разными тарифными обязательствами достигает несколько тысяч) и требует серьезных дополнительных затрат со стороны российского бюджета. Однако такая возможность есть. Но если в Казахстане, например, с помощью пальмового масла будут изготовлены конфеты или печенье, то здесь у России уже не будет никаких оснований запрещать поставки такой продукции на свой рынок.

Исходя из имеющихся реалий «ценовая конкурентоспособность товаров, изготавливаемых в Казахстане с помощью пальмового масла, по сравнению с Россией возрастает. При этом казахские продовольственные товары, изготовленные с помощью сырья, ввозимого под льготную таможенную ставку, сохраняют возможность свободного обращения на всей таможенной территории ЕАЭС. Таким образом, продолжают сохраняться проблемы, по которым государствам – членам ЕАЭС необходимо выйти на согласованные позиции, если они хотят повысить роль агропромышленной политики в эффективном торгово-экономическом сотрудничестве стран – членов ЕАЭС» [148, с. 15].

Статистика только по одному таможенному управлению ФТС России – Сибирскому, красноречиво свидетельствует о том, что российско-казахстанское направление с точки зрения администрирования внешнеторговых потоков остается очень сложным для российских контролирующих органов. «В 2018 г. мобильные группы[1] таможен Сибири возвратили в Казахстан около 27,7 тыс. т товаров, ввезенных в Россию с нарушением требований действующего законодательства. Это превысило аналогичный показатель 2017 г. более чем на 58% (17,4 тыс. т). В общей сложности было остановлено 21 904 транспортных средства, проверено 396,7 тыс. т товаров. Нарушения были выявлены при

[1] С декабря 2015 г. в Сибири, в регионе деятельности Алтайской, Новосибирской, Омской таможен, работают шесть мобильных групп, на которые возложены функции по недопущению ввоза на территорию РФ запрещенных товаров, в том числе «санкционной» продукции, а также товаров, в отношении которых Республикой Казахстан применяются более низкие ставки ввозных таможенных пошлин по сравнению со ставками пошлин Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза.

проверке более двух тысяч транспортных средств. Основная их часть была связана с перемещением товаров, в отношении которых Республикой Казахстан применяются ставки ввозных таможенных пошлин ниже ставок, установленных Единым таможенным тарифом Евразийского экономического союза (так называемых «товаров изъятия»), а также товаров с признаками контрафактных и «санкционных» товаров, товаров с отсутствием фитосанитарного и ветеринарного сертификатов, либо с отсутствием бумажной копии электронного счета-фактуры. Чаще всего номенклатура возвращенных товаров включала продукцию растительного (овощи, фрукты) и животного (мясо, кисломолочные продукты, рыба) происхождения, а также товары народного потребления (одежда, обувь и пр.). Под уничтожение на территории России попадали партии яблок, груш, куриных окорочков, говядины, лосося, сыра [345, с. 239-240; 240].

Данные цифры демонстрируют, как таможенный эффект, который мы рассматриваем в диссертационном исследовании, проявляет себя через целый спектр торговых эффектов, являющихся уже своеобразным следствием трансформации государственного регулирования внешнеэкономической деятельности и таможенного контроля на агропродовольственных рынках.

Если взглянуть внимательно на представленные данные, можно увидеть, что в них скрыты последствия сразу двух таможенных эффектов: 1) эффект разноскоростного вступления стран – членов ЕАЭС как участников евразийской агропродовольственной системы, в ВТО; 2) эффект политики аграрных контрсанкций на национальном уровне (на территории Российской Федерации) в условиях работы механизма единства таможенной территории в системе Евразийского экономического союза. Если первому эффекту в диссертационной работе мы уделили уже достаточно много внимания, то второй эффект мы подробно еще не анализировали. Это связано с тем, что второй эффект более характерен для Белоруссии и очень сильно осложняет текущие торговые отношения этой страны и России на общем агропродовольственном рынке ЕАЭС, постоянно становясь предметом дискуссий и консультаций, как в кругах аграрного бизнеса, так и органов власти. Однако за период с 2017 г. по настоящее

время ситуация непрерывно изменяется, и Казахстан, несмотря на всю сложность в трансформации цепей поставок санкционной сельскохозяйственной продукции и продовольствия, своеобразную абсурдность, но при этом экономическую оправданность такой логистики, становится достойным «конкурентом» Белоруссии в деле обеспечения поставок на российский продовольственный рынок товаров, запрещенных к ввозу на территорию нашей страны в результате принятых Россией решений об аграрных контрсанкциях. В следующем параграфе настоящей главы мы подробнее остановимся на данных моментах.

Возвращаясь к первому таможенному эффекту, необходимо подчеркнуть, что представленные в таблице 25 сельскохозяйственные и продовольственные товары являются только небольшой частью общего перечня, затронутого изъятиями после вступления Казахстана в ВТО. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает складывающаяся ситуация с общим рынком мяса, мясных изделий и рыбной продукции в ЕАЭС, который, безусловно, является одним из важнейших секторов продовольственного рынка для любой национальной экономики (таблица 26).

Таблица 26 – «Связывание» ставок ввозных таможенных пошлин на продовольственные товары в Казахстане соответствии с условиями вступления в ВТО

Перечень товаров	Действующий уровень тарифной защиты в рамках ЕТТ ЕАЭС	Уровень «связывания» ставок таможенных пошлин в Республике Казахстан	
		первоначальный	итоговый
Свинина	- вне квоты – 65%; - внутри квоты – 0%; - с 2020 г. – 25%	30%	С 2020 г. – 25%
Мясо птицы	- вне квоты – 80%, но не менее 0,7 евро за 1 кг; - внутри квоты – 25%, но не менее 0,2 евро за 1 кг; - в случае отмены квоты – 37,5%	- вне квоты – 55%; - внутри квоты – 15%	- вне квоты – 40%, но не менее 0,65 евро за 1 кг; - с 2020 г. внутри квоты – 15%
Рыба и морепродукты	0-18%	0-15%	С 2020 г. – 0%
Примечание – Составлено автором по: [6; 42; 209; 272; 364; 365].			

Массированный рост поставок в Казахстан санкционной американской продукции – куриных окорочков (у США квота 140 тыс. т продукции при общей квоте в 170 тыс. т в год) под более льготную ставку в рамках квоты (15% по сравнению с 25% в рамках российской квоты) и с учетом действующего в России эмбарго на американское мясо птицы, позволяет серьезно задумываться, как о возможностях прямого реэкспорта данного товара в Россию, так и, что более вероятно, переработки дешевого и не очень качественного американского сырья, превращения его из иностранного товара в товар Евразийского экономического союза и уже дальнейший экспорт в Россию без каких-либо таможенных ограничений.

Подобная ситуация складывается сейчас и сухим молоком, которое поставляется в Казахстан из США и других стран, находящихся под санкциями в России, затем перерабатывается в готовую продукцию (оно может использоваться, например, при изготовлении колбасных изделий) и поставляется уже как товар Евразийского экономического союза на территорию России.

Потенциал льготных ставок ввозных таможенных пошлин Казахстана, полученных после вступления в ВТО, значительно усиливает и налоговая политика данной страны, так как ставка НДС здесь находится на уровне 12%, тогда как в России, базовая ставка НДС с 1 января 2019 г. увеличена до 20%. НДС платится с ввозной таможенной пошлины и является элементом совокупного таможенного платежа, а значит, оказывает значительное влияние на экономическую эффективность импорта сельскохозяйственного сырья для последующей переработки на таможенной территории отдельных стран – участниц евразийской агропродовольственной системы при наличии общего рынка для последующего обращения полученной в ходе переработки готовой продукции.

Наличие у Казахстана возможностей для использования более льготных ставок таможенных пошлин на своей территории вразрез с действующим единым таможенным тарифом Евразийского экономического союза, создает экономико-правовое изъятие, которое является мощным катализатором формирования рассмотренного в диссертационной работе таможенного эффекта, оказывающего

серьезное дестабилизирующее влияние на формирование и развитие агропродовольственного сектора экономики России и национального АПК в евразийской агропродовольственной системе, нарушающего механизм реализации справедливой конкуренции между субъектами стран Евразийского экономического союза, в том числе равных условий доступа на общий аграрный рынок, замедляющего процессы начатого в России импортозамещения и экспорторасширения в сельском хозяйстве.

Экономико-правовые изъятия, сформированные по результатам присоединения Киргизии и Армении к Евразийскому экономическому союзу, способствуют формированию таможенных эффектов, которые схожи с таможенными эффектами, возникшими по Казахстану. Потенциал их негативного влияния на агропродовольственный сектор экономики России и национальный АПК гораздо меньше, нежели по Республике Казахстан, но он имеет место быть и, безусловно, требует учета при реализации механизма государственного регулирования АПК России в евразийской агропродовольственной системе.

Отдельным и очень серьезным вопросом для стабильной и эффективной работы формирующейся евразийской агропродовольственной системы является присоединение Республики Беларусь к ВТО. Пока масштабы изъятий, которые обязательно возникнут по причине расхождения тарифных обязательств этой страны после вступления в ВТО с действующими ставками ЕТТ ЕАЭС, предугадать сложно, так как результаты переговоров не ясны. Учитывая выраженный аграрный уклад экономики, аграрную экспортную специализацию на целевом и емком продовольственном рынке России, вступление Белоруссии как страны – члена ЕАЭС в ВТО окажет серьезные и долгосрочные последствия для агропродовольственного сектора экономики России и национального АПК. Обязательно возникнут таможенные эффекты, аналогичные ситуации с Казахстаном, но, по нашему мнению, еще более деструктивные для российских сельхозпроизводителей. Здесь возможно появление как схем прямого реэкспорта в Россию иностранных товаров АПК после уплаты более низких ставок ввозных таможенных пошлин в Беларуси, так и появление ценовых преимуществ у

национальных белорусских производителей и переработчиков от экспорта аграрных товаров в Россию, произведенных или подвергнутых переработке на территории Республики Беларусь с помощью сельскохозяйственного сырья, ввезенного по ставкам таможенных пошлин более низким, чем ставки пошлин ЕТТ ЕАЭС.

3.3 Разработка алгоритма сокращения негативного воздействия таможенного эффекта реэкспорта санкционной агропродукции и продовольствия на эффективность политики опережающего импортозамещения в агропродовольственном секторе

Одним из наиболее резонансных таможенных эффектов на агропродовольственном рынке России, возникших в последние несколько лет, является «результат трансформации таможенного регулирования под действием санкционной политики, проводимой на национальном уровне (Россия) в условиях реализации принципов единства таможенной территории в рамках Евразийского экономического союза. Если говорить проще, то это определенный результат от «продуктового конфликта» между Россией и, прежде всего, Белоруссией (другие страны ЕАЭС в этом конфликте также участвуют, но в гораздо меньших масштабах) из-за реэкспорта санкционного продовольствия» [149, с. 72].

С точки зрения понятийного аппарата, уместно говорить не о санкционной политике, а о контрсанкционных мерах, которые Россия была вынуждена ввести в ответ на недружественные действия по отношению к нашей стране рядом государств, таких как США, Австралия, Новая Зеландия Канада, страны ЕС.

«Решение о продовольственном эмбарго было принято на основании постановления Правительства Российской Федерации от 7 августа 2014 г. № 778 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 г. № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» [31; 13]. Под запрет к ввозу на территорию России попал достаточно обширный перечень товаров групп 02, 03,

04, 07, 08, 16, 19, 21, 25 ТН ВЭД ЕАЭС, если страной их происхождения выступают такие страны, как Соединенные Штаты Америки, страны Европейского союза, Канада, Австралия, Королевство Норвегия, Украина, Республика Албания, Черногория, Республика Исландия и Княжество Лихтенштейн» [149, с. 72].

Указами Президента Российской Федерации, действие эмбарго на сельскохозяйственные товары и продовольствие, происходящие из отмеченных выше стран, неоднократно продлялось. Это происходило 24 июня 2015 г., 29 июня 2016 г., 30 июня 2017 г., 12 июля 2018 г. и пока последний раз – 24 июня 2019 г. Указом Президента Российской Федерации № 293 от 24 июня 2019 г., действие отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации продлено с 1 января 2020 г. по 31 декабря 2020 г. [35].

На основании постановления Правительства РФ от 30 ноября 2015 г. № 1296 (ред. от 26 октября 2017 г., с изм. от 20 марта 2018 г.) «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 ноября 2015 г. № 583 «О мерах по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации и защите граждан Российской Федерации от преступных и иных противоправных действий и о применении специальных экономических мер в отношении Турецкой Республики» под агропродовольственное эмбарго попадала также Турция, однако полный запрет на поставки широкого спектра товаров (томаты, свежие или охлажденные; огурцы и корнишоны, свежие или охлажденные; яблоки, свежие; груши, свежие и др.) постепенно был снят с самой активной фазой в 2016-2018 гг. [14; 32]. По состоянию на 2019 г. в перечне товаров, запрещенных к ввозу на территорию Российской Федерации из Турецкой Республики, остались только томаты свежие или охлажденные, код ТН ВЭД ЕАЭС – 0702 00 000[1].

«В последние несколько лет Белоруссия превратилась в главного бенефициара введенного Россией эмбарго на поставки сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия из отдельных стран и регионов мира. Одной из причин сложившейся ситуации является таможенный эффект, связанный с

[1] За исключением товаров, ввозимых в пределах утвержденного Министерством сельского хозяйства Российской Федерации разрешенного объема ввоза указанных товаров.

механизмом реализации Россией санкционной политики на национальном уровне в условиях, когда таможенные границы между странами, участвующими в Евразийской интеграции, являются условными и таможенного контроля на внутренних границах партнеров по Евразийскому проекту не предусматривают.

До 2014 г. проблем, связанных с таможенной политикой и ее влиянием на национальные интересы стран Таможенного союза ЕврАзЭС в сфере АПК, действительно было не очень много, а если эти проблемы и давали о себе знать, они были, в первую очередь техническими, нежели системными. Когда появилось первое Постановление Правительства Российской Федерации от 7 августа 2014 г. № 778, ставшее отправной точкой в затяжном конфликте интересов на аграрном рынке ЕАЭС между Россией и Белоруссией, Евразийский интеграционный проект прошел уже через несколько этапов, включая формирование единой таможенной территории, появление единого таможенного тарифа и единой товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности [150, с. 27].

«Отмеченное выше Постановление Правительства Российской Федерации установило новые правила игры при импорте продовольственной продукции и стало ответом России на недружественные шаги по отношению к нашей стране западных партнеров. Данным документом был предусмотрен запрет на ввоз сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, страной происхождения которых являются государства, попавшие в санкционный список. При этом Россия через данный документ, отдельно выделила вектор на повышение своей собственной продовольственной безопасности и начало реализации масштабного импортозамещения в сфере АПК. И подобная ситуация не стала бы катализатором системных проблем на аграрном рынке ЕАЭС по причине использования такого инструмента торговой политики, как эмбарго, если бы не одно очень важное обстоятельство. Государства, участвующие в евразийском интеграционном проекте, не поддержали это неоднозначное решение России о продовольственных санкциях, в то время как таможенный контроль внутри ЕАЭС был практически полностью убран» [150, с. 28].

Результатом принятого Россией решения об изменении механизмов государственного регулирования своего агропродовольственного рынка через такой исключительно жесткий инструмент торговой политики, к которому страны прибегают обычно в самых крайних случаях, как эмбарго, стала трансформация цепей поставок санкционной продукции в Россию с внедрением разнообразных схем реэкспорта европейских сельскохозяйственных товаров и продовольствия через наших партнеров по ЕАЭС. Данный таможенный эффект сразу стал катализатором для торговых эффектов, когда мы можем видеть по отдельным странам евразийской агропродовольственной системы сверхвысокие темпы роста поставок сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на российский рынок (таблица 27).

Таблица 27 – Экспорт плодоовощной продукции из Белоруссии в Россию, тыс. т

Продукция АПК в соответствии с кодами HS6 (Гармонизированная система описания и кодирования товаров в шестой редакции, действующая с 1 января 2017 г.)	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2017 к 2016, %
Группа 07 – Овощи и некоторые съедобные корнеплоды и клубнеплоды							
0701 – Картофель, свежий или охлажденный	5,0	14,3	20,5	21,5	39,7	56,5	1 130,0
0702 – Томаты, свежие или охлажденные	16,5	47,1	**68,5**	40,5	**81,2**	51,2	310,3
0704 – Капуста кочанная, капуста цветная, кольраби, капуста листовая и аналогичные съедобные овощи из рода *Brassica*, свежие или охлажденные	2,2	5,1	**31,1**	6,8	**22,6**	22,7	1 031,8
0705 – Салат-латук (*Lactuca sativa*) и цикорий (*Cichorium spp.*), свежие или охлажденные	0,03	0,2	2,6	0,05	**11,3**	0,4	1 333,3
0706 – Морковь, репа, свекла столовая, козлобородник, сельдерей корневой, редис и прочие аналогичные съедобные корнеплоды, свежие или охлажденные	8,9	22,6	32,8	20,4	29,0	44,8	503,4
0707 – Огурцы и корнишоны, свежие или охлажденные	6,5	13,2	**22,0**	19,7	**24,3**	26,0	400,0
Группа 08 – Съедобные фрукты и орехи; кожура цитрусовых плодов или корки дынь							
0805 – Цитрусовые плоды, свежие или сушеные	2,1	10,4	**12,0**	0,3	**16,4**	0,1	4,8
0806 – Виноград, свежий или сушеный	1,4	10,9	9,9	0,9	**14,7**	0,3	21,4
0808 – Яблоки, груши и айва, свежие	29,6	88,4	**222,0**	41,7	**191,1**	15,9	53,7
0809 – Абрикосы, вишня и черешня, персики (включая нектарины), сливы и терн, свежие	1,7	20,7	**35,4**	2,4	**109,0**	9,1	535,3
0810 – Прочие фрукты, свежие (земляника (клубника), малина, ежевика, хурма и др.)	1,7	12,8	**20,0**	2,3	**41,4**	4,6	270,6
Примечание – Составлено автором по: [391].							

«Взрывной рост поставок плодоовощной продукции (коды 07 и 08 ТН ВЭД ЕАЭС) из Белоруссии (в меньшей степени других стран – членов ЕАЭС) в Россию особенно в 2014 г. (время начала полноформатного действия аграрных санкций против ЕС и группы других государств) и в 2016 г. (начало действия аграрных санкций против Турции) позволяет констатировать значительное усиление аграрного экспортного потенциала партнеров России по евразийской агропродовольственной системе, при этом, во многом этот потенциал объясняется технологическими возможностями разнообразных схем реэкспорта санкционной продукции в условиях единства таможенной территории, когда таможенный контроль между границами стран – членов евразийской агропродовольственной системы отсутствует или сведен к минимуму. В 2015-2018 гг. России пришлось в срочном порядке восстанавливать механизмы контроля на своих границах с Белоруссией и Казахстаном, так как санкционная политика реализуется только Россией и остальными странами ЕАЭС продовольственные санкции не поддержаны. Сейчас ФТС России, Пограничной службой ФСБ России и Россельхознадзором на постоянной основе применяется многоконтурная схема различных проверочных мероприятий» [149, с. 73].

Этот комплекс проверочных мероприятий направлен «на недопущение фактов ввоза и реализации на территории Российской Федерации санкционных товаров. Для контроля за соблюдением запретов и ограничений на ввоз таких товаров ФТС России сформированы мобильные группы. Они осуществляют контроль с ноября 2015 г. в непосредственной близости с белорусско-российской и российско-казахской границ. Следует особо отметить, что как только товар попадает на территорию Белоруссии, он становится товаром ЕАЭС и может свободно обращаться на территории входящих в него стран. Если маркировка страны происхождения на товаре перебита или переклеена, доказать, откуда он прибыл на самом деле, практически невозможно. Экспертиза может определить регион происхождения, но к нему могут относиться сразу несколько стран, в том числе не попавшие под эмбарго» [149, с. 73].

Особое беспокойство вызывает тот факт, что многими хозяйствующими субъектами в странах – членах ЕАЭС (непосредственными поставщиками и посредниками, отвечающими за перемещение санкционной продукции в Россию) за период с 2014 г. по настоящее время внедряются все более сложные схемы доставки с использованием многоуровневых цепей поставок: ЕС – Белоруссия – Россия, ЕС – Белоруссия – Казахстан – Россия, ЕС – Казахстан – Россия, ЕС – Киргизия – Россия и других».

Безусловно, такая противоречивая ситуация с механизмом реализации контрсанкционных мер в евразийской агропродовольственной системе, сегодня в значительной степени сдерживает мощный национальный потенциал ускоренной политики импортозамещения в АПК России, а затем и экспорторасширения, серьезно сокращает ее эффективность и увеличивает срок по достижению установленных в России целевых показателей развития производства сельскохозяйственной продукции, ее реализации на внутреннем и внешнем рынках, сдерживает достижение ряда целевых индикаторов по продовольственной независимости и безопасности, способствует значительному росту потребностей в дополнительных финансовых ресурсах хозяйствующих субъектов при реализации капиталоемких инвестиционных проектов в сфере импортозамещения сельскохозяйственной продукции и менее эффективному расходованию бюджетных средств.

Таким образом, в настоящее время существует «очень серьезный вопрос, на который есть много ответов, но одного и, вероятно, единственно правильного быть просто не может. Вопрос этот заключается в следующем: Каким образом эффективно реализовать санкционную политику на национальном уровне и стоит ли ее реализовывать на национальном уровне в условиях отсутствия таможенных границ между участниками ЕАЭС и поддержки этой политики со стороны остальных членов ЕАЭС?

Отвечая на данный вопрос, мы должны помнить и о том, что в ЕАЭС принята концепция согласованной агропромышленной политики на основании решения Высшего Евразийского экономического совета на уровне глав

государств от 29 мая 2013 г. № 35. Эта концепция предусматривает, в том числе, решение следующих задач на аграрном рынке ЕАЭС:

- сбалансированное развитие производства и рынков сельскохозяйственной продукции и продовольствия;

- обеспечение справедливой конкуренции между субъектами стран Евразийского экономического союза, в том числе равных условий доступа на общий аграрный рынок;

- защита интересов производителей стран Евразийского экономического союза на внутреннем и внешнем рынках.

Каким образом решить эти задачи, если вопрос санкционной политики решается на национальном уровне, а задачи, поставленные концепцией, затрагивают межгосударственный уровень? В этих условиях вопрос, сформулированный выше, становится еще более сложным, комплексным по своему характеру и многовариантным по своим ответам» [150, с. 28].

«С одной стороны, сейчас наше государство нуждается в усилении своей продовольственной безопасности и продовольственной независимости, а начатая политика импортозамещения под защитой таможенных инструментов и торговых ограничений может быть реализована с максимальной эффективностью. Об этих моментах говорят многие современные исследователи, например, академики РАН А.И. Алтухов [51; 52; 53; 55; 56; 57], Э.Н. Крылатых [165; 159], В.В. Милосердов [185], В.И. Назаренко [201; 197], А.Г. Папцов [88; 201; 226; 227], А.Н. Семин [254; 258; 261; 262], И.Г. Ушачев [274; 277; 278; 285; 289], известные исследователи в области аграрной экономики У.Г. Гусманов, Р.У. Гусманов [108; 109; 110], В.В. Маслова [181; 227; 277; 289], В.С. Чекалин [181; 277; 289], И.М. Донник [113; 114], Б.А. Воронин [96; 113; 114], О.Г. Лоретц [113; 114], Л.Б. Винничек [88], В.А. Кундиус [167; 168], А.Н. Митин [96], В.З. Мазлоев [176; 177], В.А. Клюкач, Н.Д. Аварский, А.Н. Осипов, С.Н. Серегин [138] и мн. др. С другой стороны, в этих условиях евразийский интеграционный проект может сильно пострадать, так как возникает серьезный дисбаланс или даже конфликт интересов между Россией и другими участниками ЕАЭС на общем аграрном рынке» [150, с. 28].

В настоящий период времени можно встретить различные точки зрения об особенностях национальной политики импортозамещения в сфере АПК, ее необходимости, своевременности и значимости, включая диаметрально противоположные. Представители хозяйствующих субъектов, традиционно занятые в сфере импорта продовольствия в Россию, считают эту политику по меньшей мере бесполезной, а в ряде случаев называют ее безоговорочно вредной. Отечественные агропромышленные предприятия, занятые в производстве и реализации сельскохозяйственной продукции и продовольствия являются главной движущей силой политики импортозамещения, ее фундаментом и, безусловно, самыми ярыми сторонниками. Среди потребителей продовольствия в России точки зрения на проводимое в национальном АПК импортозамещение расходятся. Основное недовольство можно встретить, когда речь заходит об увеличении цен, вызванных по мнению потребителей, сокращением поставок дешевого импортного продовольствия и неготовностью отечественного производителя быстро заполнить освободившиеся ниши аналогичными дешевыми отечественными товарами. При всем многообразии имеющихся точек зрения и аргументов в их защиту, автору диссертационного исследования очень близок научный взгляд и рассуждения академика РАН И.Г. Ушачева по данному вопросу: «Влияние внешних факторов на еще не окрепшую и во многом зависимую от внешних условий экономику, а также внутриэкономические проблемы существенно ограничивают возможности по переходу на модель инновационного развития, повышения конкурентоспособности в изменяющемся мире.

В связи с этим одной из проблем современной России стала неоправданно высокая доля импорта на продовольственном рынке, которая оказывает негативное воздействие как на экономику страны в целом, отвлекая огромные финансовые ресурсы для развития отечественной экономики, так и сужая ниши внутреннего рынка для отечественных сельскохозяйственных товаропроизводителей, ограничивая их возможности для динамичного развития.

При этом сущность сложившегося положения состоит не в том, чтобы полностью отказаться от импорта. Это привело бы как к нарушению сложившихся

и перспективных торговых отношений с другими странами, что неприемлемо, так и к существенному снижению «странового» ассортимента, разнообразия, а следовательно, к нарушению принципов и практики функционирования мирового и регионального рынков.

В то же время перекос на рынке в сторону импорта, помимо приведенных положений, формирует особую форму зависимости от внешнего мира, создание возможностей использования этого фактора в качестве средства давления на государственность, суверенитет, экономику, а следовательно, и социальное положение населения.

Возможно, об этом и не стоило говорить, если бы не было (правда, в меньшей мере) в нашем научном сообществе точки зрения, которая исходит из модели глобализации экономик, рынков и других институтов межстрановых отношений.

В частности, обосновывается позиция о безальтернативности глобализации, невозможности осуществлять национальные преобразования вопреки глобальным трендам, о необходимости России лишь адаптироваться к глобальным тенденциям.

Отсюда порой делается вывод о том, что импортозамещение – это не наш путь, и существуют общие законы рынка, которые предполагают свободное перемещение технологий, продукции, услуг и все определяется их ценовой конкурентоспособностью» [278, с. 14-15].

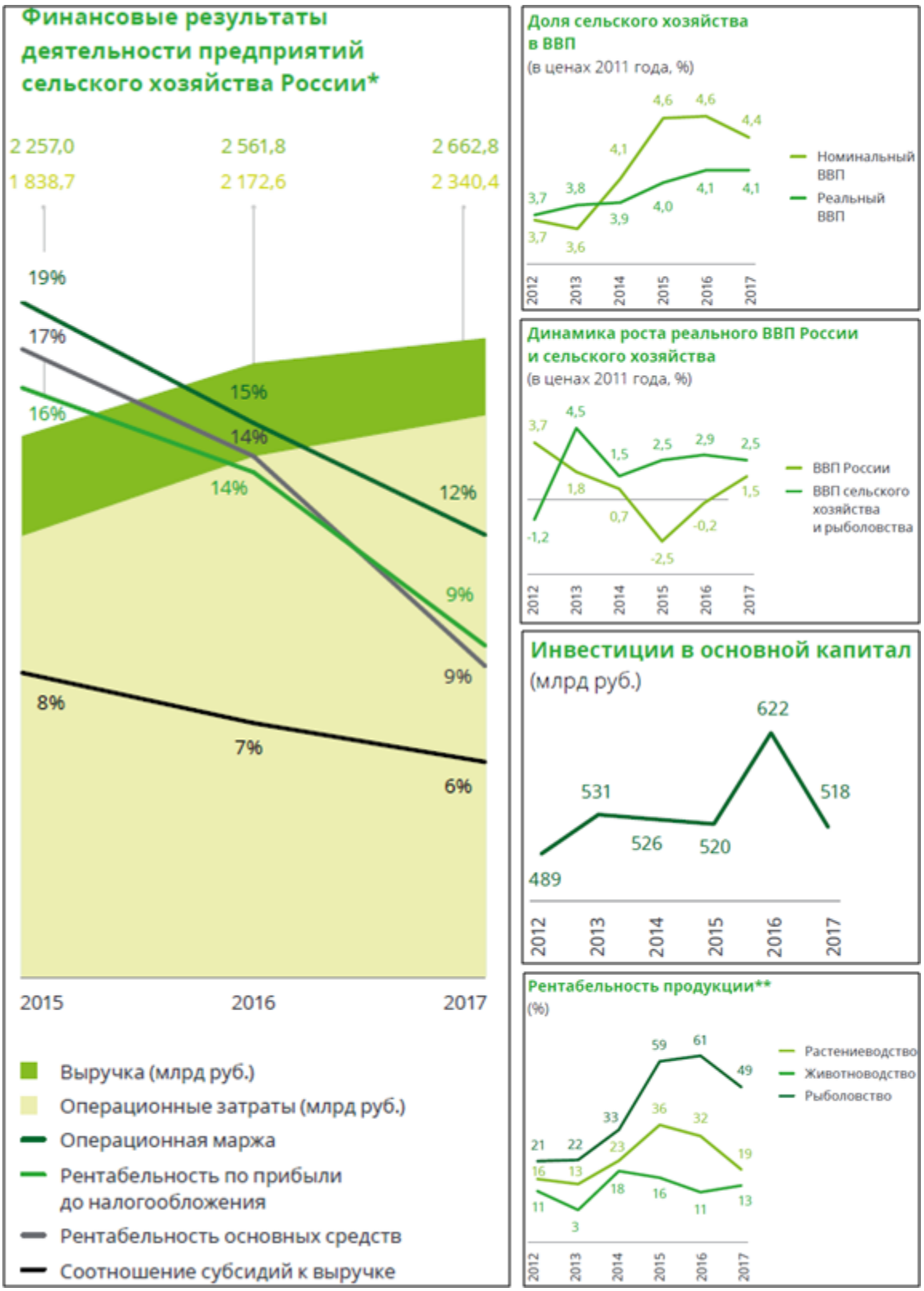
Эта точка зрения достаточно кратко, но предельно емко и по существу дает обоснование значимости проводимой политики импортозамещения на современном этапе развития нашей страны, подчеркивает ее необходимость и своевременность для отечественной экономики в целом и АПК, агропродовольственного сектора как неотъемлемых элементов сильной экономики любого государства в частности. Кроме того, данная точка зрения полностью совпадает с положениями указа Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»: «Главными стратегическими угрозами национальной безопасности в области экономики являются ее низкая конкурентоспособность, сохранение экспортно-

сырьевой модели развития и высокая зависимость от внешнеэкономической конъюнктуры… В целях противодействия угрозам экономической безопасности органы государственной власти и органы местного самоуправления во взаимодействии с институтами гражданского общества реализуют государственную социально-экономическую политику, предусматривающую: осуществление рационального импортозамещения, снижение критической зависимости от зарубежных технологий и промышленной продукции, ускоренное развитие агропромышленного комплекса и фармацевтической промышленности» [33].

Ситуация в отечественном АПК, с учетом положений, отмеченных выше, выглядит сегодня стабильной, без серьезных негативных тенденций в ключевых макроэкономических и финансовых показателях (рисунок 25).

Доля сельского хозяйства в национальном ВВП в реальном выражении на протяжении последних лет колеблется около 4%, в 2017 г. относительно 2016 г. оставаясь без изменений, но постепенно увеличиваясь с 3,7% в 2012 г. до 3,9% в 2014 г. (отправная точка в реализации политики импортозамещения в АПК после введения агропродовольственного эмбарго) и затем до 4,1% в 2017 г. [214, с. 10].

Один из значительных положительных трендов в развитии АПК России – рост ВВП сельского хозяйства и рыболовства значительно опережающими темпами по сравнению с динамикой реального ВВП страны. Если реальный ВВП в 2015-2016 гг. не имел прироста вообще, то ВВП сельского хозяйства и рыболовства продемонстрировал динамику в 2,5 и 2,9% в 2015 и 2016 гг. соответственно. Это очень высокие темпы, которые во многом могут быть объяснены последствиями торговой защиты внутреннего рынка (введение эмбарго импортного продовольствия) и активизацией деятельности сельхозпроизводителей в России. В 2017 г. в сфере АПК темпы роста ВВП оставались очень высокими относительно темпов роста ВВП по национальной экономике в целом – 2,5% против 1,5% [214, с. 10].



Примечание – Составлено автором по: [214].

* Исследовательский центр компании «Делойт» в СНГ (анализ на основе данных «СПАРК-Интерфакс»).

** Отношение прибыли (убытка) от продаж к затратам на производство проданных товаров, продукции, работ, услуг.

Рисунок 25 – Ключевые макроэкономические и финансовые показатели АПК России

«Сальдированный финансовый результат предприятий в сфере АПК в 2017 г. составил 272,9 млрд р. (против 349,5 млрд р. в 2016 г.). Значительно снизились прибыли компаний сферы растениеводства, что в основном было связано с падением цен на продукцию растениеводства в 2017 г. из-за рекордного урожая. В компаниях сфер животноводства и рыболовства результаты практически не изменились» [214, с. 12]. Следует отметить, что по данным Росстата, в 2018 г. индекс производства продукции сельского хозяйства (в сопоставимых ценах) в хозяйствах всех категорий составил 99,4%, впервые сократившись с 2012 г. При этом консолидированная прибыль до налогообложения (с учетом субсидий) российских предприятий АПК оказалась значительно выше 2017 г. (на 15%) и составила порядка 314 млрд р. (в 2017 г. – 272,9 млрд р.). При этом удельный вес прибыльных хозяйств в общей численности сельскохозяйственных организаций в 2018 г. увеличился на 3,3 п. п. по сравнению с 2017 г. и составил 86% [129, с. 3-4].

В развитии национального сельского хозяйства огромную роль сохраняет субсидирование, которое сегодня является одним из решающих аргументов для начала реализации крупномасштабных инвестиционных проектов (особенно долгосрочных) в АПК. Это обстоятельство имеет огромное значение для бизнеса и управленческих решений, когда необходимо четкое понимание особенностей политики субсидирования на длинных временных горизонтах, определенные гарантии со стороны государства в выполнении своих финансовых обязательств на каждом шаге инвестиционного проекта в течение всего срока его реализации. Рентабельность сельскохозяйственных организаций (с учетом субсидий) в 2018 г. составляет порядка 13%, что ниже целевого показателя (15%). Однако рентабельность по 2018 г. значительно превосходит показатели 2017 г. Без учета субсидий рентабельность составит 8,1% против 5,3% в 2017 г. [129, с. 4].

В связи с отмеченными выше обстоятельствами крайне своевременным представляется дальнейшее совершенствование практики инвестиционного кредитования АПК, когда «осуществляется возмещение части затрат на уплату процентов по инвестиционным кредитам в области растениеводства,

животноводства, молочного и мясного скотоводства. В 2018 г. механизм возмещения процентной ставки по инвестиционным кредитам в АПК переведен с субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на иные межбюджетные трансферты, позволяющий не учитывать предельные уровни софинансирования по субъектам Российской Федерации и, таким образом, реализовывать указанную меру господдержки более эффективно, позволяя субъектам Российской Федерации самостоятельно определять размер финансирования исходя из бюджетной обеспеченности конкретного субъекта Российской Федерации. Всего в рамках указанной меры господдержки по итогам 2018 г. Минсельхозом России просубсидировано 14 489 инвестиционных кредитов, остаток ссудной задолженности по которым составил 547,7 млрд р. по состоянию на 1 января 2019 г. Наибольший объем субсидируемых инвестиционных кредитов составляют кредиты по направлениям «свиноводство» (22,4% общего объема кредитов и 18,6% в общем объеме остатка ссудной задолженности по субсидируемым инвестиционным кредитам), «птицеводство» (17,9 и 15,1% соответственно), «техническая и технологическая модернизация» (15,9 и 13,1% соответственно) [129, с. 17-18].

В сельском хозяйстве России за последние несколько лет значительно усилена работа в рамках поддержки по возмещению прямых понесенных затрат на создание и (или) модернизацию объектов АПК. В 2018 г. «131 инвестиционный проект признан соответствующим критериям отбора на общую сумму иных межбюджетных трансфертов 13,6 млрд р. по следующим направлениям:

- «молочные комплексы» – 61 инвестиционный проект общей мощностью 84,5 тыс. скотомест (на общую сумму межбюджетных трансфертов 5,9 млрд р.);

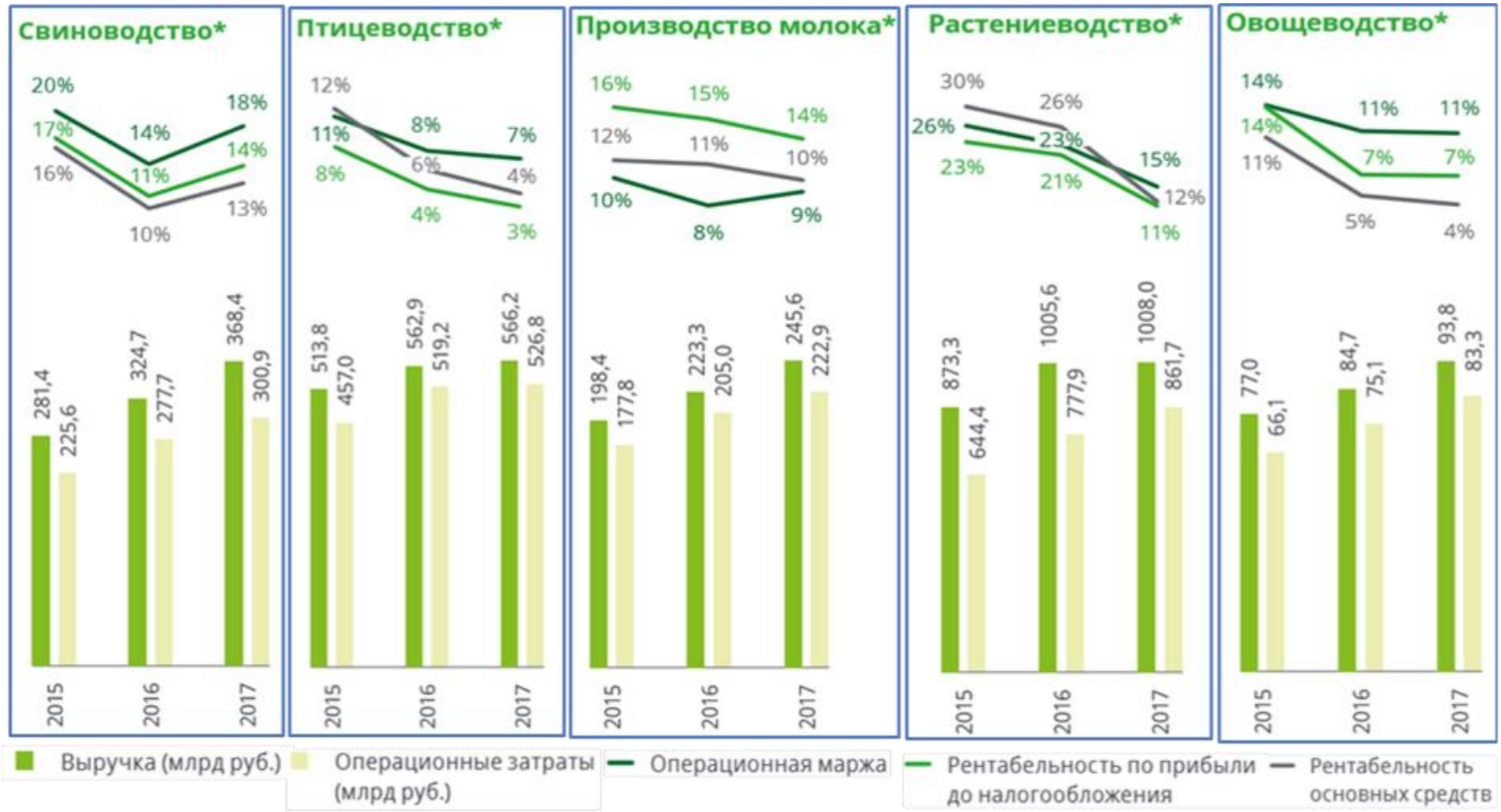
- «тепличные комплексы» – 40 инвестиционных проектов общей площадью 419 гектар (на общую сумму иных межбюджетных трансфертов 7,1 млрд р.);

- «хранилища» – 30 инвестиционных проектов общей мощностью 161 тыс. т единовременного хранения (на общую сумму иных межбюджетных трансфертов 0,6 млрд р.» [129, с. 19].

Следует особенно подчеркнуть, что эффективность крупномасштабных инвестиционных вложений по направлениям «тепличные комплексы» и «хранилища», осуществляемым с использованием бюджетных средств, будет определяться в том числе ситуацией с реэкспортом санкционной продукции (где самые большие сложности возникают именно по растениеводству – овощеводство, плодоводство) из Европейского союза в Россию с использованием посреднических схем наших партнеров по ЕАЭС.

Эффективность контрсанкций России в условиях имеющихся проблем с реэкспортом санкционной продукции может быть значительно снижена, а это в свою очередь негативно отразится на экономических и финансовых показателях национального АПК и особенно затронет интересы предприятий, представленных в таких отраслях растениеводства, как плодоводство и овощеводство, существенно увеличит сроки окупаемости инвестиционных проектов по данному, очень важному направлению развития сельского хозяйства России.

Кроме того, реэкспорт санкционной продукции из ЕС, особенно в первые годы после начала реализации политики импортозамещения, оказывал значительное негативное влияние на текущие финансовые показатели предприятий, занятых в сфере овощеводства и плодоводства, что находило свое отражение в снижении финансовых показателях всего растениеводства, как одной из ключевых отраслей сельского хозяйства России, участвующих в процессах импортозамещения (рисунок 26). Безусловно, этот фактор нельзя преувеличивать, так как на показатели рентабельности по прибыли до налогообложения в растениеводстве, значительно влияют ценовая конъюнктура по ключевым зерновым культурам, занимающим центральное место в этой отрасли национального сельского хозяйства, и ситуация с погектарным субсидированием, имеющим тенденцию к сокращению.



Примечание – Составлено автором по: [214].

Рисунок 26 – Финансовые показатели предприятий АПК России в отдельных отраслях, реализующих политику импортозамещения

Однако сохраняющаяся на потребительском рынке России «скрытая» конкуренция с санкционными продовольственными товарами, продолжающими присутствовать в евразийской товаропроводящей системе и попадающими в Россию в результате разнообразных изощренных схем, приводит к сокращению выручки национальных производителей фруктов и овощей, что при опережающем росте операционных затрат способствует постепенному снижению рентабельности всей отрасли. Плодоводство и овощеводство продолжают сохранять рентабельность по прибыли до налогообложения сравнительно более низкую, нежели растениеводство в целом, оставаясь очень рискованными для инвесторов.

Необходимо отметить, что за период с 2015 г., когда государство приняло стратегическое решение о начале реализации политики импортозамещения, были значительно улучшены показатели продовольственной безопасности. «По оценке Минсельхоза России, в 2018 г. достигнуты показатели Доктрины продовольственной безопасности РФ по зерну, маслу растительному, сахару, мясу и мясопродуктам [30]. Удельный вес отечественной рыбной и иной продукции из водных биоресурсов также достиг установленного Доктриной значения, однако в части продукции аквакультуры уровень импортозамещения недостаточный. Вместе с тем удельный вес российского молока и молокопродуктов, картофеля в общем объеме потребления ниже пороговых значений Доктрины. Также по ряду позиций, таких как, например, овощи и фрукты, яйцо, мясо говядины, уровень самообеспеченности нашей страны пока еще недостаточно высок. Кроме того, уровень потребления отдельных видов продуктов питания для значительной части населения остается существенно ниже рекомендованных рациональных медицинских норм» [47].

«По оценкам экспертов, действующая Доктрина продовольственной безопасности, утвержденная в 2010 г., нуждается в обновлении, в том числе с учетом изменения внешних и внутренних условий хозяйствования. В качестве примера можно привести отсутствие в Доктрине контрольных значений самообеспеченности овощной и плодово-ягодной продукцией – являющихся одними из ключевых продуктов, составляющих продовольственную корзину.

Понятие продовольственной безопасности должно включать не только показатели самообеспеченности пищевой продукцией, но и развития собственного производства материально-технических ресурсов для АПК, где сегодня сохраняется значительная зависимость от импорта.

Так, обеспечение продовольственной безопасности страны, а также достижение плановых значений целевых индикаторов Госпрограммы в АПК напрямую зависят от технической и технологической модернизации, наличия отечественной конкурентоспособной базы племенного животноводства, развития селекции и семеноводства.

Потребности сельскохозяйственных товаропроизводителей в высококлассном племенном молодняке крупного рогатого скота молочного и мясного направления обеспечены как за счет отечественной репродукции, так и за счет импорта. Однако следует отметить, что, несмотря на имеющиеся положительные показатели по производству мяса птицы, а также свинины, доля использования импортного племенного материала в виде исходных форм по данным направлениям животноводства остается очень высокой.

Сохраняется импортозависимость и в обеспечении АПК семенами. Доля импортных семян в высеве 2018 г. составила по ряду сельскохозяйственных культур более 50%: сахарной свекле, овощам, подсолнечнику, картофелю. Также, велика импортозависимость по кукурузе, рапсу и сое» [47].

Действительно, многие отрасли сельского хозяйства России за последние несколько лет прошли очень серьезный путь импортозамещения. Например, такая важная отрасль животноводства, как свиноводство, за десять лет в период с 2005 по 2015 г. сократило зависимость по племенному материалу с 95 до 10%, при использовании комбикормов, по премиксам, доля импорта за аналогичный период времени снизилась с 80 до 10%, серьезно сократилась доля импортных строительных материалов и конструкций, используемых для убоя и переработки скота (с 35 до 10%). Здесь можно наблюдать значительные улучшения в развитии собственного производства материально-технических ресурсов для свиноводства, как одной из ключевых отраслей сельского хозяйства России. Однако

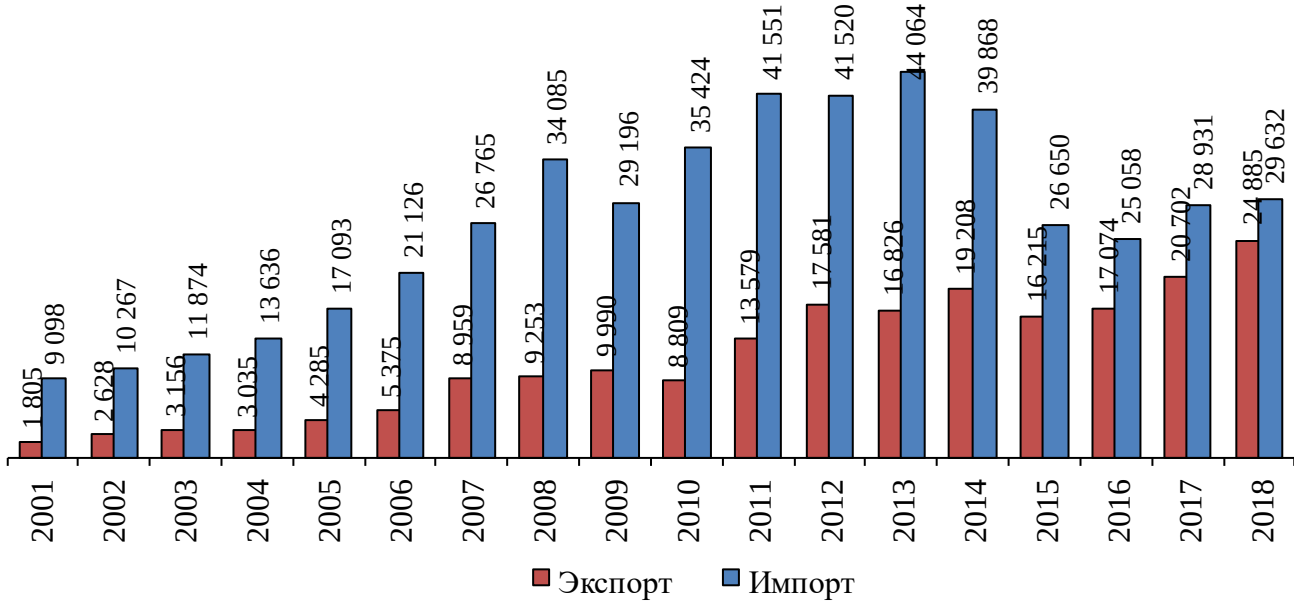
сохраняются существенные трудности с ускоренным импортозамещением по ветеринарным препаратам, где доля импорта, сократившись за 10 лет на 40%, остается достаточно высокой, достигая 50%, а по вакцинам и ряду значимых биопрепаратов, применяемых в свиноводстве, составляет около 70%. Очень медленно меняется ситуация с использованием в свиноводстве таких импортных компонентов комбикормов, как витамины и аминокислоты (рисунок 27).

Безусловно, ситуация по разным отраслям сельского хозяйства России, связанных с процессами импортозамещения, различается. Однако если посмотреть на приложения Л, М, Н, П, то можно увидеть серьезную положительную динамику в большинстве сегментов национального АПК, где наблюдается стабильное увеличение производства основных видов импортозамещающих пищевых продуктов, уверенное сокращение доли импортируемого Россией продовольствия и негативного торгового сальдо по ключевым продуктам питания.

Если консолидировать данную информацию, то следует обратить внимание на то, что «в январе – июне 2019 г. из стран, в отношении которых действует эмбарго, было ввезено продуктов питания на сумму 226,5 млн долл., тогда как за аналогичный период 2013 г. – 4,975 млрд долл. (падение стоимости импорта почти в 22 раза). Всего же в 2013 г. (последнем, когда продовольственный импорт в РФ не подпадал под ограничения) из стран, попавших под действие эмбарго, было ввезено продовольствия на сумму более 9,058 млрд долл.» [152].

«Общий объем продовольственного импорта, как видим, был ещё более масштабным, превышая на пике 44 млрд долл. США (рисунок 28). Однако на рисунке 28 просматривается даже более значимый результат эмбарго. Негативное сальдо торговли продовольствием в 2013 г. составляло 27,24 млрд долл. США. Спустя всего 5 лет его удалось уменьшить до 4,777 млрд, т.е. более чем на 22,4 млрд долл. США. И пусть даже на этом графике часть ввозимого в РФ продовольствия просто перестала отражаться (оно ввозится контрабандой), рост экспорта более чем на 8 млрд долл. за 5 лет это не отменяет. Более того, при сохранении текущей динамики экспортные поставки продовольствия могут превысить импортные поставки уже в 2020 г.» [152].

Рисунок 27 – Импортозависимость и ее динамика на примере отрасли свиноводства [132]



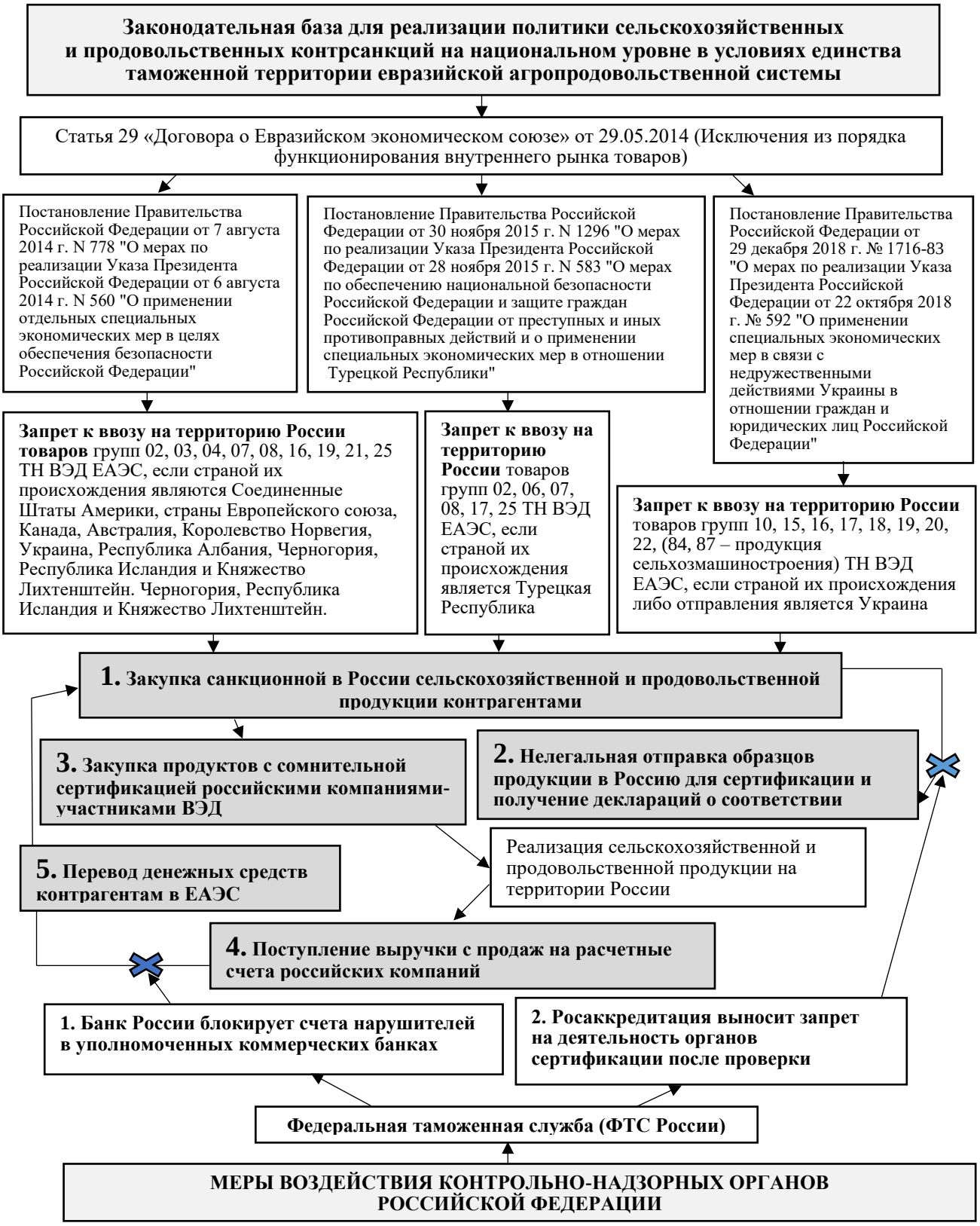
Примечание – Составлено автором по: [67; 152].

Рисунок 28 – Динамика стоимостных показателей российского импорта и экспорта сельскохозяйственного сырья и продовольствия в 2001-2018 гг., млрд долл. США

Как уже подчеркивалось в диссертационной работе, представленные показатели по импортозамещению могли бы быть еще лучше и достигнуты быстрее, если бы не серьезный противодействующий таможенный эффект.

Таможенный эффект продовольственных контрсанкций, проявляющий себя в организации посреднических схем реэкспорта санкционной продукции с использованием многоуровневых цепей поставок, состоящих из контрагентов стран – членов Евразийского экономического союза, серьезно дестабилизирует процесс аграрного импортозамещения в России, последующего экспорторасширения и остро требует новых инструментов, направленных на изменение государственного регулирования оборота сельскохозяйственной продукции на аграрном рынке страны.

В диссертационном исследовании был разработан следующий алгоритм, определяющий особенности формирования механизма государственного регулирования рыночных отношений в АПК России, воздействие которого направлено на сокращение негативного таможенного эффекта реэкспорта санкционной агропродукции и продовольствия (рисунок 29).



Примечание – Составлено автором [150].

Рисунок 29 – Алгоритм изменения механизма государственного регулирования оборота иностранной сельскохозяйственной продукции и продовольствия на рынке России в интересах ускоренного импортозамещения и экспорторасширения национального АПК

«Если говорить о схеме доставки санкционного продовольствия в Россию через Белоруссию, то по данным разных источников российских контролирующих органов, с августа 2015 г., когда началось уничтожение санкционных продуктов, и до конца 2017 г. было задержано свыше 17 тыс. т контрабандных фруктов и овощей и более 700 т мяса и сыра. Подавляющая часть из этого объема поставок приходится на ключевую тройку юридических лиц, расположенных в Белоруссии: республиканское унитарное предприятие (РУП) «Белтаможсервис», ООО «Газ Венчуре» или ООО «Глобалкастом». Именно эти компании, с которыми сотрудничают около 30 российских активных участников ВЭД, специализируются на ввозе в Белоруссию продукции, которая в России запрещена» [150, с. 28].

В представленном на рисунке 29 алгоритме следует особо отметить этапы номер два и пять, вносящие принципиальные изменения в механизм государственного регулирования оборота иностранной сельскохозяйственной продукции и продовольствия на рынке России в интересах ускоренного импортозамещения национального АПК.

Федеральной таможенной службе как ключевому звену данного механизма следует сконцентрировать свое внимание, прежде всего, на двух главных инструментах, препятствующих реэкспорту санкционных товаров АПК на территорию нашей страны.

В условиях единства таможенной территории и отсутствия полноформатного таможенного контроля на внутренних границах стран – членов Евразийского экономического союза, одним из таких инструментов призвано стать эффективное взаимодействие ФТС России и Банка России, когда по «сомнительным» операциям российских участников ВЭД с поставщиками из Евразийского экономического союза, ЦБ РФ может устанавливать запрет или ограничение на перечисление денежных средств от контрагентов из России своим партнерам в ЕАЭС. При этом под «сомнительными» сделками подразумеваются, в первую очередь, такие поставки, которые были обеспечены «сомнительными» декларациями о соответствии. ФТС России, например, уже осуществляла проверки деклараций о соответствии на поставляемую продукцию у ряда крупных белорусских

предприятий – участников ВЭД, таких как РУП «Белтаможсервис», ООО «Газ Венчуре» и ООО «Глобалкастом». Ряд деклараций был выдан аккредитованными в РФ лабораториями на санкционные продукты, при этом, чтобы данный документ получить, белорусский экспортер должен был поставить в Россию образцы продукции, но это нельзя сделать без нарушения действующего законодательства – значит, документ признается недействительным. При этом обращает на себя внимание и тот факт, что подобные «сомнительные» декларации (в которых присутствуют в том числе товары из санкционного списка) ФТС России выявила и у российских фирм, сотрудничавших с белорусской тройкой поставщиков.

«Сам по себе этот факт не является нарушением, но служит его косвенным признаком, так как позволяет задуматься о том зачем получать документ на товар, который нельзя легально ввозить в Россию. Таким образом, все сделки российских участников ВЭД, которые получали подобные «сомнительные» декларации о соответствии, должны оказаться сейчас под пристальным контролем и детальным анализом со стороны контрольно-надзорных органов РФ, в первую очередь ФТС России и Банка России. Воздействие на этап номер пять рассматриваемого алгоритма реэкспорта санкционной продукции АПК должно позволить если не прекратить полностью поставки такой продукции, то значительно осложнить взаиморасчеты между нарушителями» [150, с. 30].

ФТС России необходимо значительно усилить эффективность взаимодействия и с Росаккредитацией, так как декларации о соответствии выдают уполномоченные организации. Злоупотребления при оформлении этих документов для Росаккредитации могут быть основанием для запрета уполномоченным организациям осуществлять эту деятельность по определенным типам товаров, включая санкционную продукцию АПК. Это решение, в свою очередь, должно повлиять на этап номер два в алгоритме изменения государственного регулирования оборота иностранной сельскохозяйственной продукции и продовольствия на рынке России. Зачастую декларантами в сомнительных декларациях соответствия указываются протоколы испытаний, проведенных в недобросовестных лабораториях, которые в реальности никаких испытаний не

проводили. Если действие аккредитации подобных национальных лабораторий из числа тех, что снабжают сертификатами российских поставщиков и поставщиков из стран Евразийского экономического союза, будет оперативно приостанавливаться Росаккредитацией после соответствующей проверки на основании обращения ФТС России, доступ санкционных товаров на российских рынок по каналам реэкспорта будет сильно затруднен.

«Первые результаты по этому направлению уже есть. Росаккредитацией было установлено, что зачастую декларантами в «сомнительных» декларациях соответствия указывались протоколы испытаний, проведенных в недобросовестных лабораториях, которые в реальности никаких испытаний не проводили. По итогам проверок было прекращено действие аккредитации трех лабораторий из числа тех, что выдавали сертификаты российским и белорусским поставщикам, к которым проявила интерес ФТС России — ООО «Контур-Сертификация», ООО «НПО ФорКаб» и ООО «Градиент». Проверка других причастных к выдаче «сомнительных» деклараций лабораторий еще продолжается» [150, с. 30].

«Необходимо подчеркнуть, что российская сторона долгое время пыталась договориться с белорусскими властями о введении дополнительных мер, которые могли бы сократить количество нелегальных поставок. Россельхознадзор для обеспечения прозрачности поставок растительной продукции неоднократно предлагал белорусской стороне использовать «Аргус-Фито» – электронную систему, разработанную ведомством (позволяет в том числе создать единую базу данных о перемещении подкарантинных грузов и оформлять сопроводительные документы). Но белорусские коллеги отказались от этого, уверяя, что принимают все возможные меры по борьбе с санкционными товарами. Тем не менее снижения поставок запрещенной растительной продукции через Белоруссию не произошло, наоборот объемы серьезно выросли, что свидетельствует о значительном усилении аграрного экспортного потенциала партнера России по ЕАЭС, при этом, во многом этот потенциал объясняется технологическими возможностями реэкспорта санкционной продукции в условиях единства

таможенной территории, когда таможенный контроль между границами стран – членов ЕАЭС отсутствует или сведен к минимуму. Белоруссия также отказалась и от предложения временно осуществлять совместный контроль на внешней границе ЕАЭС» [150, с. 30].

На наш взгляд, очень взвешенную точку зрения, сопряженную с политикой импортозамещения АПК России, которую мы разделяем, высказывает академик РАН Э.Н. Крылатых: «Приобретенный опыт импортозамещения 2014-2015 гг. доказал, что санкционная тактика не должна перерастать в стратегию достижения продовольственной безопасности страны. Главное на этом пути должно стать обеспечение высокой конкурентоспособности основных видов продукции и отечественных сегментов продовольственного рынка. Потребность в импортной продукции может регулироваться в интересах конечных потребителей и без ущерба для собственного производства. Один из аспектов антисанкционной практики введение более строгого контроля на таможне. Существуют различные способы изменения в документах истинной страны – производителя импортируемой продукции. Однако принятое недавно решение об уничтожении такой продукции является абсурдным. Карать надо тех, кто осуществляет такие махинации, реквизируя продукцию без оплаты поставщикам, но используя ее для продовольственной поддержки нуждающимся слоям населения» [165, с. 5].

Предложенный в диссертационном исследовании алгоритм, по сути, является организационно-управленческим механизмом для реализации тех идей, которые были озвучены академиком РАН Э.Н. Крылатых. Его использование может в значительной степени способствовать пофвышению эффективности реализации политики импортозамещения и будущего экспорторасширения в АПК России под защитой таможенных инструментов и торговых ограничений, позволить реализовать этот процесс в максимально сжатые сроки, с меньшими инвестиционными и операционными затратами со стороны предприятий АПК России, эффективно расходуя выделяемые на политику импортозамещения госбюджетные средства.

Следует особенно подчеркнуть, что импортозамещение в АПК России должно обязательно рассматриваться в связке с будущим экспорторасширением, и здесь мы придерживаемся точки зрения еще одного известного отечественного ученого в сфере аграрной экономики, академика РАН И.Г. Ушачева: «На наш взгляд, вопросы импортозамещения следует рассматривать в увязке с экспортной политикой государства. Имеется в виду, что, осуществляя импортозамещение, необходимо одновременно наращивать экспортный потенциал по тем видам сельскохозяйственной продукции и продовольствия, для производства которых в нашей стране имеются благоприятные природные и экономические условия» [278, с. 16]. И здесь кроется очень масштабная проблема, способная без должного внимания к ней всех стран – членов ЕАЭС, очень быстро разрушить пока еще слабую евразийскую агропродовольственную систему, нанести непоправимый урон национальным АПК каждого из стран – членов евразийского интеграционного проекта. Если в условиях ЕАЭС политику импортозамещения исключительно на национальном уровне представить еще можно, хотя негативные последствия от этого мы показали, то политика экспорторасширения совсем не укладывается в рамки внутригосударственной задачи – это проблема абсолютно наднациональная, а попытки перевести ее решение на национальный уровень могут просто разрушить ЕАЭС как агропродовольственную систему с достаточно высоким экспортным потенциалом.

Таможенный эффект, связанный с реэкспортом «запрещенной на территории одного государства ЕАЭС продукции через территории других участников евразийской экономической интеграции обнажает определенную экономическую, юридическую и организационно-управленческую незрелость данного интеграционного проекта, противоречие национальных интересов отдельных участников и коллективных интересов интеграционного объединения в целом, позволяет особенно внимательно отнестись к исследованию торговой и таможенной политики как неотъемлемой части согласованной аграрной политики на уровне ЕАЭС, поднимает целый спектр вопросов и проблем от грамотного и дипломатичного решения которых зависит будущее ЕАЭС как сильного игрока в

глобальной агропродовольственной системе. Сейчас многократно возрастает ответственность за принятие управленческих решений в рамках задач по реализации согласованной политики в экономическом союзе на уровне различных отраслей, включая АПК. Без этих решений и без этой ответственности ЕАЭС рискует превратиться в проект, раздираемый внутренними противоречиями национальных интересов, что делает бессмысленной саму инициативу его создания и развития» [150, с. 31].

3.4 Таможенный эффект от поставок на рынок России агропродовольственных товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, в условиях противоречий государственного регулирования

По мере формирования общей евразийской агропродовольственной системы и более интенсивного интеграционного воздействия на агропродовольственный сектор факторов внешней среды, «вопросы защиты интеллектуальной собственности в странах-членах становятся все более актуальными, поскольку развитие интеграционных процессов активизировало свободное движение товаров между субъектами хозяйствования, расположенных на территориях государств – участников ЕАЭС. Любое свободное движение товаров всегда должно соотноситься с соблюдением интересов владельцев прав на товарные знаки, которыми маркированы товары. Данная проблема не обошла стороной и торговлю продовольственными товарами и сельскохозяйственным сырьем. В первую очередь она затронула интересы товаропроизводителей в пищевой промышленности» [256, с. 10-11].

Одним из наиболее дискуссионных вопросов в области обращения товаров пищевой промышленности в рамках ЕАЭС «остается проблема применения принципа исчерпания исключительного права на объекты интеллектуальной собственности (товарные знаки). Согласно п. 11 параграфа III Протокола об охране и защите прав на объекты интеллектуальной собственности, являющегося

Приложением № 26 к Договору о Евразийском экономическом союзе, «Товарным знаком и знаком обслуживания (далее – товарный знак) является обозначение, охраняемое в соответствии с законодательством государства-члена и международными договорами, участниками которых являются государства-члены, и служащее для индивидуализации товаров и (или) услуг одних участников гражданского оборота от товаров и (или) услуг других участников гражданского оборота» [143, с. 36].

«В настоящее время товарный знак выполняет целый ряд функций, к числу которых относят: 1) функцию индивидуализации (выделяет товаропроизводителя и его продукцию среди других); 2) гарантийную функцию (гарантирует потребителю определенный набор полезных свойств товара или услуги, их качество и репутацию на рынке); 3) рекламную функцию; 4) защитную функцию (защищает предпринимательскую деятельность правообладателя товарного знака от недобросовестной конкуренции); 5) отличительную функцию (позволяет покупателю отождествлять маркированный товар с конкретным производителем, вызывает определенное представление о качестве продукции)» [143, с. 36].

«Особое значение товарный знак имеет для международной торговли, принимая во внимание глобальный характер поставок определенных товаров и необходимость правообладателей в полной мере использовать весь потенциал функций своих товарных знаков. Этому аспекту многостороннего регулирования международной торговли во многом посвящено Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) (The Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights, TRIPS) [381]. Данное международное соглашение, входящее в пакет документов о создании Всемирной торговой организации (ВТО) [351], устанавливает минимальные стандарты для признания и защиты основных объектов интеллектуальной собственности. Соглашение ТРИПС было принято в ходе Уругвайского раунда многосторонних торговых переговоров в 1994 г. [143, с. 37]. Согласно ст. 15 разд. 2 ТРИПС, «Любое обозначение или любое сочетание обозначений, способное отличить товары или услуги одного предприятия от товаров или услуг

других предприятий, может быть товарным знаком. Такие обозначения, в частности слова, включая имена лиц, буквы, цифры, изобразительные элементы и сочетание цветов, а также любое сочетание таких обозначений могут быть зарегистрированы в качестве товарных знаков» [381]. При этом ст. 16 ТРИПС подчеркивает, что «владелец зарегистрированного товарного знака имеет исключительное право не разрешать третьим лицам без его согласия использовать в ходе торговли идентичные или подобные обозначения для товаров или услуг, которые идентичны или подобны тем, в отношении которых зарегистрирован товарный знак, когда такое использование могло бы привести к появлению вероятности смешения» [381].

Первая группа проблем в сфере защиты прав на интеллектуальную собственность в пищевой промышленности внутри евразийской агропродовольственной системы касается использования ретроспективных (или так называемых советских) товарных знаков (рисунок 30).

Примечание – Составлено автором [256].

Рисунок 30 – Классификация ретроспективных (советских) товарных знаков, используемых в евразийской агропродовольственной системе

После распада СССР, на территории постсоветского пространства стали изготавливаться товары пищевой промышленности с одинаковым наименованием, например, шоколад «Аленка», конфеты «Мишка на Севере», «Мишка косолапый», «Маска», «Красная Шапочка», «Ласточка», напитки «Лимонад», «Байкал», сыры «Дружба», «Янтарь» и другие продукты. Отмеченные торговые марки вносились в национальные реестры объектов интеллектуальной собственности стран Евразийского экономического союза абсолютно разными производителями. Это означает, что все остальные предприятия, выпускавшие такие же товары, уже не имеют право использовать эти товарные знаки без разрешения правообладателя, а уж тем более торговать со странами евразийской агропродовольственной системы данными товарами, поскольку это противоречит национальному законодательству стран в сфере защиты интеллектуальной собственности.

«Проблема ретроспективных товарных знаков в пищевой промышленности стоит достаточно остро, что фактически приводит к ограничению импорта продукции внутри ЕАЭС, что противоречит ст. 3 Договора о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза от 6 октября 2007 г. К примеру, предприятия, выпускающие в Казахстане и Беларуси конфеты под ретроспективными товарными знаками, не могут в настоящее время на законных основаниях поставлять их в Российскую Федерацию. В соответствии со ст. 1487 ГК РФ нарушением исключительного права на товарный знак является использование этого товарного знака другими лицами без согласия правообладателя. Естественно, что владельцы ретроспективных торговых знаков в России не допускают их использования производителями других стран Таможенного союза[1]. При этом производители товаров из стран ТС (ЕАЭС), использующие ретроспективные знаки, не получают выгоды от расширения рынка сбыта за счет создания единого рынка. В Российской Федерации потребители также не получают выгод от роста разнообразия товаров и снижения цен» [295, с. 6; 256, с. 12].

---

[1] В настоящее время Евразийского экономического союза и ст. 25 «Принципы функционирования таможенного союза» Договора о ЕАЭС от 29 мая 2014 г.

Анализ работы отдельных производителей в пищевой промышленности евразийской агропродовольственной системы позволяет сделать вывод, что «правообладателями подано большое количество исков в суды на незаконных производителей продукции, использующих ретроспективные товарные знаки. К примеру, в споре между ОАО «Оркла Брэндс Россия» и ОАО «Московская кондитерская фабрика «Красный Октябрь» за известный бренд «Аленка». Компания «Оркла Брэндс» (истец) требовала признания права на использование обозначения «Аленка» (товарный знак № 184515, общеизвестный товарный знак № 80, зарегистрированные на имя фабрики «Красный Октябрь») при производстве шоколада. Компания «Оркла Брэндс» указывала, что сорт и рецептура молочного шоколада «Аленка» был создан в СССР еще в 1965 г. Шоколад «Аленка» выпускался на территории СССР по утвержденной рецептуре многими производителями, в частности Кондитерской фабрикой им. Н.К. Крупской (Ленинград, Санкт-Петербург), которая является правопредшественником данной компании. ОАО «Красный Октябрь» (ответчик) возражало, что не ограничилось одной лишь регистрацией знака и его простым использованием, а вложило большие средства в развитие и рекламу бренда. На основании вышеизложенных аргументов ответчика суд решил отказать в удовлетворении исковых требований полностью» [256, с. 12].

«Другими делом по товарному знаку «Аленка» является конфликт между кондитерской фабрикой «Красный Октябрь» и ЗАО «Славянка». Дизайн упаковки шоколада «Алина» оказался схож до степени смешения с этикеткой «Аленки». Роспатент признал недействительной регистрацию товарного знака «Алина» на кондитерскую фабрику «Славянка», посчитав, что он сходен до степени смешения с известным шоколадным брендом «Аленка» и может ввести потребителя в заблуждение относительно того, кто является изготовителем продукции. Кондитерская фабрика «Славянка» обжаловала решение Роспатента в арбитражном суде, однако суд отклонил иск компании и подтвердил законность решения Роспатента» [256, с. 12-13].

Когда советские ретроспективные знаки становятся предметом судебных разбирательств в рамках одной страны, это является серьезной проблемой, но когда споры выходят на уровень евразийской агропродовольственной системы, это принимает совершенно иные масштабы. Эти проблемы значительно увеличивают мультипликативный эффект своего влияния на отдельные национальные продовольственные рынки и могут стать серьезным препятствием для их интеграции несмотря на ликвидацию таможенных границ для свободного товародвижения. Сдерживающим моментом здесь останется отсутствие правовых оснований для реализации подобной продукции на территории другого государства, хотя работают механизмы обеспечения единства таможенной территории, по причине необходимости соблюдения прав на объекты интеллектуальной собственности.

Отмеченная правовая коллизия отражается на экономике, так как некоторые компании в сфере пищевой промышленности, имеющие активы на территории ЕАЭС, вынуждены в этой ситуации выходить на рынок отдельных стран интеграционного объединения с продовольственной продукцией, применяя схемы интерпретации старых названий и товарных знаков для обеспечения свободы продвижения своих товаров на единой таможенной территории ЕАЭС. Так, в России торговая марка конфет «Кара-Кум» принадлежит кондитерской фабрике «Красный Октябрь» (группа компаний «Объединенные кондитеры»). В Казахстане подобная кондитерская продукция производится АО «Рахат»[1]. Однако поставка конфет мод маркой «Кара-Кум» в Россию из Казахстана сейчас невозможна по причине необходимости соблюдения интеллектуальных прав российского производителя.

---

[1] Акционерное общество «Рахат» является одним из крупнейших производителей кондитерской продукции в Казахстане, ведущим свою историю на протяжении 75 лет. Первое производство кондитерских изделий было организовано в 1942 г. на площадях ликеро-водочного завода, на оборудовании, эвакуированном во время войны из Москвы и Харькова. На АО «Рахат» работает около 4 500 чел. Производственные мощности расположены на двух площадках в г. Алматы и Шымкенте. В 2013 г. ведущая кондитерская компания Южной Кореи LOTTE Confectionery приобрела основной пакет акций АО «Рахат». В 2019 г. LOTTE Confectionery, приобретая находящиеся в обращении акции АО «Рахат», увеличила свою долю до 95,57%.

Казахская кондитерская фабрика АО «Рахат», которая по факту принадлежит южнокорейскому инвестору, огромному кондитерскому холдингу (третьему по величине производителю жевательных резинок в мире) LOTTE Confectionery, даже не меняя стилистику изображения, изменив только наименование конфет на «Алтын-Кум», осуществляет поставки своей продукции под этой маркой на российский рынок (рисунок 31).

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 31 – Вариант адаптации товарного знака казахских конфет для реализации на российском рынке

Безусловно, такая ситуация серьезно ущемляет интересы российских компаний. В данном конкретном случае экономические интересы кондитерской фабрики «Красный Октябрь» (группа компаний «Объединенные кондитеры»), тем более что подобные товары с «противоречивым» товарным знаком являются продуктами питания с высокой добавленной стоимостью. Подобная внешнеторговая практика служит дестабилизирующим рынки фактором и не способствует справедливой конкуренции между производителями в пищевой индустрии ЕАЭС, требует большей координации совместных усилий хозяйствующих субъектов и ЕЭК в направлении решения данной проблемы.

Мы разделяем точку зрения российского исследователя А.П. Сергеева, который «предлагает пять способов решения проблемы ретроспективных товарных знаков в ЕАЭС: 1) признание советских товарных знаков вошедшими во всеобщее употребление и утратившими различительную способность; 2) аннулирование регистрации советских товарных знаков как актов недобросовестной конкуренции и (или) злоупотребления правом; 3) национализация советских товарных знаков; 4) перевод советских товарных знаков в режим коллективных товарных знаков; 5) введение права преждепользования в отношении советских товарных знаков» [256, с. 13; 266] (таблица 28).

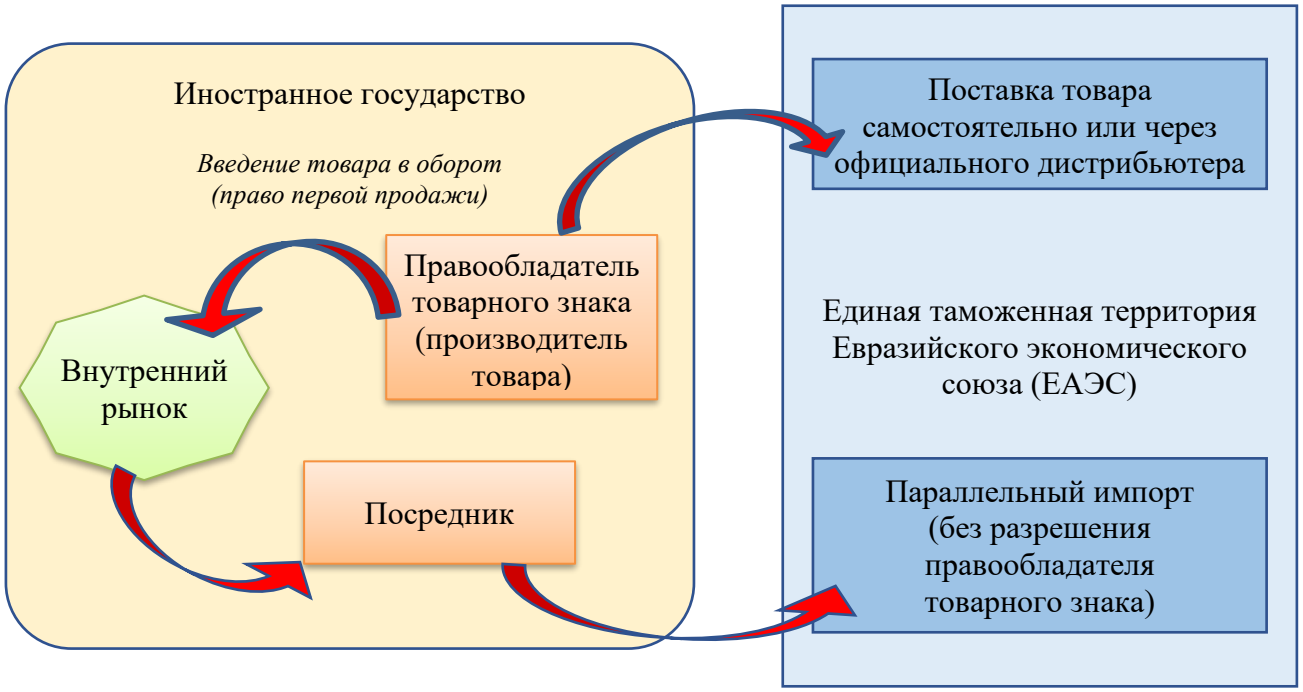
Таблица 28 – Возможные пути решения проблемы обращения ретроспективных товарных знаков в пищевой промышленности ЕАЭС и России

Меры	Плюсы введения	Минусы введения
1. Меры, требующие внесения изменений в законодательство: 1.1. Признание советских товарных знаков вошедшими во всеобщее употребление и утратившими различительную способность. 1.2. Аннулирование регистрации советских товарных знаков как актов недобросовестной конкуренции и/или злоупотребления правом	Даст возможность каждому производителю использовать советские товарные знаки	Наводнит рынок некачественными товарами, выпущенными под известными марками
2. Меры, требующие внесения кардинальных изменений в национальное законодательство и отнесения ретроспективных товарных знаков к собственности государства: 2.1. Национализация советских товарных знаков и создание совместного органа ЕАЭС по распоряжению советскими товарными знаками, если они будут национализированы	Государство сможет обеспечить контроль качества таких товаров и получить доход от выдачи разрешений на использование советских брендов	Государству придется выкупать советские товарные знаки, что повлечет значительные финансовые затраты. Этот путь усложнился с созданием ЕАЭС, где одними и теми же советскими товарными знаками в этих странах обладают разные лица
3. Меры, основанные на применении коллективного механизма использования товарных знаков: 3.1. Перевод советских товарных знаков в режим коллективных товарных знаков, которые регистрируются на имя объединения, и все, кто входит в это объединение, могут пользоваться ими	Все традиционные производители смогут продолжить выпускать продукцию под ретроспективными знаками, а товары останутся качественными	Механизма понуждения к отказу от интеллектуальной собственности нет, а советские товарные знаки уже зарегистрированы за отдельными правообладателями

Продолжение таблицы 28

Меры	Плюсы введения	Минусы введения
4-я группа мер – меры, обязывающие нынешних правообладателей выдавать бесплатные лицензии на их использование всем производителям, которые начали пользоваться такими товарными знаками до распада СССР и их регистрации: 4.1. Введение права преждепользования в отношении советских товарных знаков	Позволит без значительных финансовых затрат преодолеть сопротивление нынешних правообладателей советских товарных знаков	Это потребует законодательных изменений
Примечание – Составлено автором по: [256].		

«Построение эффективного механизма защиты интеллектуальной собственности в ЕАЭС неразрывно связано с такими понятиями, как «принцип исчерпания исключительного права на товарный знак» и «параллельный импорт». Схему параллельного импорта можно представить следующим образом (рисунок 32)» [143, с. 37].



Примечание – Составлено автором [143].

Рисунок 32 – Схема параллельного импорта агропродовольственных товаров при внешнеторговых поставках в страны ЕАЭС

«По сути, параллельный импорт – это ввоз на таможенную территорию России для реализации брендового оригинального товара, но не правообладателем

или уполномоченным лицом, а любым импортером, который приобрел эти товары за пределами России. Параллельный импорт подразумевает принцип «исчерпания прав», или «право первой продажи». В соответствии с этим принципом, после того как товар был продан правообладателем, правообладатель теряет возможность контролировать дальнейшее использование данного товара и предъявлять какие-либо претензии к посредникам, которые перепродают данную продукцию, часто нанося ущерб официальной дилерской сети» [143, с. 37].

«Наиболее эффективным применением принципа исчерпания прав, а следовательно, и защиты от параллельного импорта, являются таможенные меры защиты товарного знака. Согласно ст. 51 разд. 4 ТРИПС «Приостановление выпуска товаров в обращение таможенными органами», таможенные органы при ввозе товаров с неправомерно используемым товарным знаком или товаров, произведенных с нарушением авторских прав, приостанавливают выпуск в свободное обращение таких товаров.

Принцип исчерпания исключительного права на товарный знак, который действует в настоящее время на основании Договора о ЕАЭС от 29 мая 2014 г., действовал и ранее на основании Соглашения о единых принципах регулирования в сфере охраны и защиты прав интеллектуальной собственности от 9 декабря 2010 г. Согласно п. 16 параграфа V Протокола об охране и защите прав на объекты интеллектуальной собственности, являющегося Приложением № 26 к Договору о Евразийском экономическом союзе, «на территориях государств-членов применяется принцип исчерпания исключительного права на товарный знак, товарный знак Союза, в соответствии с которым не является нарушением исключительного права на товарный знак, товарный знак Союза использование этого товарного знака, товарного знака Союза в отношении товаров, которые были правомерно введены в гражданский оборот на территории любого из государств-членов непосредственно правообладателем товарного знака и (или) товарного знака Союза или другими лицами с его согласия» [143, с. 38].

«Таким образом, на территории ЕАЭС действует региональный принцип исчерпания исключительного права на товарный знак. Он подразумевает необходимость получения импортером согласия правообладателя на ввоз на

территорию государств – членов Союза товара, товарный знак которого включен в соответствующий реестр и защищается, при этом предусматривается дальнейший свободный оборот этих товаров на всей территории Союза. В соответствии с данным принципом параллельный импорт невозможен без согласования с правообладателями» [143, с. 39].

«В зарубежной практике, кроме регионального принципа исчерпания исключительного права на товарный знак, используется также национальный и международный принципы. При этом международный принцип легализует параллельный импорт, так как при первом введении товара в гражданский оборот на территории любого государства (право первой продажи) права на товарный знак исчерпываются и правообладатель уже не может контролировать перепродажи данного товара в дальнейших цепях поставок» [143, с. 39].

Наряду с противоречиями в использовании ретроспективных советских торговых знаков в пищевой промышленности ряда членов ЕАЭС, отмеченные особенности исчерпания исключительных прав на товарный знак в условиях экономической интеграции и единства таможенной территории, генерируют вторую группу проблем в этой сфере – наличие сложного, многоуровневого и противоречивого механизма дифференциации принципов исчерпания исключительных прав на товарные знаки и другие ОИС в странах-членах (рисунок 33).

Примечание – Составлено автором по: [256].

Рисунок 33 – Многоуровневый механизм исчерпания прав на объекты интеллектуальной собственности в сфере обращения агропродовольственной продукции в странах ЕАЭС

Так, в России, Белоруссии и Киргизии действует территориальный (национальный) принцип исчерпания прав на объекты интеллектуальной собственности, который предусматривает, что право на ввоз в страну оригинальных товаров из других стран принадлежит либо самому правообладателю, либо его официальному дистрибьютору. В Казахстане и Армении, напротив, действует международный принцип исчерпания прав, который предполагает, что исключительное право правообладателя считается исчерпанным в отношении конкретного товара в момент его первого введения в оборот в любой стране, что подразумевает практически неограниченное коммерческое перемещение товаров между странами. В свою очередь, между странами – членами ЕАЭС действует региональный принцип исчерпания прав, предполагающий свободное перемещение между государствами объектов интеллектуальной собственности. В этой связи существуют серьезные трудности для компаний, работающих на рынках продовольственных товаров ЕАЭС:

1) отсутствие гармонизации национальных законодательств в отношении защиты интеллектуальной собственности. Согласно положениям Таможенного кодекса ЕАЭС защите подлежат те объекты интеллектуальной собственности, которые внесены правообладателем в единый таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности (ЕТРОИС) или национальный таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности (ТРОИС). Однако на сегодняшний день в ЕТРОИС нет зарегистрированных объектов интеллектуальной собственности, поскольку для внесения в реестр требует проверка объектов каждым таможенным органом стран – членов ЕАЭС на основании национальной нормативно-правовой базы и их совместное положительное решение;

2) различная наполняемость таможенных реестров в странах ЕАЭС. Параллельно с ЕТРОИС, в каждой стране – члене ЕАЭС таможенными органами ведутся национальные ТРОИС, которые имеют различную наполняемость. Так, на октябрь 2018 г. в национальные ТРОИС внесено: в РФ – 4 838, Казахстане – 1 086, Беларуси – 276, Армении – 164, Киргизии – 306 объектов интеллектуальной собственности. К примеру, через использование российского ТРОИС свои

интересы защищают как иностранные производители пищевых продуктов и напитков, включая крупные иностранные компании, работающие в пищевой промышленности России: компания «Юнилевер Н.В.» (Unilever NV) (товарные знаки «Rama», «Bertolli» и др.), ООО «Нестле Фуд» (товарные знаки «Maggi», «Nesquik» и др.), так и отечественные производители: ФКП «Союзплодоимпорт» (товарные знаки «Печень трески», водка «Русская», «Советское игристое» и др.), ЗАО Московский завод плавленых сыров «КАРАТ» (товарные знаки «Дружба», «Янтарь»), ОАО «Пивоваренная компания «Балтика» (товарный знак «Балтика»), и др. При этом существует проблема, подрывающая эффективность национальных ТРОИС, заключающаяся в том, что из-за разницы в их наполнении существует возможность беспрепятственного ввоза продовольственных товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, на территорию одного из государств, в котором они не защищаются правообладателями, и с учетом отсутствия внутренних таможенных границ их дальнейшего распространения на территории других стран ЕАЭС;

3) проблема параллельного импорта. В соответствии с различиями в принципах исчерпания прав в ряде государств параллельный импорт разрешен, в ряде государств запрещен, а в некоторых государствах его разрешение или запрещение ставится в зависимость от каких-либо факторов, к примеру, от возможности введения потребителей в заблуждение относительно производителя товара или его качества. Такой подход соответствует положениям ст. 6 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (TRIPS) ВТО, устанавливающей право участвующих государств на признание той или иной концепции исчерпания прав на объекты интеллектуальной собственности. Товары, ввозимые на территорию ЕАЭС под известными товарными знаками, которые являются охраняемыми объектами интеллектуальной собственности, могут являться товарами-подделками (контрафактным товаром) или поставляться по каналам параллельного импорта.

Возможные схемы ввоза контрафактных агропродовольственных товаров на территорию России, которые будут являться легальными с точки зрения общего

таможенного законодательства ЕАЭС, могут выглядеть следующим образом (таблица 29).

Таблица 29 – Возможные схемы ввоза контрафактных агропродовольственных товаров в Россию через страны ЕАЭС

Суть схемы	Содержание схемы
1. Схема ввоза в Россию «серых» товаров, реализуемая в связи с разницей в принципах исчерпания прав в странах ЕАЭС	В России, Белоруссии и Киргизии действует территориальный принцип исчерпания прав, в то время как в Казахстане и Армении – международный. Согласно данной схеме, возможен ввоз товаров в Россию через участок таможенной границы Казахстана или Армении, где исключительное право правообладателя считается исчерпанным после введения конкретного товара в оборот в любой стране, а благодаря беспрепятственному перемещению внутри ЕАЭС товары могут быть доставлены в Россию. Для России эти товары имеют статус контрафактных (если они поставляются не официальными дистрибьюторами), а по законодательству ЕАЭС это легальные товары
2. Схема ввоза нелегальных товаров в Россию за счет различий в перечнях контролируемых объектов интеллектуальной собственности на протяжении таможенной границы	Схема дает возможность ввоза контрафактных товаров через территорию страны, где объекты интеллектуальной собственности не подлежат таможенной защите: а) ввоз товара в Россию через территорию Республики Беларусь или Киргизии (при условии, что объект интеллектуальной собственности не внесен в ТРОИС Белоруссии/Киргизии). В Белоруссии и Киргизии не применяется принцип ex officio, таможенные органы не подвергают проверке товары, не включенные в ТРОИС; б) ввоз товара в Россию через территорию Казахстана, но при этом следует учитывать возможность применения действующего там принципа exofficio, который позволяет таможенным органам задержать контрафактные товары, даже если они не были включены в национальный ТРОИС
Примечание – Составлено автором [256].	

За последние несколько лет очень непростая ситуация сложилась с таким достаточно известным торговым знаком в пищевой промышленности, как «Доширак» (лапша быстрого приготовления). Спор за владение этим брендом в Казахстане начался, когда на производство данной продукции начали поступать претензии от фирмы Paldo Co.ltd из Южной Кореи, которая является одним из трех мировых правообладателей торговой марки «Доширак» и представляет одноименную продукцию в ряде стран, в том числе – в Российской Федерации.

На территории Казахстана этот узнаваемый товарный знак был зарегистрирован еще в 2002 г. компанией «Stone financial Enterprises ltd», которая

затем передала право владения ТОО «Доширак-Казахстан» из города Рудный (Костанайская область). Намного позже, в 2012 г. в г. Рудном был построен первый в стране завод по производству лапши быстрого приготовления. Продукция получила широкий спрос, что, в условиях отсутствия таможенных границ, позволило наладить экспортные поставки в соседние страны (в том числе Россию), особенно в приграничные с Казахстаном субъекты РФ (Омскую, Курганскую, Челябинскую, Оренбургскую области). Товарные знаки на лапшу российского и казахского производства при этом для потребителя практически неразличимы, то есть они схожи до степени смешения (рисунок 34).

Производитель: ООО «Доширак Рязань» (г. Рязань, Россия)

Производитель: ТОО «Доширак-Казахстан» (г. Рудный, Казахстан)

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 34 – Образцы продукции с товарным знаком «Доширак», находящиеся в общей товаропроводящей агропродовольственной системе ЕАЭС, изготовленные в России и Казахстане

Ценовая конкурентоспособность лапши «Доширак», произведенной в г. Рудном, с учетом логистики поставок в российские регионы, оказывалась значительно выше, по сравнению с лапшой под аналогичной торговой маркой «Доширак», но уже производимой ООО «Доширак Рус» в подмосковном городе

Раменское и в г. Рязани (ООО «Доширак Рязань»). Российский правообладатель ООО «Доширак Рус» начал длительный торговый конфликт и разбирательства в Федеральной антимонопольной службе России с ТОО «Доширак-Казахстан», препятствуя последнему в реализации своей продукции на территории России по причине нарушения прав на использование товарного знака[1].

Данная ситуация еще раз показывает значимость решения проблемы обращения объектов интеллектуальной собственности, связанной с продовольственными товарами, на единой таможенной территории ЕАЭС и требует учета пожеланий инвесторов, включая иностранных, заинтересованных в строительстве заводов по производству таких товаров в интересах общего продовольственного рынка ЕАЭС, а не отдельных его сегментов, состоящих из продовольственных рынков отдельных государств ЕАЭС, перемещение продовольственных товаров между которыми невозможно по причине неурегулированности интеллектуальных прав.

«В настоящий момент в ЕАЭС отсутствует единая точка зрения по вопросу, определяющему какой из принципов исчерпания исключительного права на товарный знак, должен остаться на территории Союза. Это связано с тем, что вопрос выбора оптимального принципа исчерпания исключительного права на товарный знак затрагивает широкий круг заинтересованных лиц: потребителей, правообладателей, производителей, инвесторов, импортеров, продавцов, антимонопольные, фискальные и контролирующие органы. По мнению Федеральной антимонопольной службы (ФАС), государственное регулирование рынка товаров должно быть максимально заменено свободной конкуренцией как наиболее действенным инструментом формирования справедливых рыночных отношений. По аналогии с рядом развитых стран (Япония, США) ФАС предлагает ввести международный принцип исчерпания права в качестве базового на территории ЕАЭС, с возможностью изъятий для защиты инвесторов. Независимые импортеры высказываются за снятие барьеров на пути параллельного импорта

[1] Дело № 4-14.33-855/00-08-17 ФАС России от 7 августа 2017 г. «Об административном правонарушении, возбужденного в отношении ТОО «Доширак-Казахстан» (Республика Казахстан, г. Рудный).

товаров в государства – члены ЕАЭС, прогнозируя увеличение числа участников внешнеэкономической деятельности, увеличение объемов ввоза товаров, что в результате может привести к оживлению «внутрибрендовой» конкуренции и снижению цен на внутреннем рынке. С другой стороны, региональный принцип исчерпания исключительного права на товарный знак, сдерживающий параллельный импорт товаров, оказывает положительное влияние на развитие внутреннего производства товаров и имеет защитников в лице государственных органов, курирующих вопросы развития промышленности, а также правообладателей, локализовавших и планирующих локализацию производства на территории ЕАЭС, официальных импортеров и дистрибьюторов. Несмотря на то что на тему возможной легализации параллельного импорта проведено много исследований, их результаты отличаются и даже противоречат друг другу. Это вызвано сложностями в выборе источников данных анализируемых сегментов рынка, а результаты главным образом зависят от выбранной позиции организации или органа, которые выступают инициаторами подобных исследований» [143, с. 39-40].

Проблема защиты прав интеллектуальной собственности на товарные знаки в пищевой промышленности евразийской агропродовольственной системы стоит достаточно остро, несмотря на значительные шаги по совершенствованию законодательной базы и правоприменительной практики, как на национальном, так и на межгосударственном уровне. Отсутствие полной гармонизации наднационального экономико-правового регулирования объектов интеллектуальной собственности сегодня ограничивает перемещение между странами евразийской агропродовольственной системы в рамках общего внутреннего рынка товаров пищевой промышленности, маркированных отдельными товарными знаками, в ряде случаев наносит серьезный экономический ущерб предприятиям пищевой промышленности России и серьезно затрудняет эффективную реализацию согласованной (скоординированной) политики, призванной усилить потенциал агропродовольственных секторов экономик стран, являющихся составной частью единой евразийской агропродовольственной системы.

ГЛАВА 4. ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЕВРАЗИЙСКОЙ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ

4.1 Концепция формирования организационно-экономического механизма функционирования агропродовольственного сектора экономики России

Представленный в исследовании обширный эмпирический и прикладной материал позволяет обосновать значительное усиление интеграционного воздействия факторов внешней среды, в первую очередь через процессы евразийской экономической интеграции, на эффективное формирование и развитие агропродовольственного сектора экономики России и национального АПК.

Принципиально новые условия взаимодействия национальных и межгосударственных институтов евразийской агропродовольственной системы, хозяйствующих субъектов АПК и иных акторов глобальной агропродовольственной среды в условиях становления и развития рыночных отношений, методов их экономического регулирования в формате общего аграрного рынка, сегодня требует серьезных усилий по созданию организационно-экономического механизма реализации согласованной (скоординированной) агропромышленной политики.

Правовое поле для формирования и последующей настройки организационно-экономического механизма реализации согласованной (скоординированной) агропромышленной политики в настоящее время выглядит крайне неоднородным и представляет собой многоуровневую и многомерную структуру, как совокупность национальных аграрных политик в государствах – членах ЕАЭС, в свою очередь, включающих серьезное количество системообразующих нормативно-правовых актов и опирающихся на государственные программные документы (рисунок 35).

***Российская Федерация*:**
- Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 гг. (постановление Правительства РФ от 14.07.2012 № 717; постановление Правительства РФ от 08.02.2019 № 98);
- Стратегия развития пищевой и перерабатывающей промышленности Российской Федерации на период до 2020 г. (распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.04.2012 № 559-р);
- Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации (указ Президента РФ от 30.01.2010 № 120) / Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации (указ Президента РФ от 20.01.2020 № 20)

***Белоруссия*:**
- Государственная программа развития аграрного бизнеса в Республике Беларусь на 2016-2020 гг. (постановление Совета Министров Республики Беларусь от 11.03.2016 № 196);
- Доктрина национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 г. (Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 15.12.2017 № 962)

Программные документы в сфере развития АПК

***Казахстан*:**
- Государственная программа развития АПК Республики Казахстан на 2017-2021 гг. (постановление Правительства Республики Казахстан от 12.07.2018 № 423)

***Армения*:**
- Стратегия устойчивого развития села и сельского хозяйства Республики Армения на 2010-2020 гг. (постановление Правительства Республики Армения от 04.11.2010 № 1476-Н);
- Концепция обеспечения продовольственной безопасности Республики Армения (распоряжение Президента Республики Армения от 18.05.2011 № НК-91-Н)

***Киргизия*:**
- О Среднесрочном прогнозе социально-экономического развития Кыргызской Республики на 2019-2021 гг. (постановление Правительства Кыргызской Республики от 23.08.2018 № 393);
- Программа развития пищевой и перерабатывающей промышленности Кыргызской Республики на 2017-2021 гг. (постановление Правительства Кыргызской Республики от 30.03.2017 № 191);
- Концепция развития хлопковой отрасли в Кыргызской Республике на 2017-2021 гг. (постановление Правительства Кыргызской Республики от 12.07.2016 № 384)

Правовое поле согласованной (скоординированной) агропромышленной политики в ЕАЭС

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 35 – Правовое поле для инкорпорации АПС экономики России в структуру организационно-экономического механизма реализации согласованной (скоординированной) агропромышленной политики ЕАЭС

Анализ аграрных политик государств – членов ЕАЭС показывает, что для них характерен ряд совпадающих и специфических целевых установок, которые можно систематизировать следующим образом (таблица 30).

Таблица 30 – Систематизация целевых установок национальных аграрных политик стран в евразийской агропродовольственной системе

Совпадающие целевые установки	Специфические целевые установки
- обеспечение продовольственной безопасности (в размерах, соответствующих природно-экономическим условиям конкретного государства-члена), наращивание экспорта и повышение конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции и продовольствия; - повышение эффективности функционирования рынка сельскохозяйственной продукции и продовольствия, развитие его инфраструктуры; - реализация инвестиционных возможностей (инвестиционный климат, привлечение внешних инвестиций и др.); - обеспечение достаточной доходности сельскохозяйственных товаропроизводителей и паритетности отношений; - улучшение использования природных (земельных) ресурсов, экологизация агропромышленного производства; - социальное развитие сельских территорий	Российская Федерация – снижение импортозависимости, развитие мелиорации, стимулирование инновационной деятельности, региональное развитие
	Республика Беларусь – увеличение экспорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия
	Республика Казахстан – снижение импортозависимости и реализация экспортного потенциала
	Кыргызская Республика – совершенствование системы управления сельскохозяйственной отраслью и подготовки кадров, развитие кооперации и кластеров
	Республика Армения – преодоление финансово-экономического кризиса, развитие семеноводства и племенного дела, региональная специализация сельского хозяйства и рациональное размещение перерабатывающих предприятий
Примечание – Составлено автором по: [42; 209; 272].	

Необходимо отметить, что изучение ряда нормативно-правовых актов, затрагивающих государственное регулирование сферы АПК в странах ЕАЭС, подтверждает наличие в них отдельных мер по развитию интеграционного взаимодействия в евразийской агропродовольственной системе.

Например, «Государственной программой развития аграрного бизнеса в Республике Беларусь предусматривается принятие мер по осуществлению мониторинга ситуации на мировом агропродовольственном рынке и рынке государств-членов. В соответствии с Доктриной национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь обозначена необходимость создания в рамках ЕАЭС и на рынках третьих стран совместных продовольственных компаний,

которые будут интегрировать конкурентоспособные специализированные производства, научно-инновационный потенциал и заниматься продвижением продукции на рынки Союза и третьих стран. В Государственной программе развития АПК Республики Казахстан страны ЕАЭС остаются в числе потенциальных рынков сбыта, при этом отмечено, что членство Казахстана в ЕАЭС и Всемирной торговой организации создает возможности и одновременно предъявляет высокие требования к конкурентоспособности как на внутреннем, так и внешних рынках. В соответствии с Программой развития Кыргызской Республики на период 2018-2022 гг. будут развиваться эффективные формы сотрудничества с государствами – членами Союза в сфере агропромышленной политики в целях создания продукции, конкурентоспособной на внешнем и внутреннем рынках. Стратегией развития пищевой и перерабатывающей промышленности Российской Федерации предусмотрена гармонизация законодательной и правоприменительной практики со странами ЕАЭС» [209, с. 18-19].

Следует отметить, что за период с 2013 г. (утверждение основополагающего программного документа в сфере аграрной интеграции – Концепции согласованной (скоординированной) агропромышленной политики государств – членов Таможенного союза и Единого экономического пространства в Решении Высшего Евразийского экономического совета на уровне глав государств от 29 мая 2013 г. № 35) по настоящее время, в национальных нормативных правовых актах государств – членов ЕАЭС в сфере АПК вопросы развития межстранового сотрудничества отражены достаточно поверхностно и в большей степени имеют рекомендательный характер.

Это выглядит достаточно странным, так как, принимая во внимание значительное совпадение целевых ориентиров национальных агропромышленных политик государств – членов ЕАЭС, представляется крайне актуальным и своевременным максимальное использование интеграционного потенциала евразийской агропродовольственной системы в интересах взаимовыгодного и устойчивого развития АПК всех стран, участвующих в работе ЕАЭС.

Безусловно, на пути создания полноценной евразийской агропродовольственной системы стоят серьезные трудности, однако без общего понимания со стороны всех участников о необходимости их преодоления, а самое главное, реальных шагов в этом направлении, принятая в 2013 г. Концепция согласованной (скоординированной) агропромышленной политики государств – членов Таможенного союза и Единого экономического пространства останется еще одним рамочным документом без реальных рычагов интеграционного воздействия на национальные механизмы регулирования АПК, способные к постепенной трансформации в общий организм, адаптации к условиям работы в формате общей агропродовольственной системы, способной многократно усилить основные социально-экономические и финансовые показатели в сфере сельского хозяйства каждого из ее участников.

Мы разделяем точку зрения академика РАН А.И. Алтухова, который в качестве трудностей, которые предстоит преодолеть на пути эффективной аграрной интеграции выделяет следующее:

- «во-первых, высокую затратность процесса формирования интеграционных отношений, который способен окупиться, когда он относительно стабилен на протяжении длительного периода и не подвергается каким-либо краткосрочным конъюнктурным изменениям;

- во-вторых, неопределенность модели интеграционных отношений в аграрной сфере экономики формирующегося ЕАЭС, поскольку от нее будет напрямую зависеть уровень коллективной продовольственной безопасности и каждой страны в отдельности, для чего не обойтись без совершенствования принятой согласованной аграрной политики Союза;

- в-третьих, несовершенство механизма регулирования взаимодействия государств на внутреннем и особенно на внешнем агропродовольственных рынках и их отдельных продуктовых сегментов;

- в-четвертых, сложность выработки единых подходов к реализации согласованной, но пока не единой аграрной политики стран Евразийского экономического союза, учета членства одних государств в ВТО и предстоящего присоединения других к этой мировой торговой организации и к ЕАЭС;

- в-пятых, значительную дифференциацию стран Таможенного союза (ЕАЭС) по уровню продовольственной независимости, масштабам агропромышленного производства, развитию аграрной сферы экономики и инфраструктуры агропродовольственного рынка, сложившихся доходов населения;

- в-шестых, хронические недостатки в информационном, научном и кадровом обеспечении АПК и его отдельных отраслей» [50, с. 91-92].

Решение отмеченных академиком РАН А.И. Алтуховым трудностей аграрной интеграции при формировании евразийской агропродовольственной системы, по нашему мнению, невозможно без полноценной реализации основных положений, закрепленных статьей 95 «Основные направления согласованной (скоординированной) агропромышленной политики и меры государственной поддержки сельского хозяйства» Договора о ЕАЭС. Положения данной статьи, по сути, определяют организационно-экономический и правовой каркас евразийской агропродовольственной системы, где возможна своеобразная зеркальность конечных результатов (рисунок 36). Зеркальность проявляет себя в оптической иллюзии представленного графического изображения. Дело в том, что в зависимости от эффектов и эффективности реализации интеграционных инициатив по ключевым направлениям межгосударственного взаимодействия при решении задач согласованной (скоординированной) агропромышленной политики, итоговое развитие может стать как «вершиной», так и своеобразной «ямой».

Речь здесь идет об агропродовольственной системе. Агропродовольственная система в виде вершины пирамиды свидетельствует о максимально эффективном использовании организационно-экономического и правового каркаса для реализации основных идей и решения ключевых задач по направлениям аграрной интеграции (оранжевые узловые блоки). Агропродовольственный сектор национальных экономик в этом случае способен надежно удерживаться на воздвигаемых несущих конструкциях (каркасе), постепенно продвигаясь к «вершине» межгосударственного сотрудничества, становясь лишь неотъемлемой частью общего.

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 36 – Организационно-экономический и правовой каркас евразийской агропродовольственной системы

При этом чем вершина пирамиды выше, тем крепче воздвигнутый каркас агропродовольственной системы и тем выше ее конкурентоспособность относительно схожих региональных систем, выше значимость подобной интеграционной структуры в мировой агропродовольственной системе и глобальном агропродовольственном сотрудничестве. Если организационно-экономический и правовой каркас является слабым, если он возводится с нарушением или без надлежащего учета интересов национальных АПК, то вершина пирамиды рискует обвалиться, а дезинтеграционные процессы способны достаточно быстро превратить АПС национальных экономик в противоборствующие друг с другом элементы, что будет приводить к их скатыванию в своеобразную дезинтеграционную «яму», которая будет итогом перевернутой зеркально пирамиды.

Очевидно, что построение крепкого организационно-экономического и правового каркаса евразийской агропродовольственной системы невозможно без значительного повышения доверия стран – членов ЕАЭС к механизмам наднационального регулирования, постепенного и все большего перехода от решения вопросов регулирования АПК исключительно через национальные нормативно-правовые и программные документы к согласованным наднациональным нормативно-правовым и программным документам в рамках общего повышения эффективности межгосударственного сотрудничества.

В этой связи очень остро встает вопрос политической воли, которая связана с определенным отказом от суверенитета в вопросе принимаемых решений, затрагиваемых АПК, и о котором известный ученый-экономист Бела Баласса высказался следующим образом: «Проблема национального суверенитета становится все более острой в случае формирования экономического союза, который включает, помимо торговой интеграции, координацию разработки экономической политики. В свою очередь, для координации экономической политики требуются политические решения, которые потребуют создания аппарата для принятия решений» [319]. Этого сейчас очень не хватает евразийской агропродовольственной системе и здесь, вероятно, многих современных

политиков останавливает точка зрения еще одного известного иностранного исследователя Имре Вайды: «…экономический союз – это не этап на пути к политическому союзу, а возможное и желательное следствие последнего» [385]. Очевидно, что своеобразные опасения относительно постепенного отказа от экономического суверенитета, способного привести к серьезной уязвимости политического суверенитета, не способствует принятию соответствующих решений, способных поддержать процессы положительного интеграционного воздействия на агропродовольственный сектор, позволить сформировать надежный каркас евразийской агропродовольственной системы без серьезных барьеров, изъятий и ограничений. Эта проблема требует самого серьезного внимания сегодня и значительных усилий по ее решению, как со стороны ЕЭК, представляющей интересы всех стран – членов ЕАЭС в сфере АПК на наднациональном уровне, так и органов власти, участвующих в развитии сельского хозяйства на уровне отдельных стран.

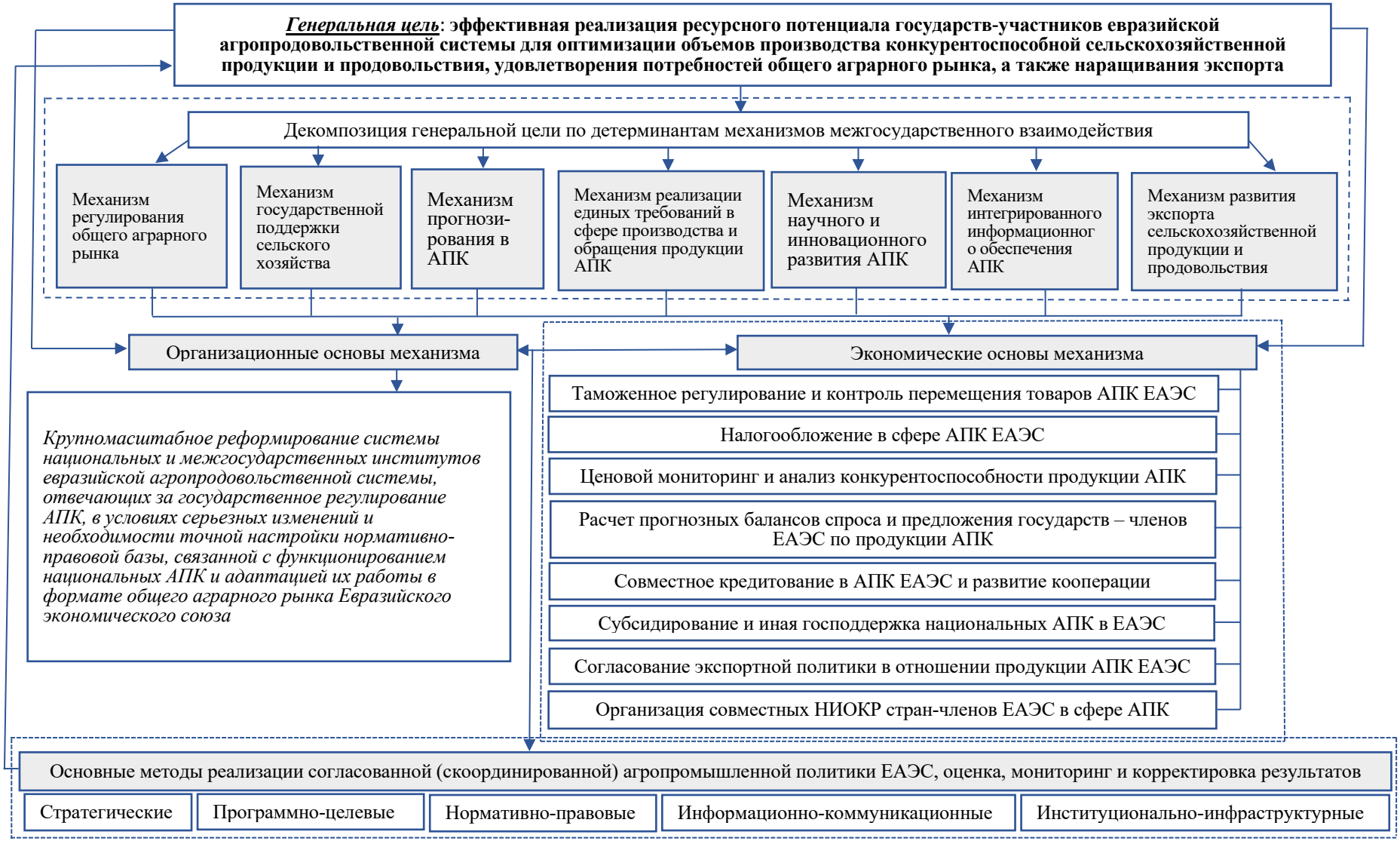
Достаточно критичным для евразийской агропродовольственной системы сегодня является отсутствие должного внимания к решению ключевых задач по направлениям аграрной интеграции (оранжевые узловые блоки, рисунок 36) с точки зрения оценки взаимозависимостей, взаимовлияния и взаимопроникновения данных направлений.

Можно встретить достаточное количество примеров, когда отдельное направление оказывается вовлеченным в сферу интеграционного взаимодействия гораздо интенсивнее остальных. На наш взгляд, это ошибочно и может приводить к искажающему воздействию на другие направления в силу их тесной взаимозависимости, взаимовлияния и взаимопроникновения. Например, такое направление, как «Развитие экспорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия» сегодня оказывается достаточно слабо вовлечено в совместные программные документы на уровне ЕАЭС, хотя практически все национальные нормативно-правовые акты и программы, учитывающие развитие АПК и сельского хозяйства, это направление активно затрагивают. С другой стороны, по направлению «Прогнозирование в АПК» на наднациональном уровне принято

большое количество документов, которые без учета реализации конкретных решений в сфере развития экспорта, принятых на национальном уровне, не вынесенных в совместные решения ЕЭК, т.е. затрагивающие наднациональный уровень, будут иметь исключительно рамочный, ознакомительный или рекомендательный характер и не смогут служить серьезной основой для грамотных управленческих решений при создании евразийской агропродовольственной системы и оперативной корректировки ее работы.

Принимая во внимание цель Концепции согласованной (скоординированной) агропромышленной политики государств – членов Таможенного союза и Единого экономического пространства (Концепция), одобренную Решением Высшего Евразийского экономического совета еще в 2013 г., т.е. до начала полноценной работы ЕАЭС, систематизируя, оценивая и сопоставляя основные задачи, поставленные в данной Концепции с современными реалиями новых экстремальных факторов, проявивших себя с 2014 г. по настоящее время и Концепцией не учитываемых, можно представить следующую схему организационно-экономического механизма согласованной (скоординированной) политики в рамках евразийской агропродовольственной системы (рисунок 37).

Генеральная цель организационно-экономического механизма создаваемой евразийской агропродовольственной системы полностью коррелирует с задачами, обозначенными Концепцией согласованной (скоординированной) агропромышленной политики в ЕАЭС. При этом механизмы государственного регулирования агропродовольственного сектора экономики России становятся частью общего и чрезвычайно сложного организационно-экономического механизма регулирования единой агропродовольственной системы, состоящей из АПС национальных экономик всех стран – членов ЕАЭС, где пока очень существенная часть нормативных документов и соответствующих им управленческих решений продолжает оставаться на национальном уровне, а другая, не менее заметная часть нормативных, программных документов и сопутствующих их реализации механизмов государственного регулирования АПК и сельского хозяйства перемещается на наднациональный уровень.



Примечание – Составлено автором.

Рисунок 37 – Стратегические детерминанты развития АПС экономики России в рамках формирования организационно-экономического механизма евразийской агропродовольственной системы

Здесь мы полностью разделяем мнение коллектива ученых ФГБНУ ФНЦ ВНИИЭСХ: «Стратегические документы государств-членов, определяющие политику в сфере развития агропромышленного комплекса и обеспечения национальной продовольственной безопасности, характеризуются достаточно высоким уровнем совпадения целей развития национальных АПК… Вместе с тем в нормативных правовых актах государств – членов Союза недостаточно отражена ориентация на участие в развитии интеграционных процессов в агропромышленном комплексе как в рамках Союза, так и осуществления совместных мер по выходу на внешние рынки, углублении сотрудничества в иных сферах деятельности в интересах развития агропромышленного комплекса, обеспечение коллективной продовольственной безопасности на пространстве Союза» [284, с. 18].

Концепция формирования организационно-экономического механизма функционирования агропродовольственного сектора экономики России в условиях евразийской агропродовольственной системы, предложенная в диссертационном исследовании, должна способствовать поиску решений этой крупной народнохозяйственной задачи.

4.2 Базовые элементы и компоненты организационно-экономического механизма функционирования агропродовольственного сектора экономики России

Декомпозиция генеральной цели по ключевым детерминантам межгосударственного взаимодействия в сфере АПК позволяет констатировать, что регулирование АПС экономики России должно стать неотъемлемым элементом и учитывать эффективность работы создаваемых наднациональных механизмов государственного регулирования по семи наиболее важным направлениям, подчиненным общей логике строительства евразийской

агропродовольственной системы. В диссертационном исследовании к предлагаемым семи направлениям решено отнести следующие детерминанты:

- механизм регулирования общего аграрного рынка;
- механизм государственной поддержки сельского хозяйства;
- механизм прогнозирования в АПК;
- механизм реализации единых требований в сфере производства и обращения продукции АПК;
- механизм научного и инновационного развития АПК;
- механизм интегрированного информационного обеспечения АПК;
- механизм развития экспорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия.

Формирование всех перечисленных механизмов, точная настройка их работы, затрагивающая выстраивание общей траектории дальнейшего развития с учетом их тесной взаимозависимости, взаимовлияния и взаимопроникновения требует устойчивых организационных основ. Это, в свою очередь, предопределяет необходимость крупномасштабного реформирования системы национальных и межгосударственных институтов будущей евразийской агропродовольственной системы, отвечающих за государственное регулирование АПК, обуславливает необходимость значительной трансформации всей нормативно-правовой базы, связанной с функционированием национальных АПК и адаптацию их работы в формате общего аграрного рынка Евразийского экономического союза.

Наряду с организационными основами, еще одним важнейшим компонентом для встраивания механизмов регулирования АПС экономики России в общий механизм регулирования евразийской агропродовольственной системы являются экономические основы, которые полностью коррелируют с выделенными в диссертационном исследовании детерминантами, обозначенными выше. Рассуждая об экономических основах, предлагается акцентировать внимание на следующих направлениях:

- таможенное регулирование и контроль перемещения товаров АПК ЕАЭС;

- налогообложение в сфере АПК ЕАЭС;

- ценовой мониторинг и анализ конкурентоспособности продукции АПК;

- расчет прогнозных балансов спроса и предложения государств – членов ЕАЭС по продукции АПК;

- совместное кредитование в АПК ЕАЭС и развитие кооперации;

- субсидирование и иная господдержка национальных АПК в ЕАЭС;

- согласование экспортной политики в отношении продукции АПК ЕАЭС;

- организация совместных НИОКР стран – членов ЕАЭС в сфере АПК.

В качестве основных методов реализации согласованной (скоординированной) агропромышленной политики ЕАЭС, мониторинга, оценки и корректировки получаемых результатов предлагается использовать комплекс стратегических, программно-целевых, нормативно-правовых, информационно-коммуникационных, институционально-инфраструктурных методов.

Одной из самых сложных детерминант, несмотря на определенные весомые заделы, сделанные на уровне ЕЭК и национальных органов, включая Минсельхоз России, Минэкономразвития России, Минпромторг России, Минфин России, ФТС России, на наш взгляд, продолжает оставаться детерминанта регулирования общего аграрного рынка.

В настоящее время, например, в контексте данной детерминанты ЕЭК обращается серьезное внимание на становление основ биржевой торговли продукцией АПК и развитие аграрных товарных бирж в ЕАЭС [18]. Принятым базовым документом в этой сфере регламентируется, что «в целях совершенствования механизмов биржевой торговли сельскохозяйственными товарами и решения задач по реализации скоординированной политики в области развития товарных бирж государств – членов Евразийского экономического союза (далее соответственно – государства-члены, Союз), учитывая специфику биржевых торгов товарами, специализацию товарных бирж государств-членов и необходимость проработки вопросов регулирования процесса создания единого торгового биржевого пространства в рамках Союза, исходя из необходимости обеспечения равного доступа юридических лиц и индивидуальных

предпринимателей (включая фермерские хозяйства) государств-членов к торговле на товарных биржах любого из государств-членов и совершенствования нормативных правовых актов государств-членов в целях создания условий для организации и развития товарной биржевой торговли рекомендуется государствам-членам с даты опубликования настоящей Рекомендации на официальном сайте Союза определить приоритеты развития биржевой торговли сельскохозяйственными товарами в рамках Союза и направить в Евразийскую экономическую комиссию предложения по формированию механизма взаимодействия и принципов сотрудничества государств-членов в области развития биржевой торговли сельскохозяйственными товарами в рамках Союза, подготовленные с участием товарных бирж и лиц, осуществляющих деятельность в сфере биржевой торговли» [18].

Идея достаточно хорошая, однако принятый в 2016 г. документ пока так и не получил своего должного развития и не привел к конкретным результатам для общего агропродовольственного рынка, так как решение, принятое на наднациональном уровне (ЕЭК) в большинстве случаев доводится до национальных органов, отвечающих за развитие АПК и сельского хозяйства всего лишь в виде рекомендаций, которые, очень часто не предусматривают конкретных сроков реализации наднациональных инициатив, не устанавливают никакой ответственности национальных органов за задержки с выполнением данных рекомендаций или полное отсутствие работы по их выполнению.

Дело в том, что документов, подобных тому, что мы коснулись выше, существует серьезное количество. Таким образом, обеспечивается наднациональная нормотворческая деятельность в области государственного регулирования сельского хозяйства, но пока отсутствуют необходимые институциональные и организационные основы для ее обязательной апробации на национальном уровне, определенной ревизии по результатам принятия и исполнения наднациональных решений, затрагивающих работу агропродовольственных рынков.

Эта ситуация, безусловно, не способствует качеству именно аграрной интеграции в рамках ЕАЭС, позволяет в ряде моментов национальным интересам в сфере агропродовольственного развития превалировать над наднациональными интересами, уходить от решения «неудобных» вопросов в сфере общего аграрного развития, способствуя тем самым закреплению на системной основе целого ряда трендов, подробный анализ которых проводился в настоящем диссертационном исследовании.

При этом, помимо того, что многие документы наднационального государственного регулирования АПК остаются рекомендательными для национальных министерств и ведомств, отвечающих за сельское хозяйство и агропродовольственный сектор, крайне ограниченное внимание уделяется глубоким исследованиям новых экстремальных факторов, способствующих увеличению дисбаланса национальных интересов стран – участниц евразийской агропродовольственной системы, выработке необходимых алгоритмов по устранению этих факторов и разумных скоординированных действий, направленных на минимизацию условий для их появления в будущем.

Исследованные в диссертационной работе таможенные эффекты, проявившие себя с 2014 г. по настоящее время, являются ярким примером таких новых экстремальных факторов. К сожалению, сегодня их влияние в полной мере не учитывается ни одним стратегическим или программным документом, регламентирующим реализацию согласованной (скоординированной) агропромышленной политики Евразийского экономического союза.

В изменении данной ситуации должна быть заинтересована, прежде всего, Россия, так как, национальный агропродовольственный сектор экономики, реализующий свой потенциал в формате общего аграрного рынка Евразийского экономического союза, может больше всех пострадать от действия данных экстремальных факторов.

На протяжении многих лет на уровне всех стран – членов евразийского интеграционного проекта прорабатывается возможность создания и реализации важнейшего механизма для обеспечения справедливой конкуренции на

национальных агропродовольственных рынках – цифровой системы прослеживаемости товаров, ввезенных на таможенную территорию Евразийского экономического союза. Данная система призвана охватить весь спектр импортных товаров, ввозимых на таможенную территорию ЕАЭС и выпускаемых в свободное обращение. Для российского АПК, с учетом огромного количества так называемых «товаров изъятия», о причинах появления которых и последствиях для отечественного сельского хозяйства мы рассуждали в третьей главе диссертационной работы, создание данной системы имеет первоочередной характер и может значительно сократить риски появления подобных «товаров изъятия» в каналах евразийской товаропроводящей агропродовольственной системы, потоки которых ориентированы на Россию, значительно укрепить конкурентоспособность наших сельхозпроизводителей в условиях реализации инициатив по импортозамещению и экспорторасширению.

Работу элемента данной системы, которая должна стать неотъемлемой частью комплексного механизма регулирования общего аграрного рынка, т.е. одной из наиболее ключевых детерминант развития АПС экономики России в рамках формирования организационно-экономического механизма евразийской агропродовольственной системы, можно показать на следующем примере.

Мы уже касались последствий вступления Российской Федерации и Казахстана в ВТО для российского агропродовольственного рынка с учетом того, что тарифные обязательства стран перед ВТО имеют серьезные расхождения, при этом страны одновременно с членством в ВТО состоят в ЕАЭС и де-юре работают на едином таможенном тарифе, который де-факто не соблюдается, что генерирует обширный перечень «товаров изъятия», имеющих право обращаться только на территории Республики Казахстан без возможности их обращения в Российской Федерации. На практике, контролировать «прослеживаемость» данных агропродовольственных товаров попавших под изъятия, то есть обладать всей полнотой информации об особенностях их оборота, включая перемещение с территории одного государства – члена ЕАЭС (например, Казахстана) на

территорию другого государства-члена (например, России) в связи с реализацией является крайне трудной задачей.

Решением Совета ЕЭК № 57 от 14 октября 2015 г. в целях урегулирования отдельных вопросов, связанных с присоединением Республики Казахстан к Всемирной торговой организации, Совет ЕЭК одобрил проект Протокола о некоторых вопросах ввоза и обращения товаров на таможенной территории ЕАЭС (ратифицирован Федеральным законом от 30 декабря 2015 г. № 417-ФЗ) и проект решения Высшего Евразийского экономического совета «О некоторых вопросах, связанных с присоединением РК к Всемирной торговой организации» [17; 21; 39].

«Протокол о некоторых вопросах ввоза и обращения товаров на таможенной территории ЕАЭС» регламентирует следующий порядок:

- «Пониженные ставки пошлин применяются при ввозе товаров на территорию Республики Казахстан из третьих стран и их помещении под таможенные процедуры, предусмотренные Таможенным кодексом Таможенного союза, в соответствии с перечнем, утверждаемым Евразийской экономической комиссией (далее – Комиссия), с учетом условий, предусмотренных параграфом 307 Доклада Рабочей группы о присоединении Республики Казахстан к Всемирной торговой организации в качестве условия присоединения Республики Казахстан к Всемирной торговой организации.

- Ведение перечня, включая его актуализацию и приведение в соответствие с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ТН ВЭД ЕАЭС), осуществляется Комиссией.

- Товары, включенные в перечень, ввезенные на территорию Республики Казахстан с территорий третьих стран с уплатой ввозных таможенных пошлин по ставкам, предусмотренным перечнем, и помещенные под таможенную процедуру выпуска для внутреннего потребления, являются условно выпущенными товарами в соответствии с Таможенным кодексом Таможенного союза.

- Республика Казахстан обеспечивает принятие необходимых мер по недопущению вывоза товаров, указанных в перечне, на территорию других государств-членов.

- При ввозе товаров, включенных в перечень, на территорию Республики Казахстан с территорий третьих стран, ввозные таможенные пошлины могут быть уплачены исходя из ставок ввозных таможенных пошлин ЕТТ ЕАЭС. В этом случае соответствующий товар приобретает статус товара Евразийского экономического союза в соответствии с Таможенным кодексом Таможенного союза.

- Республика Казахстан в соответствии с национальным законодательством предоставляет право запрашивать и получать у компетентных органов информацию об уплате таможенной пошлины, необходимую для перемещения товаров, включенных в перечень, с территории Республики Казахстан на территории других государств-членов.

- Декларант, иное лицо, обладающее правом владения соответствующими товарами, перевозчик товаров, включенных в перечень и перемещаемых с территории Республики Казахстан на территории других государств-членов, обязаны обеспечить соблюдение требований по перемещению таких товаров, установленных настоящим Протоколом и в соответствии с ним, и несут ответственность за их нарушение в соответствии с законодательством государства-члена.

- Республика Казахстан обеспечивает прослеживаемость товаров, включенных в перечень, в части указания номеров таможенных деклараций и порядковых номеров товаров по таможенной декларации при их обращении на территории Республики Казахстан.

- Республика Казахстан создает систему учета товаров, включенных в перечень, вывозимых в другие государства-члены (далее – система учета). Система учета должна предусматривать соотнесение сведений о товарах, включенных в перечень и вывозимых в другие государства-члены, с информацией

о товарах, в отношении которых ввозные таможенные пошлины уплачены по ставкам ЕТТ ЕАЭС».

Последние два пункта, перечисленные выше, являются особенно важными, так как через них можно показать всю глубину проблемного поля, возникающую сейчас при поставках агропродовольственных товаров из Казахстана в Россию. Дело в том, что страдает от действий недобросовестных казахских поставщиков российский агропродовольственный сектор, при этом, систему учета «товаров изъятия» создает Казахстан, систему прослеживаемости у себя на территории данных товаров создает Казахстан, а российские участники агропродовольственного рынка эту систему не видят, так как она не инкорпорирована в общую цифровую систему прослеживаемости товаров, ввезенных на таможенную территорию Евразийского экономического союза. Кроме того, Казахстан не сильно заинтересован наказывать своих собственных поставщиков за продажу агропродовольственных «товаров изъятия» в Россию, так как это бизнес, и он направлен, прежде всего, на поддержку своей национальной экономики, хоть и наносит при этом определенный ущерб экономике России, как участнику ЕАЭС. Следует особенно подчеркнуть, что «товаров изъятия» становится все больше, так как увеличение их количества сопряжено не только с ролью в ВТО, но и с политикой контрсанкций, проводимой Россией в интересах импортозамещения, затрагивающей АПК и агропродовольственный сектор.

Решение отмеченной проблемы для АПК России мы видим в создании полноценного механизма прослеживаемости подобных агропродовольственных «товаров изъятия» через инкорпорирование национальных систем учета данных товаров при их перемещении в рамках взаимной торговли государств – членов Евразийского экономического союза в общую цифровую систему прослеживаемости товаров, ввезенных на таможенную территорию ЕАЭС. Графически это можно представить следующим образом (рисунок 38).

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 38 – Основные этапы формирования цифровой системы прослеживаемости агропродовольственных «товаров изъятия» как элемента стратегической детерминанты развития АПС экономики России

Следует подчеркнуть, что комплекс мероприятий, обеспечивающих регистрацию движения товаров по товаропроводящей сети, может быть реализован двумя способами:

1) физической прослеживаемостью (вид прослеживаемости, обеспеченной с помощью маркировки);

2) документальной прослеживаемостью, которая обеспечивается с помощью передачи данных о движении товара в сопроводительных документах (товарно-транспортных накладных, товарных накладных, налоговых и иных документах).

Представленные на рисунке 38 этапы формирования цифровой системы прослеживаемости агропродовольственных «товаров изъятия» относятся ко второму способу. Эффективная реализация данного способа очень важна для защиты АПС экономики России от несправедливой конкуренции со стороны участников евразийской агропродовольственной системы на зарождающемся общем аграрном рынке в условиях глубокой интеграции.

Сегодня существует проблема формирования действительно открытой для внешнего аудита постоянно действующей национальной системы учета агропродовольственных «товаров изъятия» при их перемещении в рамках взаимной торговли между Россией и остальными участниками ЕАЭС. Кроме того, если определенная работа по формированию и совершенствованию механизмов работы подобных национальных систем учета проводится, то обмен данными и аккумулирование учетно-аналитической информации из национальных систем учета в общей открытой для внешнего аудита евразийской системе прослеживаемости, обеспечивающей контроль за оборотом «товаров изъятия» АПК на агропродовольственном рынке России пока отсутствует. Это связано с тем, что общей евразийской системы, позволяющей инкорпорировать национальные системы учета и прослеживаемости агропродовольственных товаров на базе единой цифровой платформы не создано, хотя эта проблема очень долго обсуждается на уровне стран – членов ЕАЭС. Данный вопрос требует оперативного решения, так как сегодня необходимая как для государства, так и для бизнеса и потребителей информация по агропродовольственным товарам, собираемая при прослеживаемости должна покрывать весь их жизненный цикл и все аспекты хозяйственной деятельности, связанные с производством таких агропродовольственных товаров, их реализацией, переработкой и потреблением. Это возможно, только если первый и четвертый этапы (рисунок 38) технически будут реализованы в виде закольцованной системы, т.е. будут соединены между собой так, чтобы образовалось замкнутое кольцо для циркуляции необходимой информации. При этом наличие полного цифрового описания агропродовольственного товара и его жизненного цикла дает новое качество в управлении экономическими процессами, позволяет в полной мере реализовать интересы АПК России на принципиально новом фундаменте цифровой экономики.

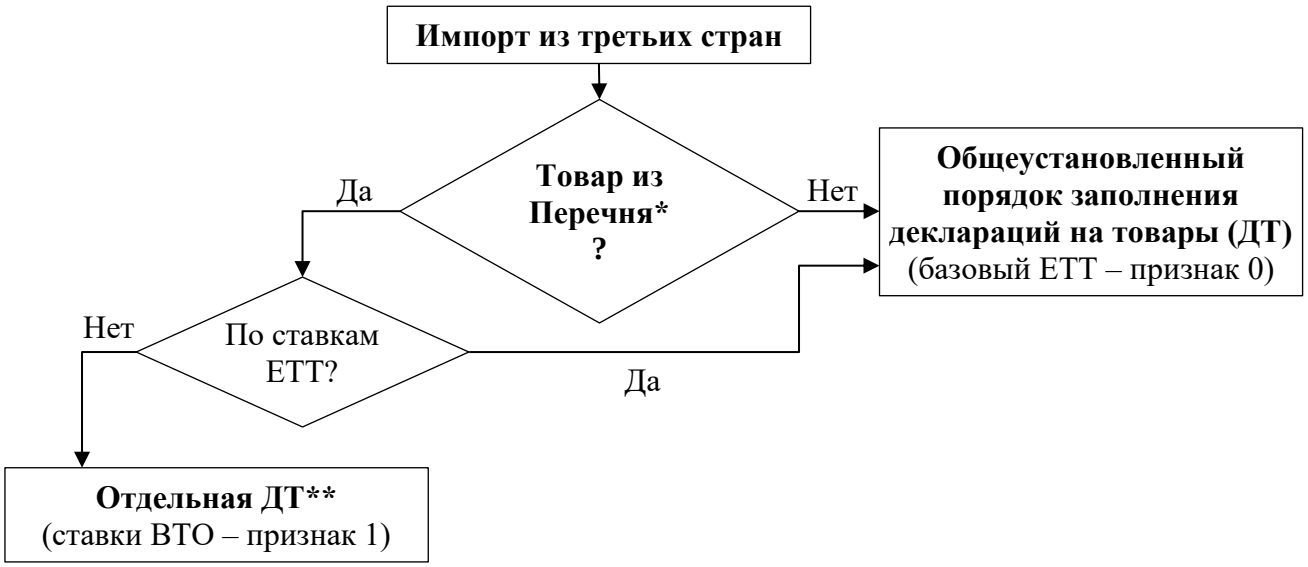
Второй этап формирования цифровой системы прослеживаемости агропродовольственных «товаров изъятия» как элемента стратегической детерминанты развития АПС экономики России можно представить в виде следующих двух алгоритмов (рисунки 39, 40).

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 39 – Алгоритм второго этапа формирования цифровой системы прослеживаемости агропродовольственных «товаров изъятия» как элемента стратегической детерминанты развития АПС экономики России

Ключевая информация об импортных агропродовольственных «товарах изъятия» при их таможенном оформлении за пределами Российской Федерации (Казахстане, Белоруссии, Армении, Киргизии) и последующей реализации на единой таможенной территории ЕАЭС, уже включая агропродовольственный рынок РФ, должна содержать особый порядок их учета и попадать в отдельное хранилище данных, доступных национальным контролирующим органам.

Третий этап формирования цифровой системы прослеживаемости агропродовольственных «товаров изъятия» как элемента стратегической детерминанты развития АПС экономики России можно представить в виде следующих сценариев, которые требуют подтверждения деклараций на товары и электронных счетов фактур при реализации агропродовольственных товаров, включенных в перечень изъятий, на рынке Российской Федерации.



Примечание – Составлено автором.

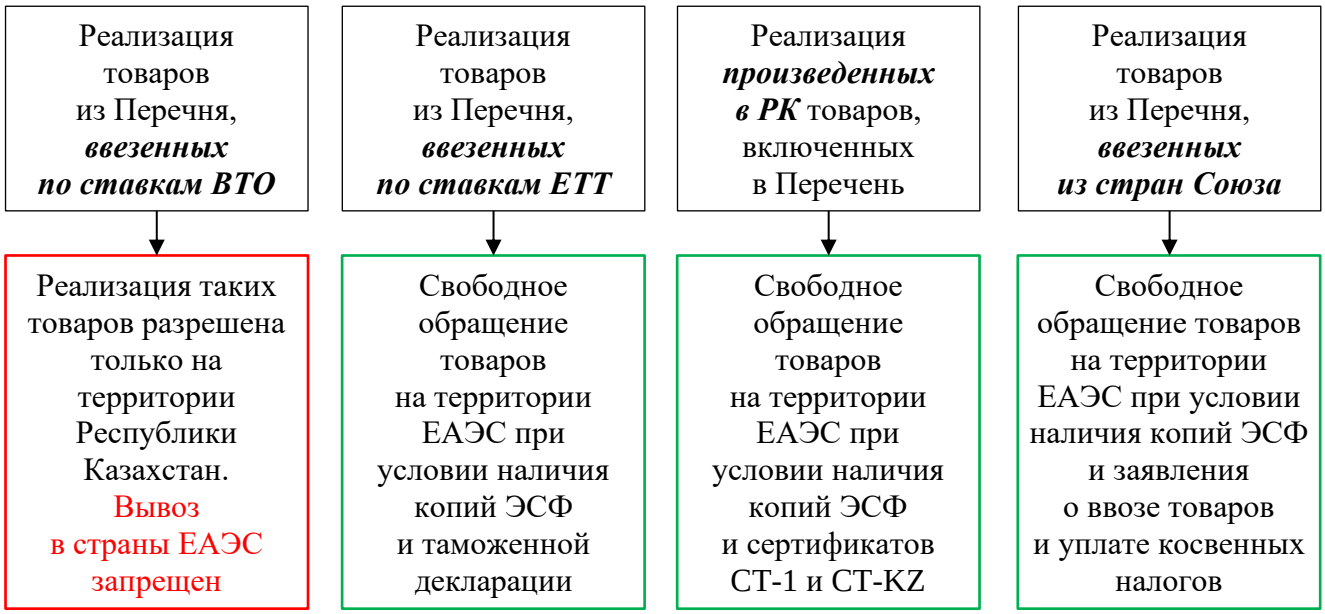
* Перечень агропродовольственных товаров, ввозимых на территорию стран – членов ЕАЭС из третьих государств, к которым применяются пониженные ставки пошлин или которые запрещены к ввозу и обращению на территории Российской Федерации.

** Декларация на товары (оформляемая при заявлении таможенной процедуры выпуска для внутреннего потребления).

Рисунок 40 – Алгоритм второго этапа формирования цифровой системы прослеживаемости агропродовольственных «товаров изъятия» как элемента стратегической детерминанты развития АПС экономики России

Для агропродовольственных «товаров изъятия», масштабный перечень которых сформировался после присоединения Республики Казахстан (РК) к ВТО и расхождения его тарифных обязательств перед этой организацией с аналогичными тарифными обязательствами России в ВТО, можно представить следующие четыре вариации (рисунок 41).

Ключевым моментом в предложенной цифровой системе прослеживаемости агропродовольственных «товаров изъятия» как элемента стратегической детерминанты развития АПС экономики России, остается доступ к внешнему аудиту второго и третьего этапа (как составной части национальной системы учета Республики Казахстан) для российских контролирующих органов, инкорпорирование первого и четвертого этапа в единую цифровую платформу, обеспечивающую полноценный обмен данными между российскими и казахскими заинтересованными лицами, между национальной и общей евразийской системой учета и прослеживаемости подобных агропродовольственных товаров.



Примечание – Составлено автором.

Рисунок 41 – Сценарии реализации в Российской Федерации импортных агропродовольственных «товаров изъятия», ввезенных и выпущенных в свободное обращение на территории Республики Казахстан

Возвращаясь к первому способу, обеспечивающему регистрацию движения отдельных категорий товаров в евразийской агропродовольственной системе (их физической прослеживаемости с помощью маркировки), необходимо отметить следующие ключевые моменты. Этот способ также можно и необходимо активнее использовать в современной практике государственного регулирования обращения товаров в АПС экономики России. В ЕАЭС подобная система физической прослеживаемости постепенно формируется. Начиная с 12 августа 2016 г. на территориях всех государств – членов ЕАЭС, включая Россию, действует требование об обязательной маркировке контрольными (идентификационными) знаками предметов одежды из натурального меха [11; 264].

Этот способ является достаточно затратным, часто критикуется со стороны производителей и торгово-посреднических фирм (особенно малого и среднего бизнеса), не желающих брать на себя дополнительные расходы, сопряженные с оборотом таких товаров, поэтому в качестве пилотного проекта для организации системы физической прослеживаемости был выбран сегмент дорогостоящих товаров народного потребления – «предметы одежды, принадлежности к одежде и

прочие изделия, из натурального меха». Тем не менее распоряжение Правительства РФ от 28 апреля 2018 г. № 792-р (в ред. от 13 июля 2019 г. и 8 ноября 2019 г.) значительно расширило перечень отдельных товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации, включив в этот список молочную продукцию (например, коды ТН ВЭД ЕАЭС 0401 – «молоко и сливки, несгущенные и без добавления сахара или других подслащивающих веществ», 0405 – «сливочное масло и прочие жиры и масла, изготовленные из молока; молочные пасты», 0406 – «сыры и творог», 210500 – «мороженое и прочие виды пищевого льда, не содержащие или содержащие какао» и др.). Срок введения обязательной маркировки для молочной продукции установлен 1 июня 2020 г.

Сегодня в ЕАЭС существует большое количество национальных систем маркировки и физической прослеживаемости, в основном отличающиеся друг от друга информационными платформами, перечнем товаров, обязательных к маркированию, и требованиям к самим меткам (таблица 31). Отмеченные системы в основном направлены на обеспечение контроля обращения продукции исключительно в границах национальных рынков.

Таблица 31 – Национальные системы маркировки и «физической прослеживаемости» товаров

Страна	Системы
Армения	Vero code – маркировка товаров
	ЭСФ (ИС «Налогоплательщик 3») + Центр мониторинга + взаимодействие с таможней + электронные кассовые аппараты
Белоруссия	ГИС AITS – Контроль животных и продукции животного происхождения
	АРМ «Плательщик» – Подакцизная продукция (табак, алкоголь)
	ИС E-pass – Товары, подлежащие обязательной маркировке
Казахстан	ИС УКМ СНТИ (ИС КНП) – Подакцизная продукция (табак, алкоголь)
	ИС ЭСФ Модуль «Виртуальный склад» – Товары народного потребления, услуги. Документальная прослеживаемость
	ИС ЭСФ – Товары из перечня (ВТО)
Киргизия	СИОЖ (Система идентификации и отслеживания животных)
Россия	ИС «Маркировка» – Мониторинг за движением ЛП
	ЕГАИС – Акцизные товары (алкоголь)
	Маркировка и прослеживаемость табачной продукции
	ЕГАИС учета древесины и сделок с ней
	ГИС «Меркурий» – Прослеживание животноводческой продукции. Документальная прослеживаемость
Примечание – Составлено автором по: [101].	

Это способствует тому, что между странами – членами ЕАЭС наблюдаются серьезные сложности с унификацией алгоритмов к процедурам маркировки товаров и типам идентификационных меток. Часто такие системы физической прослеживаемости для различных видов продукции подразумевают разную идеологию и архитектуру программных и организационно-управленческих решений. Это, в свою очередь, создает дополнительные технические барьеры для свободного обращения товаров в рамках общих рынков ЕАЭС, способствуя значительному росту логистических затрат, увеличению общего времени на поставку товаров, неэффективному использованию складских площадей. Так, для одного ряда товарных групп предполагается модель сквозной прослеживаемости с контролем продвижения товара по дистрибьюторской цепочке, для другого — только регистрация ввода и вывода из оборота. Подобный разнобой в технических решениях порой вынуждает предприятия проводить работы по соответствию различным требованиям для различных товарных категорий. В первую очередь, затраты на обеспечение различных требований маркировки продукции ощутимы для предприятий малого и среднего бизнеса. В результате существует риск ограничения поставок продукции в другие страны – члены ЕАЭС, где действует иная система маркировки в отношении одной и той же товарной группы.

На наш взгляд, одновременное применение двух способов, обеспечивающих регистрацию движения товаров по товаропроводящей сети, поиск разумного баланса в использовании данных способов в интересах государства, бизнеса и потребителей, призвано стать составной частью механизма регулирования общего аграрного рынка ЕАЭС, без эффективной работы которого будет крайне трудно добиться гармоничного встраивания АПС национальных экономик участников ЕАЭС в единую евразийскую агропродовольственную систему и полноценное проведение единой (согласованной, скоординированной) агропромышленной политики, основные цели и задачи которой озвучивались в настоящем диссертационном исследовании. Кроме того, надо отметить, что среди методов реализации согласованной (скоординированной) агропромышленной политики Евразийского экономического союза используются, прежде всего, нормативно-

правовые инструменты, тогда как применение стратегического и программно-целевого подхода весьма ограничено. Крайне актуальной остается разработка и утверждение в установленном порядке стратегических документов по развитию и углублению аграрной интеграции стран Евразийского экономического союза на перспективу нескольких лет, формирование основания для последующего объединения экспортного потенциала и получения синергетического эффекта от управленческих решений государств-членов при решении задач сбалансированного функционирования общего аграрного рынка в интересах населения евразийской агропродовольственной системы.

4.3 Принципы и особенности реализации организационно-экономического механизма функционирования агропродовольственного сектора экономики России

Во втором параграфе настоящей главы мы достаточно подробно остановились на детерминанте регулирования общего аграрного рынка, без значительного повышения внимания к которой, АПС экономики России рискует оказаться в очень уязвимой ситуации в условиях интеграционного воздействия новых экстремальных факторов внешней среды, которые анализировались в диссертационной работе. Однако данная детерминанта не может рассматриваться в отдельности от остальных, выделенных в исследовании. Все эти детерминанты тесно взаимосвязаны и оказывают взаимное влияние друг на друга. Развитие одной может иметь значительный мультипликативный эффект для других. При этом эффект может быть как положительный, так и негативный. Надлежащее осмысление комплексного характера глубокого взаимопроникновения всех этих детерминант, каждая из которых сама по себе является очень сложным объектом для анализа, должно стать одним из главных принципов в реализации организационно-экономического механизма функционирования агропродовольственного сектора экономики России в условиях евразийской агропродовольственной системы.

Детерминанта регулирования общего аграрного рынка тесно связана с детерминантами прогнозирования в АПК и интегрированного информационного обеспечения АПК. Необходимо подчеркнуть, что, с точки зрения, нормативно-правовых методов, было представлено большое количество распоряжений и решений со стороны Совета ЕЭК и Коллегии ЕЭК по разработке системы индикативных показателей развития сельского хозяйства государств – членов Евразийского экономического союза и методологии расчета сводных прогнозов спроса и предложения государств – участников евразийской агропродовольственной системы по основным видам сельскохозяйственной продукции и продовольствия, однако, прогнозирование сегодня не учитывает в должной мере влияния на национальные АПК экстремальных факторов, которые в детерминанту регулирования общего аграрного рынка не включены. Отсутствуют стратегические и программно-целевые документы, призванные использовать данные прогнозы при последующей реализации согласованной (скоординированной) агропромышленной политики.

Интегрированное информационное обеспечение АПК сегодня должно стать одним из пионеров в реализации информационно-коммуникационных и институционально-инфраструктурных методов реализации агропромышленной политики Евразийского экономического союза. Речь идет о создании эффективных инструментов прослеживаемости цепочек поставок сельскохозяйственных и продовольственных товаров, перемещаемых в евразийской агропродовольственной системе, в том числе с использованием инструментов маркировки. Данный инструментарий в АПК призван стать частью цифровой платформы обращения товаров Евразийского экономического союза, когда информация по товару, собираемая при прослеживаемости, будет покрывать весь его жизненный цикл, все аспекты хозяйственной деятельности, связанные с его производством, эксплуатацией и участием в трансграничном обороте. Реализация данной технологической инициативы будет стимулировать сокращение негативного воздействия таможенных эффектов на агропродовольственный сектор экономики России и национальный АПК, делая

трансграничное перемещение сельскохозяйственных товаров и продовольствия в системе общего аграрного рынка евразийской агропродовольственной системы более транспарентным, при этом позволит сделать прогнозирование в АПК более достоверным с учетом снижения воздействия экстремальных факторов на детерминанту регулирования общего аграрного рынка. Конечно, подобная ситуация с таможенными эффектами как экстремальными факторами, негативно воздействующими на АПК России, это, в первую очередь, вопрос доверительного взаимоотношения партнеров по интеграционному объединению. Разделяя мнение целого ряда ученых о том, что для достижения целей Концепции согласованной агропромышленной политики, принятой в Евразийском экономическом союзе, необходимы не абстрактное партнерство, а реальное экономическое взаимодействие наших стран в целях обеспечения конкурентоспособности на мировом аграрном рынке, эта ситуация выглядит достаточно напряженной, но в перспективе, решаемой. Актуальной задачей сейчас является появление единой информационно-коммуникационной системы АПК государств – участников евразийской агропродовольственной системы, что призвано значительно стимулировать решение важнейшей проблемы поиска потенциальных партнеров среди производителей, переработчиков и поставщиков сельскохозяйственной продукции и продовольствия на общем аграрном рынке Евразийского экономического союза и будет способствовать налаживанию эффективных кооперационных связей в сфере АПК.

Все без исключения детерминанты, составляющие основу для организационно-экономического механизма функционирования агропродовольственного сектора экономики России в условиях евразийской агропродовольственной системы сопряжены с важнейшей проблемой – обеспечением продовольственной безопасности.

Данная проблема приобретает сегодня все большее значение для всех стран, так как «нарастающая напряженность на мировом агропродовольственном рынке и его основных продуктовых сегментах, а также возрастающая потребность в продовольствии постоянно вынуждают каждое государство и отдельные их

группы искать наиболее рациональные пути удовлетворения своих внутренних потребностей в сельскохозяйственной продукции, сырье и продовольствии. Во избежание и снижения негативных последствий мирового продовольственного кризиса для обеспечения продовольственной независимости меры реагирования на разного рода риски, угрозы и вызовы вынуждены принимать все государства, независимо от уровня обеспеченности населения отечественным продовольствием. В результате изменяется концепция обеспечения населения продовольствием и организационно-экономический механизм ее реализации – от оказания продовольственной помощи к управлению отдельными рисками и угрозами, от международной гуманитарной помощи к усилению государственной ответственности за обеспечение своего населения продовольствием» [55, с. 86].

Мы полностью разделяем точку зрения академика РАН А.И. Алтухова, полагающего, что «для России как интегратора развития Евразийского экономического союза… особое значение имеет достижение его коллективной продовольственной безопасности. Под ней следует понимать способность Союза надежно обеспечивать продовольственную независимость, гарантировать физическую и экономическую доступность продовольствия для населения в количестве и качестве, необходимых для активной и здоровой жизни преимущественно за счет отечественного производства, сбалансированности продуктовых сегментов агропродовольственных рынков, рационального использования ресурсного потенциала национальных АПК, развития межгосударственной интеграции и кооперации, совершенствования территориально-отраслевого разделения труда в агропромышленном производстве» [55, с. 88].

Следует особенно подчеркнуть, что «интенсивность процесса формирования и укрепления коллективной продовольственной безопасности Союза определяется не только наличием у каждого его государства множества внутренних и внешних причин, в разной степени сдерживающих развитие национальных АПК, агропродовольственных рынков и их продуктовых сегментов, но и тем на каком уровне своего развития они находятся, а также насколько совпадают

экономические и другие интересы отдельных государств – членов ЕАЭС, насколько рациональна их внешняя торговая политика продовольственными товарами и сельскохозяйственным сырьем в отношении третьих стран. Наибольший эффект возможен только в том случае, если каждое государство – член ЕАЭС будет ориентироваться на увеличение производства и вывоз тех видов продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья, традиционно наиболее эффективных в местных условиях, и ввоз их дефицитных видов, потребность в которых та или иная страна Союза в силу ряда внутренних и внешних объективных причин не может полностью удовлетворить за счет наращивания отечественного производства» [55, с. 91-92].

К огромному сожалению, ключевые и системные моменты, о которых рассуждает академик РАН А.И. Алтухов и которые связаны с детерминантой экспорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия, остаются сегодня одними из самых слабых звеньев организационно-экономического механизма функционирования евразийской агропродовольственной системы.

В настоящее время опережающему развитию национального АПК со стороны государства уделяется самое пристальное внимание, о чем свидетельствует принятый Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.». Данный документ предусматривает, что «в целях осуществления прорывного научно-технологического и социально-экономического развития Российской Федерации» предусматривается «создание в базовых отраслях экономики, прежде всего в обрабатывающей промышленности и агропромышленном комплексе, высокопроизводительного экспортно ориентированного сектора, развивающегося на основе современных технологий и обеспеченного высококвалифицированными кадрами» [34]. Настоящим указом также предусмотрена разработка (корректировка) национальных проектов (программ), включая такую важную для АПК России сферу, как «международная кооперация и экспорт». Указом Президента РФ закреплено, что «Правительству Российской Федерации при разработке национальной программы в сфере

развития международной кооперации и экспорта исходить из того, что в 2024 г. необходимо обеспечить» выполнение, например, таких серьезных целевых показателей, как: «формирование в обрабатывающей промышленности, сельском хозяйстве, сфере услуг глобальных конкурентоспособных несырьевых секторов, общая доля экспорта товаров (работ, услуг) которых составит не менее 20% валового внутреннего продукта страны; достижение объема экспорта (в стоимостном выражении) несырьевых неэнергетических товаров в размере 250 млрд долл. США в год, в том числе продукции машиностроения – 50 млрд долл. США в год и продукции агропромышленного комплекса – 45 млрд долл. США в год, а также объема экспорта оказываемых услуг в размере 100 млрд долл. США в год» и др. [34]. Отдельного и самого серьезного внимания в отмеченном Указе Президента РФ заслуживают положения, связывающие выполнение данных показателей с эффективным достижением к 2024 г. такой цели, как «формирование эффективной системы разделения труда и производственной кооперации в рамках Евразийского экономического союза в целях увеличения объема торговли между государствами – членами Союза не менее чем в полтора раза и обеспечения роста объема накопленных взаимных инвестиций в полтора раза» при решении задач по «ориентации промышленной, аграрной и торговой политики, включая применяемые механизмы государственной поддержки, на достижение международной конкурентоспособности российских товаров (работ, услуг) в целях обеспечения их присутствия на внешних рынках», а также «завершение формирования в рамках Евразийского экономического союза общих рынков товаров, услуг, капитала и рабочей силы, включая окончательное устранение барьеров, ограничений и отмену изъятий в экономическом сотрудничестве, при одновременном активном использовании механизмов совместной проектной деятельности» [34].

Серьезную озабоченность при этом вызывает тот факт, что практически все экспортные инициативы предусматривают исключительно национальный уровень реализации и не затрагивают использование взаимного экспортного агропродовольственного потенциала ЕАЭС. Таким образом, каждое государство –

участник общего агропродовольственного рынка решает вопросы развития своего экспорта самостоятельно. Это, в свою очередь, сильно осложняет саму идею аграрной интеграции, так как не дает в полной мере сконцентрироваться на тех ключевых моментах о которых говорил академик РАН А.И. Алтухов: «сбалансированности продуктовых сегментов агропродовольственных рынков, рациональном использовании ресурсного потенциала национальных АПК, развитии межгосударственной интеграции и кооперации, совершенствовании территориально-отраслевого разделения труда в агропромышленном производстве» [55, с. 88]. Реализация детерминанты развития экспорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия исключительно на национальном уровне будет способствовать превращению участников евразийской аграрной интеграции в серьезных соперников, когда вместо того, чтобы «ориентироваться на увеличение производства и вывоз тех видов продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья, традиционно наиболее эффективных в местных условиях, и ввоз их дефицитных видов, потребность в которых та или иная страна Союза в силу ряда внутренних и внешних объективных причин не может полностью удовлетворить за счет наращивания отечественного производства», они будут распылять свои ресурсы в попытке произвести весь спектр агропродовольственной продукции. Данная политика будет губительна для реализации концепции коллективной продовольственной безопасности, когда национальные интересы будут доминировать над наднациональными, что ставит под сомнение саму идею полноценной и эффективной евразийской агропродовольственной системы.

Необходимо еще раз акцентировать внимание на том, что полномочия ЕЭК в сфере формирования экспортной политики, регламентированной Договором о ЕАЭС, сегодня остаются крайне ограниченными. Подобная ситуация не позволяет определять общие приоритеты интеграционного объединения в экспорте продукции АПК, так как каждая страна – участница евразийской агропродовольственной системы проводит экспортную политику самостоятельно, при этом совместные меры по развитию экспорта включают

только страхование и кредитование экспорта, международный лизинг, продвижение понятия «товар Евразийского союза» единую маркировку товаров Союза, выставочно-ярмарочную и экспозиционную деятельность, а также рекламные мероприятия за рубежом. Данных мер явно недостаточно для развития общего экспортного потенциала АПК Евразийского экономического союза в глобальной агропродовольственной системе и изменение ситуации требует от государств большей политической воли в переносе своих самостоятельных действий по развитию экспорта продукции АПК с национального на межгосударственный уровень с разработкой соответствующих стратегических и программно-целевых документов.

Обращая еще раз свое внимание на исследование академика РАН А.И. Алтухова, следует согласиться с тем, что «достижение коллективной продовольственной безопасности ЕАЭС является сложной комплексной проблемой как на уровне отдельного государства, так и Союза в целом. Ее совместное решение возможно лишь на основе парадигмы научно-технического развития аграрной сферы экономики и особенно ее базовой отрасли – сельского хозяйства, реализации согласованных эффективных экономических механизмов, предусматривающих одновременно оптимальное сочетание рыночного саморегулирования и государственного воздействия на производство, обмен, распределение и потребление продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья. При этом система обеспечения коллективной продовольственной безопасности государств – членов ЕАЭС является основой их экономической и национальной независимости…» [55, с. 100].

К большому сожалению, этой парадигмы сегодня очень не хватает, при этом многие проблемы в сельском хозяйстве стран – членов ЕАЭС являются общими. Достаточно, например, взглянуть на статистику, показывающую степень износа основных фондов в сельском, лесном и рыбном хозяйстве (таблица 32).

Таблица 32 – Износ основных фондов в сельском, лесном и рыбном хозяйстве, % (на конец года)

Страна	2013	2014	2015	2016	2017
Армения	43,6	46,1	46,3	43,7	…
Беларусь[1]	38,7	38,8	38,5	38,5	…
Казахстан	17,6	20,2	17,3	16,5	…
Кыргызстан	27,5	29,0	32,0	33,4	…
Россия[2]	42,1	43,5	41,6	41,2	41,3

Примечание – Составлено автором по: [45].
[1] С 2013 по 2015 г. – сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство.
[2] Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство.

Представленная в таблице информация наглядно демонстрирует необходимость глубокой и крупномасштабной модернизации основных фондов в АПК, без которой невозможно дальнейшее эффективное развитие производства сельскохозяйственного сырья и продовольствия, развитие экспорта и обеспечение продовольственной безопасности. В том, что этот вопрос необходимо решать нет никаких сомнений, однако как его решать остается серьезной проблемой. Пока не существует никакой наднациональной программы, организационно-экономического механизма и процедурных порядков обновления основных фондов в АПК с учетом коллективных интересов всех стран – членов ЕАЭС. То есть, опять мы имеем аналогичную проблему, которая похожа на проблему развития детерминанты экспорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия. Если каждое из государств-участников самостоятельно и исключительно на национальном уровне будет принимать решения об обновлении основных фондов в АПК, потом будет пытаться защитить свои капиталовложения, ограничивая в данный сегмент продовольственного рынка доступ конкурентов из других стран – членов ЕАЭС и, наоборот, стимулировать выход аграрной продукции, изготовленной с помощью обновленных основных фондов, на общий евразийский агропродовольственный рынок, это приведет к распылению ресурсов, усилению внутренней конкуренции и не позволит сформировать полноценную евразийскую агропродовольственную систему. ЕАЭС останется всего лишь суммой рынков без какой-либо системной аграрной

интеграции, позволяющей получить серьезный положительный синергетический эффект для всех участников.

Несовпадение национальных и коллективных агропродовольственных интересов в ЕАЭС является огромной проблемой, внимание которой уделяет академик РАН А.И. Алтухов: «Вследствие несовпадения национальных интересов остается относительно высокой доля разного рода ограничений во взаимной торговле продовольственными товарами и сельскохозяйственным сырьем, которые часто используются каждым государством не в качестве необходимой и вынужденной защитной экономической меры, а преимущественно как административный ресурс в конкурентной борьбе на союзном агропродовольственном рынке. В результате в каждом из государств в основном реализуется экономический механизм функционирования агропродовольственного рынка, в определенной степени отличный от других. При этом большинству рисков и угроз национальной продовольственной безопасности страны Союза противодействуют преимущественно самостоятельно. В каждой из них определены национальные приоритетные направления и механизмы обеспечения продовольственной безопасности, функционируют собственные системы ее оценки и мониторинга, основанные до последнего времени на комплексе отличающихся критериев и показателей» [55, с. 95].

Реальность, о которой рассуждает А.И. Алтухов пока находится в резком контрасте, с тем, что из себя представляет европейская агропродовольственная система, о которой очень кратко, но предельно емко высказался еще один очень известный ученый в области аграрной экономики, академик РАН В.И. Назаренко: «В связи с последовательным объединением Европы создавалось всё более мощное экономическое образование с емким внутренним рынком, внутрирегиональным разделением труда и специализацией, но с единой системой защиты от мирового рынка. Мировая наука и практика накопили значительный арсенал средств аграрного протекционизма – различного рода таможенные тарифы, квотирование, качественный контроль и т.д. Однако в Европейском союзе была отработана своя оригинальная и очень действенная система защиты производителя и стимули-

рования экспорта по мере превращения Европейского союза в крупнейшего наряду с США экспортера сельскохозяйственных товаров» [192, с. 48].

Безусловно, невозможно использовать исключительно европейский опыт для проекции на евразийскую агропродовольственную систему, в ней существует своя специфика. Однако, этот опыт не может быть проигнорирован и здесь очень уместно привести высказывание академика РАН И.Н. Буздалова, подчеркивающего следующее: «Очевидно, что прогрессивный мировой опыт развития сельского хозяйства – результат совсем другой аграрной политики, базирующейся на прочной теоретической основе, объективных закономерностях развития аграрных отношений. Призывать к его использованию, но ничего не менять и далее, оставляя сельское хозяйство страны в состоянии глубокого системного кризиса, или ограничиваться полумерами – значит продолжать, спотыкаясь идти по «особому российскому» пути с его во многом советской «спецификой», в своеобразных формах трансформировавшейся в структуру нынешней вертикали власти с ее «административным» ресурсом и волевыми решениями, в том числе в аграрной политике. В условиях, когда такие решения или благовидные декларации стали нормой, надеяться, что сельское хозяйство может выйти из трясины глубокого кризиса – значит предаваться иллюзиям. Преодолеть этот кризис можно, судя по опыту развитых стран, лишь в рамках последовательно протекционистской модели аграрных отношений как необходимого условиях осуществления последовательной интенсификации сельского хозяйства. Изобретать какие-то особые, «российские», псевдотеоретические конструкции, которые «умом не понять» и втискивать в них реальную аграрную политику – это путь в никуда не только для сельского хозяйства, но и для страны в целом» [77, С.12-13].

Звучит это высказывание достаточно жестко, однако оно в полной мере позволяет задуматься о будущем агропродовольственного сектора российской экономики в чрезвычайно сложных условиях интеграционного воздействия факторов внешней среды, быстрой смены этих факторов и их постоянной трансформации, появления новых экстремальных факторов и необходимости их

надлежащего исследования с учетом накопленного человечеством опыта в области исследования аграрной экономики.

Предложенные в четвертой главе диссертационной работы ключевые детерминанты межгосударственного взаимодействия в сфере АПК не должны остаться просто «декларациями о намерениях», которые без соответствующей координации и наднационального подхода к реализации могут способствовать еще большей консервации общеизвестных проблем российского АПК и сельского хозяйства. И здесь изобретать свой собственный путь, то есть следовать той традиционной модели поведения, о которой рассуждает академик РАН И.Н. Буздалов, означает лишь ускорение данных негативных процессов в эпоху стремительных изменений. Дело в том, что в условиях интенсивного интеграционного воздействия факторов внешней среды, АПС национальной экономики становится очень уязвим перед многими старыми проблемами, которые имели место быть в АПК, но сдерживались национальным уровнем государственного регулирования. Сегодня наднациональный уровень начинает все больше вытеснять национальный уровень государственного регулирования АПК и это правильно, так как в условиях той глубины интеграции, которые выбрали наши страны в рамках ЕАЭС, этот уровень может дать гораздо больше возможностей для национальных АПК при использовании соответствующих инструментов, в том числе тех, о которых было сказано в настоящей главе. Однако отсутствие политической воли или соответствующих условий для формирования организационно-экономического механизма евразийской агропродовольственной системы, перевод на наднациональный уровень государственного регулирования АПК только отдельных детерминант, предложенных в диссертационной работе, может значительно ослабить позиции АПС экономики России, которые у нас были до начала интенсивных интеграционных процессов в рамках реализации масштабного евразийского проекта.

Сегодня интеграционное воздействие на агропродовольственный сектор экономики заключается во влиянии, вызванном процессами интеграции агропродовольственных рынков с учетом возможности для усиления этих

процессов или их ослабевания, в большей степени позитивного или негативного влияния для триады экономических агентов агропродовольственного сектора в целом (государство и органы государственного управления, предприятия или фирмы и домашние хозяйства), или определенной его части в зависимости от комбинации факторов внешней среды (экономических, политических, технологических, социальных и других) в конкретный момент времени, возможности управления этими комбинациями факторов, усиления действия отдельных факторов или их комбинаций в интересах синергии интеграции агропродовольственных рынков, степени адаптивности агропродовольственного сектора, как объекта воздействия факторов внешней среды.

Таким образом, государственное регулирование АПС экономики России сегодня должно стать неотъемлемым и органичным элементом наднационального организационно-экономического механизма государственного регулирования евразийской агропродовольственной системы. Только в этом случае развитие АПС национальной экономики в условиях интеграционного воздействия факторов внешней среды будет по настоящему эффективным и позволит укрепить ключевые позиции отечественного АПК и сельского хозяйства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теоретико-методологические положения аграрной экономики, затрагивающие проблемы интеграционного воздействия факторов внешней среды, в настоящее время попадают в орбиту пристального внимания все большего количества ученых-исследователей, экспертов и специалистов-практиков. Это связано с тем, что за последние несколько лет сельское хозяйство превратилось в приоритетную для внимания государства отрасль, которая имеет огромный потенциал для своего развития, эффективная реализация которого может серьезно укрепить стабильность внутреннего агропродовольственного рынка, значительно увеличить конкурентоспособность отечественных предприятий АПК и сельского хозяйства на сложных и динамичных внешних рынках, решить многие важнейшие стратегические задачи общего поступательного и качественного развития национальной экономики, стоящие перед Россией в эпоху глобальной нестабильности и турбулентности внешней среды. Мы полностью разделяем мнение советского и российского экономиста, академика АН СССР и РАН О.Т. Богомолова, подчеркивающего следующее: «Сельское хозяйство традиционно воспринималось как малоперспективная и отнюдь не приоритетная отрасль в осуществлении модернизации страны. Между тем, реформы, обусловившие беспрецедентный подъем китайской экономики, начинались именно с аграрной сферы. И у нас в ней заключены огромные неиспользуемые резервы ускоренного и устойчивого развития, а также обеспечения безопасности страны» [71, с. 10]. Современные реалии показывают всю правоту этого утверждения и еще раз подчеркивают огромную значимость АПК как объекта исследования в современной российской экономической науке.

Агропродовольственный сектор, являясь одной из ключевых и стратегически важных подсистем национальной экономики, в постсоветский период ускорил процессы своей существенной трансформации под влиянием разнообразных интеграционных инициатив. Это способствовало появлению принципиально новых моментов в его развитии, сложных и многоаспектных, в

определенной степени междисциплинарных, но крайне интересных для исследования специалистами в сфере экономики АПК. Данное обстоятельство предопределило актуальность и выбор темы нашего исследования, постановку цели и основных задач диссертационной работы, направленных на разработку новых теоретических положений в этой области аграрной экономики, решение научных проблем, имеющих важное хозяйственное значение для эффективного развития АПС экономики России.

По результатам проведенного диссертационного исследования можно констатировать, что цель работы достигнута, поставленные задачи решены в полном объеме. Основные теоретико-методологические выводы и практические рекомендации заключаются в следующем:

1. Рассматривая в диссертационном исследовании весомый пласт научных работ зарубежных и отечественных ученых, представляющих различные точки зрения на такую сложную, многогранную категорию, как «интеграция», принимая во внимание генезис понятий и разнообразие подходов к дефинициям «экономическая интеграция», «агропродовольственный сектор», «агропродовольственный рынок» в научной литературе, в диссертации представлена авторская точка зрения на термин «интеграционное воздействие», что позволило развить методологические положения, касающиеся особенностей интеграции агропродовольственных секторов как рыночных систем.

2. Развитие теоретико-методологических положений, касающихся функционирования агропродовольственного сектора экономики в условиях интеграционного воздействия факторов внешней среды опиралось на «концепцию интегральной многофункциональности агропродовольственного сектора» академика РАН Э.Н. Крылатых, что позволило сконцентрировать наше внимание в диссертационной работе на экономическом аспекте интегральной многофункциональности АПС в национальной социально-экономической системе, развить методологические положения интеграции агропродовольственных рыночных систем и предложить авторскую типологию моделей интеграции («Интеграционный секторальный ромб») агропродовольственных секторов (АПС)

национальных экономик, позволяющую выделить четыре базовых сценария, когда территориально обособленные агропродовольственные рынки интенсифицируют формирование устойчивых взаимосвязей между собой. В диссертационной работе продемонстрированы особенности взаимопроникновения и взаимовлияния данных базовых сценариев, их способность эволюционировать, видоизменяться и трансформироваться друг в друга на определенных этапах реализации, образуя при этом общую матрицу интеграционного ромба.

3. Интеграционное воздействие факторов внешней среды на агропродовольственный сектор экономики России исследовано как комплексное, многоаспектное и междисциплинарное по своей сути понятие, проявляющее дуальность своего характера через форматы и механизмы реализации, что создает целый спектр сложных методологических научных проблем, от решения которых, во многом зависит эффективность функционирования национального АПК.

4. Проведенный в диссертационной работе анализ особенностей мощной трансформации в экономической, правовой и управленческой сферах АПК под влиянием евразийских интеграционных процессов, доказывает, что формат Евразийского экономического союза является гораздо более трудным в методологическом плане, нежели многосторонний формат зоны свободной торговли СНГ, так как порождает принципиально новый категориально-понятийный аппарат, который требует уточнения и развития для последующего обоснования глубины интеграции агропродовольственного сектора экономики России в формирующуюся евразийскую агропродовольственную систему. Установлено, что в научный оборот постепенно начинают входить такие понятия, как «согласованная политика», «скоординированная политика», «единая политика», появляются новые сложные и комплексные экономические категории, связанные с развитием и функционированием рынков в условиях интенсификации и углубления интеграционных процессов: «препятствия», «барьеры», «изъятия», «ограничения» При этом многие ученые-исследователи смешивают данные понятия, некоторые используют их как синонимы, что затрудняет общую методологию исследований, связанных с анализом формирования и развития

АПК под влиянием процессов евразийской экономической интеграции. В диссертации представлены методологические положения, уточняющие данный категориально-понятийный аппарат, что позволяет выявлять и обосновывать ключевые детерминанты возможных конфликтов национальных интересов в сфере АПК, проявляющие себя через реформирование системы государственного регулирования. Представленные теоретико-методологические положения могут быть использованы для решения новых научных задач, затрагивающих данную область аграрной экономики.

5. В работе выявлены и систематизированы факторы, препятствующие более глубокой интеграции аграрных рынков стран – участниц евразийской агропродовольственной системы. Дана оценка уровню воздействия препятствий (барьеры, изъятия, ограничения) и экстремальных факторов, действующих на общем рынке евразийской агропродовольственной системы. Построена матрица глубины интеграции рынков евразийской агропродовольственной системы, которая может быть использована бизнесом и органами власти в качестве инструмента для обоснования своих управленческих решений. В диссертационной работе показано, что сейчас на практике в системе государственного наднационального и национального регулирования агропродовольственных рынков присутствует вся анализируемая триада «препятствий» («барьеры», «ограничения», «изъятия»). Таким образом, мы находимся в самом начале долгого и трудного пути по совершенствованию политики интеграционного воздействия на национальные АПК с точки зрения получения долгосрочных и взаимовыгодных экономических эффектов от их сосуществования не просто как суммы рынков, но как общей рыночной системы, где своеобразным эталоном, несмотря на определенные минусы, остается агропродовольственная рыночная система ЕС.

6. Диссертация представляет обоснование того, что чем более глубокий этап интеграции проходят агропродовольственные рынки стран-участниц, тем в большей степени национальный агропродовольственный сектор оказывается в зависимости от внешней среды, когда влияние на него, вызванное соответствующими интеграционными процессами, становится все более

целенаправленным и регулярным (систематическим), а интеграционное воздействие может как значительно усиливаться, так и ослабевать, быть в большей степени позитивным («позитивная» интеграция) или негативным («негативная» интеграция) для национального АПС в целом, или определенной его части в зависимости от комбинации факторов внешней среды (экономических, политических, технологических, социальных и других) в конкретный момент времени, возможности управления этими комбинациями факторов, усиления действия отдельных факторов или их комбинаций в интересах синергии национальных АПС как качественно новой формируемой системы, степени адаптивности этой системы, как объекта воздействия факторов внешней среды.

7. В диссертационной работе выявлены и систематизированы особенности интеграционного воздействия внешней среды на агропродовольственный сектор экономики в условиях влияния института Всемирной торговой организации. Функционирование Евразийского экономического союза, который включает в себя единство таможенной территории и полноформатные механизмы таможенного союза, сегодня порождает серьезнейшие риски для агропродовольственного сектора экономики России, связанные с разным позиционированием стран – членов данного регионального торгового соглашения (РТС) в ВТО, их разными тарифными обязательствами перед этим институтом, Данный тип РТС провоцирует конфликты между ее внутренним («регионализм») и внешним («многосторонность») контурами для стран-участниц, что для агропродовольственных рынков становится мощным дестабилизирующим фактором, так как при единстве таможенной территории наблюдаются серьезные изъятия из функционирования единого таможенного тарифа, приводящие к искажению условий торговли на общем рынке сельскохозяйственного сырья и продовольствия Евразийского экономического союза, позволяющие получить дополнительные конкурентные преимущества предприятиям АПК одних стран РТС в ущерб другим. В диссертации обоснована роль экономико-правовых изъятий, воздействующих на агропродовольственный сектор экономики России и вызванных вступлением России в ВТО, учетом принятых нашей страной

тарифных обязательств в сфере АПК, а также последующим вступлением Казахстана в ВТО и расхождением его тарифных обязательств на продукцию АПК с тарифными обязательствами России в условиях функционирования единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза. Выделены основные последствия данных экономико-правовых изъятий для агропродовольственного сектора экономики России, с учетом присоединения к Евразийскому экономическому союзу в качестве членов ВТО Республики Армения и Киргизской Республики, рисков от присоединения к ВТО Республики Беларусь в качестве полноформатного участника ЕАЭС.

8. В исследовании обоснована роль агропродовольственного сектора экономики России как центрального звена в процессах формирования и развития ядра аграрной интеграции евразийской агропродовольственной системы. В настоящий момент формируется модель «ядро (Евразийский экономический союз) – полупериферия (СНГ) – периферия (Постсоветское пространство)», когда отдельные национальные АПК начинают встраиваться в формат очень глубокой интеграции, требующей, с одной стороны, отказа от полной самостоятельности в угоду согласованных, скоординированных или даже единых подходов стран-членов к реализации агропромышленной политики, но, с другой стороны, призвано многократно усилить интересы национальных АПК на региональном рынке Евразийского экономического союза и в глобальной агропродовольственной системе. Другие страны постсоветского пространства продолжат оставаться самостоятельными игроками на аграрных рынках, постепенно уходя на орбиту полупериферии или периферии аграрной интеграции, что будет снижать их экономический потенциал на общих аграрных рынках евразийской и глобальной агропродовольственных систем. Учитывая емкость национальных рынков евразийской агропродовольственной системы, уровень технологического развития сферы АПК этих рынков, объем финансовых ресурсов, находящихся в распоряжении государств и выделяемых на развитие сельского хозяйства, следует подчеркнуть, что агропродовольственный сектор экономики России становится

центром притяжения, является центральным звеном в процессах формирования и развития ядра аграрной интеграции на постсоветском пространстве.

9. Диссертационная работа доказывает, что ядро формирующейся евразийской агропродовольственной системы должно работать не просто на принципах безбарьерной среды, но с постепенным отказом от любых ограничений в механизмах его наднационального государственного регулирования, планомерным и полным сокращением изъятий, что призвано стать катализатором формирования единой агропромышленной политики в ЕАЭС, поддерживающей становление и развитие глубокого территориально-отраслевого разделения труда в национальных АПК интеграционного объединения на принципах рационализации сельскохозяйственной специализации и размещения сельскохозяйственного производства. В диссертации разработан интегральный показатель, определяющий эффективность работы ядра в предложенной модели аграрной интеграции «ядро – полупериферия – периферия».

10. В диссертационном исследовании дано авторское определение дефиниции «таможенный эффект», разработана научно-практическая концепция выявления и систематизации таможенных эффектов, направленных на агропродовольственный сектор экономики России и национальный АПК под влиянием существенного изменения условий и механизмов таможенного регулирования аграрных рынков евразийской агропродовольственной системы. Доказано, что это приводит к возникновению новых рисков и вызовов для государственного регулирования товарообмена продукции АПК на российском рынке.

11. Установлено, что наиболее значимым таможенным эффектом, возникающим для агропродовольственного сектора экономики России на протяжении с 2014 г. по настоящее время, является результат трансформации таможенного регулирования аграрных рынков евразийской агропродовольственной системы под действием национальной политики продовольственных контрсанкций, проводимой Россией в интересах ускоренного импортозамещения. Доказано, что данный эффект является следствием серьезного экономико-правового изъятия в

принципах функционирования единой таможенной территории евразийской агропродовольственной системы и служит катализатором, препятствующим обеспечению справедливой конкуренции между субъектами стран Евразийского экономического союза, в том числе равных условий доступа на общий аграрный рынок, предопределяет необходимость создания эффективного национального механизма мониторинга и сокращения негативного влияния данного таможенного эффекта в интересах ускоренного импортозамещения в АПК России, повышения эффективности развития агропродовольственного сектора национальной экономики.

12. В диссертации разработан алгоритм, определяющий особенности формирования механизма государственного регулирования рыночных отношений в АПК России с учетом реализуемых принципов ускоренного импортозамещения и экспорторасширения, воздействие которого направлено на сокращение негативного таможенного эффекта от реэкспортных схем поставок контрсанкционной агропродукции и продовольствия. Представленный алгоритм включает в себя пять взаимосвязанных этапов: 1) закупка санкционной в России продовольственной продукции контрагентами, расположенными на территории государств – участников Евразийского экономического союза; 2) нелегальная отправка образцов продукции в Россию для сертификации и получение деклараций о соответствии товаров; 3) закупка продуктов с сомнительной сертификацией российскими компаниями – участницами ВЭД; 4) поступление выручки с продаж на расчетные счета российских компаний; 5) перевод денежных средств контрагентам в страны Евразийского экономического союза. Применение данного алгоритма позволяет усилить меры воздействия контрольно-надзорных органов Российской Федерации в системе государственного регулирования аграрных рынков и интеграционного взаимодействия субъектов хозяйствования АПК.

13. В диссертационном исследовании раскрыта и систематизирована группа проблем, способствующих возникновению конфликта национальных интересов в евразийской агропродовольственной системе в результате перемещения отдельных товаров пищевой промышленности с высокой

добавленной стоимостью на рынок России и вызванная отсутствием полной гармонизации наднационального экономико-правового регулирования объектов интеллектуальной собственности, что серьезно ограничивает перемещение между странами евразийской агропродовольственной системы в рамках общего внутреннего рынка товаров пищевой промышленности, маркированных отдельными товарными знаками, наносит экономический ущерб российским предприятиям пищевой промышленности и затрудняет эффективную реализацию концепции «четырех свобод».

14. В диссертационной работе обоснованы стратегические детерминанты развития агропродовольственного сектора экономики России, предложены базовые элементы организационно-экономического механизма повышения эффективности его функционирования как составной части механизма согласованной (скоординированной) агропромышленной политики Евразийского экономического союза. Одной из самых сложных детерминант, несмотря на определенные весомые заделы, сделанные на уровне ЕЭК и национальных органов, включая Минсельхоз России, Минэкономразвития России, Минпромторг России, Минфин России, ФТС России продолжает оставаться детерминанта регулирования общего аграрного рынка. Российский агропродовольственный сектор сегодня очень уязвим перед серьезным количеством «товаров изъятия», попадающих в каналы евразийской товаропроводящей агропродовольственной системы, потоки которых ориентированы на Россию. Для укрепления конкурентоспособности наших сельхозпроизводителей в условиях реализации инициатив по импортозамещению и экспорторасширению в диссертации предложен механизм прослеживаемости подобных агропродовольственных «товаров изъятия», призванный усилить качество в управлении экономическими процессами и в полной мере реализовать интересы АПК России на принципиально новом фундаменте цифровой экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.) (ред. от 15 марта 2018 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 19.02.2019).

2. Договор стран СНГ от 24 сентября 1993 г. «О создании Экономического союза» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5465/520a8042be91e960770b3f2d18f31dd69c3e2b9d/ (дата обращения: 04.02.2017).

3. Договор о создании единой таможенной территории и формировании таможенного союза (подписан в г. Душанбе 6 октября 2007 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93361/ (дата обращения: 05.03.2018).

4. Договор о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы (подписан в г. Минске 19 мая 2011 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116602/#dst100001 (дата обращения: 03.10.2014).

5. Договор о зоне свободной торговли (подписан в г. Санкт-Петербурге 18 октября 2011 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121497/ (дата обращения: 08.02.2017).

6. Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза: решение Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 г. № 54 (в ред. от 18 октября 2016 г. № 101) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/catr/ett/Pages/default.aspx (дата обращения: 03.06.2019).

7. Концепция согласованной (скоординированной) агропромышленной политики государств – членов Таможенного союза и Единого экономического пространства: решение Высшего Евразийского экономического совета на уровне глав государств № 35 от 29 мая 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа :

http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_agroprom/agroprom/Documents/r_35_konc.pdf (дата обращения: 14.01.2019).

8. Концепция согласованной аграрной политики государств – участников СНГ (утв. решением Совета глав правительств СНГ о Концепции согласованной аграрной политики государств – участников СНГ от 30 мая 2002 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.cis.minsk.by/page.php?id=3514 (дата обращения: 09.02.2017).

9. План мероприятий по реализации Концепции согласованной (скоординированной) агропромышленной политики государств – членов Таможенного союза и Единого экономического пространства: решение Высшего Евразийского экономического совета № 94 на уровне глав правительств от 21 ноября 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.eurasiancommission.org/ru/Lists/EECDocs/635524547561768166.pdf (дата обращения: 14.01.2019).

10. Об отнесении видов продукции к сельскохозяйственной продукции и к продукции первичной переработки, произведенной из сельскохозяйственного сырья собственного производства: постановление Правительства РФ от 25 июля 2006 г. № 458 (ред. от 23 мая 2019 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61854/9cb43f615ba3f9ac0df04fb598e35a6db4c93031/ (дата обращения: 26.05.2019).

11. О реализации пилотного проекта по введению маркировки товаров контрольными (идентификационными) знаками по товарной позиции «Предметы одежды, принадлежности к одежде и прочие изделия, из натурального меха» и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 235» (вместе с «Правилами реализации пилотного проекта по введению маркировки товаров контрольными (идентификационными) знаками по товарной позиции «Предметы одежды, принадлежности к одежде и прочие изделия, из натурального меха»): постановление Правительства РФ от 11 августа 2016 г. № 787 (ред. от 14 марта

2019 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_203253/ (дата обращения: 23.05.2019).

12. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие внешнеэкономической деятельности»: постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 330 (ред. от 28 марта 2019 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162174/ (дата обращения: 12.04.2019).

13. О мерах по реализации указов Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 г. № 560, от 24 июня 2015 г. № 320, от 29 июня 2016 г. № 305, от 30 июня 2017 г. № 293, от 12 июля 2018 г. № 420 и от 24 июня 2019 г. № 293: постановление Правительства РФ от 7 августа 2014 г. № 778 (ред. от 7 октября 2019 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_167001/ (дата обращения: 10.10.2019).

14. О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 ноября 2015 г. № 583 «О мерах по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации и защите граждан Российской Федерации от преступных и иных противоправных действий и о применении специальных экономических мер в отношении Турецкой Республики»: постановление Правительства РФ от 30 ноября 2015 г. № 1296 (ред. от 26 октября 2017 г., с изм. от 20 марта 2018 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189734/ (дата обращения: 19.05.2018).

15. Об утверждении Положения о Департаменте агропромышленной политики Евразийской экономической комиссии: приказ Председателя Коллегии Евразийской экономической комиссии от 6 июня 2012 г. № 164 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_agroprom/Pages/O_Departamente.aspx (дата обращения: 10.11.2018).

16. Протокол о функционировании Евразийского экономического союза в рамках многосторонней торговой системы: приложение № 31 к Договору о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс]. – Режим доступа :

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/cacce0667c8b47c6337d74d7ccd1549298081691/ (дата обращения: 17.01.2016).

17. О некоторых вопросах ввоза и обращения товаров на таможенной территории Евразийского экономического союза: протокол от 16 октября 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.alta.ru/tamdoc/15bn0060/ (дата обращения: 03.02.2016).

18. О скоординированной политике в области развития биржевой торговли сельскохозяйственными товарами в рамках Евразийского экономического союза: рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 8 ноября 2016 г. № 19 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.alta.ru/tamdoc/16rk0019 (дата обращения: 14.03.2017).

19. Об обеспечении карантина растений в Евразийском экономическом союзе (вместе с «Положением о порядке осуществления карантинного фитосанитарного контроля (надзора) на таможенной границе Евразийского экономического союза», «Положением о порядке осуществления карантинного фитосанитарного контроля (надзора) на таможенной территории Евразийского экономического союза»): решение Комиссии Таможенного союза от 18 июня 2010 г. № 318 (ред. от 17 марта 2017 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102014/ (дата обращения: 14.03.2019).

20. О реализации основных направлений интеграции: решение Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 г. № 21 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://docs.cntd.ru/document/902388731/ (дата обращения: 17.01.2019).

21. О некоторых вопросах, связанных с присоединением Республики Казахстан к Всемирной торговой организации: решение Высшего Евразийского экономического совета от 16 октября 2015 г. № 22 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_187640/ (дата обращения: 03.02.2016).

22. О применении специальной защитной меры посредством введения предварительной специальной пошлины в отношении зерноуборочных комбайнов и модулей зерноуборочных комбайнов, ввозимых на единую таможенную территорию Таможенного союза: решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 25 декабря 2012 г. № 289 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.alta.ru/tamdoc/12kr0289/ (дата обращения: 02.06.2018).

23. О применении специальной защитной меры посредством введения импортной квоты в отношении зерноуборочных комбайнов и модулей зерноуборочных комбайнов: решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 25 июня 2013 г. № 143 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.alta.ru/tamdoc/13kr0143/ (дата обращения: 02.06.2018).

24. О выполнении Республикой Беларусь обязательств в рамках функционирования внутреннего рынка Евразийского экономического союза: решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22 мая 2018 г. № 84 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://docs.eaeunion.org/docs/ruru/01217848/clcd_25052018_84_doc.pdf (дата обращения: 12.10.2018).

25. Об утверждении Единых карантинных фитосанитарных требований, предъявляемых к подкарантинной продукции и подкарантинным объектам на таможенной границе и на таможенной территории Евразийского экономического союза: решение Совета Евразийской экономической комиссии от 30 ноября 2016 г. № 157 (ред. от 8 августа 2019 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_213642/ (дата обращения: 10.08.2019).

26. Об утверждении единого перечня карантинных объектов Евразийского экономического союза: решение Совета Евразийской экономической комиссии от 30 ноября 2016 г. № 158 (ред. от 8 августа 2019 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_213644/ (дата обращения: 10.08.2019).

27. О создании зоны свободной торговли: соглашение стран СНГ от 15 апреля 1994 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3635/ (дата обращения: 07.02.2017).

28. Соглашение об общем аграрном рынке государств – участников Содружества Независимых Государств (Москва, 6 марта 1998 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://base.garant.ru/1154623/ (дата обращения: 09.02.2017).

29. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза: приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/ (дата обращения: 03.04.2019).

30. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 30 января 2010 г. № 120 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96953/ (дата обращения 27.03.2018)

31. О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 6 августа 2014 г. № 560 (ред. от 24 июня 2019 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166922/ (дата обращения: 15.07.2019).

32. О мерах по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации и защите граждан Российской Федерации от преступных и иных противоправных действий и о применении специальных экономических мер в отношении Турецкой Республики: указ Президента РФ от 28 ноября 2015 г. № 583 (ред. от 25 июля 2019 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189498/ (дата обращения: 27.07.2019).

33. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения: 18.09.2018).

34. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.: указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 (ред. от 19 июля 2018 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/ (дата обращения: 17.02.2019).

35. О продлении действия отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 24 июня 2019 г. № 293 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_327381/ (дата обращения: 02.07.2019).

36. О специальных экономических мерах и принудительных мерах: федер. закон от 30 декабря 2006 г. № 281-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://base.garant.ru/12151317/ (дата обращения: 02.07.2019).

37. О безопасности: федер. закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (дата обращения: 02.07.2019).

38. О ратификации Договора о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы: федер. закон от 19 октября 2011 г. № 282-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102151257 (дата обращения: 17.02.2016).

39. О ратификации Протокола о некоторых вопросах ввоза и обращения товаров на таможенной территории Евразийского экономического союза: федер. закон от 30 декабря 2015 г. № 417-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.alta.ru/tamdoc/15fz0417/ (дата обращения: 03.02.2016).

40. О внесении изменений в статью 164 части второй Налогового кодекса Российской Федерации: федер. закон от 2 августа 2019 г. 268-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_330650/ (дата обращения: 14.08.2019).

41. «Белая Книга»: Барьеры, изъятия, ограничения Евразийского экономического союза. – М. : Евразийская экономическая комиссия, 2017. – 39 с.

42. Агропромышленная политика Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] / под ред. С. С. Сидорского. – Режим доступа :

http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_agroprom/Documents/Агропромышленная%20политика%20Евразийского%20экономического%20союза.pdf (дата обращения: 26.09.2018).

43. Агропромышленный комплекс СССР : стат. сб. / Госкомстат СССР. – М. : Финансы и статистика, 1990. – 207 с.

44. Агропромышленный комплекс. Статистика Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] : стат. сб. / Евразийская экономическая комиссия. – М., 2017. – 159 с. – Режим доступа : http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Agriculture_Statistics_Yearbook_2017.pdf (дата обращения: 16.05.2019).

45. Агропромышленный комплекс. Статистика Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] : стат. сб. / Евразийская экономическая комиссия. – М., 2018. – 132 с. – Режим доступа : http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Agriculture_Statistics_Yearbook_2018.pdf (дата обращения: 16.05.2019).

46. Агропромышленный комплекс: стратегические инициативы / В. В. Милосердов, А. Н. Сёмин, Ю. Р. Лутфуллин, М. М. Кислицкий ; [под науч. ред. В. В. Милосердова]. – М. : Фонд «Кадровый резерв», 2016. – 629 с.

47. Актуальные вопросы реализации государственной политики в сфере агропромышленного комплекса в контексте политики импортозамещения [Электронный ресурс] : [материалы круглого стола от 28 февраля 2019 г. в Совете Федерации]. – Режим доступа : http://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/103129/ (дата обращения: 14.04.2019).

48. Александрова, Л. А., Киреева Н. А. Трансформация агропродовольственной политики России в условиях членства в ВТО: институциональный анализ / Л. А. Александрова, Н. А. Киреева // Управление экономическими системами : электронный научный журнал. – 2013. – № 9(57). – Режим доступа : http://uecs.ru/uecs57-572013/item/2334-2013-09-07-06-31-42 (дата обращения: 01.03.2020).

49. Алтухов, А. И. Агропродовольственный сектор России в условиях «больших вызовов»: проблемы, риски, новые возможности / А. И. Алтухов, А. Н. Сёмин, Е. И. Семенова [и др.]. – М. : Фонд «Кадровый резерв», 2019. – 416 с.

50. Алтухов, А. И. Агропромышленный комплекс России в условиях формирования Евразийского экономического союза и членства в ВТО / А. И. Алтухов // Экономика АПК. – 2015. – № 1(243). – С. 88−95.

51. Алтухов, А. И. Возможные риски и угрозы национальной продовольственной безопасности и независимости / А. И. Алтухов // АПК: экономика, управление. – 2016. – № 5. – С. 4−16.

52. Алтухов, А. И. Зарубежные санкции как фактор ускоренного импортозамещения продукции на агропродовольственном рынке страны / А. И. Алтухов // Хлебопродукты. – 2015. – № 3. – С. 10−14.

53. Алтухов, А. И. Импортозамещение как необходимое условие обеспечения продовольственной независимости страны / А. И. Алтухов // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. – 2015. – № 4(25). – С. 2−7.

54. Алтухов, А. И. Интеграцию в аграрной сфере Евразийского экономического союза необходимо начинать с совершенствования территориально-отраслевого разделения труда в агропромышленном производстве / А. И. Алтухов // Проблемы и перспективы развития агропромышленного производства / под общ. ред. Л. Б. Винничек, А. А. Галиуллина. – Пенза : РИО ПГАУ, 2017. – С. 5−17.

55. Алтухов, А. И. Парадигма продовольственной безопасности России : монография / А. И. Алтухов. – М. : Фонд «Кадровый резерв», 2019. – 685 с.

56. Алтухов, А. И. Проблемы развития АПК страны и необходимость их ускоренного решения / А. И. Алтухов // Экономика сельского хозяйства России. – 2018. – № 4. – С. 2−14.

57. Алтухов, А. И. Продовольственная безопасность и импортозамещение – основные стратегические задачи современной аграрной политики / А. И. Алтухов, В. В. Дрокин, А. С. Журавлев // Экономика региона. – 2015. – № 3(43). – С. 256−266.

58. Алтухов, А. И. Российский АПК: современное состояние и перспективы развития / А. И. Алтухов, В. А. Кундиус. – М., 2004. – 601 с.

59. Алтухов, А. И. Территориально-отраслевое разделение труда в агропромышленном производстве России: методологические и методические аспекты / А. И. Алтухов // Экономика сельского хозяйства России. – 2010. – № 11. – С. 51−64.

60. Алтухов, А. И. Территориально-отраслевое разделение труда в агропромышленном производстве / А. И. Алтухов // АПК: экономика, управление. – 2015. – № 7. – С. 9−21.

61. Алтухов, А. И. Территориально-отраслевое разделение труда в агропромышленном производстве как фактор ускоренного импортозамещения / А. И. Алтухов // Импортозамещение в АПК России: проблемы и перспективы : монография. – М. : ФГБНУ ВНИИЭСХ, 2015. – 447 с.

62. Алтухов, А. И. Экономические проблемы развития аграрной сферы России в начальный период ее членства в ВТО / А. И. Алтухов // Хлебопродукты. – 2014. – № 7. – С. 4−9.

63. Анфиногентова, А. А. Теоретико-методологические основы формирования единой агропродовольственной политики / А. А. Анфиногентова // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2009. – № 1. – С. 1.

64. Анфиногентова, А. А. Теория системного управления межотраслевыми взаимодействиями в многоуровневых социально-экономических структурах / А. А. Анфиногентова // Экономика и управление. – 2016. – № 5(127). – С. 4−13.

65. АПК: первый год в условиях работы в ВТО : монография / под общ. И науч. ред. А. Н. Сёмина. – Тюмень : Изд-во ГАУ «Северного Зауралья», 2015. – 260 с.

66. Асимметрии региональных интеграционных проектов XXI века / под ред. В. И. Михайленко. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 476 с.

67. База таможенной статистики России [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://vedlord.com/ru/site/reports (дата обращения: 22.11.2019).

68. Белых, А. Г. Теория интеграции: общая политика как основа многонациональной интеграции / А. Г. Белых, О. А. Иншакова // Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция. – 2005. – № 7. – С. 43−54.

69. Беспахотный, Г. В. Задачи государственного планирования АПК и методы их решения / Г. В. Беспахотный // Экономика сельского хозяйства России. – 2015. – № 5. – С. 2−7.

70. Беспахотный, Г. В. Направления совершенствования механизмов реализации агропродовольственной политики / Г. В. Беспахотный // Агропродовольственная политика России. – 2015. – № 5(41). – С. 2−5.

71. Богомолов, О. Т. Перед вызовом кардинальных перемен / О. Т. Богомолов // Журнал экономической теории. – 2015. – № 1. – С. 7−14.

72. Богомолов, О. Т. Сложный путь интеграции России в мировую экономику / О. Т. Богомолов // Проблемы прогнозирования. – 2003. – № 2. – С. 1−16.

73. Борисенко, Е. Н. Агропродовольственный сектор в условиях переходного периода: реформы и перспективы (Россия, СНГ, Центральная и Восточная Европа) / Е. Н. Борисенко, А. Г. Папцов. – М. : РАСХН, 2000. – 326 с.

74. Борко, Ю. А. Некоторые уроки европейской интеграции / Ю. А. Борко // Вестник Российской академии наук. – 1993. – Т. 63, № 10. – С. 867−877.

75. Буздалов, И. Научные основы и современная стратегия аграрной политики в России / И. Буздалов // АПК: экономика, управление. – 2016. – № 3. – С. 8−21.

76. Буздалов, И. Современное положение в российском сельском хозяйстве и новые требования к аграрной политике / И. Буздалов, Б. Фрумкин // Общество и экономика. – 2014. – № 7−8. – С. 100−124.

77. Буздалов, И. Теоретические основы формирования эффективной системы аграрных отношений / И. Буздалов // АПК: экономика, управление. – 2014. – № 2. – С. 3−14.

78. Буздалов, И. Н. Аграрная теория: концептуальные основы, тенденции развития, современные представления / И. Н. Буздалов. – М. : Academia, 2005. – 344 с.

79. Буздалов, И. Н. Государственное регулирование аграрного сектора в условиях рыночных преобразований / И. Н. Буздалов, Б. Е. Фрумкин // Вопросы экономики. – 1993. – № 9. – С. 117−127.

80. Буторина, О. В. Европейский союз: модель для сборки / О. В. Буторина // Россия в глобальной политике. – 2004. – Т. 2, № 6. – С. 188−202.

81. Буторина, О. В. Понятие региональной интеграции: новые подходы / О. В. Буторина // Космополис. – 2005. – № 3. – С. 136−145.

82. Буторина, О. В. Экономическая интеграция и конвергенция / О. В. Буторина // Европа XXI века. Новые вызовы и риски : монография / под общ. ред. Ал. А. Громыко, В. П. Фёдорова. – М.−СПб. : Нестор-История, 2017. – С. 25−42.

83. Вардомский Л. Б. Россия и постсоветская регионализация / Л. Б. Вардомский // Россия и современный мир. – 2009. – № 3(64). – С. 83−107.

84. Вардомский, Л. Б. Новый проект евразийской интеграции стартовал: что дальше? / Л. Б. Вардомский, Л. З. Зевин // Общество и экономика. – 2013. – № 1−2. – С. 40−56.

85. Вардомский, Л. Б. Проблемы формирования евразийского полюса экономической силы и его позиционирование в мире / Л. Б. Вардомский, М. Ю. Глинкина, М. Ю. Головнин [и др.] // Мир перемен. – 2012. – Т. 1, № 2. – С. 162−177.

86. Вардомский, Л. Б. Россия в мировых процессах регионализации / Л. Б. Вардомский // Россия и современный мир. – 2008. – № 3(60). – С. 5−29.

87. Взаимная торговля товарами. Статистика Евразийского экономического союза. 2018 г. [Электронный ресурс] : стат. сб. / Евразийская экономическая комиссия. – М., 2019. – 258 с. – Режим доступа : http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/publications/Documents/Int_2018.pdf (дата обращения: 19.09.2019).

88. Винничек, Л. Б. К вопросу о проблеме продовольственной безопасности / Л. Б. Винничек, А. Г. Папцов, Е. В. Фудина // Нива Поволжья. – 2012. – № 3(24). – С. 61−64.

89. Винничек, Л. Б. Развитие организационно-экономических отношений в агропромышленном производстве (теория, методология, практика) : монография / Л. Б. Винничек. – Пенза : РИО ПГСХА, 2009. – 288 с.

90. Владимирова, И. Г. Глобализация мировой экономики: проблемы и последствия / И. Г. Владимирова // Менеджмент в России и за рубежом. – 2001. – № 3. – С. 97−111.

91. Внешняя торговля товарами. Статистика Евразийского экономического союза. 2018 г. : стат. сб. / Евразийская экономическая комиссия. – М. : Изд-во ООО «Сам полиграфист», 2018. – 556 с.

92. Воронин, Б. А. Государственная политика в аграрной сфера Российской Федерации / Б. А. Воронин, Н. Б. Фатеева // Аграрный вестник Урала. – 2014. – № 7(125). – С. 84−87.

93. Воронин, Б. А. Проблемные вопросы функционирования российского аграрного сектора в условиях ВТО / Б. А. Воронин // Аграрный вестник Урала. – 2013. – № 2(108). – С. 50−54.

94. Воронин, Б. А. Проблемы обеспечения продовольственной безопасности российского государства в условиях ВТО / Б. А. Воронин // Бизнес, менеджмент и право. – 2013. – № 1(27). – С. 37−42.

95. Воронин, Б. А. Проблемы правового регулирования развития АПК в условиях членства России в ВТО / Б. А. Воронин // Управленец. – 2014. – № 1(47). – С. 4−7.

96. Воронин, Б. А. Продовольствие в режиме экономических санкций: управленческий и правовой анализ / Б. А. Воронин, А. Н. Митин // Аграрный вестник Урала. – 2016. – № 12(154). – С. 82−88.

97. Воронин, Б. А. Управление агропромышленным комплексом Российской Федерации: система, современные задачи / Б. А. Воронин // Аграрный вестник Урала. – 2012. – № 8(100). – С. 75−78.

98. Воронин, Б. А. Экономико-правовые проблемы адаптации российского АПК в условиях ВТО / Б. А. Воронин, А. Н. Митин // Аграрное и земельное право. – 2012. – № 9(93). – С. 11−22.

99. Воронина, Т. В. Эволюция теоретических подходов к анализу развития международной экономической интеграции / Т. В. Воронина // Terra Economicus. – 2010.– Т. 8, № 3-3. – С. 208−215.

100. ВТО: угрозы и возможности в условиях выхода на международный рынок. Механизм взаимодействия национальных экономик / под ред. С. Ф. Сутырина. – М. : Эксмо, 2008. – 395 с.

101. Гавердовский, А. С. Цифровая платформа товаров ЕАЭС [Электронный ресурс] / А. С. Гавердовский // Тематическая сессия «Цифровая повестка в ЕАЭС: инициативы и проекты» в рамках Международного форума «Цифровая повестка в эпоху глобализации» в г. Алматы (2 февраля 2018 г.). – Режим доступа : http://eec.eaeunion.org/ru/act/dmi/workgroup/Pages/02-02-2018.aspx (дата обращения: 10.06.2019).

102. Гатаулина, Е. А. Адаптация поддержки сельского хозяйства в рамках госпрограммы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции в условиях членства России в ВТО / Е. А. Гатаулина, Р. Г. Янбых // Экономика сельского хозяйства России. – 2014. – № 10. – С. 19−26.

103. Глазьев, С. Ю. Европейский союз и Евразийское экономическое сообщество: сходство и различие процессов интеграционного строительства / С. Ю. Глазьев, В. И. Чушкин, С. П. Ткачук. – М. : ООО «ВИКОР МЕДИА», 2013. – 240 с.

104. Глазьев, С. Ю. Концептуальные предложения по практической реализации идеи большого евразийского партнерства / С. Ю. Глазьев // Наш дом – Евразия : материалы междунар. конф. (27 сентября 2018 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.eurasian-sp.ru/wp-content/uploads/2018/10/glazievsu.pdf (дата обращения: 19.01.2019).

105. Глазьев, С. Ю. Перспективы экономического развития СНГ при интеграционном и инерционном сценариях взаимодействия стран-участниц / С. Ю. Глазьев, Ф. Н. Клоцвог // Российский экономический журнал. – 2008. – № 7−8. – С. 24−34.

106. Глазьев, С. Ю. Реальное ядро постсоветской экономической интеграции: итоги создания и перспективы развития таможенного союза Белоруссии, Казахстана и России / С. Ю. Глазьев // Российский экономический журнал. – 2011. – № 6. – С. 56−81.

107. Головнин, М. Ю. Проблемы и перспективы интеграционной группировки ЕврАзЭС / М. Ю. Головнин // Евразийская экономическая интеграция. – 2008. – № 1. – С. 27−44.

108. Гусманов, Р. У. Импортозамещение сельскохозяйственной продукции на фоне санкций / Р. У. Гусманов, С. С. Низомов // Агропродовольственная экономика. – 2016. – № 8. – С. 7−13.

109. Гусманов, У. Г. Импортозамещение как стратегический фактор развития агропродовольственного комплекса региона / У. Г. Гусманов, Р. У. Гусманов, Е. В. Стовба // Аграрный вестник Верхневолжья. – 2017. – № 1(18). – С. 94−103.

110. Гусманов, У. Г. Разработка стратегии импортозамещения в агропродовольственной сфере как актуальное направление научных исследований / У. Г. Гусманов, Р. У. Гусманов, Е. В. Стовба // Никоновские чтения. – 2016. – № 21. – С. 66−69.

111. Гущян, А. Ф. Основные концепции международной экономической интеграции / А. Ф. Гущан // Экономические науки. – 2009. – № 6(55). – С. 370−372.

112. Данильцев, А. В. Россия и ВТО: специфика присоединения / А. В. Данильцев // Мировая экономика и международные отношения. – 2003. – № 5. – С. 115−117.

113. Донник, И. М. Импортозамещение сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия: состояние, задачи / И. М. Донник, Б. А. Воронин, О. Г. Лоретц // Аграрный вестник Урала. – 2015. – № 3(133). – С. 54−59.

114. Донник, И. М. Российский АПК – от импорта сельскохозяйственной продукции к экспортно-ориентированному развитию / И. М. Донник, Б. А. Воронин, О. Г. Лоретц, Е. М. Кот, Я. В. Воронина // Аграрный вестник Урала. – 2017. – № 3(157). – С. 59−66.

115. Дюмулен, И. И. Всемирная торговая организация: экономика, политика, право : монография / И. И. Дюмулен. – 3-е изд., доп. – М. : Всерос. акад. внеш. торговли, 2012. – 359 с.

116. Дюмулен, И. И. Многосторонние торговые переговоры в рамках ВТО: итоги и перспективы, интересы России / И. И. Дюмулен // Международная экономика. – 2012. – № 9. – С. 67−81.

117. Евразийский интеграционный проект: эффекты и проблемы реализации (научный доклад) / под общ. ред. С. П. Глинкиной. – М. : Институт экономики РАН, 2013. – 92 с.

118. Евразийский экономический союз – пространство возможностей [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.eaeunion.org/presentation/ (дата обращения: 02.06.2018).

119. Евразийский экономический союз: цифры и факты. – М. : Евразийская экономическая комиссия, 2018. – 94 с.

120. Евразия в поисках идентичности / отв. ред. С. П. Глинкина, Л. З. Зевин. – М.−СПб. : Нестор-История, 2011. – 256 с.

121. Зевин, Л. З. Региональная интеграция на рубеже тысячелетий / Л. З. Зевин // Мир перемен. – 2014. – № 2. – С. 117−133.

122. Зевин, Л. З. Экономические структуры разного уровня в глобальных процессах: особенности взаимодействия / Л. З. Зевин. – М. : Эпикон, 2003. – 99 с.

123. Зуев, В. Наднациональный механизм в теории интеграции / В. Зуев // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – № 4. – С. 30−38.

124. Зуева, О. Н. Продовольственная политика Евразийского экономического союза в условиях логистической интеграции / О. Н. Зуева, Л. А. Донскова, В. И. Набоков, Н. А. Потехин, К. В. Некрасов // Аграрный вестник Урала. – 2016. – № 11(153). – С. 92−98.

125. Исаченко, Т. М. Казахстан в ВТО – начало сложного пути / Т. М. Исаченко // Российский совет по международным делам [Электронный ресурс] : [сайт]. – Режим доступа : http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6482#top-content (дата обращения: 15.04.2016).

126. Исаченко, Т. М. Кризис Доха, итоги Найроби, перспективы Буэнос-Айреса / Т. М. Исаченко, И. А. Медведкова, Т. А. Трудаева // Горизонты экономики. – 2017. – № 1(34). – С. 49−56.

127. Исаченко, Т. М. Реформа ВТО: предпосылки, условия и перспективы / Т. М. Исаченко // Вестник МГИМО Университета. – 2016. – № 3(48). – С. 239−248.

128. Исаченко, Т. М. Эволюция евразийской интеграции: перспективы и риски / Т. М. Исаченко // Мосты. – 2015. – Т. 8, № 1. – С. 20−23.

129. Итоговый доклад о результатах деятельности Минсельхоза России за 2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://mcx.ru/upload/iblock/10c/10c6695082afd0ac0ea4b6e41fa3f6d9.pdf (дата обращения: 23.06.2019).

130. Итоговый доклад о результатах и основных направлениях деятельности ФТС России в 2018 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://customs.ru/activity/results/itogovye-doklady-o-rezul-tatax-deyatel-nosti/document/175571 (дата обращения: 03.06.2019).

131. Карабут, Т. Импорт «пальмы» перевалил за 1 млн тонн. Как эти объемы распределяются на российском рынке [Электронный ресурс] / Т. Карабут // Агроинвестор. – 2019. – № 7. – Режим доступа : https://www.agroinvestor.ru/markets/article/32011-import-palmy-perevalil-za-1-mln/ (дата обращения: 19.08.2019).

132. Карлова, Н. Рынки сельхозпродукции в России: итоги года и основные тенденции [Электронный ресурс] / Н. Карлова, Е. Пузанова. – М. : Центральный Банк Российской Федерации, 2017. – Режим доступа : http://www.cnshb.ru/news/20170921_FAO_Karlova.pdf (дата обращения: 16.09.2018).

133. Кибиров, А. Я. Агропродовольственный рынок: понятие, сущность и экономическое содержание / А. Я. Кибиров // Агропродовольственная политика России. – 2012. – № 8. – С. 12−16.

134. Кибиров, А. Я. Стимулирование инвестиций в сельское хозяйство России путем снижения рисков в условиях ВТО / А. Я. Кибиров, Е. В. Белова // Агропродовольственная политика России. – 2013. – № 5(17). – С. 82−85.

135. Киреева Н. А. Адаптация агропромышленного комплекса России к условиям ВТО: возможности, механизмы, группы интересов / Н. А. Киреева // Наука и общество. – 2015. – № 2(21). – С. 9−17.

136. Киселев, С. В. ВТО и сельское хозяйство России / С. В. Киселев, Р. А. Ромашкин // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. – 2006. – № 4. – С. 75−93.

137. Киселев, С. В. Развитие агропродовольственных рынков и проблемы вступления России в ВТО / С. В. Киселев // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2005. – № 7. – С. 18−20.

138. Клюкач, В. А. Антироссийские санкции и импортозамещение: новые возможности роста производства продукции АПК России / В. А. Клюкач, Н. Д. Аварский, А. Н. Осипов, С. Н. Серегин // Импортозамещение в АПК России: проблемы и перспективы : монография. – М. : ФГБНУ ВНИИЭСХ, 2015. – С. 81−97.

139. Ковалев, В. Е. Аграрный рынок России в системе евразийской экономической интеграции / В. Е. Ковалев // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2018. – № 12. – С. 75−79.

140. Ковалев, В. Е. Агропродовольственный сектор экономики России в условиях функционирования Евразийского союза / В. Е. Ковалев // АПК: Экономика, управление. – 2019. – № 5. – С. 80−91.

141. Ковалев, В. Е. Влияние присоединения России к ВТО на внешнеэкономические связи аграрно-промышленного комплекса Евразийского экономического союза / В. Е. Ковалев // Агропродовольственная политика России. – 2014. – № 12(36). – С. 2−5.

142. Ковалев, В. Е. Институциональные и методологические основы евразийской экономической интеграции / В. Е. Ковалев, О. Д. Фальченко. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2018. – 99 с.

143. Ковалев, В. Е. Легализация параллельного импорта в условиях Евразийского экономического союза: за и против / В. Е. Ковалев // Интеллектуальная собственность: от надежной защиты к эффективному управлению : сб. ст. XI Междунар. науч.-практ. конф. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2015. – С. 35−40.

144. Ковалев, В. Е. Механизм реализации обязательств по присоединению России к ВТО в рамках евразийской экономической интеграции / В. Е. Ковалев, О. Д. Фальченко // Потребительский рынок Евразии: современное состояние, теория и практика в условиях Евразийского экономического союза и ВТО : сб. ст. III Междунар. науч.-практ. конф. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2015. – С. 215−219.

145. Ковалев, В. Е. Повышение эффективности реализации согласованной агропромышленной политики Евразийского экономического союза / В. Е. Ковалев // Агропродовольственная политика России. – 2016. – № 12. – С. 7−11.

146. Ковалев, В. Е. Проблема гармонизации обязательств стран – членов Евразийского экономического союза перед Всемирной торговой организацией / В. Е. Ковалев // Региональная интеграция в глобальной экономике : материалы междунар. науч.-практ. конф. – М. : МГИМО(У) МВД России, 2016. – С. 16−26.

147. Ковалев, В. Е. Развитие торговли стран таможенного союза и единого экономического пространства ЕврАзЭС продовольственными товарами и сельскохозяйственным сырьем / В. Е. Ковалев // Агропродовольственная политика России. – 2014. – № 10(34). – С. 10−13.

148. Ковалев, В. Е. Роль агропромышленной политики в эффективном торгово-экономическом сотрудничестве стран – членов ЕАЭС / В. Е. Ковалев // Агропродовольственная политика России. – 2016. – № 11(59). – С. 13−16.

149. Ковалев, В. Е. Таможенные эффекты евразийской экономической интеграции и их воздействие на АПК России / В. Е. Ковалев // АПК: экономика, управление. – 2018. – № 3. – С. 69−77.

150. Ковалев, В. Е. Таможенные эффекты продовольственных санкций в условиях Евразийского экономического союза / В. Е. Ковалев // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. – 2018. – № 4(37). – С. 27−31.

151. Ковалев, В. Е. Экономико-правовые изъятия и их влияние на развитие национальных рынков Евразийского экономического союза / В. Е. Ковалев // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость : сборник материалов XII Междунар. науч.-практ. конф. – Минск : БГЭУ, 2019. – С. 22−23.

152. Кому с эмбарго жить хорошо [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.sonar2050.org/publications/komu-na-embargo-jit-horosho/ (дата обращения: 22.11.2019).

153. Кондратьев, Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. / Н. Д. Кондратьев. – М. : Экономика, 2002. – 767 с.

154. Кондратьев, Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции / Н. Д. Кондратьев. – М. : Новая деревня, 1922. – 350 с.

155. Костяев, А. И. Внешние условия и внутренние факторы сельскохозяйственного производства / А. И. Костяев // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2003. – № 3 – С. 8−10.

156. Костяев, А. И. Основы теории аграрного рынка / А. И. Костяев, А. Р. Маматказин, А. Н. Сёмин. – Екатеринбург : УрГСХА, 1997. – 195 с.

157. Костяев, А. И. Территориальное разделение труда в аграрной сфере: теоретический базис и российская практика / А. И. Костяев // АПК: экономика, управление. – 2011. – № 12. – С. 14−20.

158. Краткая информация об исполнении федерального бюджета [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.minfin.ru/ru/statistics/fedbud/execute/ (дата обращения: 27.05.2019).

159. Крылатых, Э. Импортозамещение в контексте гармонизации агропродовольственной сферы России / Э. Крылатых, Т. Белова // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2016. – № 1. – С. 58−64.

160. Крылатых, Э. Н. Аграрные аспекты вступления стран СНГ в ВТО / Э. Н. Крылатых, О. Г. Строкова. – М. : Энциклопедия российских деревень, 2002. – 164 с.

161. Крылатых, Э. Н. Аграрные аспекты присоединения России к ВТО / Э. Н. Крылатых // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2012. – № 5. – С. 1−3.

162. Крылатых, Э. Н. Агропродовольственный сектор: многофункциональность, факторы развития, риски / Э. Н. Крылатых // Сельское хозяйство в современной экономике: новая роль, факторы роста, риски. – М. : Энциклопедия российских деревень, 2009. – С. 10−12.

163. Крылатых, Э. Н. Концепция многофункциональности агропродовольственной сферы и продовольственная безопасность в Европе / Э. Н. Крылатых // Аграрная Европа в XXI веке / под общ. ред. Э. Н. Крылатых. – М. : Летний сад, 2015. – С. 26−37.

164. Крылатых, Э. Н. Многофункциональность агропродовольственного сектора: теоретическая концепция, практическая реализация / Э. Н. Крылатых // Экономика региона. – 2011. – № 4 – С. 21−35.

165. Крылатых, Э. Н. Научное обеспечение аграрной политики: возможности и угрозы / Э. Н. Крылатых // Никоновские чтения. – 2015. – № 20-1. – С. 3−7.

166. Крылатых, Э. Н. Чем обернется вступление России в ВТО для сельского хозяйства страны? / Э. Н. Крылатых // Отечественные записки. – 2004. – № 1. – С. 48−58.

167. Кундиус, В. А. Агропродовольственный комплекс: понятие, сущность и значение в обеспечении продовольственной безопасности России / В. А. Кундиус, М. А. Киселева // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2004. – № 3. – С. 40−45.

168. Кундиус, В. А. Глобализация экономик трансграничных территорий Алтая и Монголии в решении проблем импортозамещения продовольствия / В. А. Кундиус // Российская экономическая модель – 5: настоящее и будущее аграрного, индустриального и постиндустриального секторов : сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф., посвященной 55-летию экон. факультета КубГАУ. – Краснодар : КубГАУ, 2015. – С. 285−299.

169. Кундиус, В. А. Экономика АПК / В. А. Кундиус. – Барнаул : Изд-во АГАУ, 2007. – 669 с.

170. Либман, А. М. Децентрализация, интеграция и регионализация: взаимосвязь и взаимовлияние / А. М. Либман // Пространственная экономика. – 2008. – № 4. – С. 19−35.

171. Либман, А. М. Интегрирующееся региональное пространство: дополнительные возможности экономического роста / А. М. Либман, Л. З. Зевин // Евразийская экономическая интеграция. – 2009. – № 2(3). – С. 68−88.

172. Либман, А. М. Модели региональной интеграции / А. М. Либман, Б. А. Хейфец. – М. : Экономика, 2011. – 333 с.

173. Либман, А. М. Модели экономической дезинтеграции. Интеграция и дезинтеграция / А. М. Либман, Б. А. Хейфец // Евразийская экономическая интеграция. – 2011. – № 2(11). – С. 4−18.

174. Лысенко, М. В. Экономические технологии формирования механизма реализации стратегии сельхозтоваропроизводителей / М. В. Лысенко, Ю. В. Лысенко, В. М. Шарапова, Н. В. Шарапова // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2018. – № 6(366). – С. 38−41.

175. Лысенко, Ю. В. Приоритеты аграрных преобразований за рубежом и возможность их внедрения в российскую практику / Ю. В. Лысенко // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. – 2010. – № 1(4). – С. 67−70.

176. Мазлоев, В. З. Адаптация хозяйственного механизма АПК к санкционным мерам / В. З. Мазлоев // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2015. – № 2. – С. 28−31.

177. Мазлоев, В. З. Продовольственная безопасность: международный опыт и российская реальность / В. З. Мазлоев, О. И. Хайруллина // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2017. – № 10. – С. 13−19.

178. Мазлоев, В. З. Россия в ВТО: влияние курса рубля на реализуемость мер агропродовольственной политики государства / В. З. Мазлоев, А. В. Приемко // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2012. – № 10. – С. 15−18.

179. Мазлоев, В. З. Экономический механизм аграрного сектора в условиях членства России в ВТО / В. З. Мазлоев, М. Г. Озерова // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2015. – № 7. – С. 11−16.

180. Мансуров, Т. А. Методологические и институциональные основы экономической интеграции стран ЕврАзЭС : автореф. дис. … д-ра экон. наук : 08.00.14 / Т. А. Мансуров ; [Место защиты: Ин-т экономики РАН]. – М., 2012. – 43 с.

181. Маслова, В. В. Развитие сельского хозяйства России в условиях импортозамещения / В. В. Маслова, В. С. Чекалин, М. В. Авдеев // Вестник Российской академии наук. – 2019. – Т. 89, № 10. – С. 1024−1032.

182. Милосердов В. В. Многоукладная политика АПК: состояние и перспективы / В. В. Милосердов // АПК: Экономика, управление. – 2002. – № 2. – С. 10−20.

183. Милосердов, В. В. А нужна ли России ВТО? / В. В. Милосердов // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2008. – № 12. – С. 5−8.

184. Милосердов, В. В. Аграрная политика России – XX век / В. В. Милосердов, К. В. Милосердов. – М., 2002. – 544 с.

185. Милосердов, В. В. Обеспечение продовольственной независимости – импортозамещение / В. В. Милосердов // Импортозамещение в АПК России:

проблемы и перспективы : монография. – М. : ФГБНУ ВНИИЭСХ, 2015. – С 121−134.

186. Милосердов, В. В. Что ожидает сельское хозяйство от вступления России в ВТО? / В. В. Милосердов, К. В. Милосердов // Агропродовольственная политика России. – 2012. – № 3. – С. 4−8.

187. Мисько, О. Н. Международная экономическая интеграция / О. Н. Мисько. – СПб. : Университет ИТМО, 2015. – 174 с.

188. Митин, А. Н. Влияние правового комплекса ВТО на интересы России / А. Н. Митин // Аграрный вестник Урала. – 2013. – № 12(118). – С. 84−89.

189. Митин, А. Н. ВТО как тест на устойчивость России при развитии сельскохозяйственной биотехнологии: организационно-правовой аспект / А. Н. Митин // Аграрный вестник Урала. – 2013. – № 8(114). – С. 61−64.

190. Мичурина, О. Ю. Место и роль интеграционных процессов в мировой экономике / О. Ю. Мичурина // Вестник АГТУ. Серия: Экономика. – 2010. – № 2. – С. 7−17.

191. Набоков, В. И. Конкурентоспособность аграрного сектора в условиях логистической интеграции Евразийского экономического союза / В. И. Набоков, К. В. Некрасов, О. Н. Зуева, Л. А. Донскова // Аграрный вестник Урала. – 2017. – № 10(164). – С. 86−92.

192. Назаренко, В. И. «Секреты» успеха аграрной политики Европейского Союза / В. И. Назаренко // Современная Европа. – 2005.– № 3. – С. 46−53.

193. Назаренко, В. И. Аграрная политика (Запад, Восточная Европа, Россия) / В. И. Назаренко, А. Г. Папцов, М. Ю. Коган. – М. : Изд-во ВНИИТЭИАгропром, 2000. – 322 с.

194. Назаренко, В. И. Вступление России во Всемирную торговую организацию (ВТО) и последствия для ее агропромышленного комплекса / В. И. Назаренко // Международный сельскохозяйственный журнал. – 1999. – № 1. – С. 45−48.

195. Назаренко, В. И. Государственная политика в аграрной сфере / В. И. Назаренко, Г. И. Шмелев // Вопросы экономики. – 1996. – № 9. – С. 40−54.

196. Назаренко, В. И. Государственное регулирование и финансовая поддержка сельского хозяйства в странах с развитой рыночной экономикой : монография / В. И. Назаренко. – Екатеринбург : Изд-во УралГСХА, 2007. – 530 с.

197. Назаренко, В. И. Продовольственная безопасность государства / В. И. Назаренко // Аграрный вестник Урала. – 2007. – № 2(38). – С. 13−19.

198. Назаренко, В. И. Продовольственная безопасность России: проблемы и пути решения / В. И. Назаренко // Белорусский экономический журнал. – 2006. – № 4(37). – С. 80−93.

199. Назаренко, В. И. Россия и зарубежные страны. Модели аграрной политики / В. И. Назаренко. – М. : Памятники исторической мысли, 2008. – 475 с.

200. Назаренко, В. И. Рынок продовольствия на Западе / В. И. Назаренко. – М. : Ин-т Европы РАН, 2008. – 295 с.

201. Назаренко, В. И. Сельское хозяйство, продовольственная безопасность, внешняя торговля России и ВТО / В. И. Назаренко, А. Г. Папцов. – М. : Росинформагротех, 2002. – 189 с.

202. Назаренко, В. И. Теоретические аспекты аграрной политики в условиях глобализационных процессов / В. И. Назаренко, А. Г. Папцов // Аграрная Европа в XXI веке / под общ. ред. Э. Н. Крылатых. – М. : Летний сад, 2015. – С. 13−26.

203. Никонов, А. А. Основные положения рациональной системы ведения сельского хозяйства / А. А. Никонов. – Ставрополь : Кн. изд-во, 1966. – 48 с.

204. Никонов, А. А. Предмет исследований – труд земледельца (научное наследие А. В. Чаянова и современность) / А. А. Никонов // Наука и жизнь. – 1988. – № 5. – С. 8−19.

205. Никонов, А. А. Программно-целевое планирование и хозяйственный механизм в системе агропромышленного комплекса / А. А. Никонов [и др.]. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1986. – 172 с.

206. Никонов, А. А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII-XX вв.) / А. А. Никонов. – М. : Энциклопедия российских деревень, 1995. – 574 с.

207. Никонов, А. А. Экономические основы системы сельского хозяйства / А. А. Никонов // Ставрополь : Кн. изд-во, 1975. – 295 с.

208. Обзор агропродовольственной торговой политики в постсоветских странах 2016–2017 [Электронный ресурс]. – Рим : ФАО, 2018. – 140 с. – Режим доступа : http://www.fao.org/3/ca0879ru/CA0879RU.pdf (дата обращения: 03.05.2019).

209. Обзор государственной политики в сфере агропромышленного комплекса государств – членов Евразийского экономического союза за 2012–2018 гг. [Электронный ресурс] / Евразийская экономическая комиссия. – М., 2019. – Режим доступа : http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_agroprom/agroprom/Documents/Обзор%20по%20согласованной%20агропромышленной%20политике.pdf (дата обращения: 15.02.2020).

210. Обзор производственных показателей АПК государств – членов Евразийского экономического союза за 2014−2015 гг. [Электронный ресурс] / Евразийская экономическая комиссия. – М., 2016. – Режим доступа : http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_agroprom/monitoring/Documents/Обзор%20произвенных%20показателей%202014-2015.pdf (дата обращения: 11.04.2019).

211. Обзор производственных показателей АПК государств – членов Евразийского экономического союза за 2015−2016 гг. [Электронный ресурс] / Евразийская экономическая комиссия. – М., 2017. – Режим доступа : http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_agroprom/monitoring/Documents/Обзор%20произв.показателей%20_2015-2016.pdf (дата обращения: 11.04.2019).

212. Обзор производственных показателей АПК государств – членов Евразийского экономического союза за 2017 г. [Электронный ресурс] / Евразийская экономическая комиссия. – М., 2018. – Режим доступа : http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_agroprom/monitoring/Documents/Обзор%20АПК%202017_все%20разделы(окончат).pdf (дата обращения: 11.04.2019).

213. Обзор производственных показателей АПК государств – членов Евразийского экономического союза за 2018 г. [Электронный ресурс] / Евразийская экономическая комиссия. – М., 2019. – Режим доступа : http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_agroprom/monitoring/Documents/ОБЗОР%20АПК%202018.pdf (дата обращения: 11.04.2019).

214. Обзор рынка сельского хозяйства. Исследовательский центр компании «Делойт» в СНГ [Электронный ресурс]. – М., 2018. – Режим доступа : https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/research-center/obzor-rynka-selskogo-hozyajstva.pdf (дата обращения: 15.03.2019).

215. Объемы взаимной торговли государств – членов ЕАЭС по укрупненным товарным группам за 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/intra/Documents/2015/12_180_2/I201512_3_1.pdf (дата обращения: 15.03.2020).

216. Объемы взаимной торговли государств – членов ЕАЭС по укрупненным товарным группам за 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/intra/Documents/2016/12_180_1/I201612_3_1.pdf (дата обращения: 15.03.2020).

217. Объемы взаимной торговли государств – членов ЕАЭС по укрупненным товарным группам за 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/intra/Documents/2017/12++/I201712_3_1.pdf (дата обращения: 15.03.2020).

218. Объемы взаимной торговли государств – членов ЕАЭС по укрупненным товарным группам за 2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/intra/Documents/2018/12-180/I201812_3_1.pdf (дата обращения: 15.03.2020).

219. Объемы взаимной торговли государств – членов ТС и ЕЭП по укрупненным товарным группам за 2011 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/archive/iCU201112/Documents/i201112_5.pdf (дата обращения: 15.03.2020).

220. Объемы взаимной торговли государств – членов ТС и ЕЭП по укрупненным товарным группам за 2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/archive/iCU201212N/Documents/i201212_5.pdf (дата обращения: 15.03.2020).

221. Объемы взаимной торговли государств – членов ТС и ЕЭП по укрупненным товарным группам за 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/intra/Documents/2013/12_180/I201312_3_1.pdf (дата обращения: 15.03.2020).

222. Объемы взаимной торговли государств – членов ТС и ЕЭП по укрупненным товарным группам за 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/intra/Documents/2014/12_180/I201412_3_1.pdf (дата обращения: 15.03.2020).

223. Организационно-экономические основы аграрного рынка : монография / И. Г. Ушачев, Д. Ф. Вермель, Г. В. Беспахотный и др. – М.−Минск, 1997. – 238 с.

224. Основы торговой политики и правила ВТО. – М. : Международные отношения, 2005. – 448 с.

225. Папцов, А. Г. Государственное регулирование экономики за рубежом: аграрный аспект / А. Г. Папцов. – М. : МиД, 2006. – 350 с.

226. Папцов, А. Г. Продовольственный рынок России в условиях антисанкций / А. Г. Папцов // Агропродовольственная политика России. – 2015. – № 8(44). – С. 12−15.

227. Папцов, А. Г. Финансово-экономическая устойчивость АПК в условиях импортозамещения: российские реалии и опыт ЕС / А. Г. Папцов, В. В. Маслова // АПК: Экономика, управление. – 2016. – № 1. – С. 81−89.

228. Папцов, А. Г. Эволюция сельскохозяйственной политики ЕС / А. Г. Папцов // Аграрная Европа в XXI веке / под общ. ред. Э. Н. Крылатых. – М. : Летний сад, 2015. – 328 с.

229. Папцов, А. Г. Экономика аграрного сектора развитых стран в условиях мирового продовольственного кризиса / А. Г. Папцов. – М. : Гриф и К°, 2009. – 288 с.

230. Перская, В. В. О сельском хозяйстве России в условиях членства ВТО и потенциале кредитной политики / В. В. Перская, А. А. Огрызов // Деньги и кредит. – 2014. – № 1. – С. 47−50.

231. Перская, В. В. Риски реальные и мнимые для сельского хозяйства России в условиях членства в ВТО / В. В. Перская // Россия в ВТО: финансово-экономические риски : аналитические материалы науч.-практ. конф. – М. : Финансовый университет при Правительстве РФ, 2013. – С. 271−279.

232. Перская, В. В. Россия во Всемирной торговой организации: сельское хозяйство / В. В. Перская // Экономические стратегии. – 2012. – Т. 14, № 5(103). – С. 50−55.

233. Петриков, А. В. Многофункциональность сельского хозяйства: теоретические и политические аспекты / А. В. Петриков // Экономика сельского хозяйства России. – 2007. – № 12. – С. 8−11.

234. Петриков, А. В. Основные направления и механизмы реализации современной агропродовольственной политики / А. В. Петриков // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2016. – № 1. – С. 11−18.

235. По страницам «Белой книги» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/20-04-2017-V.aspx (дата обращения: 12.10.2018).

236. Портанский, А. П. Мировая тенденция регионализма и интеграция в СНГ / А. П. Портанский // Российский внешнеэкономический вестник. – 2011. – № 11. – С. 8−17.

237. Портанский, А. П. Многосторонняя торговая система в XXI веке: возможности и риски / А. П. Портанский. – М. : РАГС, 2010. – 176 с.

238. Потехин, Н. А. Разработка стратегии развития АПК на основе системно-целостной междисциплинарной методологии / Н. А. Потехин, В. Н. Потехин // Теория и практика мировой науки. – 2017. – № 12. – С. 31−37.

239. Потехин, Н. А. О концепции развития сельского хозяйства России на современном этапе / Н. А. Потехин, В. Н. Потехин, Е. С. Уматова // Вопросы управления. – 2019. – № 4(40). – С. 78−88.

240. Почти 28 тысяч тонн запрещенных товаров возвратили в Казахстан мобильные группы таможенных органов Сибири [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://stu.customs.ru/news/document/174026 (дата обращения: 25.04.2019).

241. Рау, В. В. Аграрная интеграция на постсоветском пространстве: роль и место России / В. В. Рау // Проблемы прогнозирования. – 2004. – № 1. – С. 101−109.

242. Рау, В. В. Аграрный сектор на пути к обновлению / В. В. Рау // Проблемы прогнозирования. – 2000. – № 4. – С. 40−50.

243. Рау, В. В. Аграрный сектор России и СНГ: новые тенденции / В. В. Рау // Никоновские чтения. – 2006. – № 11. – С. 439−442.

244. Рау, В. В. Аграрный сектор СНГ и России: тенденции, приоритеты, регулирование / В. В. Рау // Проблемы прогнозирования. – 2003. – № 1. – С. 58−68.

245. Рау, В. В. ЕврАзЭС как интеграционное ядро СНГ / В. В. Рау // Аграрная Россия. – 2003. – № 5. – С. 33−38.

246. Россия в ВТО: год после вступления… : монография : в 2 ч. / под ред. В. А. Черешнева, А. И. Татаркина, М. В. Федорова. – М. : Экономика, 2014. – Т. II. – 600 с.

247. Рубаева, О. Д. Методы оценки устойчивости социально-экономического состояния села с учетом вступления России в ВТО (на материалах Челябинской области) / О. Д. Рубаева, Л. В. Прохорова // Аграрный вестник Урала. – 2014. – № 4(122). – С. 97−100.

248. Рубаева, О. Д. Развитие отраслевых союзов, ассоциаций в сфере АПК при вступлении России в ВТО / О. Д. Рубаева, И. А. Зубарева // Достижения науки – агропромышленному производству : сборник материалов LIII Междунар. науч.-техн. конф. / под ред. П. Г. Свечникова. – Челябинск : Изд-во ЧГАА, 2014. – С. 224−229.

249. Санду, И. С. Формирование аграрной инновационной политики / И. С. Санду, Г. М. Демишкевич, Д. А. Чепик // АПК: экономика, управление. – 2015. – № 10. – С. 44−48.

250. Санду, И. С. Приоритеты аграрной науки в современных условиях: методологический аспект / И. С. Санду, Н. Е. Рыженкова // АПК: экономика, управление. – 2016. – № 8. – С. 31−37.

251. Санду, И. С. Инновационное развитие АПК в условиях экономических и технологических вызовов / И. С. Санду, В. Е. Афонина, Д. А. Чепик // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. – 2018. – № 6(39). – С. 15−20.

252. Санду, И. С. Экономические аспекты инновационного развития аграрного сектора экономики России в условиях ЕАЭС / И. С. Санду, Н. Е. Рыженкова, Д. А. Чепик // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. – 2019. – № 1(46). – С. 44−48.

253. Седик, Д. Единый рынок пищевых продуктов Евразийского экономического союза и торговые барьеры / Д. Седик, И. Корбута // Торговая политика. – 2016. – № 1(5). – С. 56−91.

254. Сёмин, А. Н. Аграрный сектор экономики в системе продовольственной безопасности государства / А. Н. Сёмин, А. П. Третьяков. – Екатеринбург : Уральское издательство, 2016. – 158 с.

255. Сёмин, А. Н. Базисные направления и инструменты повышения инвестиционной привлекательности аграрного сектора экономики / А. Н. Сёмин, А. Я. Кибиров // Экономика региона. – 2013. – № 3(35). – С. 233−238.

256. Сёмин, А. Н. Взаимодействие экономик стран ЕАЭС в торговле товарами пищевой промышленности: проблемы интеграции через рынок интеллектуальной собственности / А. Н. Сёмин, В. Е. Ковалев, О. Д. Фальченко // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2016. – № 8. – С. 10−17.

257. Сёмин, А. Н. Инновационные и стратегические направления развития АПК. Вопросы теории и практики / А. Н. Сёмин. – Екатеринбург : Изд-во УралГСХА, 2006. – 960 с.

258. Сёмин, А. Н. От продовольственной независимости к продовольственной безопасности / А. Н. Сёмин // Теория и практика мировой науки. – 2016. – № 2. – С. 12−15.

259. Сёмин, А. Н. Оценка возможных последствий вступления в ВТО для АПК России и качества жизни россиян / А. Н. Сёмин // Индустриально-инновационное развитие и интеграция в экономике и образовании : материалы междунар. науч.-практ. конф. – Алматы : Алматинская академия экономики и статистики, 2012. – С. 14−19.

260. Сёмин, А. Н. Оценка возможных последствий вступления России в ВТО для отечественных аграриев: взгляд из региона / А. Н. Сёмин // АПК: регионы России. – 2012. – № 5. – С. 9−14.

261. Сёмин, А. Н. Продовольственная безопасность Российской Федерации в условиях экономических санкций / А. Н. Сёмин, Н. В. Шарапова // Агропродовольственная политика России. – 2014. – № 9(33). – С. 2−11.

262. Сёмин, А. Н. Развитие системы государственной поддержки импортозамещения в условиях ограниченных ресурсов производства / А. Н. Сёмин, Н. В. Мальцев, А. А. Гайдай // Агропродовольственная политика России. – 2016. – № 10(58). – С. 4−10.

263. Сёмин, А. Н. Региональный АПК в условиях вступления России в ВТО / А. Н. Сёмин // Агропродовольственная политика России. – 2012. – № 3. – С. 21−25.

264. Сёмин, А. Н. Роль маркировки меховых изделий в реализации согласованной агропромышленной политики ЕАЭС / А. Н. Сёмин, В. Е. Ковалев, Н. Г. Кочеткова, О. М. Плюснина // Агропродовольственная политика России. – 2017. – № 6(66). – С. 76−81.

265. Сёмин, А. Н. Теоретико-методологические основы интеграционного воздействия внешней среды на агропродовольственный сектор экономики России / А. Н. Сёмин, В. Е. Ковалев // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2019. – № 9. – С. 2−6.

266. Сергеев, А. П. Битва за советские товарные знаки продолжается. Есть ли выход? / А. П. Сергеев // Закон. – 2013. – № 6. – С. 95−106.

267. Система государственной поддержки сельского хозяйства в условиях членства России в ВТО : коллективная монография по материалам круглого стола в рамках VII Междунар. науч. конф. «Инновационное развитие экономики России. Междисциплинарное взаимодействие» / под ред. С. В. Киселева. – М. : Экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 2016. – 176 с.

268. Содружество Независимых Государств в 2018 г. [Электронный ресурс] : крат. сб. предварительных стат. итогов. – Режим доступа : http://www.cisstat.com/rus/grafik.htm (дата обращения: 14.04.2019).

269. Социально-экономическая статистика ЕЭК по сельскому хозяйству [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/agricultural.aspx (дата обращения: 21.05.2019).

270. Таможенный Союз: общие и аграрные аспекты интеграции (Науч. тр. ВИАПИ им. А. А. Никонова, вып. 39) / под общ. ред. К. Г. Бородина. – М. : ВИАПИ им. А. А. Никонова, 2013. – 178 с.

271. Тимофеев, А. В. Теоретические аспекты и тенденции развития региональной экономической интеграции / А. В. Тимофеев // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2012. – № 3(42). – С. 58−63.

272. Три года интеграции: согласованная агропромышленная политика Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] / под ред. С. С. Сидорского. – М. : Евразийская экономическая комиссия, 2018. – Режим доступа : http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_agroprom/Documents/Три%20года%20интеграции.%20Согласованная%20агропромышленная%20политика%20Евразийского%20экономического%20союза.pdf (дата обращения: 12.02.2019).

273. Узун, В. Я. Влияние правил ВТО на эффективность использования средств господдержки сельского хозяйства / В. Я. Узун // АПК: Экономика, управление. – 2013. – № 10. – С. 11−25.

274. Ушачев, И. Г. Агропродовольственный сектор России в условиях санкций: проблемы и возможности / И. Г. Ушачев // АПК: экономика, управление. – 2015. – № 5. – С. 9−23.

275. Ушачев, И. Г. Агроэкономические исследования: исторический аспект, настоящее и будущее / И. Г. Ушачев // АПК: Экономика, управление. – 2005. – № 11. – С. 5−14.

276. Ушачев, И. Г. Государственная программа – основа формирования конкурентоспособного АПК в условиях ВТО / И. Г. Ушачев // АПК: Экономика, управление. – 2012. – № 4. – С. 3−8.

277. Ушачев, И. Г. Импортозамещение и обеспечение продовольственной безопасности России / И. Г. Ушачев, В. В. Маслова, В. С. Чекалин // Овощи России. – 2019. – № 2(46). – С. 3−8.

278. Ушачев, И. Г. Научные проблемы импортозамещения и формирования экспортного потенциала в агропромышленном комплексе России / И. Г. Ушачев // Импортозамещение в АПК России: проблемы и перспективы. – М. : ФГБНУ ВНИИЭСХ, 2015. – С. 14−37.

279. Ушачев, И. Г. Нужна стратегия развития агропромышленного комплекса России / И. Г. Ушачев // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2004. – № 6. – С. 2−7.

280. Ушачев, И. Г. О мерах по обеспечению конкурентоспособности продукции российского сельского хозяйства в условиях присоединения к ВТО / И. Г. Ушачев // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2012. – № 6. – С. 1−5.

281. Ушачев, И. Г. Перспективы развития АПК России в условиях глобальной и региональной интеграции / И. Г. Ушачев // АПК: экономика, управление. – 2014. – № 1. – С. 3−15.

282. Ушачев, И. Г. Проблемы обеспечения национальной и коллективной продовольственной безопасности в ЕАЭС / И. Г. Ушачев, А. Ф. Серков, А. Г. Папцов, В. И. Тарасов, В. С. Чекалин // АПК: экономика, управление. – 2014. – №10. – С. 3−15.

283. Ушачев, И. Г. Развитие агропродовольственного сектора: основные направления и проблемы / И. Г. Ушачев // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2006. – № 6. – С. 6−11.

284. Ушачев, И. Г. Стратегические направления развития сельского хозяйства России в условиях углубления интеграции в ЕАЭС / И. Г. Ушачев, А. Г. Папцов, Н. К. Долгушкин, А. Ф. Серков, В. В. Маслова, В. С. Чекалин. – М. : РАН, 2017. – 48 с.

285. Ушачев, И. Г. Стратегические направления устойчивого социально-экономического развития АПК России / И. Г. Ушачев // Прикладные экономические исследования. – 2018. – № 2(24). – С. 4−8.

286. Ушачев, И. Г. Стратегические подходы к развитию АПК России в контексте межгосударственной интеграции / И. Г. Ушачев // АПК: Экономика, управление. – 2015. – № 1. – С. 3−16.

287. Ушачев, И. Г. Территориально-отраслевое разделение труда – основной фактор развития агропромышленного производства России / И. Г. Ушачев, А. И. Алтухов // АПК: Экономика, управление. 2011. – № 8. – С. 3−12.

288. Ушачев, И. Г. Устойчивое развитие агропродовольственного сектора: основные направления и проблемы / И. Г. Ушачев // АПК: Экономика, управление. – 2006. – № 4. – С. 5−10.

289. Ушачев, И. Г. Экономические проблемы импортозамещения в условиях научно-технологического развития АПК России / И. Г. Ушачев, В. В. Маслова, В. С. Чекалин // АПК: экономика, управление. – 2017. – № 11. – С. 4−11.

290. Ушкалова, Д. И. Интеграционные модели Евразийского экономического союза и зоны свободной торговли СНГ в контексте мирового опыта / Д. И. Ушкалова // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2017. – № 6. – С. 100−111.

291. Ушкалова, Д. И. Модели экономической интеграции и их типология / Д. И. Ушкалова // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2016. – № 3. – С. 158−170.

292. Ушкалова, Д. И. Теоретические подходы к исследованию международной экономической интеграции / Д. И. Ушкалова, М. Ю. Головнин. – М. : Институт экономики РАН, 2011. – 44 с.

293. Ушкалова, Д. И. Экономические эффекты региональной интеграции: мифы и реальность / Д. И. Ушкалова // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2017. – № 4. – С. 120−137.

294. Фальченко, О. Д. Теоретические основы международной экономической интеграции / О. Д. Фальченко, И. Н. Савельева, В. Е. Ковалев, М. С. Рычкова // Экономика и предпринимательство. – 2017. – № 8-4 (85). – С. 104−110.

295. Федоров, М. В. Взаимодействие экономик стран Таможенного союза ЕврАзЭС и потенциал их интеграции через рынок интеллектуальной собственности / М. В. Федоров, В. Е. Ковалев // Управленец. – 2014. – № 4. – С. 4−8.

296. Фрумкин, Б. Е. Агропромышленный комплекс России в условиях «войны санкций» / Б. Е. Фрумкин // Вопросы экономики. – 2015. – № 12. – С. 147−153.

297. Фрумкин, Б. Е. Национальный проект по агропромышленному комплексу и развитие сельского хозяйства России / Б. Е. Фрумкин // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2008. – Т. 99. – С. 188−205.

298. Функционирование внутренних рынков на территории Евразийского экономического союза // Портал общих информационных ресурсов и открытых данных Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://barriers.eaeunion.org/ru-ru/Pages/cases.aspx (дата обращения: 12.10.2018).

299. Хмельницкая, З. Б. Краткий обзор согласованных условий присоединения России к ВТО. Возможные последствия для предприятий

отечественного агропромышленного комплекса / З. Б. Хмельницкая, С. Ю. Золотухин // Аграрный вестник Урала. – 2012. – № 10-1 (102). – С. 85−88.

300. Хмельницкая, З. Б. Отраслевые аспекты вступления России во Всемирную торговую организацию / З. Б. Хмельницкая, П. Б. Сергеев, Б. А. Воронин. – Екатеринбург : УралГСХА, 2009. – 274 с.

301. Чаянов, А. В. Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации / А. В. Чаянов. – 2-изд., доп., перераб. – М. : Тип. Всероссийского издательского союза, 1927. – 390 с.

302. Членство в ВТО. Новый этап участия России в международной торговой системе / под ред. С. Ф. Сутырина, О. Ю. Трофименко. – 2-е изд. – М. : Проспект, 2014. – 320 с.

303. Чупина, И. П. Формирование конкурентной среды на продовольственном рынке / И. П. Чупина // Аграрный вестник Урала. – 2012. – № 11-2 (106). – С. 70−72.

304. Шагайда, Н. И. Оценка уровня поддержки сельского хозяйства и разработка механизмов синхронизации федеральной и региональных аграрных политик в условиях членства России в ВТО / Н. И. Шагайда, В. Я. Узун, Е. А. Гатаулина, Р. Г. Янбых. – М., 2015. – 98 с.

305. Шагайда, Н. И. Разработка методов оценки последствий вступления России в ВТО и механизмов адаптации политики поддержки сельского хозяйства к требованиям ВТО : препринт / Н. И. Шагайда, Е. А. Гатаулина, Р. Г. Янбых и др. – М. : Ин-т прикладных экон. исследований РАНХиГС, 2013. – 99 с.

306. Шишков, Ю. В. Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ / Ю. В. Шишков. – М. : РГБ, 2001. – 480 с.

307. Шишков, Ю. В. Отечественная теория региональной интеграции: опыт прошлого и взгляд в будущее / Ю. В. Шишков // Мировая экономика и международные отношения. – 2006. – № 4. – С. 54−63.

308. Шкуренко, А. В. Формирование общего аграрного рынка в ЕС: уроки для Евразийского экономического союза / А. В. Шкуренко // Евразийская экономическая интеграция. – 2015. – № 4(29). – С. 73−94.

309. Шмелев, Г. И. Пищевая и перерабатывающая промышленность: неотложные проблемы / Г. И. Шмелев, В. И. Назаренко // Проблемы прогнозирования. – 1999. – № 5. – С. 68−81.

310. Шмелев, Н. П. Российские реалии: процессы региональной интеграции и экономической трансформации / Н. П. Шмелев, В. П. Федоров // Белорусский экономический журнал. – 2013. – № 2. – С. 43−56.

311. Шутьков, А. Проблемы вывода агропромышленного комплекса из кризиса / А. Шутьков // АПК: экономика, управление. – 2000. – № 1. – С. 4−17.

312. Шутьков, А. А. Система управления агропромышленным комплексом: теория, методология, практика / А. А. Шутьков. – М. : Дашков и К°, 2018. – 389 с.

313. Шутьков, А. А. Структурные преобразования в аграрном секторе экономики, этапы и результаты: проблемы модернизации и импортозамещения / А. А. Шутьков // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2017. – Т. 8, № 1 (29). – С. 31−38.

314. Эмбарго по-казахски. Страна хочет ограничить импорт российских товаров // Коммерсантъ. – 2015. – 6 февр. – С. 1.

315. Annex I, The Russian Federation – Staging Matrix for Part I, Section I-A (Agricultural tariffs): Protocol on the Accession of the Russian Federation [Electronic resource]. – URL : http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/a772e18049833d87b75bb75f9eae86bc/russia_protocol.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=a772e18049833d87b75bb75f9eae86bc (access date: 05.05.2016).

316. Balassa, B. Economic Integration / B. Balassa // The World of Economics. – The New Palgrave, 1991. – P. 176−186.

317. Balassa, B. European Integration: Problems and Issues / B. Balassa // The American Economic Review. – 1963. – Vol. 53, No. 2. – P. 175−184.

318. Balassa, B. The Theory of Economic Integration / B. Balassa. – Homewood, Illinois : R.D. Irwin, 1961.

319. Balassa, B. Types of Economic Integration (Staff working paper; no. SWP 185) / B. Balassa. – Washington, D. C. : The World Bank, 1974.

320. Baldwin, R. A Domino Theory of Regionalism (NBER Working Paper № 4465) / R. Baldwin. – Cambridge, MA : National Bureau of Economic Research, 1993.

321. Baldwin, R. Investment Creation and Investment Diversion: Simulation Analysis of the Single Market Programme (NBER Working Paper, no. 5364) / R. Baldwin, R. Forslid, J. Haaland. – Cambridge, MA : National Bureau of Economic Research, 1995.

322. Baldwin, R. Multilateralizing Regionalism: Challenges for the Global Trading System / R. Baldwin, P. Low. – Cambridge University Press, 2008.

323. Baldwin, R. Multilateralizing regionalism: spaghetti bowls as building blocks on the path to global free trade / R. Baldwin // The World Economy. – 2006. – Vol. 29, No. 11. – P. 1451−1518.

324. Barrett, C. B. Measuring integration and efficiency in international agricultural markets / C. B. Barrett // Review of Agricultural Economics. – 2001. – Vol. 23, No. 1. – P. 19−32.

325. Bhagwati, J. Preferential trading areas and multilateralism: strangers, friends or foes? / J. Bhagwati, A. Panagariya // The Economics of Preferential Trading. – Washington, D. C. : AEI Press, 1996. – P. 1−78.

326. Bhagwati, J. Regionalism and multilateralism / J. Bhagwati // New Dimensions in Regional Integration / ed. By J. De Melo, A. Panagariya. – Cambridge : Cambridge University Press, 1993. – P. 22−54.

327. Bhagwati, J. Threats to the world trading system / J. Bhagwati // The World Economy. – 1992. – Vol. 15, No. 4. – P. 443−456.

328. Bhagwati, J. US Trade Policy: The Infatuation with FTAs (Discussion Paper Series no. 726) / J. Bhagwati. – Columbia University, 1995.

329. Bhambri, R. S. Customs unions and underdeveloped countries / R. S. Bhambri // Economia Internazionale. – 1962. – Vol. XV. – P. 235−258.

330. Corden, W. M. Economies of scale and customs union theory / W. M. Corden // The Journal of Political Economy. – 1972. – Vol. 80(3). – P. 465−475.

331. Corden, W. M. Monetary integration / W. M. Corden. – Princeton : Princeton University, 1972.

332. Curzon Price, V. The Essentials of Economic Integration / V. Curzon Price. – Houndmills, Basingstoke : Macmillan, 1974.

333. De Lombaerde, P. Indicators of Regional Integration: Conceptual and Methodological Issues (IIIS Discussion Paper no. 64) / P. De Lombaerde, L. V. Langenhove. – Institute for International Integration Studies, 2005. – 35 p.

334. Dee, P. The Trade and Investment Effects of Preferential Trading Arrangements (NBER Working Paper, no. 10160) / P. Dee, J. Gali. – Cambridge, MA : National Bureau of Economic Research, 2003.

335. Dunning, J. H. Multinationals and the European community / J. H. Dunning, P. Robson. – Oxford : Basil Blackwell, 1988.

336. Figures on Regional Trade Agreements notified to the GATT/WTO and in force [Electronic resource]. – URL : http://rtais.wto.org/UI/publicsummarytable.aspx (access date: 03.07.2018).

337. Get Tariff Data [Electronic resource]. – URL : https://www.wto.org/english/tratop_e/tariffs_e/tariffs_e.htm (access date: 05.09.2018).

338. Haas, E. B. The Uniting of Europe: Political, Social and Economic Forces 1950-57 / E. B. Haas. – Stanford : Stanford University Press, 1958.

339. Hosny, A. S. Theories of economic integration: a survey of the economic and political literature / A. S. Hosny // International Journal of Economy, Management and Social Sciences. – 2013. – № 2(5). – P. 133−155.

340. HS_MFN – Simple average with ad valorem equivalents (AVE) / Tariff indicators – Applied [Electronic resource]. – URL : https://data.wto.org (access date: 21.03.2019).

341. Jošić, H. Static and dynamic effects of customs union creation. Economic integrations, competition and cooperation / H. Jošić, M. Jošić // Accession of the Western Balkan Countries to the European Union 2013 : proceedings of the conference in Rijeka, Croatia. – Rijeka : University of Rijeka, 2013. – P. 53−65.

342. Jovanovic, M. N. International Economic Integration. Limits and Prospects / M. N. Jovanovic. – London : Routledge, 1998.

343. Kahnert, F. Economic integration among developing countries / F. Kahnert, P. Richards, E. Stoutjesdijk, P. Thomopoulos. – Paris : Development Center of the Organization for Economic Co-operationand Development (OECD), 1969.

344. König, J. Different efforts in European economic integration. Implications of the EU index / J. König, O. Renate // Journal of Common Market Studies. – 2013. – Vol. 51, iss. 6. – P. 1074−1090.

345. Kovalev, V. The EAEU economic and legal exemptions in cross-border trade between Russia and Kazakhstan / V. Kovalev, O. Falchenko, A. Semin // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. – 2019. – Vol. 364 (International Conference on Sustainable Development of Cross-Border Regions: Economic, Social and Security Challenges (ICSDCBR 2019)). – P. 237−241.

346. Kovalev, V. The Trade Effects of Economic Integration in Emerging Market of the Eurasian Economic Union / V. Kovalev, O. Falchenko, V. Vyazovskaya, V. Maydanik // The 10th annual EUROMED academy of business (EMAB) conference proceedings «Global and national business theories and practice: bridging the past with the future». – Rome, 2017. – P. 794−806.

347. Krugman, P. Regionalism versus multilateralism: analytical notes / P. Krugman // New Dimensions in Regional Integration / ed. by J. De Melo, A. Panagariya. – Cambridge : Cambridge University Press, 1993. – P. 58−78.

348. Leal-Arcas, R. Proliferation of regional trade agreements: complementing or supplanting multilateralism? / R. Leal-Arcas // Chicago Journal of International Law. – 2011. – Vol. 11, iss. 2. – P. 597−629.

349. Linder, S. B. Customs Unions and Economic Development. / S. B. Linder // Latin American Economic Integration / ed. by M. S. Wionczek. – New York : Praeger. 1966. – P. 32−41.

350. Machlup, F. A History of Thought on Economic Integration / F. Machlup. – London : The MacMillan Press Ltd, 1977.

351. Marrakesh Agreement Establishing the World Trade Organization [Electronic resource]. – URL : https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/04-wto_e.htm (access date: 03.06.2016).

352. Meade, J. E. The Theory of Customs Unions / J. E. Meade. – Amsterdam : North-Holland Publishing Company, 1955.

353. Mennis, B. Emerging Forms of Transnational Community: Transnational Business Enterprises and Regional Integration / B. Mennis, K. P. Sauvant. – Lexington, MA : Lexington Books, 1976.

354. Mitrany, D. The Functional Theory of Politics / D. Mitrany. – New York : St. Martin's Press, 1975.

355. Molle, W. The Economics of European Integration / W. Molle. – Aldershot : Dartmouthб 1991.

356. Nairobi Ministerial Declaration. Adopted on 19 December 2015: WT/MIN(15)/DEC [Electronic resource]. – URL : https://www.wto.org/english/thewto_e/minist_e/mc10_e/mindecision_e.htm (access date: 05.02.2018).

357. Panusheff, E. Economic integration in the European Union / E. Panusheff. – Sofia : PH Nekst, 2003.

358. Pelkmans, J. Market Integration in the European Community / J. Pelkmans. – Springer Netherlandsб 1984.

359. Pinder, J. Positive Integration and Negative Integration: Some Problems of Economic Union in the EEC / J. Pinder // The World Today. – 1968. – Vol. 24, No. 3. – P. 88−110.

360. Pinder, J. Problems of European Integration / J. Pinder // Economic Integration in Europe / ed. by G. Denton. – London : Weidenfeld and Nicolson, 1969.

361. Predöhl, A. Weltwirtschaft und europäische Integration / A. Predöhl. – Münster Westf : Aschendorff, 1960.

362. Recent RTA developments (January – June 2019): WTO database – [Electronic resource]. – URL : https://www.wto.org/english/tratop_e/region_e/rtadec-jan19_e.pdf (access date: 14.06.2018).

363. Regional Trade Agreements Database (WTO) [Electronic resource]. – URL : http://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx (access date: 12.04.2018).

364. Report of the working party on the accession of the Republic of Kazakhstan. Schedule CLXXII – The Republic of Kazakhstan. WTO. WT/ACC/KAZ/93/Add.1 – [Electronic resource]. – URL : https://www.wto.org/english/thewto_e/countries_e/kazakhstan_e.htm (access date: 23.07.2018).

365. Report of the working party on the accession of the Russian Federation. Schedule CLXV – The Russian Federation. WTO. WT/ACC/RUS/70/Add.1 [Electronic resource]. – URL : https://www.wto.org/english/thewto_e/acc_e/completeacc_e.htm (access date: 23.07.2018).

366. Riezman, R. G. Customs Unions and the Core / R. G. Riezman // Journal of International Economics. – 1985. – Vol. 19, No. 3/4. – P. 355−366.

367. Robson, P. The Economics of International Integration / P. Robson. – London : George Allen and Unwin, 1987.

368. Röpke, W. International Oder and Economic Integration / W. Röpke. – Dordrecht, Holland : D. Reidel Publishing Company, 1959.

369. Rosamond, B. The uniting of Europe and the foundation of EU studies: Revisiting the neofunctionalism of Ernst B. Haas / B. Rosamond // Journal of European Public Policy. – 2005. – Vol. 12, Iss. 2. – P. 237−254.

370. Rosamond, B. Theories of European Integration / B. Rosamond. – Basingstoke, New York : Palgrave Macmillan, 2000.

371. Rueda-Junquera, F. European integration model: Lessons for the Central American common market. Jean Monnet (Robert Shuman Paper Series no. 6(4)) / F. Rueda-Junquera. – University of Miami, 2006.

372. Sakamoto, J. Industrial development and integration of underdeveloped countries / J. Sakamoto // Journal of Common Market Studies. – 1969. – No. 7(4). – P. 283−304.

373. Schedule CLXV – The Russian Federation (Part I – Most-Favoured-Nation Tariff, Section I – Agricultural Products, Section I – A Tariffs) / Protocol on the Accession of the Russian Federation [Electronic resource]. – URL : http://economy.gov.ru/

wps/wcm/connect/a772e18049833d87b75bb75f9eae86bc/russia_protocol.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=a772e18049833d87b75bb75f9eae86bc (access date: 03.05.2016).

374. Schedule CLXV – The Russian Federation (Part I - Most-Favoured-Nation Tariff, Section I – Agricultural Products, Section I – B Tariff Quotas) [Electronic resource]. – URL : http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/a772e18049833d87b75bb75f9eae86bc/russia_protocol.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=a772e18049833d87b75bb75f9eae86bc (access date: 04.05.2016).

375. Sharapova, V. Methodology of analysis of factors in the macro environment of the reproduction system for rural areas / V. Sharapova, N. Sharapova, I. Borisov // Proceedings of the 33rd International Business Information Management Association Conference, IBIMA 2019: Education Excellence and Innovation Management through Vision 2020. – Granada, 2019. – P. 4726−4733.

376. Sharapova, N. State regulation of wages in the agro-industrial complex of Russia / N. Sharapova, V. Sharapova // Proceedings of the 33rd International Business Information Management Association Conference, IBIMA 2019: Education Excellence and Innovation Management through Vision 2020. – Granada, 2019. – P. 4734−4738.

377. Sorgho, Z. RTAs' proliferation and trade-diversion effects: evidence of the 'Spaghetti Bowl' phenomenon / Z. Sorgho // The World Economy. – 2016. – Vol. 39, Iss. 2. – P. 285−300.

378. Spinelli, A. The European adventure: tasks for the enlarged Community / A. Spinelli. – London : C. Knight, 1972.

379. Swann, D. European Economic Integration: The Common Market, European Union and Beyond / D. Swann. – Cheltenham : Edward Elgar, 1986.

380. Tariff indicators – Bound [Electronic resource]. – URL : https://data.wto.org (access date: 12.05.2018).

381. The Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS) [Electronic resource]. – URL : https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/27-trips_01_e.htm (access date: 10.02.2016).

382. Tinbergen, J. International Economic Integration / J. Tinbergen. – Amsterdam : Elsevier, 1954.

383. Trade effects [Electronic resource]. – URL : https://wits.worldbank.org/wits/wits/witshelp/Content/SMART/Trade%20Effects.htm (access date: 26.05.2018).

384. Types of Tariffs: Bound Tariffs [Electronic resource]. – URL : https://wits.worldbank.org/wits/wits/witshelp/Content/Data_Retrieval/P/Intro/C2.Types_of_Tariffs.htm (access date: 25.08.2018).

385. Vajda, I. Integration, Economic Union and the National State / I. Vajda // Foreign Trade in a Planned Economy / ed. by I. Vajda, M. Simai. – Cambridge : Cambridge University Press, 1971.

386. Van Langenhove, L. The EU as a global actor and the emergence of ‘third generation’ regionalism / L. Van Langenhove, A.-C. Costea // Managing a Multilevel Foreign Policy – The EU in International Affairs / ed. by P. Foradori, P. Rosa, R. Scartezzini. – Lexington Books, 2007. – P. 63−86.

387. Viner, J. The Customs Union Issue / J. Viner. – New York : Carnegie Endowment for International Peace, 1950.

388. Voronin, B. A. State procurement mechanism for agricultural products in modern Russia / B. A. Voronin, I. P. Chupina, A. L. Pustuev, A. N. Semin, N. A. Potekhin, Yu. V. Lysenko, O. D. Rubaeva, T. I. Bukhtiyarova // International Journal of Advanced Biotechnology and Research. – 2017. – Vol. 8, № 4. – P. 1363−1369.

389. Voronin, B. A. WTO and Russia: economic-administrative and legal analysis of the current status and future prospects / B. A. Voronin, A. N. Mitin // British Journal for Social and Economic Research. – 2016. – Vol. 1, № 3. – P. 5−16.

390. Yang, J. Inter-National and Intra-Country Economic Integration: The Case of China / J. Yang // Issues & studies. – 2002. – Vol. 38(3).

391. Yearly trade by commodity statistics 2001-2018 – by country: imports or exports [Electronic resource]. – URL : http://www.intracen.org/itc/market-info-tools/trade-statistics/ (access date: 12.02.2019).

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Ключевые форматы интеграционных инициатив, оказывающих воздействие на агропродовольственный сектор экономики России

Интеграционная инициатива и формат ее реализации	Текущий статус	Название регионального проекта, год присоединения
Международная организация	Членство	Евразийский экономический союз (ЕАЭС), 2015
		Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), 2001
		Совет Европы, 1996
		Организация Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), 1992
		Совет государств Балтийского моря, 1992
		Содружество независимых государств (СНГ), 1991
	Полномасштабное партнерство по диалогу	Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), 1996
Зона свободной торговли в рамках членства в международной организации	Соглашение действует	Зона свободной торговли СНГ, 2012
		Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и Вьетнамом, 2016
	Соглашение подписано	Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем, 2018
		Временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли между ЕАЭС и Ираном, 2018
	Переговорный этап	Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и Республикой Кореей, 2017
		Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и Египтом, 2016
		Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и Израилем, 2016
		Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и Сербией, 2016
		Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и Сингапуром, 2016
		Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и Индией, 2015
	Предложение (консультационный этап)	Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и Камбоджей, 2017
		Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и Монголией, 2017
		Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и АСЕАН, 2016
		Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и Индонезией, 2016

Продолжение приложения А

Интеграционная инициатива и формат ее реализации	Текущий статус	Название регионального проекта, год присоединения
		Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и Таиландом, 2016
		Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и Пакистаном, 2015
		Зона свободной торговли Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), 2003
Двустороннее торговое соглашение	Соглашение действует	Соглашение о свободной торговле с Сербией, 2006
		Соглашение о свободной торговле с Грузией, 1994
		Соглашение о свободной торговле с Азербайджаном, 1993
		Соглашение о свободной торговле с Туркменистаном, 1993
	Предложение (консультационный этап)	Соглашение о двустороннем экономическом партнерстве с Республикой Кореей, 2007
		Соглашение о всестороннем экономическом сотрудничестве с Индией, 2006
Надгосударственное образование		Союзное государство России и Беларуси, 2000
Интеграционная инициатива		Один пояс – один путь, 2013
		БРИКС, 2008
		«Северное измерение», 2007
		Транс-Евразийский пояс «RAZVITIE» – Интегральная евразийская транспортная система (ТЕПР – ИЕТС), 2007
		Международный транспортный коридор «Север-Юг», 2000
Межгосударственный форум		Восточноазиатский саммит (ВАС), 2011
		Форум «Европа – Азия» (АСЕМ), 2010
		Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), 2002
		Совет Баренцева / Евроарктического региона (СБЕР), 1993
Примечание – Составлено автором по: [104].		

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Краткая информация об исполнении федерального бюджета

Показатель	Исполнение федерального бюджета, млрд р.												
	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
РАЗДЕЛ I Доходы, всего	6 278,9	7 781,1	9 275,9	7 337,8	8 305,4	11 367,7	12 855,5	13 019,9	14 496,9	13 659,2	13 460,0	15 088,9	19 454,7
Нефтегазовые доходы	2 943,5	2 897,4	4 389,4	2 984,0	3 830,7	5 641,8	6 453,2	6 534,0	7 433,8	5 862,7	4 844,0	5 971,9	9 017,8
Ненефтегазовые доходы	3 335,3	4 883,7	4 886,5	4 353,8	4 474,7	5 725,9	6 402,4	6 485,9	7 063,1	7 796,6	8 616,0	9 117,0	10 437,1
Связанные с внутренним производством	1 527,3	2 140,6	1 884,8	1 453,7	1 697,7	2 327,6	2 603,8	2 681,5	3 113,6	3 467,6	3 780,6	4 741,9	5 430,9
НДС (внутренний)	924,2	1 390,4	998,4	1 176,6	1 328,7	1 753,2	1 886,1	1 868,2	2 181,4	2 448,3	2 657,4	3 069,9	3 574,6
Акцизы	93,2	108,8	125,2	81,7	113,9	231,8	341,9	461,0	520,8	527,9	632,2	909,6	860,7
Налог на прибыль	509,9	641,3	761,1	195,4	255,0	342,6	375,8	352,2	411,3	491,4	491,0	762,4	995,5
Связанные с импортом	945,6	1 385,3	1 794,6	1 360,4	1 787,1	2 236,7	2 445,8	2 418,0	2 474,3	2 404,4	2 539,6	2 728,6	3 204,2
НДС на ввозимые товары	586,7	871,1	1 133,8	873,4	1 169,5	1 497,2	1 659,7	1 670,8	1 750,2	1 785,2	1 913,6	2 067,2	2 442,1
Акцизы на ввозимые товары	17,3	26,2	35,3	19,8	30,1	46,6	53,4	63,4	71,6	54,0	62,1	78,2	96,3
Ввозные пошлины	341,6	488,0	625,6	467,2	587,5	692,9	732,8	683,8	652,5	565,2	563,9	583,2	665,8
Прочие	862,5	1 357,9	1 207,1	1 539,7	990,0	1 161,6	1 352,7	1 386,4	1 475,2	1 924,6	2 295,8	1 646,5	1 801,9
Примечание – Составлено автором по: [158].													

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Разработанные и принятые нормативные правовые документы по направлению «Прогнозирование в АПК»

- Рекомендация Коллегии Комиссии от 29 января 2014 г. № 1 «О прогнозах спроса и предложения государств – членов Таможенного союза и Единого экономического пространства по отдельным видам сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия»;
- Рекомендация Коллегии Комиссии от 24 декабря 2014 г. № 22 «О Методологии расчета совместных прогнозов спроса и предложения государств – членов Таможенного союза и Единого экономического пространства по основным видам сельскохозяйственной продукции и продовольствия»;
- Решение Совета Комиссии от 4 февраля 2015 г. № 2 «О перечне индикативных показателей развития агропромышленного комплекса государств – членов Евразийского экономического союза»;
- Распоряжение Коллегии Комиссии от 3 марта 2015 г. № 15 «О Методологии расчета сводных прогнозов спроса и предложения государств – членов Евразийского экономического союза по основным видам сельскохозяйственной продукции и продовольствия»;
- Решение Совета Комиссии от 12 февраля 2016 г. № 15 «О номенклатуре сельскохозяйственной продукции и продукции пищевой промышленности, производимой в государствах – членах Евразийского экономического союза, в отношении которой Евразийской экономической комиссией осуществляются ценовой мониторинг и анализ конкурентоспособности»;
- Рекомендация Коллегии Комиссии от 6 сентября 2016 г. № 15 «О Методологии расчета прогнозных балансов спроса и предложения государств – членов Евразийского экономического союза по сельскохозяйственной продукции, продовольствию, льноволокну, кожевенному сырью, хлопковолокну и шерсти»;

- Распоряжение Коллегии Комиссии от 6 сентября 2016 г. № 134 «О Методологии расчета сводных прогнозных балансов спроса и предложения государств – членов Евразийского экономического союза по сельскохозяйственной продукции, продовольствию, льноволокну, кожевенному сырью, хлопковолокну и шерсти»;

- Распоряжение Евразийского межправительственного совета от 7 марта 2017 г. № 7 «О совместных прогнозах развития агропромышленного комплекса, спроса и предложения государств – членов Евразийского экономического союза по основным видам сельскохозяйственной продукции и продовольствия на 2016-2017 гг.»;

- Распоряжение Евразийского межправительственного совета от 2 февраля 2018 г. № 4 «О совместных прогнозах развития агропромышленного комплекса, балансах спроса и предложения государств – членов Евразийского экономического союза по сельскохозяйственной продукции, продовольствию, льноволокну, кожевенному сырью, хлопковолокну и шерсти на 2017-2018 гг.»;

- Распоряжение Евразийского межправительственного совета от 27 ноября 2018 г. № 22 «О совместных прогнозах развития агропромышленного комплекса, балансах спроса и предложения государств – членов Евразийского экономического союза по сельскохозяйственной продукции, продовольствию, льноволокну, кожевенному сырью, хлопковолокну и шерсти на 2018-2019 гг.».

ПРИЛОЖЕНИЕ Г

Разработанные и принятые нормативные правовые документы по направлению «Государственная поддержка сельского хозяйства»

- Решение Совета Комиссии от 18 октября 2016 г. № 163 «О методологии расчета разрешенного уровня мер государственной поддержки сельского хозяйства, оказывающих искажающее воздействие на взаимную торговлю государств – членов Евразийского экономического союза сельскохозяйственными товарами, и формах уведомлений о государственной поддержке сельского хозяйства»;

- Решение Совета Комиссии от 13 января 2017 г. № 7 «О Порядке выплаты компенсации в случае нарушения государством – членом Евразийского экономического союза обязательств в области государственной поддержки сельского хозяйства»;

- Рекомендация Коллегии Комиссии от 28 февраля 2017 г. № 6 «О Порядке организации и проведения переговоров и консультаций по спорам, связанным с реализацией согласованной (скоординированной) агропромышленной политики, включая вопросы государственной поддержки сельского хозяйства»;

- Решение Коллегии Комиссии от 21 ноября 2017 г. № 160 «О Положении о проведении мониторинга и сравнительно-правового анализа законодательства государств – членов Евразийского экономического союза в области государственной поддержки сельского хозяйства»;

- Решение Высшего Евразийского экономического совета от 26 декабря 2016 г. № 29 «Об оплате услуг специализированных групп, создаваемых Судом Евразийского экономического союза в рамках рассмотрения споров, предметом которых являются вопросы предоставления промышленных субсидий, мер государственной поддержки сельского хозяйства»;

- Решение Высшего Евразийского экономического совета от 14 мая 2018 г. № 10 «О порядке оплаты услуг экспертов специализированных групп, создаваемых Судом Евразийского экономического союза».

ПРИЛОЖЕНИЕ Д

Разработанные и принятые нормативные правовые документы по направлению «Регулирование общего аграрного рынка»

- Рекомендация Коллегии Комиссии от 25 мая 2015 г. № 11 «Об участии представителей Евразийской экономической комиссии в межгосударственных мероприятиях (консультациях) по вопросам, регулируемым международными договорами, входящими в право Евразийского экономического союза»;
- Решение Совета Комиссии от 12 февраля 2016 г. № 15 «О номенклатуре сельскохозяйственной продукции и продукции пищевой промышленности, производимой в государствах – членах Евразийского экономического союза, в отношении которой Евразийской экономической комиссией осуществляются ценовой мониторинг и анализ конкурентоспособности»;
- Рекомендация Коллегии Комиссии от 8 ноября 2016 г. № 19 «О скоординированной политике в области развития биржевой торговли сельскохозяйственными товарами в рамках Евразийского экономического союза»;
- Рекомендация Коллегии Комиссии от 24 апреля 2017 г. № 11 «О методологии оценки эффективности мер государственного регулирования агропродовольственного рынка и поддержки агропромышленного комплекса»;
- Распоряжение Коллегии Комиссии от 20 июня 2017 г. № 67 «Об утверждении Методики осуществления Евразийской экономической комиссией ценового мониторинга и анализа конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции и продукции пищевой промышленности, производимой в государствах – членах Евразийского экономического союза»;
- Рекомендация Коллегии Комиссии от 27 ноября 2017 г. № 28 «О повышении эффективности мер государственного регулирования аграрного рынка и государственной поддержки сельского хозяйства»;
- Распоряжение Коллегии Комиссии от 19 декабря 2017 г. № 194 «О проекте Соглашения о правилах выпуска (выдачи), обращения и погашения в рамках Евразийского экономического союза складских свидетельств на сельскохозяйственную продукцию».

ПРИЛОЖЕНИЕ Е

Разработанные и принятые нормативные правовые документы по направлению «Единые требования в сфере производства и обращения продукции»

- Рекомендация Коллегия Комиссии от 19 мая 2015 г. № 10 «О гармонизации национальных программ и ветеринарно-санитарных правил по контролю, профилактике и борьбе с сальмонеллезом птицы государств – членов Евразийского экономического союза с международными актами»;
- Распоряжение Совета Комиссии от 23 июня 2017 г. № 24 «О проекте Соглашения о мерах, направленных на унификацию проведения селекционно-племенной работы с сельскохозяйственными животными в рамках Евразийского экономического союза»;
- Соглашение об обращении семян сельскохозяйственных растений в рамках ЕАЭС от 7 ноября 2017 г.;
- Решение Коллегии Комиссии от 31 января 2018 г. № 18 «О перечне документов, содержащих сведения о сортовых и посевных (посадочных) качествах семян сельскохозяйственных растений, взаимно признаваемых государствами – членами Евразийского экономического союза при обращении семян сельскохозяйственных растений в рамках Евразийского экономического союза»;
- Решение Коллегии Комиссии от 13 февраля 2018 г. № 26 «О Порядке формирования и ведения единого реестра сортов сельскохозяйственных растений»;
- Решение Совета Комиссии от 18 апреля 2018 г. № 40 «О перечне единых методов определения посевных (посадочных) качеств семян сельскохозяйственных растений, применяемых государствами – членами Евразийского экономического союза при обращении семян сельскохозяйственных растений в рамках Евразийского экономического союза;
- Решение Коллегии Комиссии от 22 мая 2018 г. № 85 «О технологических документах, регламентирующих информационное взаимодействие при реализации средствами интегрированной информационной системы внешней и взаимной торговли общего процесса «Формирование, ведение и использование единого реестра сортов сельскохозяйственных растений».

ПРИЛОЖЕНИЕ Ж

Разработанные и принятые нормативные правовые документы по направлению «Развитие экспорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия»

- Рекомендация Коллегии Комиссии от 22 декабря 2015 г. № 28 «О координации сбытовой и маркетинговой политики в отношении экспорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия государств – членов Евразийского экономического союза»;

- Рекомендация Коллегии Комиссии от 13 декабря 2016 г. № 30 «О согласованных (скоординированных) действиях государств – членов Евразийского экономического союза в области развития экспортного потенциала сельскохозяйственной продукции и продовольствия»;

- Рекомендация Коллегии Комиссии от 14 ноября 2017 г. № 25 «О формировании подходов к согласованной экспортной политике государств – членов Евразийского экономического союза в отношении сельскохозяйственной продукции и продовольствия»;

- Рекомендация Коллегии Комиссии от 18 сентября 2018 г. № 19 «О перечне международных сельскохозяйственных выставочно-ярмарочных мероприятий на 2019-2020 гг.».

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Разработанные и принятые нормативные правовые документы по направлению «Научное и инновационное развитие АПК»

- Рекомендация Коллегии Комиссии от 8 июля 2015 г. № 14 «О перечне перспективных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (далее – НИОКР) в сфере агропромышленного комплекса государств – членов Евразийского экономического союза до 2020 г.»;
- Рекомендация Коллегии Комиссии от 13 декабря 2016 г. № 25 «О координации совместной научной и инновационной деятельности государств – членов Евразийского экономического союза в сфере агропромышленного комплекса»;
- Решение Евразийского межправительственного совета от 26 мая 2017 г. № 1 «О Порядке организации совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в сфере агропромышленного комплекса государств – членов Евразийского экономического союза».

ПРИЛОЖЕНИЕ К

Разработанные и принятые нормативные правовые документы по направлению «Интегрированное информационное обеспечение АПК»

- Решение Коллегии Комиссии от 31 января 2017 г. № 18 «О требованиях к подсистеме агропромышленного комплекса государств-членов Евразийского экономического союза в рамках интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза и правилах взаимодействия по ее формированию»;

- Распоряжение Коллегии Комиссии от 26 декабря 2017 г. № 203 «О введении в эксплуатацию подсистемы агропромышленного комплекса государств – членов Евразийского экономического союза в рамках интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза».

ПРИЛОЖЕНИЕ Л

География импорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья для их производства

Вид товара	Январь – декабрь 2015 г.		Январь – декабрь 2016 г.		Январь – декабрь 2017 г.		Январь – декабрь 2018 г.	
	млн долл. США	% к итогу	млн долл. США	% к итогу	млн долл. США	% к итогу	млн долл. США	% к итогу
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного) для их производства, всего	26 457	100,0	24 902	100,0	28 819	100,0	29 632	100,0
В том числе страны дальнего зарубежья	22 175	83,8	20 407	81,9	23 318	80,9	23 783	80,3
Страны ЕС	5 684	21,5	5 632	22,6	6 735	23,4	7 276	24,6
Аргентина	742	2,8	616	2,5	579	2,0	786	2,7
Бразилия	2 554	9,7	2189	8,8	2 477	8,6	1 355	4,6
Египет	361	1,4	288	1,2	403	1,4	421	1,4
Израиль	307	1,2	268	1,1	297	1,0	275	0,9
Иран	204	0,8	233	0,9	273	0,9	395	1,3
Исландия	96	0,4	7	0,0	7	0,0	15	0,1
Китай	1 541	5,8	1 621	6,5	1 769	6,1	1 899	6,4
Марокко	343	1,3	402	1,6	388	1,3	350	1,2
Пакистан	131	0,5	105	0,4	66,6	0,2	89	0,3
Парагвай	857	3,2	697	2,8	625	2,2	871	2,9
Сербия	311	1,2	343	1,4	404	1,4	373	1,3
Турция	1 380	5,2	625	2,5	1 057	3,7	1 133	3,8
Фарерские острова (Дания)	277	1,0	280	1,1	370	1,3	336	1,1
Чили	634	2,4	546	2,2	633	2,2	856	2,9
Эквадор	1 145	4,3	1 211	4,9	1 299	4,5	1 289	4,3
ЮАР	239	0,9	200	0,8	263	0,9	286	1,0
Государства – участники СНГ	4 282	16,2	4 496	18,1	5 500	19,1	5 848	19,7
Азербайджан	270	1,0	324	1,3	449	1,6	526	1,8
Беларусь	3 148	11,9	3 236	13,0	3 892	13,5	4 047	13,7
Украина	336	1,3	134	0,5	168	0,6	136	0,5

Примечание – Составлено автором по данным ФТС России и материалам Росстата с учетом взаимной торговли с государствами – членами ЕАЭС.

ПРИЛОЖЕНИЕ М

Импорт сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия

Наименование	ТН ВЭД ЕАЭС	Январь – декабрь 2015 г.		Январь – декабрь 2016 г.		Январь – декабрь 2017 г.		Январь – декабрь 2018 г.	
		тыс. т	% к январю – декабрю 2014 г.	тыс. т	% к январю – декабрю 2015 г.	тыс. т	% к январю – декабрю 2016 г.	тыс. т	% к январю – декабрю 2017 г.
Мясо крупного рогатого скота, свежее или охлажденное	0201	102,9	101,3	92,0	87,8	91,9	98,0	100,5	106,9
Мясо крупного рогатого скота, замороженное	0202	332,5	62,5	271,8	81,5	266,8	97,8	244,4	91,3
Свинина свежая, охлажденная или замороженная	0203	304,5	81,8	258,7	85,0	281,2	108,7	61,3	21,8
Мясо и пищевые субпродукты домашней птицы, указанной в товарной позиции 0105, свежие, охлажденные или замороженные	0207	253,4	55,8	223,7	87,7	227,4	101,1	221,7	96,8
Мясо соленое, в рассоле, сушеное или копченое	0210	0,4	99,5	0,9	в 2,3 р.	1,0	121,6	1,3	122,1
Живая рыба (за исключением мальков лосося атлантического (*Salmo salar*), форели (*Salmo trutta*, *Oncorhynchus mykiss*)	0301	0,5	63,2	0,2	40,6	0,6	в 3,2 р.	0,8	135,0
Рыба и ракообразные, моллюски и прочие водные беспозвоночные (за исключением молоди (спата) устриц и мидий)	0302, 0303, 0304, 0305, 0306, 0307, 0308	470,5	62,0	438,4	93,1	514,4	117,1	491,2	95,3

Продолжение приложения М

Наименование	ТН ВЭД ЕАЭС	Январь – декабрь 2015 г.		Январь – декабрь 2016 г.		Январь – декабрь 2017 г.		Январь – декабрь 2018 г.	
		тыс. т	% к январю – декабрю 2014 г.	тыс. т	% к январю – декабрю 2015 г.	тыс. т	% к январю – декабрю 2016 г.	тыс. т	% к январю – декабрю 2017 г.
Молоко и молочная продукция (за исключением специализированного безлактозного молока и специализированной безлактозной молочной продукции для диетического лечебного питания и диетического профилактического питания)	0401, 0402, 0403, 0404, 0405, 0406	931,7	80,0	1002,6	104,0	1111,4	107,0	953,2	84,2
Гвоздики свежие	060312	…	…	3,8	60,0	…	…	…	…
Овощи, съедобные корнеплоды и клубнеплоды (за исключением картофеля семенного, лука-севка, кукурузы сахарной гибридной для посева, гороха для посева)	0701 (за искл. 0701100000), 070200000, 0703 (за искл. 0703101100), 0704, 0705, 0706, 070700, 0708, 0709, 0710, 0711, 0712 (за искл. 0712901100), 0713 (за искл. 0713101000), 0714	2529,2	75,9	1764,3	69,2	2422,5	137,3	2408,6	98,9
Фрукты и орехи	0801, 0802, 0803, 0804, 0805, 0806, 0807, 0808, 0809, 0810, 0811, 0813	5068,8	89,2	4868,5	95,4	5598,1	114,6	5901,1	105,1

Продолжение приложения М

Наименование	ТН ВЭД ЕАЭС	Январь – декабрь 2015 г.		Январь – декабрь 2016 г.		Январь – декабрь 2017 г.		Январь – декабрь 2018 г.	
		тыс. т	% к январю – декабрю 2014 г.	тыс. т	% к январю – декабрю 2015 г.	тыс. т	% к январю – декабрю 2016 г.	тыс. т	% к январю – декабрю 2017 г.
Колбасы и аналогичные продукты из мяса, мясных субпродуктов или крови; готовые пищевые продукты, изготовленные на их основе	160100	28,5	56,4	36,0	124,2	38,1	103,8	34,5	89,6
Жевательная резинка, покрытая или не покрытая сахаром	170410	…	…	1,0	66,7	…	…	…	…
Пищевые или готовые продукты (за исключением биологически активных добавок; витаминно-минеральных комплексов; вкусоароматических добавок; концентратов белков (животного и растительного происхождения) и их смесей; пищевых волокон; пищевых добавок (в том числе комплексных)	1901901100, 1901909100, 2106909200, 2106909804, 2106909805, 2106909809	130,5	63,3	156,9	119,8	216,5	136,6	176,8	79,8
Пищевые или готовые продукты, изготовленные по технологиям производства сыра и содержащие 1,5 мас.% или более молочного жира	1901909900	47,1	79,7	29,5	62,7	29,9	101,1	42,6	140,4
Соль (включая соль столовую и денатурированную) и хлорид натрия чистый, вода морская	250100	…	…	1802,8	102,4	1572,8	87,1	1436,4	90,8

Примечание – Составлено автором по данным ФТС России и материалам Росстата с учетом взаимной торговли с государствами – членами ЕАЭС.

Таблица составлена по перечню товаров, запрещенных к ввозу на территорию Российской Федерации из стран ЕС, США, Канады, Австралии, Норвегии, Украины, Республики Албания, Черногории, Республики Исландия, Княжества Лихтенштейн, Турецкой Республики (см.: постановление Правительства РФ от 7 августа 2014 г. № 778 (в ред. от 13 августа 2015 г. № 842), постановление Правительства РФ от 30 ноября 2015 г. № 1296).

ПРИЛОЖЕНИЕ Н

Производство основных видов импортозамещающих пищевых продуктов в Российской Федерации

Вид продукции[1]	Объем производства, тыс. т						
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Мясо крупного рогатого скота парное, остывшее, охлажденное	220,0	190,0	178,0	199,0	185,0	203,0	195,0
Мясо крупного рогатого скота подмороженное, замороженное, глубокой заморозки и размороженное	43,0	38,6	36,0	41,6	43,2	51,7	49,9
Свинина парная, остывшая, охлажденная	755,0	815,0	942,0	1 232,0	1 438,0	1 655,0	1 947,0
Свинина подмороженная, замороженная, глубокой заморозки и размороженная	57,6	61,6	58,5	67,5	97,1	108,0	94,8
Мясо и субпродукты пищевые домашней птицы	2 774,0	3 028,0	3 405,0	3 610,0	3 979,0	4 340,0	4 464,0
В том числе:							
мясо парное, остывшее, охлажденное и субпродукты пищевые домашней птицы	1 669,0	1 777,0	2 097,0	2 230,0	2 456,0	2 715,0	2 866,0
мясо подмороженное, замороженное, глубокой заморозки и размороженное и субпродукты пищевые домашней птицы	1 061,0	1 240,0	1 293,0	1 368,0	1 508,0	1 604,0	1 575,0
Изделия колбасные	2 439,0	2 486,0	2 533,0	2 502,0	2 475,0	2 445,0	2 436,0
Рыба живая, свежая или охлажденная	1 151,0	1 395,0	1 399,0	1 461,0	1 168,0	1 176,0	1 341,0
Ракообразные немороженые; устрицы; водные беспозвоночные прочие, живые, свежие или охлажденные	39,8	42,8	44,5	52,7	55,5	67,9	63,6
Филе рыбное, мясо рыбы прочее, печень, икра и молоки рыбы свежие или охлажденные	16,7	16,1	16,1	18,6	21,1	18,8	20,7
Рыба (кроме сельди) мороженая, печень, икра и молоки рыбы мороженые	2 292,0	2 356,0	2 337,0	2 434,0	2 347,0	2 502,0	2 606,0
Филе рыбное мороженое	71,7	86,2	94,3	108,0	110,0	123,0	141,0
Сельдь всех видов обработки	456,0	470,0	515,0	496,0	475,0	461,0	469,0
в том числе мороженая	377,0	392,0	440,0	426,0	401,0	395	401,0
Рыба (кроме сельди) соленая	33,6	33,8	42,7	46,1	39,2	33,0	30,0
Рыба (кроме сельди) копченая	57,1	59,4	61,4	63,7	61,2	57,2	53,0
Рыба сушеная и вяленая	16,5	16,4	16,2	17,7	16,9	16,1	17,3
Изделия балычные	3,3	3,5	3,7	4,2	4,0	3,2	3,3
Морепродукты пищевые	84,2	88,3	97,7	104,0	120,0	97,8	122,0
Плодоовощная продукция замороженная	24,5	38,4	40,2	45,3	45,8	55,4	71,7
Плодоовощные консервы, млн усл. банок	6 729,0	7 011,0	7 473,0	7 635,0	7 861,0	7 248,0	6 920,0

Продолжение приложения Н

Вид продукции[1]	Объем производства, тыс. т						
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Фрукты, ягоды и орехи сушеные	3,5	3,8	4,1	10,1	12,0	12,2	11,0
Цельномолочная продукция (в пересчете на молоко), млн т	10,9	10,7	11,3	11,5	11,5	11,7	11,9
Молоко жидкое обработанное	4 944,0	4 926,0	5 267,0	5 386,0	5 349,0	5 449,0	5 569,0
Сливки	80,6	83,4	95,2	103,0	115,0	121,0	125,0
Творог	377,0	383,0	396,0	371,0	387,0	416,0	410,0
Масло сливочное	210,0	217,0	214,0	225,0	250,0	256,0	251,0
Сыры и продукты сырные	437,0	432,0	451,0	435,0	499,0	589,0	605,0
Продукты молочные сгущенные, млн усл. банок	883,0	855,0	873,0	860,0	833,0	828,0	854,0
Продукты кисломолочные, кроме сметаны и творога	2 388,0	2 318,0	2 430,0	2 521,0	2 520,0	2 445,0	2 492,0

Примечание – Составлено автором по данным ФТС России и материалам Росстата.

[1] В соответствии с Общероссийским классификатором продукции по видам экономической деятельности ОК 034-2007 (ОКПД).

ПРИЛОЖЕНИЕ П

Производство основных видов импортозамещающих пищевых продуктов в Российской Федерации

Вид продукции[1]	2017 г., тыс. т	Январь – декабрь 2018 г.[2]		Январь – март 2019 г.	
		тыс. т	% к аналогичному периоду 2017 г.	тыс. т	% к аналогичному периоду 2018 г.
Мясо крупного рогатого скота (говядина и телятина) парное, остывшее или охлажденное, в том числе для детского питания	205,0	226,0	111,7	52,3	106,1
Мясо крупного рогатого скота (говядина и телятина) замороженное, в том числе для детского питания	56,5	64,5	114,4	12,2	94,3
Свинина парная, остывшая или охлажденная, в том числе для детского питания	2 158,0	2 427,0	112,4	597,0	111,2
Свинина замороженная, в том числе для детского питания	232,0	257,0	110,7	65,2	103,2
Мясо и субпродукты пищевые домашней птицы	4 839,0	4 795,0	99,5	1 150,0	93,8
В том числе:					
мясо птицы охлажденное, в том числе для детского питания	3 014,0	2 991,0	99,2	751,0	101,5
мясо сельскохозяйственной птицы замороженное, в том числе для детского питания	1 303,0	1 278,0	97,7	268,0	75,0
Изделия колбасные, включая изделия колбасные для детского питания	2 255,0	2 276,0	101,0	513,0	99,5
Рыба морская живая, не являющаяся продукцией рыбоводства	112,0	157,0	142,4	24,5	110,2
Рыба морская свежая или охлажденная, не являющаяся продукцией рыбоводства	855,0	817,0	95,7	250,0	92,2
Ракообразные немороженые, не являющиеся продукцией рыбоводства	45,9	47,3	106,5	5,9	43,7
Филе рыбное, мясо рыбы прочее (включая фарш) свежее или охлажденное	18,1	17,8	88,4	3,8	71,9
Рыба мороженая	3 057,0	2 994,0	98,2	756,0	94,6
Филе рыбное мороженое	145,0	157,0	107,8	52,2	92,0
Рыба вяленая, соленая и несоленая или в рассоле	106,0	106,0	99,8	25,9	103,8
Рыба, включая филе, копченая	58,4	60,7	103,8	15,3	115,9
Ракообразные мороженые	69,9	70,3	102,9	13,5	109,4
Овощи (кроме картофеля) и грибы замороженные	62,6	66,1	108,7	18,3	129,4

Продолжение приложения П

Вид продукции[1]	2017 г., тыс. т	Январь – декабрь 2018 г.[2]		Январь – март 2019 г.	
		тыс. т	% к аналогичному периоду 2017 г.	тыс. т	% к аналогичному периоду 2018 г.
Овощи (кроме картофеля) и грибы, консервированные для кратковременного хранения	34,5	36,7	103,4	8,4	95,9
Фрукты, ягоды и орехи, свежие или предварительно подвергнутые тепловой обработке, замороженные	15,6	17,6	102,7	3,8	в 2,1 р.
Молоко жидкое обработанное, включая молоко для детского питания	5 390,0	5 568,0	103,4	1 363,0	98,2
Сливки	133,0	149,0	112,2	38,8	110,5
Творог	486,0	499,0	102,7	118,0	92,1
Масло сливочное	270,0	258,0	95,3	54,9	89,1
Сыры	464,0	473,0	102,4	116,0	110,5
Продукты молочные сгущенные, млн усл. банок	838,0	810,0	96,7	175,0	93,5
Продукты кисломолочные (кроме творога и продуктов из творога)	2 905,0	2 825,0	97,3	694,0	98,3

Примечание – Составлено автором по данным ФТС России и материалам Росстата.
[1] В соответствии с Общероссийским классификатором продукции по видам экономической деятельности ОК 034-2014 (ОКПД2).
[2] Данные предварительные.